РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. ЯНВАРЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Русскій философъ Д. М. Велланскій.** Акад. К. С. Веселовскаго..... 6— 19
II. **Опека надъ произведеніями Пушкина.** В. А. Вильбасова ..... 21— 25
III. **Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.).** Н. К. Шильдера..... 27— 46
IV. **Изъ записокъ Д. П. Рунича.** Перев. В. В. Тимощукъ. 47— 77
V. **М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь. (1832—1852 гг.).** А. И. Кирпичникова . 79— 96
VI. **Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ.** (Матеріалы для его біографіи). Сообщ. Н. Д. 97—101
VII. **Записки генерала В. И. Левенштерна** ..... 103—128
VIII. **Мало извѣстное изданіе на русск. языкѣ 1782 г.** Привѣтствіе въ Пармѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Ив. Щукина..... 129—131
IX. **Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг.** Ив. Кубасова..... 133—145
X. **Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 годахъ.** М. Н. Галкина-Враского. 147—196
XI. **Изъ смутнаго времени.** (Мало или вовсе неизвѣстные источники) П. Пирлинга..... 197—208
XII. **Владиміръ Алексѣев. Корниловъ.** (Переписка его съ Ѳ. П. и А. А. Корниловыми). Сообщ. И. П. Корниловъ. 209—216
XIII. **Меттерниха и его внѣшняя политика.** А. П. Рѣдкина..... 217—236
XIV. **Судьба Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго.** Н. И. Соловьева.... 237—243
XV. **Изъ писемъ И. И. Теребенева къ А. Х. Востокову.** Сообщ. В. И. Срезневскій. 245—256
XVI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Взглядъ имп. Николая I на отпускъ государствен. средствъ на образованіе. Сообщ. проф. Дм. Цвѣтаевъ (стр. 20).— Записка велик. кн. Константина Павловича — ген.-маіору Потапову о раскольникахъ и сумскихъ гусарахъ. 4-го янв. 1815 г. (26).—Высочайшее повелѣніе министру финансовъ о невзысканіи съ гр. Милорадовича процентовъ и пени. 8-го іюля 1820 г. (78). — Журналъ комитета министровъ о гербѣ ген.-фельдмаршала князя Варклая-де-Толли. 16-го января 1817 г. (102).— Наводненіе въ Тобольскѣ въ 1784 г. (132).—Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной. Сообщ. С. В. Якимова (146).—Къ біографіи В. Н. Каразина. Собственноручное прошеніе статск. совѣтн. Василія Каразина въ Спб. цензуру. 29-го окт. 1819 г. (244).
XVII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Владиміра Ивановича Левенштерна**. Грав. И. И. Хелмицкій.
2) Факсимиле **Александра Ефимовича Измайлова**. Грав. И. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1901 г.

Библіографическій листокъ.

Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы. (1848 — 1893). Біографіи, характеристики и критико - библіографическія замѣтки. Изданы подъ редакціею проф. К. Я. Грота. Спб. 1901.

Въ третій томъ „Трудовъ Я. К. Грота“ вошли извлеченные изъ журналовъ и академическихъ изданій изслѣдованія, очерки и замѣтки его по исторіи русской литературы, за исключеніемъ самыхъ большихъ и капитальныхъ работъ его въ этой области—по изданію и объясненію Державина, составляющихъ совершенно особое цѣлое.

Такимъ образомъ въ этомъ томѣ читатель найдетъ статьи покойнаго академика о Ломоносовѣ, Фонвизинѣ, Хемницерѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ, Плетневѣ, кн. П. А. Вяземскомъ, Востоковѣ, Д. Н. Блудовѣ, Козловѣ, Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Никитинѣ, Далѣ, Пекарскомъ, И. И. Срезневскомъ, Самборскомъ и др.

Кромѣ того, проф. К. Я. Гротъ помѣстилъ здѣсь и статьи своего отца объ Академіи Наукъ и Второмъ ея отдѣленіи, въ виду той тѣсной и живой связи, какая существовала между Академіею Наукъ, ея жизнью и исторіей и судьбами русскаго просвѣщенія и русской литературы.

Особый большой отдѣлъ, съ отдѣльной пагинаціей, составляютъ статьи покойнаго Я. К. Грота объ А. С. Пушкинѣ, которыя онъ, еще при жизни, объединилъ подъ заглавіемъ: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“.

Уже по этому перечню можно судить, насколько богатъ содержаніемъ третій томъ „Трудовъ Я. К. Грота“, въ которомъ всякій интересующійся исторіей русской литературы найдетъ множество въ высшей степени цѣнныхъ указаній по данному вопросу.

Можно смѣло сказать, что и третій томъ, подобно двумъ первымъ, будетъ имѣть самое широкое распространеніе среди интересующихся судьбами нашей литературы.

Н. К-ш-ъ.

Открытіе Китая и другія статьи академика В. П. Васильева. Съ портретомъ автора. Изданіе журнала „Вѣстникъ всемірной исторіи“. Спб., 1900 г.

„Китайскій вопросъ неожиданно выдвинулся на очередь и, облекшись въ плоть и кровь, волнуетъ не однихъ присяжныхъ дипломатовъ, но даже и людей, ничего общаго съ внѣшней политикою не имѣющихъ“, говорится въ предисловіи къ разсматриваемому нами сборнику.

Громадный спросъ на „китайскую“ литературу удовлетворяется либо скудными запасами залежавшагося въ книжныхъ складахъ матеріала, либо откровенно смѣлыми статьями нашихъ экзотическихъ публицистовъ, рисующихъ заманчивую „картину нашего кореннаго единства и послѣдовательнаго сліянія съ Востокомъ“ и произвольно предрѣшающихъ исторію желтой расы, ея будущность и ту роль, которая ей готовится въ общемъ ходѣ человѣческой культуры. Эти попытки двинуть насъ въ Азію на поиски истинныхъ, отъ вѣка уготованныхъ задачъ, эти тенденціозныя, насильственныя параллели русскаго съ китайскимъ - вносятъ еще бблышую путаницу въ безъ того неясныя представленія наши о восточныхъ дѣлахъ.

Дѣйствительно, мы такъ мало знакомы съ тѣмъ народомъ, который внезапно сталъ центромъ общаго вниманія, съ его вѣрованіями, государственнымъ строемъ, съ его духомъ, стремленіями и завѣтами, что внутренній смыслъ совершающихся на нашихъ глазахъ событій, затемняемый къ тому же ложными тенденціями, окончательно ускользаетъ отъ читателя, и онъ по-прежнему не знаетъ ничего или очень мало о Китаѣ и по-прежнему повторяетъ съ чужаго голоса общія мѣста о китайской отсталости, схоластикѣ и варварствѣ, и безъ руководящихъ указаній не можетъ разобраться въ перипетіяхъ смуты, царящей на Дальнемъ Востокѣ.

Спеціально по Китаю мы не богаты популярными трудами, отвѣчающими всѣмъ запросамъ современнаго читателя, но среди тѣхъ, которые имѣются на лицо,—работы покойнаго академика В. П. Васильева, извѣстнаго синолога, вошедшія въ разсматриваемый нами сборникъ, занимаютъ, безусловно, первенствующее мѣсто.

Въ разсматриваемую нами книгу вошли слѣдующія статьи В. П. Васильева: Открытіе Китая, Воспоминанія о Китаѣ, Русско-китайскіе трактаты, Магометанство въ Китаѣ и Китайскій прогрессъ; имъ предпослана статья „Памяти Василія Павловича Васильева“, въ которой сообщаются свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности, съ подробнымъ перечисленіемъ его трудовъ. Статьи эти въ разное время, отъ 1859 по 1883 г., были уже напечатаны въ

РУССКАЯ СТАРИНА

рис. К. Брожъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1901.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 12 ДЕКАБРЯ 1900. Г.

ТИП. ТОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА". В. ПОДЪЯЧ., 39.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. СПБ. 12 декабря 1900 г.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВЕНШТЕРНЪ.

1777—1858.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1901.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

25132.
19

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1901.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна **9** рублей. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, Большая Подъяческая, № 39.

Пересылка по стоимости.

Русскій философъ Д. М. Велланскій.

Замѣчательнымъ явленіемъ въ умственной жизни Германіи, въ концѣ XVIII столѣтія, было необыкновенное увлеченіе Шеллингомъ и его натуръ-философіей, которая, благодаря вліянію Гете, получила тогда распространеніе почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ и въ печати, и несмотря на оппозицію со стороны неувлекавшихся ею мыслителей, удерживала свое господство въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Германіи въ теченіе почти четверти столѣтія. Въ эту именно пору судьба привела сюда одного очень даровитаго русскаго человѣка, жаждавшаго напиться у обильнаго источника современной науки, но пришедшаго, къ сожалѣнію, безъ предварительнаго приготовленія къ тому серіознымъ ученіемъ, которое могло бы предохранить его отъ увлеченія призрачными видѣніями. Я говорю о русскомъ натуръ-философѣ Даніилѣ Михайловичѣ Велланскомъ. Природная даровитость этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка доказывается всею его жизнью, такъ симпатично очерченною въ воспоминаніяхъ его друга, Николая Розанова [1]).

Родомъ малороссъ, сынъ бѣднаго борзненскаго ремесленника, кожевника Михаила Ковунника,—Данило Ковунникъ, прославившійся впослѣдствіи подъ именемъ Велланскаго, рано познакомился съ нуждой [2]). Преждевременная смерть его отца оставила его еще въ нѣжномъ

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1867 г., ноябрь, стр. 99—137.

[2]) Онъ родился 11-го декабря 1774 года, какъ свидѣтельствуетъ г. Розановъ, на основаніи собственноручной, видѣнной имъ, записки самого Велланскаго.

отроческомъ возрастѣ на попеченіи матери, бѣдной женщины, скудно содержавшей себя и своихъ дѣтей тѣмъ, что пекла бублики и продавала на базарѣ. Данило чувствовалъ всю тягость жизни матери и искалъ средствъ какъ бы самому заработывать что-нибудь и помогать семейству. Научившись кое-какъ грамотѣ у дьячка, онъ попытался получить мѣсто фельдшера при борзненскомъ уѣздномъ лѣкарѣ, но къ своему крайнему огорченію узналъ, что для этой должности требуется знаніе латыни, для того, чтобы разбирать рецепты. Добрый лѣкарь сжалился надъ бѣднымъ мальчикомъ и помогъ ему въ этомъ случаѣ,—по его рекомендаціи онъ получилъ возможность учиться латинскому языку у студента, занимавшагося обученіемъ дѣтей у сосѣдняго помѣщика. Не долѣе, какъ черезъ годъ, Данило явился къ лѣкарю съ прошеніемъ на латинскомъ языкѣ—о принятіи его фельдшеромъ. Такая быстрота успѣховъ возбудила подозрѣніе врача, но когда Данило доказалъ ему, что самъ сочинилъ и написалъ прошеніе, то Костенецкій, такъ звали врача, видя въ этомъ знакъ особой даровитости хлопца, сказалъ ему, что онъ со временемъ можетъ быть и лучше фельдшера, и посовѣтовалъ ему ѣхать учиться въ Кіевской Духовной Академіи. Совѣтъ понравился. Добравшись кое-какъ до Кіева, Ковунникъ на пятнадцатомъ году поступилъ въ Академію и жадно усвоилъ себѣ все, что удовлетворяло его любознательность въ лекціяхъ профессоровъ и въ чтеніи книгъ, которыхъ онъ къ восемнадцати годамъ своей жизни успѣлъ перечитать всѣ, какія только можно было тогда имѣть въ Академіи. Ученіе просвѣтило его мысли, и прозвище «Ковунникъ», служившее предметомъ насмѣшекъ его товарищей, уже было ему не по нраву, такъ что онъ собственною властію вмѣсто него принялъ вымышленную фамилію Велланскаго. Отнынѣ это новый человѣкъ—homo novus; къ нему вдвойнѣ приложимо сохраненное историками изреченіе Тиверія объ одномъ римскомъ консулѣ, скрывавшемъ свое плебейское происхожденіе: «Curtius Rufus videtur mihi ex se natus» [1]).

Жажда любознательности, разъ пробудившаяся, повела Велланскаго и далѣе. Когда въ послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II, по требованію правительства, отправлялись въ Петербургъ изъ Кіевской Духовной Академіи пять лучшихъ, кончившихъ въ ней курсъ академистовъ для посылки за границу, съ цѣлью изученія медицины, то въ числѣ ихъ, по собственному желанію, былъ отправленъ Велланскій. По вступленіи на престолъ императора Павла I, посылка заграницу была отложена, и Велланскій поступилъ въ 1796 г. въ Медицинскую школу при второмъ сухопутномъ госпиталѣ, которая потомъ была преобразована въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію.

[1]) Tac. Ann. XI, 21.—«Курцій Руфъ мнѣ кажется самъ себя родилъ».

Здѣсь онъ получилъ степень кандидата хирургіи въ 1801 г. и оставленъ репетиторомъ патологіи при Академіи, а въ 1802 г. назначенъ лѣкаремъ и наконецъ отправленъ заграницу. Въ чужихъ краяхъ онъ, по обязанности, занимался медицинскими и естественными науками, но подъ вліяніемъ направленія, какое приняли его мысли въ Кіевской Академіи, съ особою любовью предался философіи. Шеллингъ, стоявшій въ то время въ апогеѣ своей славы и увлекавшій нѣмцевъ своею системою натуръ-философіи, всецѣло завладѣлъ умомъ Велланскаго, онъ его совершенно загипнотизировалъ: на всю вселенную, на всѣ явленія природы Велланскій сталъ смотрѣть сквозь призму шеллингизма. До чего дошло его заполоненіе идеями нѣмецкаго философа, видно изъ первой же книги, изданной имъ въ 1805 г., тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы: «Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ»; въ ней онъ, негодуя на непризнающихъ новой философіи, слѣдующимъ образомъ громитъ ихъ: «Уже довольно протекло времени, какъ Шеллингово огненное перо начало жечь бренныя селенія дряхлой учености, и въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара. Прибѣгающіе сюда иноплеменники, съ обгорѣлыми остатками своихъ пожитковъ, стараются, какъ можно, утвердить здѣсь свою безопасность. Они разсѣиваютъ нелѣпые слухи о новой счастливой реформѣ, и принятые для просвѣщенія, проповѣдуютъ блаженное незнаніе».

Какъ увлеченіе Шеллингомъ отразилось на занятіяхъ Велланскаго за границею по изученію медицины и естественныхъ наукъ, такъ отразилось оно потомъ и на службѣ его въ Медицинской Академіи. По возвращеніи его въ 1805 году изъ чужихъ краевъ, ему надлежало занять въ Академіи каѳедру. «Онъ пожелалъ»,—сообщаетъ г. Розановъ,—получить для профессуры каѳедру философіи. Но такой каѳедры нѣтъ въ Академіи, и его назначили адъюнктомъ по каѳедрѣ ботаники и фармакологіи къ профессору Рудольфу [1]). Написалъ онъ, какъ водится, докторскую диссертацію, по-латыни: «О реформѣ медицинской и физической теорій». Диссертація напечатана, оглашена; назначено время диспута въ конференціи Академіи. Наступаетъ день, профессоры собираются, но возражать на диссертацію, никто не явился. Назначаютъ вторично срокъ для диспута, и онъ прошелъ, какъ первый; оспаривать диспутанта никто не выступалъ. Въ третій разъ назначенъ диспутъ, и тоже не нашлось желающихъ оппонировать! Конференція представила обо всемъ этомъ начальству. Велланскій отъ себя вошелъ

---

[1]) Рудольфъ (Іоганнъ-Фридрихъ) былъ съ 15-го февраля 1804 г. ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по ботаникѣ и умеръ 19-го августа 1809 г.

съ прошеніемъ, ходатайствуя о предоставленіи ему каѳедры въ Академіи. Такъ какъ диссертація прошла безъ возраженій, то конференція получила разрѣшеніе допустить Велланскаго къ чтенію лекцій и вмѣстѣ съ тѣмъ ему дана (1807 г.) степень доктора медицины и хирургіи».

Послѣ такой курьезной, необыкновенной докторской промоціи, становятся понятны дальнѣйшія перипетіи въ ученой карьерѣ Велланскаго. Когда вскорѣ затѣмъ, въ 1809 г., умеръ профессоръ Рудольфъ, по каѳедрѣ котораго онъ былъ адъюнктомъ и слѣдовательно долженъ былъ бы занять его профессорское мѣсто, это мѣсто было предоставлено другому— Язону Васильевичу Петрову, бывшему дотолѣ адъюнктомъ анатоміи и физіологіи, а Велланскій назначенъ адъюнктомъ къ профессору П. А. Загорскому, по каѳедрѣ анатоміи и физіологіи, что̀ очень огорчило Велланскаго, который анатоміи не любилъ и никогда ею практически не занимался, а физіологію при Загорскомъ его обязали читать не по своему вкусу, а по учебнику вѣнскаго профессора Прохаска.

По свидѣтельству современниковъ лекціи Велланскаго производили на умы его молодыхъ слушателей сильное впечатлѣніе. Г. Розановъ, слушавшій его въ 1828 и 1829 годахъ, находилъ преподаваніе его особенно интереснымъ и увлекательнымъ. Профессоръ Я. А. Чистовичъ [1]) говоритъ, что ученики «смотрѣли на лекціи Велланскаго, какъ на какое-то откровеніе, и восхищались ими до самозабвенія. Курсъ его былъ, можно сказать, безпрерывнымъ экстазомъ, о которомъ бывшіе ученики его не могли вспомнить безъ восторга даже черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ изъ Академіи».

Въ этомъ случаѣ главную роль конечно играла самая личность лектора, который, по выраженію Розанова, былъ «весь огонь и пламень». Живая рѣчь, дѣйствующая всегда сильнѣе, чѣмъ чтеніе, соединялась у Велланскаго съ замѣчательнымъ даромъ слова и служила вдохновеннымъ выраженіемъ его глубокаго убѣжденія, его, можно сказать, горячей вѣры въ высокое значеніе шеллингова ученія о природѣ. Дѣйствіе такой рѣчи на умы молодые, еще не окрѣпшіе въ самостоятельномъ мышленіи, еще недостаточно вкусившіе отъ древа положительной науки, понятно. Но совершенно иное дѣйствіе должно было оказывать ученіе Велланскаго на ученыхъ, посѣдѣлыхъ въ трудной работѣ выпытыванія тайнъ природы не путемъ метафизическихъ построеній, а терпѣливыхъ изслѣдованій, при помощи положительныхъ опытовъ и наблюденій. И Велланскій самъ подалъ поводъ такимъ ученымъ высказаться о его твореніяхъ, задумавъ сдѣлаться членомъ Академіи наукъ. Въ апрѣлѣ 1812 года, онъ, будучи экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи и

---

[1]) „Русская Старина“. 1876 г., февраль, стр. 295.

физіологіи въ Медико-Хирургической Академіи, подалъ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому прошеніе о назначеніи его экстраординарнымъ академикомъ Академіи наукъ по тѣмъ же предметамъ, съ оставленіемъ его при занимаемой имъ въ Медицинской Академіи должности, указывая при этомъ на то, что познанія его въ преподаваемыхъ имъ наукахъ доказываются между прочимъ изданнымъ имъ «біологическимъ изслѣдованіемъ природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ» [1]).

Здѣсь неизлишне пояснить, что это пришлось въ то время, въ которое Академія, съ 1810 по 1818 годъ, была безъ президента и находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія [2]).

Разумовскій сообщилъ прошеніе Велланскаго Академіи на обсужденіе, предложивъ ей придержаться при этомъ постановленій ея регламента.

На это конференція донесла министру 6-го мая того же года, что «въ силу § 72 регламента празднаго мѣста для экстраординарнаго академика никогда не бываетъ, такъ какъ эта средняя степень между адъюнктомъ и академикомъ установлена только какъ награда адъюнкту, заслужившему похвалу отъ Академіи и содѣлавшемуся достойнымъ этой степени по одобренію академиковъ; поэтому конференція въ число своихъ членовъ никогда не принимала ученыхъ съ званіемъ экстраординарнаго академика, но всегда предоставляла эту степень адъюнктамъ, отличившимся познаніями, ревностью, какимъ-нибудь полезнымъ открытіемъ или важною заслугою. Итакъ не можетъ она принять г. Велланскаго экстраординарнымъ академикомъ, но можетъ принять только адъюнктомъ по анатоміи и физіологіи, на имѣющееся въ Академіи праздное мѣсто по этой части. Но для надлежащаго занятія этого мѣста слѣдовало бы, на основаніи регламента, открыть конкурсъ, пригласивъ желающихъ получить его—представить въ Академію свои сочиненія, по разсмотрѣніи которыхъ она большинствомъ голосовъ рѣшитъ выборъ

---

[1]) Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія общей физіологіи. Спб. 1812 г. 8°, стр. XVI, 464.

[2]) А именно, бывшій послѣ барона Николаи, съ 1803 г. президентомъ графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, предложеніемъ 14-го января 1810 года объявилъ Академіи, что даннымъ Правительствующему Сенату 30-го декабря 1809 года именнымъ высочайшимъ указомъ онъ всемилостивѣйше уволенъ, по прошенію, отъ дѣлъ, и посему предложилъ Академіи отнынѣ относиться по дѣламъ прямо къ министру народнаго просвѣщенія, впредь до дальнѣйшаго отъ кого слѣдуетъ предписанія. Такой порядокъ просуществовалъ до назначенія въ 1818 г. президентомъ графа С. С. Уварова; точно также не было въ Академіи и вице-президента въ теченіе 27-лѣтъ, съ 1803 по 1830 годъ.

того изъ кандидатовъ, сочиненія котораго окажутся лучшими. Желающіе получить это мѣсто могутъ прислать также и печатныя свои сочиненія; но Академія отъ г. Велланскаго, еслибы онъ пожелалъ занять мѣсто адъюнкта, лучше приняла бы какое-нибудь рукописное его сочиненіе, содержащее въ себѣ новыя наблюденія по практической анатоміи, нежели судить о немъ по упомянутому въ предложеніи г. министра сочиненію, которое слишкомъ наполнено новою, такъ называемою, натуральною философіею, заразившею нѣкоторые германскіе университеты, ко вреду основательнаго ученія и къ великому соблазну истинно ученыхъ».

Слѣдствіемъ такого отзыва Академіи было то, что къ концу того же года Велланскій выступилъ кандидатомъ для занятія мѣста адъюнкта по анатоміи и физіологіи, и представилъ для этого министру рукописную свою анатомико-физіологическую диссертацію о глазѣ и зрѣніи человѣческомъ.

Передавая ее 4-го октября 1812 г. на разсмотрѣніе конференціи Академіи, гр. Разумовскій предложилъ ей о послѣдствіи его увѣдомить.

Такъ какъ конференціи предстояло высказать, по требованію министра, свое сужденіе о трудѣ ученаго, уже имѣвшаго степень доктора медицины и хирургіи, бывшаго уже экстраординарнымъ профессоромъ Медицинской Академіи, то она сочла нужнымъ приложить къ этому дѣлу особенное вниманіе и разсмотрѣть диссертацію Велланскаго съ крайнею тщательностью, при участіи всѣхъ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ спеціальные ихъ труды давали право быть въ этомъ случаѣ вполнѣ компетентными судьями. Такимъ образомъ для разсмотрѣнія означенной диссертаціи былъ составленъ, 7-го октября, комитетъ изъ академика по анатоміи и физіологіи Загорскаго, изъ академиковъ по естественной исторіи Озерецковскаго и Севастьянова, изъ академика по химіи Шерера и изъ академика по математикѣ Гурьева.

По прочтеніи рукописи Велланскаго, каждый изъ членовъ представилъ конференціи письменно свое болѣе или менѣе обширное донесеніе о диссертаціи Велланскаго (за исключеніемъ Севастьянова, который въ то время былъ занятъ другою спѣшною работою). По выслушаніи и обсужденіи ихъ отзывовъ конференція представила гр. Разумовскому, 12-го декабря 1812 г., слѣдующее донесеніе:

«По разсмотрѣніи диссертаціи доктора Велланскаго всѣми членами комитета, по сему предмету назначеннаго, исключая г. академика Севастьянова, который не могъ участвовать въ разсматриваніи оной по причинѣ, что былъ занятъ въ сіе время изданіемъ карманнаго календаря на 1813 годъ, конференція слушала донесенія четырехъ членовъ помянутаго комитета, и изъ существа оныхъ оказалось, что г. Велланскій, вмѣсто того, чтобы избрать предметомъ пробной своей диссертаціи какое-

нибудь новое наблюденіе по практической анатоміи, какъ то академіею именно опредѣлено было, представилъ диссертацію изъ умозрительной анатоміи, въ первой части коей содержится описаніе орудія зрѣнія, каковое находится во всѣхъ элементарныхъ книгахъ анатоміи, а во второй части, разсуждающей о дѣйствіи глаза, заключаются смѣлыя, ни мало недоказанныя предположенія объ электрическомъ процессѣ, которому онъ приписываетъ явленія, относящіяся къ зрѣнію, и самое это понятіе не есть собственное г-на Велланскаго, но взятое даже съ самымъ эпиграфомъ и ссылками, изъ сочиненія доктора Трокслера (Präliminarien zur physiologischen Optik), изданнаго еще въ 1804 году, но не принятаго въ теченіе столькихъ лѣтъ и понынѣ ни однимъ извѣстнымъ физіологомъ. Изъ вышеупомянутыхъ донесеній видно, что г. Велланскій, въ отношеніи слога и способа изъясненія, употреблялъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, языкъ новой философіи, то-есть то самое пустословіе, которымъ Шеллингъ и его послѣдователи старались обыкновенныя и простонародныя понятія содѣлать оригинальными и глубокомысленными, а взгроможденію смѣлыхъ, несвязныхъ и часто ложныхъ предположеній придать видъ системы. Посему конференція заключаетъ: 1) Что касается образа сочиненія, г. Велланскій такъ напитанъ Шеллинговою философіей, что не можетъ иначе писать, какъ по способу этого философическаго ученія, которое заставляетъ его иногда писать странныя нелѣпости; 2) Что его сочиненіе въ сущности не содержитъ ничего новаго относительно той матеріи, которая составляетъ главный его предметъ, да и то, что другіе о томъ же писали, расположено неудовлетворительнымъ образомъ. Итакъ конференція не можетъ принять г. Велланскаго на вакантное мѣсто адъюнкта по анатоміи и физіологіи, такъ какъ изъ сочиненій, писанныхъ подобно разсмотрѣнному ею, она не можетъ дѣлать никакого употребленія.

«Донося объ этомъ вашему сіятельству, конференція имѣетъ честь приложить копію съ донесеній членовъ означеннаго комитета; диссертацію же г. Велланскаго положено хранить въ архивѣ, какъ документъ, служащій оправданіемъ сужденія о ней академіи».

Такая неудача, испытанная Велланскимъ въ 1812 году въ Академіи наукъ, не отбила однако у него охоты отдать себя опять на судъ той же Академіи.—Въ томъ самомъ 1831 году, въ которомъ онъ напечаталъ свою «Опытную наблюдательную и умозрительную физику»—какъ первую половину задуманной имъ «Энциклопедіи физическихъ познаній»,—были учреждены при Академіи знаменитыя Демидовскія награды. Это и подало ему мысль—попробовать снова счастья съ этой стороны, хотя и безъ увѣренности въ успѣхѣ. Сообщая другу своему Н. Розанову въ Москву 14-го января 1832 г., что онъ подалъ свое сочиненіе въ Академію наукъ для полученія преміи, учрежденной

за оригинальныя русскія сочиненія Демидовымъ, онъ прибавлялъ, что сомнѣвается, чтобы трудъ его былъ оцѣненъ по достоинству. «Хотя,—писалъ онъ,—члены Академіи всѣ почти нѣмцы, но ни одинъ не понимаетъ ни Шеллинга, ни Стефенса; а потому физика моя для нихъ не по вкусу».

Теперь Академія имѣла передъ собою многолѣтній трудъ человѣка, стоявшаго на верхнихъ ступеняхъ ученой іерархіи. Велланскій былъ въ это время уже докторомъ анатоміи и физіологіи, и съ 1814 года былъ, за выслугу лѣтъ, ординарнымъ профессоромъ этихъ наукъ; поэтому она сочла своимъ долгомъ къ разсмотрѣнію представленнаго имъ конкурснаго сочиненія приложить всевозможное вниманіе и безпристрастіе. Это и выразилось въ назначеніи для его оцѣнки большой комиссіи, составленной изъ представителей всѣхъ наукъ, до которыхъ болѣе или менѣе оно относилось. Въ составъ комиссіи вошли академики: физикъ А. Я. Купферъ, астрономы В. К. Вишневскій и П. В. Тархановъ, и химики Г. Г. Гессъ и Я. Д. Захаровъ.

Въ засѣданіи конференціи 28-го марта 1832 г. были читаны два доклада: одинъ, подписанный четырьмя первыми названными академиками, и другой, въ видѣ особаго мнѣнія, послѣдненазваннымъ, Я. Д. Захаровымъ. Въ первомъ академики доносили конференціи слѣдующее:

«По словамъ автора, природа познается въ духѣ, а духъ образуется въ природѣ: и первая представляетъ видимую форму, а второй изъявляетъ невидимую сущность одного и того же начала міра, являющагося въ безпредѣльной своей возможности идеальнымъ духомъ, а въ опредѣлительной дѣйствительности — реальнымъ тѣломъ. Ѳеорія физики, при столь ясномъ ея свѣтѣ, сіяющемъ уже болѣе 30 лѣтъ на горизонтѣ Германскаго ученаго свѣта, для большого числа занимающихся оною остается невидима! Однихъ она ослѣпляетъ своею яркостью, а другимъ кажется сверкающею только въ превыспренной, чуждой для нихъ сферѣ! весьма немногіе пользуются свѣтомъ нынѣшней натуральной философіи превосходнѣйшихъ германцевъ; и обыкновенный кругъ физическихъ наукъ остается теперь въ такой же темнотѣ, въ какой находился за триста лѣтъ времени! Ученіе господствующей нынѣ физики въ ѳеоретической ея части не токмо слабо и недостаточно, но и вовсе ничтожно!

«Посему авторъ предлагаетъ въ своей книгѣ опредѣлительное изложеніе неорганической природы, выведенное изъ такихъ основаній, которыя для поверхностной критики неприступны.—Книга имѣетъ четыре отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ содержатся ѳеоретическія положенія о возможной сущности природы, служащія основаніемъ познанію дѣйствительныхъ ея формъ;—во второмъ—стихологія, излагающая основныя вещества или стихіи міра; въ третьемъ—космологія, по-

казывающая солнечную систему, основанную на тяжести, представляющей безпредѣльную сущность природы въ ограниченныхъ формахъ мірозданія, и въ четвертомъ—геологія, излагающая вещественныя качества и дѣятельныя свойства земной планеты.

«Слѣдующія краткія извлеченія изъ книги Велланскаго послужатъ къ очертанію господствующаго духа и употребленной методы.

«Отдѣленіе первое. Цѣлая вселенная, въ ограниченныхъ и преходящихъ видахъ, равна безпредѣльному и вѣчному ея началу, являющемуся оною въ полномъ знаменованіи своемъ (стр. 3).—Всѣ вещества и существа природы, по единственному началу ихъ бытія, суть одиноки и различаются только по способу образованія возможной идеи въ дѣйствительныя вещи. Кромѣ единственнаго, всесущественнаго зиждителя природы нѣтъ ничего по себѣ существующаго. Видимый міръ, будучи образованіемъ безпредѣльной его сущности въ опредѣленныхъ видахъ, имѣетъ только значеніе свое по образуемому имъ началу, которое, составляя возможность дѣйствительныхъ существъ, не ограничивается оными, и въ безпредѣльности своей содержится ко всему ограниченному и преходящему, какъ существенное къ ничтожному. Удивительный порядокъ, ненарушимая стройность и точная соотвѣтственность видимой цѣли въ мірозданіи показываютъ планъ зиждущей премудрости, который для человѣческаго ума долженъ быть явственъ и понятенъ; ибо созерцательный умъ есть совершенный обликъ творческой идеи, и составляетъ послѣднюю цѣль міротворенія, гдѣ зиждущая премудрость зритъ себя въ образѣ своемъ (стр. 4).

«Ариѳметическій нуль, не имѣя по себѣ опредѣленнаго значенія, составляетъ начальное положеніе всѣхъ чиселъ, которыя не что иное суть, какъ извѣстные знаки нуля, представленнаго изъ его неопредѣлительности опредѣленною величиною, показываемою алгебраическимъ знакомъ + —. Всякое число, означающее какую-либо величину, показываетъ собственно + или —, кои для краткости токмо замѣняются цифрами, и представляютъ опредѣленнымъ образомъ нуль; ибо + — = 0. Посему всѣ числа произошли отъ нуля, и суть только опредѣлительные виды онаго. Нуль составляетъ идеальную сущность ариѳметики, которая занимается исчисленіемъ, умноженіемъ, раздѣленіемъ и уравненіемъ одного + и —, означаемыхъ числами, какъ начертательными формами оной (стр. 6).

«Нуль въ собственномъ его значеніи есть вѣчность, а числа составляютъ время, знаменующее вѣчность безпрестаннымъ положеніемъ и отрицаніемъ оной, какъ 0 + — . Вещи въ природѣ, по происхожденію и состоянію оныхъ, суть то же самое, что числа въ ариѳметикѣ; и исчисленіе послѣднихъ равно прехожденію первыхъ: оба совершаются дви-

женіемъ, содѣлывающимъ время, которое состоитъ въ прохожденіи вещей—tempus est successio rerum (стр. 7).

«Пространство есть покоющееся время, которое имѣетъ одно значеніе съ движимымъ пространствомъ, происходящимъ отъ времени какъ полагаемое отъ полагающаго. Ежели время состоитъ въ дѣятельномъ положеніи и отрицаніи вѣчности, какъ 0 + —, то пространство есть то же самое время, но въ бездѣйственномъ его состояніи, изъявляющее вѣчность не въ дѣятельномъ продолженіи, а въ страдательномъ растяженіи, какъ + 0 —, гдѣ вѣчность представляется безпредѣльностью, которой форма есть точка, содержащаяся къ геометрическимъ фигурамъ такъ, какъ нуль къ ариѳметическимъ числамъ. Точка есть идеальная форма безпредѣльности, состоящая изъ центра и периферіи, какъ положительнаго и отрицательнаго ея вида, заключающихъ все содержаніе пространства. Точка вещественнѣе нуля, представляемаго въ ней дѣйствительнымъ образованіемъ времени въ пространствѣ, какъ движенія въ покоѣ; а посему временныя происшествія и мѣстныя очертанія вещественнаго міра начались отъ точки, какъ стеченіе времени съ пространствомъ (стр. 9).

«Видимое пространство кажется сферическимъ потому, что вселенная есть безпредѣльная сфера; и небесныя или общемірныя тѣла, заключающія въ себѣ полное содержаніе вещественнаго міра, суть шарообразны. Въ небесномъ тѣлѣ, какъ общемірной сферѣ, содержится время и пространство подъ видомъ линіи, поверхности и толщи, которыя произошли отъ точки центра периферическимъ движеніемъ, составляющимъ жизненную дѣятельность небеснаго тѣла, по которой оное находится въ всегдашнемъ кругообращеніи какъ самъ въ себѣ, такъ и около центральной сферы или солнца; и общее первенствующее движеніе въ мірѣ есть круговое, представляющее дѣйствительнымъ образомъ существенное единство времени съ пространствомъ (стр. 11).

«Вѣчность и безпредѣльность, оказывающіяся временемъ и пространствомъ, какъ идеальными формами безъ матеріальнаго содержанія, являются небесными тѣлами въ вещественныхъ видахъ: гдѣ время образуется линіею, пространство—сферою, а жизнь, какъ общее содержаніе обоихъ, круговымъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ. По значенію ариѳметическаго нуля и геометрической точки небесныя тѣла, какъ общемірныя сферы, должны быть безконечны въ ихъ количествѣ, и безпредѣльны въ ихъ качествѣ (стр. 12).

«Вещественные предметы зиждутся идеальными силами, происходящими въ самопознаніи всесущественной идеи, которая, представляясь сама себѣ, какъ разсматриваемый объектъ взирающему субъекту, оказывается зиждущимъ могуществомъ и творимымъ произведеніемъ: міротвореніе есть процессъ самосвѣдѣнія единственной

сущности, и различные предметы вещественнаго міра суть разные способы и степени самопознательнаго ея образованія (стр. 14).

«Солнечная систета есть всемірной макрокосмическій организмъ, подобный животному микрокосмическому, состоящему изъ разнокачественныхъ членовъ и органовъ. Посему солнце имѣетъ значеніе головы; а планеты съ ихъ спутниками составляютъ туловище всемірнаго организма (стр. 29).

«Отдѣленіе второе. Натуральная философія, изслѣдывающая идеальныя начала вещей, показала, что идея свѣта есть собственный предметъ умозрѣнія—и Шеллингъ, въ философическихъ своихъ сочиненіяхъ, представилъ первый существенное значеніе свѣта, которое Оkенъ изложилъ потомъ сообразно видимымъ формамъ его явленій (стр. 93).

«Солнечный свѣтъ производится жизненнымъ содержаніемъ солнца съ планетами и спутниками, гдѣ солнце содержится въ качествѣ взирающаго субъекта, а планеты въ свойствѣ разсматриваемаго объекта. Самопознавательное дѣйствіе абсолютной жизни, происходящее въ солнечной системѣ, какъ всемірномъ макрокосмическомъ организмѣ, есть солнечный свѣтъ, которымъ общемірныя сферы системы произведены и удерживаютъ въ себѣ положеніе. — Настоящее время состоитъ въ стеченіи наступающаго мгновенія съ преходящимъ, или въ положеніи будущаго съ отрицаніемъ прошедшаго, кои составляютъ настоящее мгновеніе времени, изъявляющаго вѣчность такимъ образомъ: $+ - = 0 = + - = 0 \infty$. Сія вообразительная схема представленія вѣчности во времени находится дѣйствительною въ природѣ подъ видомъ: свѣта, тьмы и повсюднаго совмѣстія оныхъ (стр. 109).

«Свѣтъ солнца противуположенъ тьмѣ планеты, какъ положительное + отрицательному —, которыя по силѣ изъявляемаго ими 0 должны находиться совмѣстно и современно. Свѣтъ не произошелъ изъ тьмы, равно какъ и тьма не родилась отъ свѣта, но обѣ дѣйствительныя формы времени начались отъ возможной идеи вѣчности, которая въ качествѣ свѣта образуется солнцемъ, а въ свойствѣ тьмы представляется планетою (стр. 110).

«Вещественный міръ состоитъ изъ соединенія свѣта съ тяжестью, кои суть формы одной сущности, являющейся оными, какъ преходящее въ безконечномъ, и безпредѣльное въ ограниченномъ (стр. 141).

«Отдѣленіе третіе. Если человѣческой организмъ равнозначителенъ солнечной системѣ, то солнце сообразно его головѣ, а планеты и спутники соотвѣтствуютъ частямъ туловища (стр. 159).

«Если безразличное существо представить знакомъ А=А или A^2, а форму, какъ различный видъ одного и того же существа, означить А=В, то начальная ихъ однакость будетъ A^3. Образованіе существа въ

формѣ, по которому небесное тѣло пребываетъ само въ себѣ, производитъ центрафугальную его силу, отдаляющую оное тѣло отъ центра системы, представляющаго единство существа съ формою.—Но образованіе формы въ существѣ составляетъ центральную силу небеснаго тѣла, по которой оно, оставаясь въ периферической отдѣльности, пребываетъ также и въ центрѣ, какъ абсолютной его сущности. Центрофугальная сила планеты, какъ образованіе A^2 въ A=B—или безпредѣльнаго въ ограниченномъ опредѣляетъ пространство отдѣленія оной отъ солнца; а центральная сила, которою A = B образуется въ B^2—или конечное въ безконечномъ — полагаетъ время движенія планеты вокругъ солнца. Въ центрофугальномъ и центропетальномъ происшествіи время соединено съ пространствомъ, а пространство съ временемъ, и оба содержатся къ абсолютному ихъ единству $=A^3$, какъ корни квадрата къ своему кубу. Но поелику время представляетъ конечное въ безконечномъ, какъ форму въ существѣ, а пространство проявляетъ безпредѣльное въ ограниченномъ, какъ существо въ формѣ, кои содержатся между собою какъ A^2 къ A=B, то время кругового теченія небесныхъ периферическихъ тѣлъ равно квадратному корню, извлеченному изъ кубическаго содержанія ихъ отдѣленій отъ центральнаго тѣла, что и составляетъ основаніе перваго Кеплерова закона (стр. 306).

«Нижнія планеты, по преимуществу въ нихъ свѣта, сообразны животнымъ, а верхнія по преобладанію тяжести соотвѣтственны растеніямъ, и солнечная система, въ цѣломъ, равна общему организму земной сферы, состоящему изъ животныхъ и растеній (стр. 311).

«Основаніемъ астрологическаго познанія солнечной системы можетъ токмо служить физіологическое понятіе совершеннѣйшаго животнаго организма, представляющаго животную и растительную жизнь, по собственному значенію идеальнаго дѣйствія и реальнаго бытія, образующихся организмомъ въ существенной одинакости оныхъ. Въ общей системѣ міра солнце равнозначительно головѣ, а планеты сообразны прочимъ частямъ тѣла, и какъ туловище содержится къ головѣ, такъ планеты относятся къ солнцу. Верхняя область планетъ имѣетъ явное сходство съ плодотворною системою животнаго организма, по произведенію оными тѣлъ своего рода: гдѣ спутники происходятъ отъ планетъ подобно какъ организмы рождаются одни отъ другихъ» (стр. 312).

Послѣ такого обозрѣнія сочиненій Велланскаго, комиссія переходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Изъ такого содержанія разсмотрѣнной Физики явствуетъ очевидно, что на горизонтѣ россійскаго просвѣщенія сіяетъ уже германская натуральная философія во всемъ ея блескѣ.

«Сколько сія философія опасна быть должна для всѣхъ вообще наукъ,

судить можно и потому, что почтенный авторъ сей книги и даже послѣ 35-ти лѣтняго занятія физическими науками все еще рѣшительно считаетъ оную единственнымъ источникомъ всей премудрости и посвящаетъ оную благомыслящимъ, правдолюбивымъ, великодушнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, кои ясное философическое знаніе и положительную истину умозрителей критики предпочитаютъ мрачному невѣдѣнію горделиваго профанизма и пышному ничтожеству кичливаго скептицизма!

«Плоды этого ученаго романа природы извѣстны уже въ Германіи; должно ли ихъ желать и въ Россіи? Можно ли допустить, чтобы россійское юношество отвлекаемо было отъ истиннаго просвѣщенія, пріобрѣтаемаго только долговременнымъ и неусыпнымъ прилежаніемъ къ наукамъ и опытнымъ и строгимъ изслѣдованіемъ природы? Можно ли равнодушно взирать на отверженіе здравой логики и всѣхъ точныхъ и опытныхъ наукъ, и на рѣшеніе всего только a priori, по понятію всесущественнаго зиждителя природы, излагаемому въ сей философіи? Поелику сего сдѣлать нельзя, то комиссія, отдавая впрочемъ всю должную справедливость благонамѣренію почтеннаго автора, не можетъ одобрить его Физики, и представляя сіе на благоусмотрѣніе конференціи, обращается къ ней съ изъявленіемъ вопроса: не признаетъ ли конференція полезнымъ, чтобы распространенію такого ученія положены были справедливые предѣлы, для огражденія учащагося юношества отъ вредныхъ послѣдствій».

25/32

Съ этимъ послѣднимъ пунктомъ заключенія комиссіи не согласился старикъ Захаровъ и потому подалъ свое особое мнѣніе, болѣе снисходительное и уклончивое; въ немъ онъ писалъ:

«Разсмотрѣвъ сочиненіе г. Велланскаго подъ заглавіемъ: «Опытная, наблюдательная и умозрительная физика», нахожу, что оно по своему содержанію и способу изложенія есть новое и что доселѣ никто еще не писалъ на россійскомъ языкѣ о физическихъ предметахъ подобнымъ образомъ. Его физика касается до всей вселенной, основанія ея суть метафизическія, выведенныя изъ понятій отвлеченныхъ; посему теоретическія изъясненія въ оной вовсе противны мнѣнію прежнихъ и тѣхъ нынѣшнихъ естествоиспытателей, кои слѣдуютъ атомической системѣ; ибо онъ, стараясь утвердить динамическую, на однѣхъ силахъ основанную, составилъ свою, почитаетъ теплоту и свѣтъ за существа невещественныя, и соединяя другъ съ другомъ идеальныя существа, производитъ изъ оныхъ тѣла вещественныя. Я не могу быть при семъ случаѣ ни скептикомъ, ни защитникомъ метафизическихъ его положеній, не изучившись въ полной мѣрѣ трудной системѣ, имъ предложенной, и не занимавшись никогда метафизикою, а пріучивъ себя вѣрить грубымъ опытамъ, не могу судить мужа ученостію извѣстнаго, упражняющагося уже 30 лѣтъ въ сихъ метафизическихъ изыска-

Журнальный отдел Московской обл. библиотеки

ніяхъ и издавшаго многія подобныя философическія въ свѣтъ книги, а скажу только, что положенія его суть одни идеалы, кои съ нынѣшними нашими физическими понятіями, требующими въ доказательство опыты, несогласны. Впрочемъ, сочиненіе сіе заслуживаетъ вниманія ученой публики нашего отечества, и можетъ быть, что современемъ будетъ уважено тѣми, кто въ таковыхъ метафизическихъ разбирательствахъ упражняется. Безвредно философствовать никому не возбраняется, и всякою безвредною философіею можетъ принести если не нынѣ, то современемъ какую-либо пользу. Посему и предоставляю сужденіе объ оной физикѣ мужамъ болѣе нежели я постигающимъ и болѣе проницательнымъ. Языкъ его чистъ и, кто захочетъ въ него вникнуть, вразумителенъ».

Отказъ въ присужденіи ему Демидовской награды не былъ для Велланскаго неожиданностью, какъ не могъ онъ считать его и обиднымъ для своей ученой чести, будучи въ счастливомъ убѣжденіи, что единственною причиною отказа было то, что академики не понимали натуръ-философіи и не въ состояніи были оцѣнить великости реформы, произведенной Шеллингомъ въ наукахъ [1]). Взаимно и академики не могли считать для себя обиднымъ такое о нихъ мнѣніе Велланскаго, такъ какъ по довольно наивнымъ завѣреніямъ самого же Велланскаго, его въ Россіи никто не понималъ. Онъ не разъ говаривалъ своему другу Розанову, что въ Россіи изъ врачей понимаетъ его одинъ только Дядьковскій, Устинъ Евдокимовичъ, профессоръ терапіи Московскаго университета, а въ письмѣ отъ 15-го декабря 1833 года изъ Москвы къ тому же Розанову писалъ: «Московскіе ученые чувствуютъ всю важность философскаго естествознанія, хотя ни одинъ изъ нихъ не понялъ моей физики».

Когда «Опытная наблюдательная и умозрительная физика» Велланскаго, о которой выше была рѣчь, вышла въ свѣтъ, то баронъ Брамбеусъ (О. И. Сенковскій) встрѣтилъ ее злою насмѣшкою въ своемъ фантастическомъ разсказѣ: «Большой выходъ у Сатаны», въ Смирдинскомъ «Новосельи» (1833). Это такъ задѣло за живое нашего философа, что онъ вызывалъ черезъ газеты желающихъ на публичное съ нимъ состязаніе, обязуясь уплатить 5.000 руб. асс. тому, кто опровергнетъ хоть одно изъ положеній въ его Физикѣ. И опять охотниковъ препираться съ нимъ на этомъ поприщѣ не явилось, точно также какъ двадцать лѣтъ ранѣе не нашлось въ Медицинской Академіи оппонентовъ для его докторской диссертаціи.

---

[1]) Вышеприведенный отзывъ академической комиссіи о физикѣ Велланскаго, какъ неодобрительный, по издавна существующему и всегда соблюдаемому обычаю, никому не былъ сообщаемъ внѣ Академіи и потому оставался неизвѣстнымъ автору физики.

По вопросу о томъ, полезны ли были лекціи Велланскаго для студентовъ Медицинской Академіи, г. Розановъ приводитъ, что одни изъ профессоровъ находили, что физіологія, какъ онъ ее преподавалъ, была слишкомъ отвлеченна и потому не вполнѣ полезна для медиковъ-практиковъ; другіе же—что она была даже вредна тѣмъ, что завлекала слушателей въ область гипотезъ, не подтверждаемыхъ явленіями.

Велланскій печально кончилъ свою жизнь. Въ 1837 году, на 63-мъ году, онъ ослѣпъ и въ теченіе остальныхъ десяти лѣтъ поддерживалъ въ себѣ бодрость духа одною лишь надеждою, что удачная операція снятія катаракта возвратитъ ему опять зрѣніе. Онъ умеръ 15-го марта 1847 года, оставивъ по себѣ добрую память, какъ человѣкъ, который, несмотря на свое крайнее увлеченіе натуръ-философіей, по своему уму, даровитости и благородному характеру заслуживалъ глубокаго уваженія.

К. Веселовскій.

Взглядъ императора Николая I на отпускъ государственныхъ средствъ на образованіе.

Съ цѣлью лучшаго упорядоченія въ царствѣ Польскомъ финансоваго положенія, по повелѣнію императора Николая I, было поручено особой коммиссіи въ Варшавѣ заняться тщательнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ расходовъ и составленіемъ нормальныхъ штатовъ каждаго изъ управленій или вѣдомствъ въ царствѣ. Предвидя, что дѣятельность коммиссіи, всѣ сбереженія или остатки отъ штатныхъ суммъ обращавшей, согласно мѣстнымъ положеніямъ, къ общимъ доходамъ казны царства, можетъ повести къ сокращенію средствъ, отпускаемыхъ на учебное дѣло въ царствѣ Польскомъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ вошелъ (15-го января 1847 г.) съ соотвѣтственнымъ представленіемъ къ государю. По обычаю того времени, представленіе это было сдѣлано чрезъ министра статсъ-секретаря царства.

Министръ статсъ-секретарь Туркулъ вскорѣ отвѣтилъ (5-го [17-го] февраля того же 1847 г.) гр. Уварову:

«Содержаніе отношенія вашего сіятельства ко мнѣ, отъ 15-го января № 358, я имѣлъ счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія.

«Государь императоръ повелѣть мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что намѣренія его величества не клонились и не клонятся къ уменьшенію предоставленныхъ Варшавскому учебному округу средствъ: ибо образованіе юношества принадлежитъ къ числу тѣхъ важныхъ предметовъ, для преуспѣянія которыхъ никакія пожертвованія не могутъ почитаться преувеличенными [1]).

Сужденіе—замѣчательнѣйшее, вполнѣ достойное, чтобы вырѣзать его золотыми буквами и всегда помнить при обсужденіи вопроса о просвѣщеніи въ нашемъ отечествѣ.

Сообщ. профессоръ **Дм. Цвѣтаевъ.**

---

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ при канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора. III, 3. № 127-й: Akta Rady Administracyjnej królestwa Polskiego.

Опека надъ произведеніями Пушкина.

«Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина», какъ явленіе частное, даже семейное, мало интересовало современниковъ, которые не оставили намъ почти никакихъ о немъ свѣдѣній. Оно имѣетъ, однако, извѣстное для насъ значеніе, такъ какъ «Опекунство надъ дѣтьми и имуществомъ» весьма скоро обратилось въ опеку надъ произведеніями Пушкина. Въ нашемъ архивѣ хранятся два документа, живо обрисовывающіе характеръ этой опеки.

Въ числѣ нѣсколькихъ рукописныхъ матеріаловъ [1]), сообщенныхъ нами Л. Н. Майкову, редактору академическаго изданія сочиненій Пушкина, эти документы были доставлены ему лишь въ мартѣ прошлаго года. Онъ возвратилъ ихъ при слѣдующей краткой запискѣ:

«Съ искреннѣйшею благодарностью возвращаю тебѣ присланные документы; они очень интересны и характерны, и съ твоего разрѣшенія я списалъ ихъ для своего свѣдѣнія. Желалъ бы возвратить ихъ тебѣ лично, но по цѣлымъ недѣлямъ принужденъ сидѣть дома: здоровье очень плохо».

Записка помѣчена 11-мъ марта; черезъ мѣсяцъ Майкова не стало. Съ его смертью не прекратилось, конечно, академическое изданіе сочиненій Пушкина; но выпускомъ 1-го тома Л. Н. Майковъ далъ Академіи Наукъ такой высокій образецъ для всего изданія, что продолженіе его, вѣроятно, значительно замедлится. Такого глубокаго знатока, точнаго

[1]) 1) Программа праздника на Ольгиномъ островѣ въ 1836 г., въ которой рукою Жуковскаго отмѣчены авторы куплетовъ; 2) Разсказъ кн. Трубецкаго о Пушкинѣ и Дантесѣ, записанный въ 1887 году; 3) Переписка гр. Строгонова съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», и 4) составленное нами изслѣдованіе «Пушкинъ и Наказъ Екатерины II».

изслѣдователя и вѣрнаго цѣнителя произведеній Пушкина, какимъ былъ Майковъ, не легко замѣстить и для Академіи Наукъ.

Въ «Русской Старинѣ» помѣщено нѣсколько весьма цѣнныхъ матеріаловъ для всесторонняго освѣщенія Пушкина и отношеній къ нему русскаго общества; присоединяемъ къ нимъ и наши документы, заслужившіе вышеприведенное напутствіе Майкова.

В. Бильбасовъ.

1.

ОПЕКУНСТВО

учрежденное надъ дѣтьми

и имуществомъ.

А. С. Пушкина.

31-го декабря 1841 г.

№ 43.

Господину редактору «Отечественныхъ Записокъ.

Опекунство сіе слушало прошеніе с.-петербугскихъ книгопродавцевъ Глазунова, Заикина и Кушинникова отъ 6-го минувшаго ноября, въ коемъ они излагаютъ, что въ вышедшемъ 11-мъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» на сей годъ, издаваемыхъ вами, напечатано на стр. 25, къ подрыву ихъ изданія посмертныхъ сочиненій А. С. Пушкина, слѣдующее объявленіе: «Стихотворенія Пушкина, не вошедшія почему-либо въ полное собраніе его сочиненій, дѣятельно собираются редакціею «Отечественныхъ Записокъ» и будутъ по возможности всѣ напечатаны въ этомъ журналѣ въ слѣдующемъ году, чтобъ, какъ мы сказали въ 9-й книжкѣ, будущій издатель зналъ гдѣ взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вмѣстѣ собранное». Почему книгопродавцы тѣ и просятъ воспретить вамъ печатать сочиненія А. С. Пушкина.

Опекунство сіе, усматривая, что упомянутое объявленіе дѣйствительно напечатано въ 11-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», что въ слѣдствіе сего объявленія здѣшніе книгопродавцы Глазуновъ, Заикинъ и Кушинниковъ требуютъ защиты онаго, на томъ основаніи, что пунктомъ V контракта, заключеннаго ими 1-го декабря 1840 года съ Опекунствомъ симъ, предоставлено только имъ однимъ на извѣстныхъ условіяхъ собирать и печатать всѣ посмертныя сочиненія А. С. Пушкина, и что подобное объявленіе, повидимому, клонясь къ униженію достоинства произведеннаго ими нынѣ изданія, можетъ заставить полагать, что Опекунство предприняло новое изданіе, прежде условленнаго съ тѣми книгопродавцами времени, чего оно по силѣ заключеннаго съ

ними контракта не могло сдѣлать. Почему Опекунство, принявъ въ уваженіе, что какъ единственное почти достояніе дѣтей покойнаго А. С. Пушкина заключается въ сочиненіяхъ его, что исключительно на Опекунство сіе возложена обязанность заботиться о размѣщеніи прежнихъ и производствѣ новыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, что литературная собственность положительно охраняется нашими законами, что Опекунство, усердно преслѣдуя предметъ учрежденія своего, запродало упомянутымъ книгопродавцамъ право на собраніе и печатаніе въ теченіе трехъ лѣтъ посмертныхъ сочиненій А. С. Пушкина, что книгопродавцы тѣ имѣютъ право на защиту со стороны Опекунства, что вамъ, какъ издателю «Отечественныхъ Записокъ», никогда и ни подъ какимъ видомъ не предоставлено было Опекунствомъ присвоиваемаго вами себѣ права; напротивъ, что таковое дѣйствіе поставило бы Опекунство въ необходимость преслѣдовать васъ, еслибъ оно не приписало таковаго поступка незнанію. Почему Опекунство положило между прочимъ:

1) Предложить вамъ напечатать въ своемъ журналѣ объяснительное объявленіе, въ которомъ бы вы изложили, что упомянутою выше статьею вы не разумѣли новаго изданія Пушкина.

2) Предоставить вышеупомянутымъ книгопродавцамъ сдѣлать и отъ себя въ публику подобнаго же рода объявленіе, разумѣя, что оба сіи объявленія, какъ ваше, такъ и книгопродавцевъ, должны быть представлены на предварительное разсмотрѣніе Опеки.

Сообщая вамъ, Милостивый Государь, таковое заключеніе Опекунства, учрежденнаго надъ имуществомъ дѣтей А. С. Пушкина, я приглашаю симъ васъ сдѣлать упомянутое объяснительное объявленіе.

Опекунъ графъ Григорій Строгановъ.

2.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ «Отечеств. Записокъ».

14-го января 1842 г.

Спб.

Въ Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина.

На полученное мною 6-го января 1842 года отношеніе Опекунства отъ 31 декабря 1841 г. за № 45-мъ, симъ честь имѣю отвѣтствовать:

1) Напечатанное мною въ XI-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года объявленіе о намѣреніи помѣстить въ этомъ журналѣ всѣ стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій и уже напе-

чатанныя прежде въ другихъ изданіяхъ—не только не могло служить къ подрыву изданія гг. Глазунова, Заикина и Кушинникова, но должно было бы помочь распродажѣ его, ибо симъ пополнилось бы это неполное изданіе, на которое всякій охотнѣе сталъ бы подписываться, зная, гдѣ онъ можетъ списать всѣ недостающія ему пьесы, о которыхъ и помину нѣтъ въ полномъ собраніи.

2) Цензурнымъ Уставомъ дозволяется перепечатывать не болѣе печатнаго листа какого-либо сочиненія какъ при жизни автора, такъ и по смерти его; а какъ въ извѣстныхъ мнѣ напечатанныхъ стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, которыя я хотѣлъ собрать въ «Отечественныя Записки», не заключается и полулиста, то на перепечатываніе ихъ я имѣлъ неотъемлемое право, не спрашивая на то дозволенія Опекунства.

3) Изъ объявленія моего никакъ нельзя было сдѣлать вывода, что будто бы Опекунство предприняло новое изданіе сочиненій Пушкина, потому что въ этомъ объявленіи нѣтъ ни слова о новомъ изданіи, а сказано очень опредѣленно, что пьесы, не вошедшія въ полное собраніе сочиненій Пушкина, будутъ напечатаны именно въ «Отечественныхъ Запискахъ», а не гдѣ-либо особо.

4) Условія, заключеннаго Опекунствомъ съ гг. Глазуновымъ, Заикинымъ и Кушинниковымъ, я не могъ знать, потому что оно не приведено во всеобщую извѣстность. Да еслибъ я и зналъ о немъ, то и тогда объявленіе мое нисколько не противорѣчило бы ему, ибо я никогда не объявлялъ о новомъ изданіи сочиненій Пушкина.

5) Подрывать же изданіе гг. Глазунова, Заикина и Кушинникова я не имѣлъ и не способенъ былъ имѣть ни малѣйшаго намѣренія, и не знаю, на чемъ Опекунство основываетъ право свое подозрѣвать меня въ подобномъ умыслѣ. Цѣль моя была поправить ошибку, неизвѣстно кѣмъ сдѣланную, доставить русской публикѣ дополненіе къ собранію сочиненій Пушкина, съ тѣмъ, чтобъ русскіе читатели не обязаны были перерывать сотни книгъ и журналовъ, отыскивая пропущенныя въ полномъ собраніи пьесы, а имѣли бы ихъ въ одной изъ книжекъ моего журнала, изъ которой легко могли бы списать себѣ. Творенія Пушкина—наша народная слава; каждая строка его драгоцѣнна для русской литературы, и если издатели-книгопродавцы, имѣя въ виду только коммерческую цѣль, не умѣли оцѣнить свое сокровище, то на русскихъ литераторахъ лежитъ обязанность поправить эту ошибку, въ которой могло бы упрекнуть насъ потомство. Благоговѣя передъ драгоцѣнною для всѣхъ насъ памятью Пушкина, я съ самаго выхода послѣднихъ томовъ его сочиненій, пересмотрѣлъ множество журналовъ, газетъ и альманаховъ, отыскивая тамъ пьесы, не вошедшія въ полное собраніе и можетъ быть вовсе неизвѣстныя издателямъ. Въ этомъ довольно утомительномъ трудѣ имѣлъ я цѣль чисто безкорыстную,

чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ издателей, г. Кушинниковъ, зная, что я тружусь надъ отыскиваніемъ сочиненій Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе, пріѣхалъ ко мнѣ въ концѣ ноября (слѣдственно, по выходѣ XI книжки моего журнала) и просилъ, чтобы я подарилъ издателямъ все мною собранное, обѣщаясь за себя и за товарищей своихъ напечатать эти пьесы отдѣльно, въ видѣ прибавленія къ полному собранію и разослать подписавшимся на полное собраніе сочиненій Пушкина — безденежно. Я тотчасъ же согласился на это предложеніе и обѣщалъ ему, пересмотрѣвъ дотолѣ непересмотрѣнные мною журналы и альманахи, сообщить издателямъ все, что найду, безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія. Г. Кушинниковъ недавно доставилъ мнѣ значительное количество старыхъ журналовъ и альманаховъ, и теперь я занимаюсь разсмотрѣніемъ ихъ. Какъ скоро найду все, что надо, и удостовѣрюсь, что негдѣ болѣе искать стихотвореній Пушкина, пропущенныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, тотчасъ все это отдамъ издателямъ для напечатанія согласно ихъ обѣщанію. Я буду награжденъ уже тѣмъ, что русская литература будетъ имѣть всего Пушкина въ одномъ дѣйствительно полномъ собраніи его сочиненій. Объ этомъ я и объявилъ уже прежде полученія мною отношенія Опекунства — въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года, вышедшей 1-го января (Критика, стр. 44).

Позволяю себѣ думать, что этотъ отвѣтъ мой достаточно убѣдитъ Опекунство въ чистотѣ и безкорыстіи моихъ намѣреній, и избавитъ меня отъ тѣхъ незаслуженныхъ подозрѣній, къ которымъ я во все время своей литературной жизни не подавалъ ни малѣйшаго повода.

Андрей Краевскій.

Записка великаго князя Константина Павловича — генералъ-маіору Потапову о раскольникахъ и сумскихъ гусарахъ.

4-го января 1815 г.

Его императорское высочество всеунижеиннѣйше проситъ его превосходительство Алексѣя Николаевича имѣть хотя маленькое сожалѣніе объ старорусскихъ раскольникахъ, и ради Бога пощадить бороды и спины ихъ отъ подвиговъ гусарской службы, сѣраго кафтана и красныхъ чекчиръ; докладывая его превосходительству, что старинная громогласная слава сумцевъ во всемъ ея нынѣ блескѣ ознаменовывается, о которой и воспѣто въ отданномъ сего числа приказѣ. О чемъ его императорское высочество всепокорнѣйше имѣетъ честь донести его превосходительству и просить о полученіи увѣдомить.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

VIII [1]).

27-го іюля (8-го августа) князь Волконскій изъ оконъ хутора Рено, занимаемаго императрицею Александрою Ѳеодоровною близъ Одессы, услышалъ салютъ фрегата, бросившаго якорь противъ этой дачи. Смотря въ подзорную трубу, князь узналъ на палубѣ государя. Вскорѣ къ берегу причалилъ катеръ, въ которомъ находился Николай Павловичъ; на встрѣчу ему выбѣжала императрица и великая княжна Марія Николаевна [2]).

«Государь съ обычною своею дѣятельностью»,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осмотрѣлъ резервные батальоны и городскія заведенія, и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ, желая взглянуть на морскія учрежденія въ Николаевѣ, онъ отправился туда, вмѣстѣ съ императрицею, на корветѣ, который былъ буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія (13-го августа) пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ, пролетѣвшимъ между его ногъ [3]). Надо было тотчасъ озаботиться его замѣще-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1900 г.

[2]) Письмо князя Волконскаго къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 27-го іюля 1828 года изъ Одессы.

[3]) Въ дневникѣ князя Меншикова, 9-го августа 1828 года записано:

„Послѣ обѣда вылазка. Непріятель прогнанъ, отбито у него два знамя. Послѣдній выстрѣлъ изъ крѣпости ранилъ меня ядромъ, коимъ вырвана вну-

ніемъ. Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ Варнскимъ отрядомъ графу Михаилу Семеновичу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибытіемъ его туда моремъ. Воронцовъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ» [1]).

Государь выѣхалъ обратно изъ Николаева 15-го августа и прибылъ въ Одессу, послѣ сильной качки, къ утру 17-го числа. Пока императоръ Николай находился въ Одессѣ, онъ получилъ крайне неблагопріятныя извѣстія о ходѣ нашихъ дѣлъ подъ Шумлою.

Хотя послѣ отъѣзда государя изъ-подъ Шумлы, въ главной квартирѣ должны были, наконецъ, признать критическое положеніе, въ которомъ находилась армія, благодаря избранному плану дѣйствія, но случилось обратное: поставивъ себя разъ въ ложное положеніе, направивъ главныя силы къ Шумлѣ, стали предаваться надеждѣ достигнуть лучшаго результата дальнѣйшимъ еще развитіемъ принятой разъ ошибочной системы. Разсчитывали на нравственное превосходство собственныхъ войскъ и на неспособность непріятельскихъ полководцевъ. Послѣднее соображеніе дѣйствительно не было лишено основанія, но только до извѣстнаго предѣла. Безспорно, что Гуссейнъ-паша бездѣйствовалъ, но за то, пользуясь выгодами своего положенія, онъ спокойно смотрѣлъ съ своихъ тѣнистыхъ лѣсистыхъ высотъ, какъ русскіе среди безводной, безлѣсной равнины, подъ палящимъ зноемъ солнца, старались, цѣною невѣроятныхъ лишеній и усилій, лишить турокъ источниковъ ихъ изобилія и безопасности. Съ 17-го (29-го) августа мы осуждены были быть пассивными зрителями торжества нашего противника; видно было, какъ длинные ряды верблюдовъ, навьюченные продовольственными припасами, входили въ Шумлу по освободившейся дорогѣ, черезъ Эски-Стамбулъ и Кіостешъ.

тренность обѣихъ лядвей. На правой ногѣ рана въ 6 вершковъ, а на лѣвой въ 4. Я могъ еще пройти нѣсколько шаговъ, потомъ упирался на адъютантѣ моемъ Д. и П. Бурмейстерѣ. Встрѣтившійся лѣкарь Олейниковъ наложилъ первую перевязку. Пока несли меня въ лагерь, я могъ еще распоряжаться войсками".

„10-го августа. Отправленъ въ Одессу флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ съ извѣстіемъ къ государю о моей ранѣ. Хорошо переношу и съ веселымъ духомъ свое положеніе. Докторъ Павловскій говоритъ по-латыни своимъ товарищамъ, что нечего много хлопотать обо мнѣ, ибо не переживу. Приказаніе по отряду отдаетъ моимъ именемъ начальникъ штаба генералъ-маіоръ Перовскій".

[1]) 16-го (28-го) августа графъ Воронцовъ принялъ уже подъ Варною начальство надъ отрядомъ князя Меншикова.

Графъ Дибичъ заболѣлъ, а состояніе духа фельдмаршала также не вселяло къ себѣ довѣрія. Киселевъ писалъ 2-го (14-го) августа князю Меншикову: «Le vieux est affaissé par l'âge, la chaleur et les conseils de toutes nos vieilles ganaches».

За всѣхъ бодрствовалъ генералъ-адъютантъ Киселевъ; онъ составилъ 25-го іюля (6-го августа) записку объ измѣненіи образа дѣйствій противъ Шумлы.

Мнѣніе его существенно заключалось въ томъ, что для возможно полнаго стѣсненія Шумлы слѣдуетъ занять долину Буюкъ-Камчика и стать твердою ногой на главномъ сообщеніи турокъ съ Константинополемъ черезъ Эски-Стамбулъ. Киселевъ полагалъ, что постояннымъ наблюденіемъ и изысканіемъ удобопроходимыхъ дорогъ на высоты въ тылъ Шумлы, представится, наконецъ, возможность утвердиться на хребтѣ горъ и тѣмъ еще болѣе стѣснить укрѣпленный турецкій лагерь, «а можетъ быть съ помощью Божіею и занять оный» [1]).

Главнокомандующій рѣшился выполнить этотъ планъ, насколько позволяли ограниченныя средства, находившіяся въ его распоряженіи. Донося государю о своихъ распоряженіяхъ 29-го іюля (9-го августа), графъ Витгенштейнъ присовокупилъ, что «мѣра сія, вынужденная обстоятельствами и желаніемъ дать хотя нѣкоторой части арміи наступательное дѣйствіе, не завѣряетъ однакожъ въ успѣхѣ главной цѣли, которая можетъ быть достигнута только усиленіемъ войскъ подъ Шумлою».

Обезпокоенный наступательными намѣреніями русскихъ войскъ и неприбытіемъ транспортовъ, Гуссейнъ-паша, наконецъ, встрепенулся и рѣшился положить предѣлъ осуществленію нашихъ намѣреній; онъ атаковалъ 14-го (26-го) августа оба фланга нашего расположенія, что̀ привело къ бою при Стражѣ Марашѣ, едва не сопровождавшемуся гибелью отрядовъ принца Евгенія Виртенбергскаго. Казалось, что турки

[1]) Записка начальника главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанта Киселева отъ 25-го іюля 1828 года (Военно-Ученый Архивъ, отд. 2, № 2704). Одна изъ побудительныхъ причинъ, склонившихъ Киселева къ наступательнымъ дѣйствіямъ, заключалась въ томъ, „что фуражирное довольствіе становилось съ каждымъ днемъ скуднѣе и что фуражиры наши должны уже отъѣзжать на 20 и болѣе верстъ отъ лагеря, дабы имѣть нѣсколько сноповъ соломы для прокормленія лошадей". Къ тому же, по запискѣ сенатора Абакумова (отъ 23-го іюля), оказывалось, что продовольствіе арміи подъ Шумлою, съ отрядомъ при Праводахъ можетъ безостановочно производиться (кромѣ фуража) до порчи дорогъ отъ дождей, ожидаемой въ концѣ августа. Генералъ-адъютантъ Киселевъ придавалъ взятію Шумлы рѣшающее значеніе для исхода кампаніи, что̀ не свидѣтельствуетъ о вѣрности его военнаго взгляда. Въ одномъ изъ писемъ его отъ 28-го іюля 1828 года, онъ пишетъ: „J'ai toujours pensé que a prise de Choumla déciderait de la campagne et peut être de la guerre".

поняли, наконецъ, затруднительность положенія русской арміи, но затѣмъ Гуссейнъ-паша впалъ въ прежнее бездѣйствіе, опасаясь, повидимому, что малѣйшее неосторожное движеніе сорветъ лавры съ его чела, которыми увѣнчали полководца собственное бездѣйствіе и счастье. Что же касается графа Витгенштейна, то ему оставалось только обратиться къ спасительной мѣрѣ постепенно очищать позиціи, занятыя имъ въ тылу турокъ, и бросать одно укрѣпленіе за другимъ, сосредоточиваясь передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря.

По мѣрѣ ухудшенія положенія дѣлъ подъ Шумлою, становилось все важнѣе рѣшеніе относительно направленія, которое дано будетъ приближавшейся къ Дунаю гвардіи. Повидимому, императоръ Николай не сразу пришелъ къ рѣшенію двинуть гвардію къ Варнѣ. Шумла продолжала по-прежнему привлекать вниманіе его; не разъ являлась мысль двинуть гвардію къ этому роковому пункту, «pour ne pas laisser une verrue pareille à notre dos», какъ выражается государь въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу [1]).

Извѣстіе о дѣлѣ 14-го августа подъ Шумлою рѣшило вопросъ о будущемъ назначеніи гвардіи; донесеніе застало еще государя въ Одессѣ и вызвало съ его стороны противъ фельдмаршала сильнѣйшій гнѣвъ, который выразился полностью въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября):

«Ивеличъ только-что прибылъ,—пишетъ императоръ Николай,—я не знаю, что сказать вамъ, любезный другъ, именно больше ли я возмущаюсь или опечаленъ тѣмъ, что у васъ произошло. Мнѣ кажется, что со времени моего отъѣзда и вашей болѣзни все заснуло и идетъ наперекоръ здравому смыслу. Дѣло 14-го августа не знаю какъ и назвать, и вы можете сказать отъ меня фельдмаршалу, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ, командуя русскою арміею, допустилъ турокъ у себя подъ носомъ занимать русскій редутъ цѣлые 12 часовъ. Потеря орудій еще болѣе похвальна; вотъ уже восемь въ рукахъ турокъ, и что же сдѣлано съ того времени, какъ стоятъ подъ Шумлою? Такъ ли должно исполнять мои положительныя приказанія? Узнавъ изъ вашего послѣдняго донесенія, что турки разрушили деревню Стражу, я тотчасъ сталъ опасаться, что они намѣрены построить тамъ новую батарею, или редутъ, либо атаковать насъ въ этомъ пунктѣ; какимъ образомъ никто у васъ не догадался о томъ? Очищеніе Эски-Стамбула также прекрасное дѣло! Ну, что же дѣлаетъ вся собранная у васъ несмѣтная артиллерія; развѣ она существуетъ для того, чтобы переморить съ голода лошадей, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла? Наконецъ, что же думаетъ фельдмар-

[1]) Письма императора Николая цесаревичу отъ 13-го (25-го) августа и 20-го августа (1-го сентября) 1828 г.

шалъ если онъ думаетъ! Все это плачевно и скверно. Меня всего болѣе озабочиваетъ рапортъ Абакумова, все можетъ поправиться, но ежели намъ нечѣмъ кормить армію, то что же остается дѣлать, какъ не удалиться какъ можно скорѣе; прекрасный результатъ послѣ столькихъ пожертвованій.

«Уполномочиваю васъ исполнить предложенный вамъ планъ дѣйствій. Приказываю однако, чтобы фельдмаршалъ остался съ своимъ штабомъ при корпусѣ, который расположенъ будетъ у Енибазара. Я обойдусь безъ него въ Варнѣ; вамъ слѣдуетъ присоединиться ко мнѣ съ остальною частью 3-го корпуса и 20-мъ егерскимъ полкомъ, оставя Конно-егерскую дивизію въ Козлуджѣ, ввидѣ общаго резерва, для прикрытія нашихъ сообщеній, равно какъ для поддержанія фельдмаршала или же Мадатова, еслибы его оттѣснили, либо же насъ, если въ томъ окажется надобность. Я отправляюсь сегодня послѣ обѣда. Батальоны, назначенные на укомплектованіе 3-го корпуса, должны уже подойти къ вамъ по маршруту, присланному ко мнѣ Виттомъ... Я двину гвардію, чтобы она прибыла къ Варнѣ 29-го августа. Постарайтесь эвакуировать больныхъ и раненыхъ на Варну или Коварну; надѣюсь также, что вы подумали обезпечить артиллерію, которую вы отсылаете. Необходимо обезпечить также дорогу на Силистрію и во всякомъ случаѣ предупредить Рота, чтобы онъ былъ остороженъ... Все это для меня крайне прискорбно и, право, не знаю, какъ намъ удастся выйти изъ такого положенія. Сдѣлайте гласнымъ, что я очень недоволенъ начальниками, и что ихъ однихъ виню во всемъ... Я подписалъ манифестъ о наборѣ четырехъ—съ 500... Вы пишете мнѣ, что вы приступите къ дѣйствію не прежде, какъ въ то время, когда я, по прибытіи въ Варну, найду это нужнымъ; но я предпочитаю развязать вамъ руки, чтобы вы могли предупредить событія и не оставить васъ въ неизвѣстности о томъ, что вамъ слѣдуетъ предпринимать. Итакъ, если по прибытіи графа Воронцова онъ признаетъ, что, по присоединеніи гвардіи, можно совершенно обложить крѣпость и надѣяться овладѣть ею вскорѣ, а вы не признаете опаснымъ стоять подъ Шумлою и будете имѣть продовольствіе, то оставайтесь тамъ. Въ противномъ же случаѣ, дѣйствуйте по предложенному плану, но ради Бога спасайте больныхъ и раненыхъ, а также артиллерію. Если вы останетесь подъ Шумлою, то необходимо поднять духъ войска какимъ-нибудь блистательнымъ подвигомъ. Не разъ предполагали овладѣть редутомъ близъ Мараша, нельзя ли будетъ предпринять это дѣло? Если вы отойдете отъ Шумлы, то, по всей вѣроятности, васъ будутъ преслѣдовать; можетъ даже случиться, что сдѣлаютъ это неосторожно и представится возможнымъ воспользоваться подобнымъ обстоятельствомъ. Какъ только мы будемъ находиться въ открытомъ полѣ, то, располагая многочисленною артиллеріею и прекрасною нашею пѣхотою,

окажется возможнымъ его разбить. Подумайте о томъ хорошенько и да поможетъ вамъ Богъ».

По полученіи графомъ Дибичемъ приведеннаго здѣсь письма, фельдмаршалъ былъ сильно огорченъ, узнавъ, что онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе и гнѣвъ государя за дѣло 14-го августа подъ Шумлою. Стараясь оправдать себя въ письмѣ отъ 27-го августа (8-го сентября) къ императору Николаю, главнокомандующій, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ ни одного шагу не предпринималъ безъ совѣщанія съ графомъ Дибичемъ, и въ заключеніе сказалъ: «объяснивъ истину сего дѣла, я долженъ откровенно признаться предъ вами, государь, что на важномъ посту, мною занимаемомъ, должно имѣть неусыпную дѣятельность, которая, чувствую, къ несчастью, во мнѣ чрезвычайно ослабилась какъ отъ старости, такъ и отъ нѣсколькихъ рецидивовъ здѣшней лихорадки, которая произвела во мнѣ чрезвычайную слабость, а для того осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить ваше императорское величество, дабы не подвергнуть себя чрезъ какое-либо упущеніе гнѣву вашего императорскаго величества, за что̀ долженъ бы былъ дѣлать себѣ упреки до конца жизни моей, уволить меня отъ столь важнаго дѣла» [1]).

Въ отвѣтъ на это заявленіе главнокомандующаго, государь выразилъ желаніе, чтобы фельдмаршалъ остался на своемъ посту до конца кампаніи.

Хотя извѣстія, полученныя изъ-подъ Шумлы, были несомнѣнно прискорбнаго свойства, но неудачи 14-го августа благопріятно повліяли на послѣдующія рѣшенія. Отнынѣ рѣшено было обратить главныя усилія противъ Варны и двинуть туда, для поддержанія осаждавшихъ ея войскъ, гвардію. Шумлинскій кошмаръ, наконецъ, кончился! [2]).

21-го августа (2-го сентября) послѣ обѣда, императоръ Николай отправился изъ Одессы на фрегатѣ «Флора» въ Варну [3]). Сначала благопріятный вѣтеръ позволялъ разсчитывать на благополучный исходъ плаванія; но къ утру, вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, перешелъ въ

---

[1]) 16-го (28-го) августа графъ Дибичъ писалъ по поводу здоровья графа Витгенштейна, еще до полученія имъ высочайшаго выговора: „Le marechal est au désespoir sur ces événements et a été attaqué par une forte dyssanterie le 15, mais aujoud'hui cela va beaucoup mieux". (Военно-Ученый Архивъ, отд. 2, № 5322).

[2]) Даже графъ Дибичъ опомнился во̀-время и писалъ императору Николаю, 16-го августа 1828 года: „J'aime à me persuader que Votre Majesté sera aussi le l'avis que la prise Warna est, sinon plus importante, au moins plus nécessaire pour nous que celle de Choumla". (Военно-Ученый Архивъ, отд. 2, № 2757(a)).

[3]) Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ уже ранѣе на встрѣчу гвардіи, 5-го (17-го) августа, въ Кюстенджи.

бурю. «Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ»,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—«насъ относило назадъ, и никакое лавированіе не приносило пользы. Капитанъ предсказывалъ, что такой же вѣтеръ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, и предлагалъ, въ избѣжаніе несчастія, воротиться въ Одессу. Государь, нетерпѣливо желавшій поскорѣе быть въ Варнѣ, принялъ рѣшеніе ѣхать туда сухимъ путемъ и повелѣлъ повернуть назадъ къ Одессѣ. Вѣтеръ стремительно несъ насъ къ городу, такъ что не было почти возможности держаться на всѣхъ парусахъ. Еще очень далеко отъ цѣли, насъ застигла страшная темь буря все болѣе и болѣе разыгрывалась; къ ней присоединилась гроза и только при блескѣ молніи мы иногда могли видѣть берегъ. Маякъ, на который мы должны были держать курсъ, по непростительной небрежности не горѣлъ; мы нашлись вынужденными дѣлать ночные сигналы брандвахтѣ, которая вскорѣ стала намъ на нихъ отвѣчать. Одесскіе огни и дома, освѣщенные молніею, служили намъ дальнѣйшимъ указаніемъ, и около полуночи фрегатъ бросилъ якорь.

«Государь сошелъ въ шлюпку и насъ повезли къ берегу. Погода была самая ужасная; мы высадились въ совершенной темнотѣ, не встрѣчая ни души, побрели по липкой грязи, къ дому графа Воронцова. У входа туда, я разстался съ государемъ и пошелъ на квартиру князя Волконскаго, который страшно перепугался, увидѣвъ меня вдругъ у своей кровати, когда считалъ насъ въ морѣ и ближе къ Варнѣ, чѣмъ къ Одессѣ. Императрица и весь городъ не меньше были удивлены этому неожиданному возвращенію».

«Я немедленно занялся всѣми распоряженіями къ сухопутной поѣздкѣ и послѣ обѣда 23-го августа (4-го сентября) уже мчался съ государемъ въ коляскѣ [1]). Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ, для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся государева свита. Прочіе остались на фрегатѣ, которому велѣно было снова идти къ Варнѣ, какъ только позволитъ вѣтеръ.

«24-го августа (5-го сентября) мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ длинную плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся, при первой нашей переправѣ, громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубочайшее безмолвіе. По ту сторону Дуная намъ пришлось довольно долго ждать лошадей. Дороги были совершенно испорчены; большой лѣсъ, которымъ должно было проѣзжать, славился разбойничьимъ притономъ: насъ конвоировали всего четыре

[1]) Императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Николаевна выѣхали изъ Одессы 9-го (21-го) сентября и прибыли въ Петербургъ 3-го (15-го) октября 1828 года.

казака на дрянныхъ лошаденкахъ. Выѣхавъ оттуда въ открытое мѣсто, мы встрѣтили множество болгаръ, которые, спасаясь отъ хищничества турокъ, блуждали по краю съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имуществомъ. Подобно имъ, могли тутъ шататься и турецкія партіи; самые эти болгары и особенно некрасовцы, воры по ремеслу, могли напасть на нашу коляску. Государь, незнакомый со страхомъ, спокойно въ ней спалъ, или велъ со мною живую бесѣду, какъ бы на переѣздѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. Мнѣ же было вовсе не до сна и до разговоровъ [1]). Въ Бабадагѣ государь подробно осмотрѣлъ находившійся тамъ небольшой госпиталь; почти всѣ врачи лежали больные; смертность уже причиняла такія опустошенія, отъ которыхъ отцовское его сердце обливалось кровію.

«Отсюда на клячахъ и съ ничтожнымъ конвоемъ отправились въ Кюстенджи. На пути къ этой крѣпости насъ застигла ночь. По скверной и почти не проложенной дорогѣ, надо было волочиться чуть-чуть не шагомъ. Мѣстами огни просвѣчивали сквозь мракъ, но чьи, свои или непріятельскіе? Наконецъ, по правильному ихъ расположенію, мы догадались, что тутъ стоятъ наши войска, и вскорѣ признали палатки и оклики нашихъ. Мы очутились среди лагеря гвардейской легкой кавалерійской дивизіи. Государя узнали по голосу, и въ минуту всѣ генералы, офицеры и солдаты высыпали къ палаткѣ дивизіоннаго командира генералъ-адъютанта Чичерина, у которой остановилась наша коляска. Восторгъ увидѣть такъ неожиданно государя былъ неописуемъ и еще возросъ при извѣстіи, что онъ проѣхалъ, почти одинъ, около 200 верстъ по непріятельской землѣ. Необходимо было поѣсть и отдохнуть. Намъ подали хорошій супъ и постлали хорошія постели.

«Рано утромъ государь сдѣлалъ смотръ полкамъ Драгунскому, Гусарскому и Уланскому, съ принадлежащими къ нимъ конными батареями. Конно-Егерскій по усиленной моей просьбѣ былъ посланъ къ Мангаліи, для занятія эшелонами нашей дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ превосходнымъ сбереженіемъ всѣхъ этихъ полковъ, и, дѣйствительно, люди и лошади, казалось, только-что выступили въ походъ. Поблагодаривъ всѣхъ и взглянувъ на госпиталь и магазины въ Кюстенджи, государь поѣхалъ далѣе.

«Въ Мангаліи, небольшомъ городкѣ на берегу моря, онъ навѣстилъ больныхъ, которые, за недостаткомъ одного просторнаго помѣщенія,

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ Бенкендорфъ пишетъ: «Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія, дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ по непріятельской землѣ съ русскимъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ!»

Отсюда можно вывести заключеніе, что генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году.

размѣщались въ пятидесяти домахъ. На обходъ ихъ по смертельной духотѣ потребовалось слишкомъ два часа. Для всѣхъ этихъ маленькихъ госпиталей оставалось всего лишь два медика, и изъ нихъ уже одинъ лежалъ въ горячкѣ; всѣ прочіе пали жертвами утомленія и климата. Такой же недостатокъ былъ и во всей госпитальной прислугѣ, въ людяхъ, на кухняхъ и пр. Государя сильно разстроило это печальное положеніе. Къ вечеру (25-го августа) мы пріѣхали въ Коварну, гдѣ находился главный царскій обозъ. Государь и тутъ пошелъ осматривать больныхъ, а я занялся отправленіемъ обоза къ Варнѣ, куда за два дня передъ тѣмъ выступила гвардія [1]).

«Между тѣмъ и фрегатъ, везшій свиту изъ Одессы, прибылъ въ Коварну. Графъ Потоцкій сошелъ на берегъ для нужныхъ распоряженій, а въ слѣдъ затѣмъ государь, подъ вечеръ (26-го августа) сѣлъ въ шлюпку, которая, при очень сильномъ вѣтрѣ, привезла насъ на фрегатъ «Флору».

«На другое утро, 27-го августа, фрегатъ бросилъ якорь посреди флота противъ Варны. Видъ на нее во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли тутъ въ первый разъ. Греческія церкви и магометанскія мечети, возвышавшіяся надъ прочими строеніями, были дѣйствіемъ нашихъ бомбъ и ядеръ или разрушены или обезображены. Отрядъ, которымъ командовалъ прежде князь Меншиковъ и который мы оставили на высотахъ, далеко внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, спустился внизъ и, посредствомъ параллелей и траншей, пододвинулся къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Демонтиръ-батареи дѣйствовали съ промежутками, день и ночь, каждый изъ линейныхъ кораблей выходилъ по очереди на полъ-выстрѣла отъ города и громилъ его изъ своихъ орудій. Графъ Воронцовъ сталъ лагеремъ въ виноградникахъ и садахъ, которые давали все удобство прикрывать осадныя работы; часть экипажей съ судовъ была обращена въ прислугу на батареи; наконецъ, гвардейская пѣхота занимала гребень горы. Все это вмѣстѣ представляло картину очень разнообразную и живую. Государь и часть его свиты помѣстились на кораблѣ «Парижъ», а остальные—въ палаткахъ возлѣ гвардейскаго лагеря, гдѣ расположился и обозъ.

[1]) Въ то время въ Коварнѣ, въ одной изъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной, лежало тѣло брата Александра Христофоровича Бенкендорфа, генералъ-адъютанта Константина Христофоровича, въ ожиданіи перевозки въ Одессу. Онъ занемогъ отъ трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ этой войной, находясь съ отрядомъ въ Праводахъ, гдѣ не было ни лѣкаря, ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной помощи.

„Государь въ благодушіи своемъ“,—пишетъ А. Х. Бенкендорфъ—„желая, чтобы я не видѣлъ этотъ дорогой гробъ, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло моего брата еще въ Коварнѣ, а самого меня, во время осмотра имъ города, услалъ въ лагерь“.

*

«Государь сошелъ на берегъ (въ день прибытія къ флоту 27-го августа) для свиданія съ княземъ Меншиковымъ, очень страдавшимъ отъ своей раны, а также для осмотра разныхъ лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ [1]). Число тѣхъ и другихъ возрастало ежедневно, и государь, съ истинно отеческою заботливостью, не пропускалъ ни одного дни, чтобы ихъ не навѣстить».

Императоръ Николай проводилъ ежедневно утро въ осадномъ лагерѣ, гдѣ велѣлъ раскинуть для себя палатку, и только къ закату солнца возвращался на «Парижъ», нерѣдко при сильномъ вѣтрѣ; спускъ на берегъ или всходъ на корабль сопряжены были съ крайнею опасностью. 9-го (21-го) сентября государь вызвалъ къ себѣ графа Дибича, повелѣвъ однако фельдмаршалу оставаться по-прежнему подъ Шумлою.

Несмотря на постепенное усиленіе средствъ атаки, турки съ необыкновеннымъ упорствомъ и свойственнымъ имъ искусствомъ, отстаивали шагъ за шагомъ осажденную крѣпость. Наступила половина сентября, а между тѣмъ нельзя было еще предвидѣть конца осады; взятіе же Варны являлось необходимымъ заключительнымъ дѣломъ оканчивающейся неудачной кампаніи 1828 года и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія на Балканскомъ полуостровѣ.

Всѣ усилія атакующаго, съ самаго открытія постепенной атаки, ошибочно направлены были противъ перваго (приморскаго) бастіона Варны и не обѣщали рѣшительнаго результата. Хотя къ 12-му (24-му) сентября открыты были уже въ крѣпости двѣ бреши, одна въ первомъ бастіонѣ, а другая въ куртинѣ, примыкавшей къ второму бастіону, но существованіе ихъ нисколько не подвигало насъ къ завѣтной цѣли всѣхъ стремленій. Правда, брешь въ приморскомъ бастіонѣ была доступна для штурмующихъ колоннъ, но не подлежало сомнѣнію, что занятіе бастіона было бы сопряжено съ значительными потерями, а недавній примѣръ Браилова былъ еще у всѣхъ на свѣжей памяти. Что же касается бреши въ куртинѣ возлѣ втораго бастіона, то она независимо отъ своей неудобовосходимости еще прикрыта была находившейся во рву глубокой рытвиной, размѣры которой невозможно было изслѣдовать. Занятіе же бреши одного перваго бастіона, по мѣстнымъ особенностямъ этой части крѣпостныхъ верковъ, было бы недостаточно для овладѣнія Варною.

Въ такомъ незавидномъ положеніи находились осадныя работы, когда 12-го (24-го) сентября, къ Варнѣ прибылъ командующій л.-гв. сапернымъ баталіономъ полковникъ Шильдеръ, оставшійся по бо-

---

[1]) При посѣщеніи князя Меншикова, государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго. 31-го августа раненаго князя перенесли на фрегатъ „Флору“, здѣсь его вторично посѣтилъ государь. На этомъ фрегатѣ князь Меншиковъ былъ перевезенъ въ Николаевъ.

лѣзни въ Коварнѣ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Шильдеръ предложилъ новый планъ дѣйствій, имѣвшій цѣлью вѣроятное овладѣніе крѣпостью безъ штурма. 15-го (27-го) сентября онъ имѣлъ счастье лично представить свои соображенія императору Николаю, и государь повелѣлъ немедленно приступить къ выполненію вновь предложенныхъ осадныхъ работъ.

Планъ полковника Шильдера состоялъ въ томъ, чтобы перенести атаку на середину куртины, между первымъ и вторымъ бастіонами, и устроивъ въ куртинѣ пространный ложементъ, дѣйствовать изъ него по городу, принудивъ крѣпость къ сдачѣ безъ штурма. Но для исполненія новыхъ работъ, при значительномъ ихъ количествѣ, недоставало рабочихъ, а потому было рѣшено и государемъ одобрено обратить главную атаку не на куртину, какъ предполагалъ Шильдеръ, а на второй бастіонъ, обрушивъ его минами. Къ работамъ приступлено было 15-го (27-го) сентября. Находчивость и изобрѣтательность полковника Шильдера преодолѣли всѣ усилія храбрыхъ защитниковъ, и 22-го сентября (4-го октября) второй бастіонъ взлетѣлъ на воздухъ и при томъ такъ, что онъ всталъ вверхъ дномъ, обратившись фронтомъ къ непріятелю; открылась здѣсь пологая брешь и выброшенной землей засыпалась часть водянаго ровика, находившагося въ глубинѣ рытвины.

Какъ только государь получилъ донесеніе объ удачномъ взрывѣ втораго бастіона, онъ послалъ полковнику Шильдеру, чрезъ флигель-адъютанта князя Суворова, орденъ св. Георгія 4-ой степени.

Продолжая преслѣдовать намѣченную имъ цѣль, овладѣть крѣпостью безъ штурма, Шильдеръ съ разсвѣтомъ 23-го сентября (5-го октября) приступилъ къ веденію подступовъ по скату воронки, чтобы безъ большихъ потерь приблизиться къ ея гребню, обращенному къ непріятелю, и утвердиться на немъ.

Между тѣмъ почему-то рѣшено было 25-го сентября штурмовать брешь перваго бастіона, образованную въ немъ взрывомъ, произведеннымъ еще 21-го сентября. Безцѣльный штурмъ стоилъ намъ до 200 человѣкъ убитыми и ранеными и не привелъ къ цѣли. Послѣ этой неудачи возвратились снова къ дальнѣйшему исполненію работъ, предложенныхъ по первоначальному плану полковника Шильдера, и приступили къ заложенію минъ въ куртинѣ для образованія въ ней бреши.

Въ это время турки пришли наконецъ къ убѣжденію въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія и приступили къ переговорамъ. 28-го сентября (10-го октября) повелѣно было прекратить осадныя работы.

Но передъ описаніемъ самой сдачи Варны, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ нашихъ на южной сторонѣ осажденной крѣпости.

По недостатку числительной силы осадныхъ войскъ, турки долгое время сохраняли свободу своихъ сообщеній въ южной части города. Только съ приходомъ гвардіи оказалось возможнымъ подумать о довершеніи обложенія и приступить къ нѣкоторымъ мѣрамъ, клонившимся къ пресѣченію неудобствъ, сопряженныхъ съ подобною обстановкою. Турки, пользуясь нашею малочисленностью, двинули войска для выручки осаженнаго города, и съ южной стороны Варны появился Омеръ-Вріоне съ 30.000 человѣкъ. Съ нашей стороны одною изъ первыхъ мѣръ для наблюденія за сообщеніями непріятеля на этой мѣстности, было расположеніе слабаго отряда генералъ-адъютанта Головина на полуостровѣ Галата, тыломъ къ мысу Галата-Бурну; занятую здѣсь позицію укрѣпили редутами.

Операціи, предпринятыя нами затѣмъ на южной сторонѣ Варны, среди лѣсистой, гористой и сильно пересѣченной мѣстности, ознаменованы были двумя неудачами: въ Гассанъ-Ларѣ и при Куртепэ.

Первое дѣло происходило 10-го (22-го) сентября, въ которомъ польской арміи флигель-адъютантъ, графъ Залускій безцѣльно погубилъ, по собственной неосторожности, л.-гв. Егерскій полкъ. Послѣ Гассанъ-Ларскаго дѣла войска генералъ-адъютанта Головина были усилены до 8.000 человѣкъ, начальство надъ которыми принялъ генералъ-адъютантъ Бистромъ. 16-го (28-го) сентября турки атаковали занятую нами позицію, но были отбиты, послѣ чего Омеръ-Вріоне отошелъ къ Куртепэ (Волчья гора), гдѣ приступилъ къ устройству укрѣпленнаго лагеря. Въ это время со стороны Шумлы придвинулся принцъ Евгеній Виртембергскій. Силы, которыми онъ располагалъ, были весьма слабы и въ общей сложности не превосходили 8.000 человѣкъ. Императоръ Николай повелѣлъ принцу рѣшительно атаковать позицію Омеръ-Вріоне и соединиться съ отрядомъ генералъ-адъютанта Бистрома [1]). 18-го (30-го) сентября произошелъ въ Куртепэ кровопролитный бой, стоившій намъ до 1.400 человѣкъ. Турки удержались на своей позиціи. Атака, произведенная противъ нихъ въ тотъ же день отрядомъ генералъ-адъютанта Бистрома, также была отбита съ потерею 500 человѣкъ.

---

[1]) Принцъ Евгеній исполнилъ полученное приказаніе, признавая однако предписанную ему атаку: „entreprise trop téméraire“.

До и послѣ боя 18-го сентября происходили большія несогласія между генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ и принцемъ Евгеніемъ, весьма невыгодно повліявшія на происходившія здѣсь операціи. Дошло до того, что послѣ боя принцъ написалъ графу Дибичу: поведеніе Сухозанета превосходитъ предѣлы возможнаго снисхожденія. Интриговалъ также и графъ Дибичъ. Впослѣдствіи императоръ Николай сказалъ принцу Евгенію: „Если тутъ кто виноватъ, то это я одинъ, такъ какъ я далъ повелѣніе къ нападенію; но бѣда учитъ разуму.

«Атака на Кургенэ»,—пишетъ графъ Мольтке,—«является однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ похода 1828 года; хотя предположенное нападеніе и не увѣнчалось успѣхомъ, но храбрость русскихъ войскъ произвела на турокъ столь сильное впечатлѣніе, что послѣдствія этого боя существеннымъ образомъ повліяли на исходъ кампаніи. Примѣръ этотъ служитъ новымъ доказательствомъ, насколько строгое повиновеніе, даже среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, представляетъ одну изъ первѣйшихъ военныхъ добродѣтелей. Вынужденный противъ своей воли руководить предпріятіемъ, успѣхъ котораго казался ему сомнительнымъ, принцъ Евгеній выполнилъ полученныя приказанія съ полною рѣшимостью и слѣпымъ повиновеніемъ. Только два баталіона оставлены были имъ въ резервѣ; всѣ прочія части выдержали кровопролитный бой, при чемъ пѣхота, почти совершенно лишенная содѣйствія кавалеріи и артиллеріи, дѣйствуя какъ бы ощупью, сражалась съ истинною львиною храбростью» [1]). Послѣ боя 18-го (30-го) сентября положеніе Омеръ-Вріоне было блистательное. Насталъ самый рѣшительный моментъ всей кампаніи. Освобожденіе Варны было во власти Омера и могло сопровождаться для насъ самыми плачевными послѣдствіями, даже обратнымъ движеніемъ за Дунай. Но, къ счастію, ничего подобнаго не случилось. Омеръ-Вріоне пробылъ одиннадцать дней въ бездѣйствіи въ лѣсу; слышалъ, какъ взрывали въ Варнѣ одну мину за другою, и остался безучастнымъ свидѣтелемъ успѣховъ осаждающаго. Когда же русскія знамена взвились на развалинахъ крѣпости, онъ совершилъ поспѣшное отступленіе за Камчикъ, какъ бы пораженный событіемъ, подготовленнымъ собственнымъ бездѣйствіемъ.

3-го (15-го) октября турки пытались перейти снова Камчикъ, но были отброшены съ большимъ урономъ [2]). Послѣ этого неудачнаго наступленія, турки удалились въ Балканы, оставивъ противъ насъ небольшія партіи.

«Конечно»,—справедливо заключаетъ графъ Мольтке,—«отношенія, существующія между албанскимъ пашей и оттоманскою Портой, не могутъ быть сравниваемы съ отношеніями европейскаго полководца къ своему державному вождю и отечеству. Дѣйствіями Омеръ-Вріоне руководили, вѣроятно, не стратегическія, но совершенно инаго рода соображенія».

Между тѣмъ какъ эти событія происходили на южной сторонѣ

---

[1]) Moltke, Der Russich-Turkiscke Feldzug 1828 und 1829.

[2]) Въ дѣлѣ 3-го октября 1828 года принцъ Евгеній Виртембергскій въ послѣдній разъ распоряжался русскими войсками. Въ слѣдъ затѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе императора Николая отправиться въ Петербургъ; здѣсь онъ присутствовалъ при похоронахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣ чего удалился за границу.

крѣпости Варны, Юсуфъ-паша, 28-го сентября (10-го октября) вышелъ изъ крѣпости и предалъ себя подъ покровительство императора со своими сторонниками. «Вскорѣ вокругъ насъ»,—замѣчаетъ Бенкендорфъ,—«толпилось гораздо болѣе турокъ, чѣмъ русскихъ». Капуданъ-паша Изетъ-Мегметъ сначала не хотѣлъ присоединиться къ капитуляціи. Онъ удалился въ цитадель внутри города и тамъ грозилъ взорвать себя на воздухъ съ остатками вѣрныхъ защитниковъ крѣпости. Начатый тогда, по совѣту Юсуфа-паши, сильный огонь съ флота и съ батарей побудилъ, однако, остатокъ гарнизона и многихъ жителей со своими семействами выйти изъ города, а затѣмъ 29-го сентября (11-го октября), когда Капуданъ-пашѣ съ вооруженнымъ конвоемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ обѣщанъ былъ свободный выходъ изъ города, крѣпость покорилась императору Николаю. Остальной гарнизонъ до 6.000 человѣкъ сдался военно-плѣннымъ.

Государь, прибывъ утромъ въ лагерь, видѣлъ уже турецкій гарнизонъ, выходившій изъ крѣпости [1]), и затѣмъ отправился осматривать осадныя работы. Спустившись въ ровъ, изъ котораго ведены были минныя работы, и осмотрѣвъ тщательно все сдѣланное нашими саперами, Николай Павловичъ поднялся на варнскія твердыни, увѣнчанныя турами атакующаго. Турки, по свидѣтельству Бенкендорфа, спокойно сидѣли за трубками и равнодушно глядѣли на побѣдителей.

Прославившимся въ эту войну своими подвигами 13-му и 14-му Егерскимъ полкамъ предоставлено было первымъ вступить въ сдавшуюся крѣпость; за ними слѣдовалъ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, а за нимъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, почесть—оказанная войскамъ, наиболѣе отличившимся при осадѣ Варны.

30-го сентября (12-го октября) свободнымъ войскамъ осаднаго корпуса повелѣно было собраться въ лагерѣ для принесенія благодарственнаго молебствія. По прибытіи императора Николая, началось богослуженіе. Громъ орудій полевой артиллеріи и съ кораблей возвѣстилъ славное окончаніе кровавой борьбы подъ Варною. Послѣ молебствія государь объѣзжалъ войска и милостиво привѣтствовалъ каждый полкъ. Когда потомъ его величество подошелъ къ гвардейскимъ саперамъ, августѣйшій шефъ самъ привязалъ къ знамени георгіевскій крестъ, говоря: «вы это заслужили; мнѣ пріятно, что не забыли вы словъ покойнаго государя, когда дано было вамъ это знамя, что при первомъ случаѣ промѣняете его на георгіевское,—осада Варны оправдала мои ожиданія». Завязавъ ленту, государь поцѣловалъ крестъ. На глазахъ многихъ навернулись слезы и самъ императоръ прослезился. Осмотрѣвъ всѣ другія

[1]) Письмо императора Николая, цесаревичу Константину Павловичу 1-го (13-го) октября 1828 г. съ корабля „Парижъ."

войска, снова приблизился онъ къ лейбъ-гвардіи Саперному баталіону и сказалъ: «Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ. Вы мнѣ, старому своему товарищу, дали этотъ прекрасный праздникъ» [1]).

Командующій баталіономъ полковникъ Шильдеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ командиромъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Съ этого времени, во все продолженіе своей службы, генералъ Шильдеръ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ и высокимъ расположеніемъ императора Николая.

Императоръ Николай щедро наградилъ всѣхъ участниковъ славной осады Варны. Графъ Воронцовъ получилъ шпагу съ алмазами съ надписью: «за взятіе Варны», а графъ Дибичъ—орденъ св. Андрея Первозваннаго. Государь не позабылъ также въ эти радостныя минуты раненаго Меншикова и пожаловалъ ему турецкую пушку.

Графу Воронцову повелѣно было возвратиться къ мѣсту своего прежняго служенія. Въ то же время онъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Михаилъ Семеновичъ! Воздавъ жертву должной хвалы и благодаренія Богу, поборающему правдѣ и увѣнчавшему оружіе россійское новымъ блистательнымъ успѣхомъ, я желаю почтить память моего предшественника, утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подъ стѣнами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ, ратуя подъ знаменемъ христовымъ, мужественный сынъ Ягайлы, Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія не знаемо, но да будетъ ему воздвигнутъ въ самой столицѣ Польши памятникъ, его достойный. Назначивъ для сего ей въ даръ 12 турецкихъ пушекъ изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ по распоряженію его императорскаго высочества цесаревича, въ честь герою и въ честь храбрымъ россійскимъ войскамъ, отмстившимъ побѣдою за его паденіе. Возлагая на васъ исполненіе моей воли, пребываю вамъ всегда благосклонный».

Цесаревичу Константину Павловичу государь писалъ: «я жалую Варшавѣ 12 орудій, какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія, что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ, чтобы отомстить смерть другаго польскаго короля. Да сблизятся поляки и русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій моего разума. Быть можетъ, подаренныя пушки докажутъ то, что я высказываю вамъ здѣсь этими словами». Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай въ письмѣ къ

---

[1]) А. Волькенштейнъ: „Исторія лейбъ-гвардіи Саперная баталіона 1812—1852". С.-Петербургъ 1852 г. Исторія баталіона была прочитана императоромъ Николаемъ въ рукописи и собственноручно имъ исправлена.

брату отозвался съ величайшей похвалой о польскихъ офицерахъ, прикомандированныхъ къ арміи; находившагося при немъ полковника Гауке назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ.

Торжественный въѣздъ императора Николая въ Варну въ сопровожденіи всего штаба и иностранныхъ дипломатовъ состоялся 1-го (13-го) октября. «Смерть Владислава отомщена»,—сказалъ государь, въѣзжая въ крѣпость [1]).

«Насъ обдало,—пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—такимъ невыносимымъ смрадомъ, отъ безчисленнаго множества падали всякаго рода и человѣческихъ тѣлъ, такъ дурно похороненныхъ, что у иныхъ торчали ноги, а другія едва прикрыты были нѣсколькими лопатками земли. Страшная неопрятность еще болѣе заражала воздухъ. Невозможно описать положеніе, въ которое приведенъ былъ городъ бомбардированіемъ. Вездѣ встрѣчались полуразрушенныя мечети; дома, пронизанные ядрами, или обрушившіеся отъ разрыва бомбъ; цѣлые кварталы, обращенные въ груды развалинъ, безъ всякаго почти слѣда бывшихъ тутъ прежде зданій. Какимъ-то чудомъ только уцѣлѣла греческая церковь, хотя именно та часть города, въ которой она находилась, наиболѣе пострадала отъ огня нашего флота и сухопутныхъ батарей. Государь остановился передъ этою церковью, очень маленькою, мрачною и построенною во дворѣ, велѣлъ отслужить въ ней благодарственное молебствіе. Это священнослуженіе, посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ, угнетенномъ полулуніемъ храмѣ имѣло что-то неописуемо поразительное».

По волѣ императора Николая подвигъ гвардейскихъ саперъ подъ Варною увѣковѣченъ былъ впослѣдствіи прекрасной картиной профессора Зауервейда, помѣщенной въ одной изъ залъ Зимняго дворца. Она изображаетъ переходъ черезъ ровъ и рытвину, противъ втораго бастіона, и моментъ вѣнчанія воронки, произведенной въ немъ взрывомъ; кисть художника съумѣла воспроизвести съ поразительною вѣрностью всѣ подробности осадныхъ работъ [2]).

---

[1]) Владиславъ III, король польскій и венгерскій, погибъ подъ стѣнами Варны, въ битвѣ съ султаномъ Амуратомъ, 10-го ноября 1444 года.

[2]) Профессоръ Зауервейде пользовался при выполненіи своей картины указаніями генерала Шильдера, который, самъ умѣя отлично рисовать, руководилъ художника своими совѣтами, основанными на личныхъ воспоминаніяхъ и на ближайшемъ знакомствѣ со всѣми подробностями дѣла. Лица нижнихъ чиновъ, изображенныхъ на первомъ планѣ картины, по большей части портреты дѣйствительныхъ участниковъ осадныхъ работъ подъ Варною.

П. Н. Глѣбовъ въ статьѣ объ осадѣ Варны, напечатанной въ 1843 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, пишетъ по поводу картины Зауервейда: „Въ этой картинѣ такъ много ума, воображенія, истины и умѣнія разнообразить однообразіе, а главное, такъ вѣрно схвачены всѣ подробности сапныхъ ра-

Утромъ 2-го (14-го) октября императоръ Николай прибылъ на южную сторону крѣпости Варны къ отряду генералъ-адъютанта Бистрома. Онъ благодарилъ войска, обнялъ предводителя ихъ и самъ повелъ находившіеся здѣсь полки гвардейскаго корпуса, съ распущенными знаменами, черезъ крѣпость на сѣверную сторону, гдѣ они расположились лагеремъ [1]).

Въ виду предстоящаго отъѣзда изъ арміи, по случаю окончанія кампаніи 1828 года, императоръ Николай лично распорядился относительно размѣщенія арміи по зимнимъ квартирамъ, устройства госпиталей и магазиновъ, а также исправленія варнскихъ укрѣпленій. Гвардію рѣшено было немедленно отправить на зимнія квартиры въ Подольскую губернію, въ Тульчинъ [2]).

Въ особомъ рескриптѣ отъ 2-го (14-го) октября, на имя главнокомандующаго, императоръ Николай ввѣрилъ ему ближайшее исполненіе всѣхъ распоряженій, связанныхъ съ зимнимъ расквартированіемъ войскъ; графъ Дибичъ долженъ былъ оставаться при фельдмаршалѣ еще нѣкоторое время до полнаго устройства дѣлъ и окончанія похода. Намѣреніе государя было возвратиться въ Россію сухимъ путемъ, но адмиралъ Грейгъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ склонили его отправиться моремъ; онъ пересѣлъ на корабль «Императрица Марія», который 2-го (14-го) октября поднялъ паруса при столь попутномъ вѣтрѣ, что можно было надѣяться черезъ три дня прибыть въ Одессу. Корабль сопровождали яхта «Утѣха» и пароходъ «Метеоръ».

Въ тотъ же день отплылъ и фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ помѣщены были иностранные дипломаты, находившіеся при государѣ въ арміи [3]).

Императора Николая сопровождали: графъ Воронцовъ, графъ Нессельроде, генералъ-адъютанты Бенкендорфъ, графъ Орловъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій и прусскій генералъ Ностицъ. Кораблемъ «Императрица Марія» командовалъ капитанъ Папа-Христо.

По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го (15-го) октября, довелъ суда благополучно до высоты георгіев-

---

ботъ, что, вглядѣвшись въ нее, невольно переносишься на самое мѣсто славнаго подвига полковника Шильдера. Словомъ, картина г. Зауервейда лучше всякихъ описаній знакомитъ съ окончательнымъ актомъ осады Варны".

[1]) Н. Лукьяновичъ: „Біографія генералъ-адъютанта Бистрома". С.-Петербургъ 1841, стр. 42.

[2]) Гвардія перешла Дунай въ Сатуновѣ (въ августѣ) въ составѣ 25.518 человѣкъ нижнихъ чиновъ. При обратномъ переходѣ черезъ Дунай, возвращаясь въ предѣлы Россіи, въ строю находилось 19.474 человѣка.

[3]) Плѣнный Юсуфъ-паша позже отвезенъ былъ въ Одессу на фрегатѣ „Рафаилъ". —Это былъ тотъ самый фрегатъ, который въ слѣдующемъ 1829 году сдѣлался добычею турокъ.

скихъ дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до десятаго часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный вѣтеръ (NO) мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го (16-го) октября обратился въ сильный штормъ; дождь лилъ какъ изъ ведра. Штормъ свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду и началъ стихать только 5-го (17-го) октября, по полуночи въ шестомъ часу. Наконецъ корабль «Императрица Марія», пробывъ въ морѣ семь дней, бросилъ якорь на Одесскомъ рейдѣ ночью на 8-е (20-е) октября[1]).

По поводу этого страшнаго пріѣзда, очевидецъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, пишетъ:

«Мы были уже на половинѣ дороги къ Одессѣ, какъ вдругъ началась буря, превратившаяся вскорѣ въ совершенный штормъ. Въ нѣсколько минутъ у насъ совсѣмъ сломало бизань-мачту, повредило и другія, и

---

[1]) Въ донесеніи отъ 8-го (20-го) октября 1828 года генералъ-адъютанта Адлерберга графу Дибичу о плаваніи императора Николая отъ Варны до Одессы, написанномъ на кораблѣ по прибытіи его на рейдъ, событіе это изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го числа, довелъ корабль „Императрица Маріи“ благополучно до высоты Георгіевскихъ Дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до 10-го часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный NO вѣтеръ 4-го числа сдѣлался сильнымъ штормомъ, который свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду, началъ утихать только 5-го числа по полуночи въ шестомъ часу.

„Въ продолженіе сей бури, корабль потерялъ на фокъ-мачтѣ стенгу и брамстенгу и на бушпертѣ утлегеръ и бамутлегеръ съ парусами, и былъ увлеченъ отъ настоящаго курса своего назадъ, почти до высоты крѣпости Кюстенджи, а отъ берега слишкомъ на 70 миль. Качка была столь велика, что по всѣмъ палубамъ и на шканцахъ были протянуты веревки, дабы матросамъ можно было за оныя держаться. Государь императоръ много страдалъ отъ морской болѣзни, и изъ всѣхъ сопровождавшихъ его величество не было никого здороваго. Его величество при семъ случаѣ сожалѣлъ весьма, что не предпринялъ обратную дорогу сухимъ путемъ. По окончаніи бури вѣтеръ продолжалъ дуть противный и только въ ночь съ 5-го на 6-е число сдѣлался попутнымъ, въ полдень же 6-го числа вновь сдѣлался противнымъ, что и принудило лавировать и лишь 8-го числа во второмъ часу утра корабль „Императрица Марія“ бросилъ якорь въ Одесскомъ рейдѣ и государь императоръ съѣхалъ на берегъ, гдѣ ожидаютъ его величество дорожные экипажи“.

Копія съ этого донесенія была послана цесаревичу Константину Павловичу и великому князю Михаилу Павловичу.

Императоръ Николай писалъ цесаревичу уже по пріѣздѣ въ Петербургъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года:

„Nous avons eu en mer la nuit du 3 au 4 et jusqu'à celle du 5 une tempête horrible qui a failli nous faire faire le voyage de Constantinople au lieu d'ici; vous ni avouerez que l'erreur eut été un peu forte; enfin, grâce au bon Dieu, c'est passé et n'y pensons plus“.

порвало снасти. Волненіе сдѣлалось такъ сильно, что невозможно было ни предупреждать, ни исправлять поврежденій; оставалось закрѣпить руль и отдаться на произволъ волнамъ. Всѣ особы свиты легли по койкамъ; большая часть прислуги и даже экипажа страдала морскою болѣзнію. Только государь, графъ Потоцкій и я были здоровы и на ногахъ, цѣпляясь за все встрѣчное, когда хотѣли передвинуться съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ такъ ревѣлъ, что нельзя было разслышать другъ друга иначе, какъ крича на ухо, а въ прибавокъ ко всему этому и воздухъ охладился до нестерпимости. Насъ неудержимо гнало къ враждебнымъ берегамъ Босфора. Въ продолженіе двадцати часовъ корабль уже уклонялся въ этомъ направленіи отъ настоящаго курса, слишкомъ на 60 миль, и не было никакого средства бороться противъ этой новой опасности. Еще сутки такой же бури, и русскаго монарха выбросило бы на турецкую землю! Государь, остававшійся неизмѣнно твердымъ и снисходительнымъ, упрекнулъ меня въ данномъ мною совѣтѣ плыть моремъ лишь словами, что ему непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Петербургъ къ 1-му октября, т. е. къ рожденію его матушки, но теперь эта задержка, вѣроятно, тому воспрепятствуетъ. Наконецъ, послѣ 26-ти часовой бури, вѣтеръ, перемѣнивъ отчасти направленіе, сталъ нѣсколько ослабѣвать и позволилъ намъ, по крайней мѣрѣ, не пятиться назадъ. Люди принялись за работу со всѣмъ жаромъ, который имъ внушало присутствіе государя, главнѣйшія поврежденія были по возможности исправлены, и корабль сталъ слушаться руля. Къ послѣобѣденной порѣ вѣтеръ стихъ и принялъ попутное намъ направленіе; но на морѣ была еще такая зыбь, что огромный нашъ линейный корабль качало какъ бы легкій яликъ. Къ Одессѣ мы подошли только съ наступленіемъ ночи (8-го октября). Надо было обратиться къ помощи ночныхъ сигналовъ и бросить якорь довольно далеко отъ города, чтобы избѣжать несчастья, если бы мы слишкомъ приблизились къ рейду. Погода была ужасная. Несмотря на холодный пронзительный вѣтеръ, государь сѣлъ въ шлюпку, которая отвезла его къ Одесской пристани [1]).

«Онъ явился въ домъ графа Воронцова къ восхищенію жителей всего города, страшившихся за дни своего монарха. Вѣсть объ отправленіи его, въ такую бурю моремъ, и слѣдственно, о грозившей ему опасности привезъ за нѣсколько часовъ до того адъютантъ Михаила Павловича, посланный великимъ княземъ изъ Варнскаго лагеря, за извѣстіемъ о государѣ сухимъ путемъ. Буря перепугала и армію и

[1]) Фрегатъ „Пантелеймонъ“, на которомъ находились дипломаты, испыталъ одинаковую участь съ кораблемъ „Императрица Марія“. Гибель его казалась неизбѣжною, и онъ спасся какимъ-то чудомъ. Буря привела фрегатъ въ Севастополь.

флотъ; послѣдній, при всей удобности своей стоянки, довольно пострадалъ, а въ лагерѣ сорвало и разнесло палатки.

«На дорожныя наши приготовленія потребовалось немного времени, и въ четыре часа утра я уже сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ государемъ. Онъ остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались подъ церковными сводами. Въ соборѣ находился только одинъ священникъ, и нѣсколько свѣчей, зажженныхъ у иконъ, освѣщали царствовавшую въ немъ глубокую темноту. Этотъ отъѣздъ былъ печаленъ и хотя мы только-что освободились отъ смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастіе».

Императора Николая тяготило въ то время предчувствіе близости великаго несчастія, не отдавая себѣ отчета, какое именно горе готово поразить его. Государь признался въ этихъ чувствахъ цесаревичу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, и писалъ: «Quelque chose dirrisistible me poussait vers ici».

Мрачное предчувствіе государя, которое сообщилось и генералъ-адъютанту Бенкендорфу, въ минуту отъѣзда изъ Одессы, вскорѣ объяснилось: Николая Павловича ожидало въ столицѣ великое семейное горе.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Д. П. Рунича [1]).

I.

Воспитаніе при императрицѣ Екатеринѣ II.—М. Н. Карамзинъ.—Его заслуги и вліяніе на литературу того времени.—Московское общество въ концѣ царствованія Екатерины II.—Арестованіе Н. И. Новикова.

Упомянувъ о Новиковѣ, составившемъ эпоху въ русской литературѣ, я прежде, нежели перейти къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II, назову еще одну личность, выступившую на литературномъ поприщѣ одновременно съ нимъ и не менѣе его прославленную; это былъ Карамзинъ.

Древняя столица Имперіи была бѣдна учебными заведеніями. Университетъ существовалъ конечно не для дѣтей и юношества. Главное народное училище посѣщалось исключительно дѣтьми средняго сословія. Существовало, правда, два или три пансіона для дѣтей дворянъ и высшаго купечества; но знатное дворянство воспитывало своихъ дѣтей дома. Учители или гувернеры иностранцы получали

[1]) Извѣстный Александровскій дѣятель, Дмитрій Павловичъ Руничъ, оставилъ на французскомъ языкѣ записки двоякаго содержанія. Изъ нихъ печатаемыя нынѣ въ русскомъ переводѣ записки касаются политическихъ событій его времени, а другія, которыя также появятся на страницахъ „Русской Старины“, болѣе касаются событій его жизни. Къ сожалѣнію, нѣкоторые листы записокъ Рунича утрачены и, кажется, утрачена всякая надежда восполнить этотъ пробѣлъ. Вотъ почему нынѣ печатаемыя записки начинаются со словъ: „упомянувъ о Новиковѣ“. Предшествовавшія страницы не могли быть найдены.

въ знатныхъ домахъ отъ 500 до 2.000 рублей жалованія, что составляетъ по нынѣшнему курсу отъ 1.750 до 7.000 руб.; разумѣется, не всякій могъ расходовать подобную сумму. Профессоры университета давали уроки у себя на дому, но не преподавали въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, можно было начать латынь въ приготовительныхъ классахъ университета, но надобно было имѣть извѣстную подготовку для того, чтобы слушать лекціи профессоровъ.

Карамзинъ, изъ небогатыхъ дворянъ Симбирской губерніи, учился въ университетѣ. Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ уже окончилъ въ немъ курсъ. Онъ зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій настолько, что могъ читать классическія произведенія, написанныя на этихъ языкахъ, но его французское произношеніе изобличало иностранца, ибо всѣ тѣ, кои не принадлежали къ самымъ знатнымъ семьямъ, съ колыбели имѣвшимъ при дѣтяхъ французовъ или француженокъ, сохраняли на всю жизнь акцентъ, безобразящій благозвучный французскій языкъ; но Карамзинъ все же говорилъ по-французски и по-нѣмецки вполнѣ правильно. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ числу московскихъ масоновъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ состоялъ со многими изъ нихъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ и благодаря этому былъ принятъ въ домѣ одного изъ членовъ братства—Плещеева, человѣка богатаго, происходившаго изъ стариннаго дворянскаго рода. Мое семейство было связано дружбою съ семействомъ Плещеевыхъ, и у нихъ въ домѣ, еще ребенкомъ, я увидѣлъ Карамзина до его поѣздки за границу. Плещеевы оказывали ему столь дружеское расположеніе, что онъ былъ принятъ у нихъ въ домѣ какъ родной. Жизнь ему ничего не стоила. Всѣ его надобности и желанія предупреждались. Хотя расходы, сопряженные съ путешествіемъ по Европѣ, были въ то время гораздо менѣе значительны, нежели теперь, однако при самой большой аккуратности все же надобно было имѣть нѣкоторыя средства, чтобы посѣтить страны, которыя Карамзинъ объѣхалъ въ два или три года, хотя онъ и путешествовалъ одинъ, то съ котомкою за плечами, то въ дилижансѣ или почтовой телѣгѣ, то верхомъ или пѣшкомъ. Карамзинъ посѣтилъ славившіеся своею ученостью города Германіи и Швейцаріи, былъ въ Парижѣ и Лондонѣ; въ то время еще не было пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Онъ выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи слуги Плещеевыхъ, извѣстнаго по письмамъ русскаго путешественника подъ названіемъ добродушнаго Ильи, который возвратился изъ Риги или съ границы въ то время, когда Карамзинъ переступилъ предѣлы отечества. Карамзинъ возвратился въ Москву, не помню хорошенько незадолго до взятія Бастиліи или вскорѣ послѣ этого событія; въ это именно время я видѣлъ его часто до самой кончины императрицы Екатерины II.

Карамзину было въ то время 26—30 лѣтъ. Онъ былъ красивъ собою и весьма любезенъ; по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, онъ напускалъ на себя нѣмецкій педантизмъ, много курилъ, говорилъ обо всемъ, любилъ засиживаться далеко за полночь, бесѣдовать, слушать разсказы, хорошо поѣсть и всласть попить чаю. Крошечную комнату, которую онъ занималъ въ одномъ изъ деревянныхъ флигелей дома Плещеевыхъ, онъ превратилъ въ кабинетъ ученаго. Груды книгъ на полкахъ, на окнахъ, диванахъ, столахъ, на полу, свидѣтельствовали о человѣкѣ трудящемся, главнымъ занятіемъ котораго была литература.

Нѣсколько времени спустя онъ предпринялъ изданіе перваго русскаго журнала, названнаго имъ «Московскій журналъ», въ коемъ печатались по преимуществу его «Письма русскаго путешественника» и отдѣльныя статьи въ стихахъ и прозѣ, а также критическій разборъ новыхъ книгъ, выходившихъ на русскомъ или на иностранныхъ языкахъ. До него всякая печатная книга почиталась хорошею; всякое сочиненіе—ученымъ, всякій слогъ—правильнымъ! Его слогу стали подражать наши извѣстнѣйшіе писатели. Русскій языкъ, на которомъ говорятъ прекрасно воспитанные и образованные люди нашего времени—есть языкъ Карамзина!

Занятый изданіемъ журнала, онъ дѣлалъ въ то же время отличные переводы съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ переведенные имъ нравственные разсказы Мармонтеля. Такъ какъ въ то время самымъ правильнымъ и изящнымъ слогомъ, заслуживающимъ подражанія, считался слогъ Хераскова, то новый Карамзинскій слогъ произвелъ большой переворотъ и вызвалъ сильную оппозицію! Поклонники стариннаго русскаго языка, поклонники Ломоносова и Хераскова, возстали противъ Карамзина, увидавъ, что онъ не преклоняется передъ стариной. Его обороты рѣчи, введенные имъ галлицизмы и французскія слова, которыя онъ употреблялъ, стараясь обрусить ихъ, возстановили противъ него ученыхъ и простыхъ читателей, знакомыхъ только съ обрусѣлымъ славянскимъ языкомъ. Несмотря на это, Карамзинъ твердо и неуклонно продолжалъ трудиться надъ обновленіемъ языка и слога.

Его эротическія стихотворенія и сказки, его поверхностная философія и въ особенности его критика возстановили противъ него глупцовъ и педантовъ, ученыхъ и невѣждъ! Въ него кидали камнемъ съ одной стороны, тогда какъ съ другой его превозносили до небесъ! Одни добивались его похвалы, старались подражать ему, а другіе осмѣивали и порицали его, называли онѣмеченнымъ русакомъ, исказителемъ русскаго языка! Я былъ въ то время еще совершенно юный, но счелъ возможнымъ подражать ему и издалъ въ 1795 г. жалкій переводъ на русскій языкъ путешествія милэди Кравенъ, а позднѣе эпизодъ изъ

«les Fatalistes» Дидро; у меня до сихъ поръ хранится рукопись этого перевода, пересмотрѣнная и исправленная собственноручно Карамзинымъ. Эта любезность заставила меня возмечтать въ 17 лѣтъ, что и я принадлежалъ къ школѣ нашего перваго писателя. При появленіи въ его журналѣ «Бѣдной Лизы» я перевелъ ее немедленно на французскій языкъ. Я считалъ для себя весьма лестнымъ печатать свои литературные труды рядомъ съ трудами Карамзина!

Отдавъ полную справедливость этому человѣку, котораго я смѣло назову отцомъ современной русской литературы, я скажу, что философія этого знаменитаго писателя и его нравственные взгляды имѣли, къ величайшему сожалѣнію, чрезвычайно вредное вліяніе на нравы той эпохи.

Хотя у насъ и до Карамзина читали французскіе романы и сочиненія Руссо и Вольтера, но проповѣдуемые ими нравственные принципы не проникли въ общество и въ семью.

О Новой Элоизѣ или объ Элоизѣ и Абелярѣ не рѣшались упоминать въ присутствіи женщинъ. Говоря объ опасныхъ связяхъ или о Фобласѣ, легко было прослыть въ обществѣ человѣкомъ безнравственнымъ; однимъ словомъ: люди были не добродѣтельнѣе, чѣмъ теперь, но они считали нужнымъ быть добродѣтельными хотя для вида; извѣстная стыдливость сдерживала въ должныхъ границахъ разнузданность и даже развратъ.

Москва была всегда средоточіемъ недовольныхъ всевозможныхъ оттѣнковъ; они жаловались на любимцевъ Екатерины, на злоупотребленія начальствующихъ и чиновныхъ лицъ, но объ этомъ не говорили во всеуслышаніе! Присутствіе Шешковскаго и даже одно его имя постоянно напоминало болтунамъ поговорку: говорить правду, потерять дружбу. Даже о французской революціи говорили не иначе, какъ при закрытыхъ дверяхъ! Разсужденія и сочиненія Карамзина развязали всѣмъ языкъ!

Въ обществѣ стали говорить свободнѣе; начитавшись о Швейцаріи, въ письмахъ Карамзина стали превозносить счастливую жизнь въ этой странѣ. Взятіе и разрушеніе Бастиліи, арестованіе короля, отчетъ, представленный Неккеромъ въ собраніе нотаблей, убіеніе Людовика XVI и его жены, монтаньяры, фельянтинцы [1]), Мирабо, терроръ со всѣми его ужасами—таковы были темы, о которыхъ разсуждали съ видомъ знатоковъ и коими интересовались.

Карамзинъ слишкомъ рано сталъ восхвалять во всеуслышаніе свободу, коей пользуется народъ подъ небомъ Швейцаріи, которая, какъ онъ писалъ въ своихъ письмахъ объ этой странѣ, заставила его пасть ницъ

---

[1]) Члены политическаго клуба, собиравшіеся въ Парижѣ въ бывшемъ монастырѣ фельянтинцевъ. В. Т.

на эту благодатную землю и возблагодарить небо за то, что онъ понялъ впервые, что̀ значитъ достоинство человѣка! Этому нельзя было подражать въ Россіи, гдѣ при 10 и 20 градусномъ морозѣ земля бываетъ покрыта въ теченіе полугода снѣгомъ глубиною болѣе чѣмъ на футъ. Въ своихъ повѣстяхъ, сказкахъ и эротическихъ стихотвореніяхъ онъ говорилъ слишкомъ восторженно объ оттоманкахъ, составляющихъ наслажденіе женъ и отчаяніе мужей, и говорилъ это въ странѣ, гдѣ грѣхопаденіе считается до сихъ поръ величайшимъ преступленіемъ, посягающимъ на семейное счастье и на благо общества! Онъ превозносилъ въ своихъ стихахъ наслажденія, доставляемыя Вакхомъ и Венерою, въ слишкомъ восторженныхъ краскахъ для молодежи, которая уже стремилась свергнуть иго строгаго религіознаго воспитанія.

Начиная издавать журналъ, Карамзинъ имѣлъ въ виду единственно пріобрѣсти средства и независимость, которыя могло доставить ему это занятіе. Онъ писалъ о томъ, чего никто не говорилъ до него. Новизна и увлекательность его слога доставили ему многочисленныхъ читателей. Молодежь, всегда пылкая и увлекающаяся, стала подъ его эротическое, вакхическое и либеральное знамя; его первая цѣль была этимъ достигнута. Когда онъ пріобрѣлъ независимое положеніе, то его второю цѣлью сдѣлалось стремленіе къ извѣстности. Онъ достигъ и ея. Онъ сдѣлался извѣстенъ императору своими сочиненіями, въ особенности исторической запискою о Москвѣ. Во время коронаціи Александръ осыпалъ его милостями; онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ св. Владиміра 3-й степени; впослѣдствіи получилъ званіе русскаго исторіографа. По окончаніи «Исторіи государства Россійскаго» онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ Анненскую ленту. Его Исторія была напечатана на счетъ правительства въ его пользу. За первымъ изданіемъ послѣдовало нѣсколько другихъ, которыя принесли ему огромное состояніе. Вліяніе, коимъ онъ пользовался при дворѣ, доставило его женѣ и дѣтямъ такое видное положеніе, какимъ они никогда не могли бы пользоваться по праву рожденія. Въ обществѣ Карамзина очень уважали, и онъ имѣлъ свободный доступъ къ царской фамиліи.

Карамзинъ скончался 60 съ небольшимъ лѣтъ отъ рода. Менѣе нежели черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ взялъ впервые въ руки перо, отставной прапорщикъ и журналистъ сдѣлался оракуломъ русской литературы и исторіи. Послѣ его смерти, его женѣ и дѣтямъ была пожалована огромная пенсія въ 100 тысячъ рублей. Такъ-то все идетъ на этомъ свѣтѣ! Изъ его школы вышли Жуковскій, Пушкинъ, Марлинскій и прочіе лучшіе наши писатели. Литература и исторія Россіи одному ему обязаны своимъ блескомъ. Человѣкъ геніальный и хотя бы даже

*

интриганъ, не обладающій геніемъ, достигнутъ всегда благопріятныхъ результатовъ, если они появятся на свѣтѣ своевременно.

Новиковъ умеръ въ нищетѣ,—Карамзинъ жилъ въ роскоши. Въ то время, когда Новиковъ ставилъ на карту сотни тысячъ рублей, Карамзину нечего было ѣсть. Они были оба люди геніальные, но ихъ карьера была весьма различна, и они достигли самыхъ противуположныхъ результатовъ. Исторія гигантовъ представляетъ съ точки зрѣнія логики не мало любопытнаго.

Я говорилъ, что высшее московское дворянство было совершенно офранцужено. Въ то время были въ модѣ любительскіе спектакли. Мариво и Детуша играли въ совершенствѣ. Старикъ князь Бѣлосельскій, бывшій посланникомъ въ Туринѣ, Плещеевъ сынъ, Апухтинъ и Пушкинъ могли бы соперничать съ лучшими парижскими актерами. Въ салонахъ избраннаго общества были въ модѣ игры, чтенія, все то, что было принято во Франціи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ салонахъ царствовала французская вѣжливость, любезность и деликатность!

Молодежь хорошаго общества воспитывалась гувернерами французами или швейцарцами. Къ этимъ гувернерамъ относились не такъ, какъ къ слугамъ, какъ это было во Франціи до революціи, а какъ къ друзьямъ дома. Они же держали себя такъ, какъ будто они находились среди дикарей, кои должны почитать за счастіе, что они живутъ у нихъ и могутъ научить ихъ сдѣлаться людьми. Всѣ ихъ требованія исполнялись; въ праздничные дни въ ихъ распоряженіе предоставлялся экипажъ съ парой лошадей и лакеемъ. Само собою разумѣется, что эти господа, насмѣхаясь надъ русскими обычаями, религіей, надъ варварствомъ Россіи, внушали эти чувства и своимъ воспитанникамъ, коихъ они пріучали еще болѣе, нежели ихъ отцовъ и матерей, считать, что все русское стоитъ гораздо ниже французскаго. Дворянская семья, у которой не было гувернера или гувернантки француженки, считала себя несчастной. Нѣмцевъ не любили; англичанокъ въ Россіи было мало. Изъ англичанъ въ Москвѣ были только одни барышники, торговавшіе лошадьми, и лакеи. Изъ италіанцевъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ учителей пѣнія, всѣ остальные были бродяги, разнощики эстамповъ, зонтиковъ, пудры, помады и духовъ.

Высшее общество раздѣлялось на англомановъ и галломановъ, которые отличались по костюму; но нравы и обычаи у всѣхъ были французскіе. Англоманія выражалась исключительно въ любви къ лошадямъ англійской породы и къ скачкамъ, которыя ввелъ въ моду графъ Алексѣй Орловъ, жившій въ Москвѣ и владѣвшій великолѣпнѣйшими въ Россіи конскими заводами. Эти скачки ничѣмъ не отличались отъ ристалищъ, происходившихъ въ Англіи, и привлекали весь городъ. Я уже замѣтилъ, что во вкусахъ обѣихъ націй было много общаго: народъ

толпою устремлялся на эти зрѣлища. Красота лошадей, нарядъ жокеевъ, множество экипажей, туалеты дамъ, всадники и пѣшеходы—все вмѣстѣ представляло собою великолѣпное зрѣлище. Русскимъ, бывшимъ въ Парижѣ въ моментъ революціи, велѣно было возвратиться на родину или выѣхать изъ столицы Франціи. Послѣ казни короля и королевы сочли нужнымъ прервать всякое сношеніе съ этой страною, не налагая однако запрещенія на все то, что могло появиться изъ Франціи.

Даже республиканскія моды не подверглись гоненію. Въ обществѣ, подъ звуки клавесина распѣвали марсельезу и называли другъ друга citoyen (гражданинъ); однимъ словомъ, не преслѣдовали всѣхъ этихъ смѣшныхъ, внѣшнихъ проявленій (революціоннаго духа); впрочемъ, люди избраннаго общества, не придавая особеннаго значенія большимъ жабо, сучковатымъ палкамъ и тысячѣ другихъ глупостей, все же находили ихъ смѣшными. Страсть къ подражанію всему французскому доходила до того, что семейство Г.[1]), принадлежавшее къ числу знатнѣйшихъ въ Россіи, проведя долгое время въ Парижѣ, не отказалось, по возвращеніи въ Россію, отъ своего пристрастія ко всему французскому, несмотря на то, что санкюлоты истребляли аристократію. Въ этомъ семействѣ, игнорировавшемъ русскій языкъ, говорили только по-французски. Однажды, въ обществѣ, въ которомъ находились Г., зашла рѣчь о родствѣ, и одна изъ дамъ этой семьи, услыхавъ слово т е т к а, наивно спросила, что значитъ тетка?

Съ другой стороны, французы, жившіе въ Россіи и въ особенности въ Москвѣ, держали себя спокойно, нѣкоторые изъ нихъ даже приняли русское подданство и объявили себя врагами революціи; преподаватель Маратъ, воспитывавшій сына Салтыкова, человѣка богатаго и знатнаго, желая выказать публично отвращеніе, которое внушала ему фамилія его брата, гнуснаго Марата, просилъ какъ милости позволенія перемѣнить свою фамилію на Дюбудри—названіе деревни, въ которой родились онъ и его братъ, наводившій ужасъ на Парижъ. Кто бы могъ думать, что братъ Марата, оставившаго по себѣ столь печальную память, бывшій бѣднымъ учителемъ въ Москвѣ въ то время, когда его братъ обагрялъ Францію кровью, не желая носить одну фамилію съ нимъ, обратится къ монарху всея Россіи съ просьбою перемѣнить фамилію на названіе своего роднаго села Будри и что впослѣдствіи незаконный сынъ того же самаго современнаго гальскаго проконсула, извѣстный подъ именемъ Іоакима Мюрата, короля Неаполитанскаго, также перемѣнить фамилію Марата на Мюрата! Правда, перемѣна была не велика; онъ измѣнилъ въ фамиліи всего одну букву. Обманъ былъ невеликъ.

Екатерина, арестовавъ Новикова, полагала, что ей болѣе нечего опа-

---

[1]) Въ оригиналѣ фамилія не названа.

саться французской революціи. Я забылъ сказать, что когда Новиковъ былъ арестованъ ночью, то карету, въ которой его отвезли въ Шлиссельбургъ, конвоировалъ сильный отрядъ кавалеріи. Московскій генералъ-губернаторъ, князь Прозоровскій, желая придать особое значеніе отмѣнной услугѣ, оказанной имъ монархинѣ, сдѣлалъ видъ, будто онъ опасается, чтобы въ пользу столь важнаго преступника не было произведено волненія въ народѣ. Предполагали, какъ я уже сказалъ выше, что съ арестомъ Новикова все пойдетъ какъ слѣдуетъ, что всюду водворится порядокъ, и что масоны разсѣятся или будутъ разсѣяны. Поэтому оставили въ покоѣ священника Десницкаго, московскихъ щеголей, революцію, Робеспьера и Марата.

Эта терпимость продолжалась до кончины Екатерины. По всей вѣроятности, Шешковскій не оставался въ это время безъ дѣла, но всеобщее равнодушіе парализовало недовѣріе.

О революціи, еще не прекратившейся, говорили въ томъ же тонѣ, какъ о чумѣ, свирѣпствующей на Востокѣ. Декларація Марата о правахъ человѣка не произвела въ Россіи никакого впечатлѣнія и ознаменовалась только появленіемъ новыхъ палокъ. Нѣсколько богатыхъ молодыхъ помѣщиковъ, возвратившихся изъ Парижа, предавались разврату болѣе откровенно, чѣмъ прежде; но ихъ примѣръ встрѣтилъ подражателей только въ высшемъ кругу, да и число этихъ подражателей было не велико.

II.

Воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Н. И. Салтыковъ.—П. А. Зубовъ.—Генералъ-прокуроръ Самойловъ.— Князь Потемкинъ-Таврическій.—Злоупотребленія въ администраціи.—Взяточничество. — Кончина Екатерины II.

Несмотря на политическія треволненія и на свою старость, Екатерина занималась воспитаніемъ своихъ двухъ внуковъ Александра и Константина.

По выходѣ изъ дѣтскаго возраста они были отданы на попеченіе генерала Николая Салтыкова, получившаго позднѣе, уже въ царствованіе Александра, званіе графа и впослѣдствіи князя съ титуломъ свѣтлости. Екатерина руководила воспитаніемъ внуковъ лично, и желая показать, что она сама во все вникаетъ, написала собственноручно инструкцію генералу Салтыкову, для руководства въ должности, коей она его облекла. Это былъ наборъ общихъ мѣстъ относительно физическаго и нравственнаго воспитанія въ философскомъ

духѣ, изложенный на плохомъ русскомъ языкѣ. Слишкомъ извѣстному Лагарпу было поручено руководить научными занятіями обоихъ великихъ князей. Къ нимъ были приставлены въ качествѣ помощниковъ воспитателя дядьки въ званіи кавалеровъ.

Екатерина не могла сдѣлать худшаго выбора.

Салтыковъ не былъ способенъ руководить воспитаніемъ монарха, предназначеннаго судьбою царствовать со временемъ надъ обширнѣйшею въ мірѣ имперіей, которая отличается отъ прочихъ государствъ Европы своими нравами, религіей, своимъ положеніемъ и разнородными элементами, которые ее составляютъ. Бывшій военный, Салтыковъ хотя и принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Россіи, но самъ не получилъ такого воспитанія, которое могло бы развить въ немъ способность руководить умомъ и сердцемъ будущаго императора всероссійскаго. Хитрый и ловкій царедворецъ, онъ былъ даже опасенъ на ввѣренномъ ему посту. Для того чтобы удержать вліяніе при дворѣ, личные интересы повелѣвали ему лавировать, а онъ ставилъ свои личные интересы выше всѣхъ общественныхъ и легко подлаживался къ обстоятельствамъ. Не имѣя опредѣленныхъ правилъ, коими онъ руководствовался бы въ своей общественной дѣятельности, онъ былъ только отголоскомъ взглядовъ своего монарха и его любимцевъ. Этою отличительною чертою была отмѣчена вся его общественная карьера, продолжавшаяся свыше 40 лѣтъ.

Лагарпъ былъ еще менѣе способенъ руководить занятіями русскихъ великихъ князей. Его философскіе взгляды и политическіе принципы слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы распространяться о томъ, какъ неприлично было подчинять дѣтей русскаго царственнаго дома вліянію философа XVIII вѣка, швейцарца, человѣка совершенно чуждаго Россіи и по всей вѣроятности относившагося втайнѣ недоброжелательно къ ея политическому строю и къ религіи, исповѣдуемой въ Россіи, которую католическая и протестантская Европа считаетъ ересью, а энциклопедисты и философы всѣхъ оттѣнковъ считаютъ смѣшной и идолопоклонической; между тѣмъ какъ эта религія была единственнымъ цементомъ, связующимъ общественное зданіе и придавшимъ монархической власти ту сверхъестественную силу, которая свергла татарское иго, власть поляковъ и самого Наполеона.

Россіи нечего опасаться политическихъ переворотовъ. Нашествіе французовъ въ 1812 году вполнѣ доказало это. Она можетъ быть взволнована внутренними смутами, но политической цѣли при этомъ не можетъ быть. Огромное протяженіе страны, невѣжество большинства ея жителей, варварство полудикарей, именуемыхъ татарами, вотяками, сибирскими инородцами, самоѣдами, камчадалами, различіе вѣ-

роисповѣданій и степени образованія финовъ, лифляндцевъ, курляндцевъ, поляковъ, армянъ, великоруссовъ, малороссовъ и черноморскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ,—всѣ эти разнородные элементы не допускаютъ мысли, чтобы въ Россіи могло существовать единство взглядовъ, цѣлей и образа дѣйствія. Для Россіи политика существуетъ только въ отношеніи къ ея границамъ. Россіи, обезпеченной отъ нападенія извнѣ крѣпостями, нечего опасаться внутри кромѣ отдѣльныхъ вспышекъ, которыя могутъ мигомъ быть усмирены картечью. При твердомъ правительствѣ, опирающемся на религію, нравственность и справедливость, въ Россіи еще двѣсти или триста лѣтъ не можетъ быть политическаго переворота. Екатерина знала это, но философія ея вѣка заставила ее слишкомъ пренебрегать религіей и общественной нравственностью.

Она философствовала съ европейскими философами, которые были тогда въ модѣ; сочиняла сказки для своего любимаго внука Александра, наслаждалась прелестями Эрмитажа и Царскаго Села со своимъ фаворитомъ Зубовымъ, въ обществѣ посланника Кобенцеля, француза, котораго революція выбросила въ Россію, и знатныхъ путешественниковъ, коихъ влекло въ Россію любопытство. Въ дѣлахъ же внутренняго управленія она полагалась на своего генералъ-прокурора, на сенатъ и на генералъ-губернаторовъ.

Ея послѣдній фаворитъ, князь Зубовъ, былъ всемогущъ точно такъ же, какъ и ея послѣдній генералъ-прокуроръ Самойловъ. Эти два лица играли въ то время слишкомъ выдающуюся роль въ дѣлахъ внутренняго управленія точно такъ же, какъ князь Потемкинъ, командовавшій молдавской арміей.

Екатеринѣ было уже за 60 лѣтъ въ то время, когда эти три лица находились въ апогеѣ своего величія и власти. Говоря объ Екатеринѣ, въ обществѣ восхваляли только ея умъ или осуждали недостатки ея царствованія. Когда заходила рѣчь о власти, руководившей дѣлами государства, и отъ которой зависѣлъ ходъ внутренняго управленія Имперіи, то имѣли въ виду только Зубова, Самойлова и Потемкина. Непосредственное вліяніе на дѣла имѣлъ также канцлеръ Безбородко, коего поддерживали Потемкинъ и Зубовъ.

Зубовъ, дворянинъ по происхожденію, былъ незначительнымъ поручикомъ гвардіи въ то время, когда благоволеніе императрицы выдвинуло его изъ среды его товарищей. Получивъ болѣе тщательное воспитаніе, нежели всѣ его предшественники, онъ соединялъ съ пріятной наружностью познанія и ловкость обхожденія, упрочившія къ нему благоволеніе. Екатерина такъ привязалась къ Зубову, что Потемкинъ видѣлъ въ немъ соперника, который могъ уронить его во мнѣніи императрицы. Зубовъ былъ всемогущъ. Его вліяніе распространялось на дѣла внѣш-

нія и внутреннія. Въ качествѣ главнаго начальника артиллеріи, онъ имѣлъ вліяніе на всю армію; какъ человѣкъ, близкій къ престолу, онъ властвовалъ въ кабинетѣ и государственномъ совѣтѣ. Его канцелярія была государственной канцеляріей; ея директоры были всемогущи и могли оказывать покровительство или преслѣдовать тѣхъ, къ коимъ они благоволили или къ кому относились недоброжелательно въ своихъ собственныхъ видахъ.

Камеръ-фрау Екатерины, г-жа Перекусихина, имѣла доступъ къ фавориту, что давало ей вѣсъ въ глазахъ всѣхъ лицъ, стоявшихъ у власти. Ея близость къ государынѣ, которая уже сильно чувствовала свою старость, сохранила ея вліяніе у того, кто былъ вторымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Самойловъ, дворянинъ незнатнаго происхожденія, но племянникъ Потемкина, достигъ, подобно своимъ родственникамъ, двумъ братьямъ Потемкинымъ, Энгельгадту и Высоцкому, высшихъ чиновъ въ арміи и былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ,—должность, соединявшую въ себѣ обязанности всѣхъ нынѣшнихъ министровъ; онъ былъ облеченъ такою же неограниченной властью, какою пользуется монархъ, и не подлежалъ никакому контролю и отвѣтственности. Высшая администрація, распредѣленная между коллегіями, сосредоточивалась въ особѣ генералъ-прокурора, а этимъ прокуроромъ былъ Самойловъ, человѣкъ недалекаго ума, невѣжественный, какъ всѣ его сверстники, дворяне того времени. Не обладая умомъ, съ распущенной нравственностью, онъ подписывалъ все, что приказывалъ ему фаворитъ или его дядя, любовница и директоръ его канцеляріи или секретарь. Послѣднимъ, при кончинѣ Екатерины, былъ Ермоловъ, отецъ извѣстнаго генерала; онъ управлялъ канцеляріей генералъ-прокурора Самойлова и самимъ Самойловымъ; тотъ, къ кому не благоволилъ Ермоловъ, не могъ ничего добиться. Во время кончины Екатерины Самойловъ былъ графъ, Андреевскій кавалеръ и человѣкъ всемогущій.

Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь, владѣлъ колоссальнымъ состояніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ принадлежавшіе ему нѣкогда Аничковскій и Таврическій дворцы. Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, фельдмаршалъ и главнокомандующій Молдавской арміей, онъ былъ облеченъ неограниченными полномочіями. Предъ нимъ все преклонялось. Екатерина не царствовала болѣе. Она только подписывала все то, что хотѣли Зубовъ и Потемкинъ. Верховная власть находилась фактически въ ихъ рукахъ.

Потемкинъ былъ нравственный гигантъ. Онъ увеличилъ блескъ царствованія Екатерины II своими побѣдами и территоріальными пріобрѣтеніями, сдѣланными имъ для расширенія Россіи. Назначенный главнокомандующимъ арміей, онъ далъ войску мундиръ, болѣе подходящій,

нежели тотъ, какой оно носило со времени организаціи на прусскій ладъ или по образцу регулярныхъ европейскихъ войскъ.

Въ Яссахъ, въ Молдавіи, гдѣ проживалъ обыкновенно Потемкинъ, или въ главной квартирѣ арміи, коей онъ командовалъ, онъ жилъ, какъ монархъ, окруженный многочисленной свитою, греческими, грузинскими или армянскими епископами или монахами, молдавскими боярами, иностранцами и всякаго рода людьми, коихъ онъ привлекалъ къ себѣ или которые сами стремились къ нему съ различными предложеніями, планами и проектами. Изъ Яссъ онъ управлялъ Новороссійскимъ краемъ и всѣмъ, что было подчинено его власти. Онъ былъ окруженъ изящнѣйшими женщинами, женами его генераловъ и его племянницами, ухаживалъ за однѣми, прикидывался влюбленнымъ въ другихъ, исполнялъ всѣ ихъ прихоти, а также и свои собственныя; посылалъ въ Парижъ курьеровъ за послѣдними модами, въ Варшаву—за башмаками, которые онъ преподносилъ имъ вмѣстѣ съ драгоцѣнными бездѣлками въ подарокъ на праздники; въ его галлереяхъ эти дамы качались на качеляхъ, подвѣшанныхъ на шелковыхъ Андреевскихъ лентахъ. Играя въ карты въ азартныя игры, онъ расплачивался вмѣсто денегъ неоправленными брилліантами. Онъ не зналъ, что значитъ слово невозможно. Всякое слово, вышедшее изъ его устъ, считалось безапеляціоннымъ приказаніемъ и немедленно приводилось въ исполненіе. Однажды въ Яссахъ въ его присутствіи говорили объ удивительной способности одного московскаго дворянина, который зналъ наизусть весь календарь и всегда могъ безошибочно назвать святаго, празднуемаго церковью въ извѣстный день. «Пошлите за нимъ»,—сказалъ Потемкинъ, и въ Москву тотчасъ полетѣлъ курьеръ за Спичинскимъ; это былъ дворянинъ, человѣкъ со средствами, состоявшій въ родствѣ со многими знатнѣйшими фамиліями Россіи. Пока курьеръ ѣздилъ взадъ и впередъ, баловень судьбы позабылъ уже о календарѣ. По пріѣздѣ Спичинскаго въ Яссы, о немъ доложили и представили его князю, который потребовалъ календарь. «Какъ зовутъ святаго, память котораго празднуется тогда-то и тогда-то?» Отвѣтъ оказался вѣрный. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ въ этомъ родѣ, Потемкинъ сказалъ: «довольно».

Дворянинъ, не знавшій, зачѣмъ его привезли въ Яссы, былъ отправленъ обратно въ Москву [1]).

Эти странности могли бы быть названы тиранствомъ со стороны фаворита, который не имѣлъ бы иныхъ правъ (на уваженіе) кромѣ благоволенія, коимъ онъ пользовался. Потемкинъ пользовался этимъ

---

[1]) Наполеонъ посылалъ ночью за актрисою Жоржъ, которую онъ отсылалъ обратно, не видавъ ее. Геній и сумасшедшій не могутъ подавить въ себѣ желаній, хотя бы и безразсудныхъ.

правомъ, чтобы показать, что онъ не придавалъ особеннаго значенія тѣмъ личностямъ, единственная заслуга которыхъ состояла въ независимомъ состояніи и знатномъ родствѣ. Вообще, онъ давалъ жестокіе уроки гордецамъ и низкопоклонникамъ. Если бы Потемкинъ родился лѣтъ пятьдесятъ позднѣе, то его геній не возвысился бы быть можетъ, до той высоты, до которой онъ достигъ. Онъ былъ бы самымъ обыкновеннымъ генераломъ или администраторомъ. Въ свое время онъ былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній короны Екатерины. Его странности забыты, его дѣла не исчезнутъ. У полумѣсяца остался всего одинъ только рогъ! Таврическій полуостровъ принадлежитъ Россіи. Одесса соперничаетъ съ первѣйшими портами Европы.

Раздѣливъ Россію на губерніи и организовавъ ихъ администрацію, Екатерина не могла избѣгнуть злоупотребленій власти и недоброжелательства. Къ концу ея царствованія правосудіе продавалось тому, кто больше за него предлагалъ. Губернаторы обогащались на счетъ казны и народа. Ихъ примѣръ былъ заразителенъ. Мелкіе чиновники поступали на службу только для того, чтобы поскорѣе разбогатѣть. Подобнаго рода злоупотребленія проникли также въ армію. Полковые командиры заставляли солдатъ работать въ имѣніяхъ, которыя они пріобрѣтали по близости отъ мѣста расположенія полка, заставляли ихъ копать пруды, осушать болота, вырубать лѣса и исполнять безплатно множество иныхъ работъ. На жалобы и сѣтованія никто не обращалъ вниманія. Всѣ отрасли администраціи приходили въ упадокъ въ рукахъ шестидесятилѣтней Екатерины. Сила воли оставляла ее. Власть Зубова тяготѣла надъ вельможами, и Москва, во всемъ несогласная съ Петербургомъ, говорила, что императрица старѣется.

Послѣ казни Людовика XVI Петербургскій кабинетъ встрепенулся. О коаліціи между Россіей, Австріей и Пруссіей и о посылкѣ войскъ во Францію говорили не въ однѣхъ столицахъ; объ этомъ проектѣ писали даже въ газетахъ, но онъ не былъ осуществленъ. Хотя дипломатія считала еще въ то время возможнымъ потушить пожаръ чернилами и заставить революцію смолкнуть подъ ударами перьевъ, не прибѣгая къ штыкамъ, но упомянутый проектъ не осуществился. Екатерина не хотѣла вмѣшиваться въ дѣла Западной Европы. На войны, веденныя Людовикомъ XIV, смотрѣли какъ на турниры или каруселя, которые устраивались для забавы короля, чтобы онъ могъ воображать, что онъ воинъ и побѣдитель. Вообще, почти всѣ великія державы континента были не высокаго мнѣнія о доблести французскаго оружія. Екатерина, императоръ священной Римской имперіи и Фридрихъ Великій не были Даніилами пророками, чтобы предвидѣть, что 25 лѣтъ спустя корсиканецъ положитъ конецъ всей ветоши, именуемой публичнымъ правомъ Европы, основаннымъ на трактатахъ; что римскій императоръ сдѣлается

императоромъ австрійскимъ, король прусскій будетъ обязанъ сохраненію короны (Александру); что французскія войска вторгнутся на русскую землю и что какой-то Наполеонъ взорветъ на воздухъ часть Кремлевскихъ стѣнъ. Могло ли вооруженное вмѣшательство великихъ державъ Европы предупредить переворотъ во Франціи, убійство короля, словомъ, все то, что̀ принято называть французской революціей, которая обошла въ теченіе пятидесяти лѣтъ всю Европу, могло ли оно остановить ея развитіе и подавить ее въ самомъ зародышѣ.

Д'Аржансонъ говорилъ передъ революціей: «Новая философія вызоветъ страшную революцію, если ее не съумѣютъ обуздать». Писательница г-жа де-Жанлисъ утверждала, что «самая ужасная революція та, при которой мы переходимъ отъ невинности къ преступленію». На народъ надобно смотрѣть, какъ на отдѣльныя личности. Все различіе заключается въ численности или массѣ. Народъ или огромное его большинство можетъ быть развращенъ, деморализованъ точно такъ же, какъ и отдѣльная личность. Послѣдствія, вызванныя развратомъ и деморализаціей личности, бываютъ субъективны и ограничены, послѣдствія же, вызываемыя порчей и деморализаціей цѣлаго народа, цѣлой націи,— всеобъемлющи, безграничны.

Нравственный строй государства подчиняется тѣмъ же законамъ, какіе существуютъ для физическихъ тѣлъ. Перевороты въ физическомъ и нравственномъ отношеніи суть не что иное, какъ выраженіе протекшаго времени, извѣстной продолжительности какой-либо эпохи соціальной или физической жизни.

Человѣкъ не можетъ помѣшать этой эволюціи; онъ можетъ только предупредить ее, ослабить ея развитіе и предвидѣть, чѣмъ она кончится. Если тѣло катится по наклонной плоскости, то человѣкъ можетъ только употребить усиліе, чтобы помѣшать ему двигаться съ тою быстротою, какую сообщили ему его вѣсъ и объемъ, и заставить его покатиться обратно и тѣмъ отдалить моментъ, когда тѣло достигнетъ края этой плоскости, и будетъ увлечено въ своемъ паденіи. Болѣе этого не можетъ предусмотрѣть и слѣдовательно предотвратить самое мудрое, осмотрительное и энергичное правительство. При внимательномъ лѣченіи, больной, одержимый хроническимъ недугомъ, можетъ прожить до ста лѣтъ. Мы видимъ тому не мало примѣровъ. Острая же болѣзнь можетъ въ одну минуту унести въ могилу Геркулеса.

Французская революція зародилась въ Версалѣ и въ такъ называемомъ Parc aux cerfs [1]), при Людовикѣ XV; развивалась во время

---

[1]) Такъ назывался принадлежавшій Людовику XV небольшой домикъ, въ Версальскомъ паркѣ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ находился нѣкогда Оленій паркъ, и съ которымъ связано одно изъ самыхъ скандальныхъ вос-

управленія регента, сдѣлалась популярною, благодаря Мирабо, и національною, благодаря національному собранію. Это напоминаетъ развитіе въ организмѣ гангрены. Отнявъ частицу зараженнаго мизинца, можно спасти все тѣло. Дѣйствуя на болѣзнетворное начало рака, можно уменьшить до извѣстной степени страданія больнаго и продолжить его жизнь, но нельзя спасти его.

Что бы ни говорили люди, стремящіеся уравнять сословія, революція деморализуетъ всѣхъ и не научаетъ никого. Когда человѣкомъ руководитъ личный интересъ, то общественныхъ интересовъ для него не существуетъ. Обо всѣхъ вообще можетъ заботиться только одинъ Богъ.

Екатерина предчувствовала вѣроятно свою кончину, ибо, ѣдучи однажды на балъ, данный въ ея честь генералъ-прокуроромъ Самойловымъ въ его прекрасномъ дворцѣ, на Адмиралтейской площади, гдѣ помѣщаются нынѣ присутственныя мѣста, и увидавъ, выходя изъ кареты, падучую звѣзду, которая, промелькнувъ надъ дворцомъ, скрылась за крѣпостью,—она сказала окружающимъ, что это дурное предзнаменованіе.

Смерть постигла ее въ гардеробной 6-го ноября 1796 г. Такъ окончила свое существованіе эта монархиня, заслужившая, какъ человѣкъ, по справедливости данное ей названіе Великой. Екатерина оставила своему преемнику великій трудъ, начатый Петромъ I и продолженный ею. Чтобы довершить его, понадобится не менѣе вѣка. Эра Петра съ нею не окончилась; новая эра началась для Россіи лишь съ воцареніемъ Александра.

III.

Вступленіе на престолъ императора Павла I. — Преобразованіе войскъ. — Перемѣны формы одежды.—Строгость службы.—Новая монета.—Гатчинскій дворъ и приближенные великаго князя: Графъ Ростопчинъ.—Плещеевъ.—Аракчеевъ.—Кушелевъ.—Обольяниновъ.—Князья Куракины.—Лопухинъ.—Короноваціе императора.—Отношеніе Павла I къ старообрядцамъ.—Командированіе отца Рунича на Иргизъ.—Назначеніе автора записокъ секретаремъ и переводчикомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ.

Императору было 42 года въ то время, когда онъ взялъ въ руки бразды правленія. Быть можетъ, онъ полагалъ, что ему не прожить

поминаній французской монархіи. Это былъ родъ гарема, куда не проникалъ ни одинъ смертный кромѣ короля и лицъ, заботившихся объ его развлеченіяхъ. Ни одинъ политическій фактъ не сдѣлалъ имя Людовика столь ненавистнымъ странѣ, какъ этотъ тайный гаремъ, пополнявшійся самыми молодыми дѣвушками низкаго происхожденія, которыя не могли имѣть иначе доступа ко двору. В. Т.

еще столько же лѣтъ, или онъ страстно желалъ царствовать, не игравъ до тѣхъ поръ абсолютно никакой роли въ государственныхъ дѣлахъ, коими онъ могъ бы управлять лѣтъ 20. И потому онъ счелъ долгомъ дѣйствовать безъ устали, чтобы преобразовать все, что было по его мнѣнію испорчено или на что не было обращено вниманія. Онъ началъ съ гвардіи и арміи.

Тяжелый опытъ не научилъ его ничему. Онъ только ожесточилъ его, сдѣлалъ характеръ его необузданнымъ, хотя онъ обладалъ отъ природы наилучшими качествами ума и сердца, какими только можетъ обладать неограниченный монархъ. Это доказываетъ, что опытъ проходитъ безслѣдно для человѣка, который считаетъ себя независимымъ и стоящимъ выше обстоятельствъ. Въ жизни нерѣдко повторяется одно и то же: человѣкъ, живущій только настоящимъ, думаетъ, что «завтра» для него не существуетъ. Въ вѣчности не существуетъ прошлаго, настоящаго и будущаго. Время для нея не что иное, какъ одно изъ дѣленій часоваго циферблата.

Какъ только императрица скончалась, капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка немедленно былъ посланъ въ Гатчино, загородный дворецъ и обычное мѣстопребываніе великаго князя, чтобы извѣстить наслѣдника о вступленіи на престолъ [1]).

Павелъ I тотчасъ пожаловалъ прибывшему Голштинскій орденъ св. Анны 2 ст. Будучи гросмейстеромъ этого ордена, онъ раздѣлилъ его на 3 степени и раздавалъ его своимъ приближеннымъ. При большомъ дворѣ нѣкоторыя лица имѣли только Анну 1 ст.

Орденъ этотъ былъ учрежденъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, въ честь своей супруги дочери Петра I, великой княгини Анны Петровны. Девизомъ его было Amantileus Justitian Pietatem e Firdem. Начальныя буквы этого девиза означали также Anna Imperatori Pietro Figlia. Эти иниціалы были изображены также на обратной сторонѣ креста. Наслѣдникъ русскаго престола былъ гросмейстеромъ этого ордена съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ Петръ III сдѣлался русскимъ императоромъ. Въ этомъ званіи онъ подписывалъ рескрипты о назначеніи новыхъ кавалеровъ. Орденъ 1 ст. имѣлъ ленту и звѣзду, орденъ 2 ст. носили на шеѣ, а орденъ 3 степени прицѣплялся къ эфесу шпаги. Лица, имѣвшія Анну 3 ст., которую великій князь раздавалъ по своему благоусмотрѣнію въ Гатчинѣ, прицѣпляли ее къ шпагѣ съ той стороны, которая была ближе къ тѣлу, чтобы онъ не былъ такъ замѣтенъ. Вступивъ на престолъ, Павелъ приказалъ носить его на виду, съ внѣшней

---

[1]) Съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ графъ Николай Зубовъ. Вообще къ разсказу Рунича надо относиться съ критикою, такъ какъ нѣкоторые факты онъ писалъ по слухамъ.

стороны. Всѣ лица, имѣвшія этотъ орденъ при вступленіи на престолъ императора Павла, получили великолѣпныя помѣстья и по 1000 душъ крестьянъ. Такъ по-царски наградилъ Павелъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ преданъ великому князю во время его нравственнаго несовершенно-лѣтія, длившагося безъ малаго 30 лѣтъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Павелъ I поселился въ императорскомъ дворцѣ. Вслѣдъ за нимъ немедленно пришли въ столицу его батальоны, которые тотчасъ были включены въ полки императорской гвардіи, получившіе тогда же организацію этихъ образцовыхъ батальоновъ. Павелъ I объявилъ себя шефомъ Преображенскаго полка; наслѣдникъ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго полка. Командиръ конной гвардіи сталъ назначаться изъ генераловъ. Бывшая кавалергардская рота была распущена, но былъ сформированъ новый кавалергадскій полкъ. Гвардейскіе полки были раздѣлены на батальоны, коими командовали генералы; ротными командирами были полковники. Обмундированіе войскъ было измѣнено. Изящный, обшитый галуномъ мундиръ Екатерининскихъ временъ былъ замѣненъ весьма простымъ и неизящнаго покроя мундиромъ полинялаго зеленаго цвѣта. Особенное вниманіе было обращено на расторопность по службѣ. Каждый полкъ, стоявшій въ караулѣ, долженъ былъ заниматься ученіемъ. Впослѣдствіи по сосѣдству съ Зимнимъ дворцомъ былъ построенъ огромный манежъ, въ которомъ производились ученія гвардіи. Строгая дисциплина и самая мелочная требовательность раздражила вскорѣ старыхъ служакъ, офицеровъ и солдатъ. Несоблюденіе всѣхъ этихъ мелочныхъ требованій наказывалось лишеніемъ отпуска, отсылкою въ гарнизонъ, исключеніемъ изъ службы и даже арестомъ въ крѣпости. Это возбудило въ первое же время ропотъ, хотя вначалѣ довольно сдержанный. Многіе изъ старыхъ гвардейскихъ офицеровъ вышли въ отставку, а оставшіеся на службѣ быстро получили повышенія.

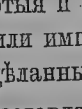
Петербургъ совершенно измѣнилъ свою физіономію; на улицахъ только и видѣли солдатъ, только и раздавался барабанный бой. Офицеры не снимали съ плечъ мундира. На Дворцовой площади каждое утро происходили парады и ученія. Экипажи, встрѣчая императора или членовъ царской фамиліи, должны были останавливаться, мужчины должны были выйти и ставъ у дверецъ кареты безъ шубъ и плащей сдѣлать глубокій поклонъ; дамы не выходили изъ кареты, но лакеи должны были открывать дверцы. Было запрещено носить круглыя шляпы и (короткія?) панталоны точно такъ же, какъ фракъ, и велѣно носить платье французскаго покроя, называвшееся нѣмецкимъ платьемъ, и трехъ-уголку съ приподнятыми краями. Мундиры гражданскихъ чиновъ также были измѣнены. Прежде они дѣлались краснаго, голубаго и вишневаго цвѣта, отличаясь по губерніямъ цвѣтомъ воротниковъ, отворотовъ и обшлаговъ;

теперь же всѣ они были зеленаго цвѣта, однообразнаго покроя, однобортные съ пуговицами, на которыхъ былъ изображенъ гербъ губерніи, съ краснымъ или желтымъ воротникомъ и обшлагами, подбитыми краснымъ, бѣлымъ или зеленымъ цвѣтомъ. Французскія моды были запрещены. Дворъ и вельможи облачились въ трауръ, наложенный на годъ съ подраздѣленіями, указанными въ церемоніалѣ. Придворныя кареты и экипажи высшихъ сановниковъ были обтянуты чернымъ. Спектакли, балы и общественныя собранія были пріостановлены.

Императоръ приказалъ вырыть изъ могилы тѣло своего отца. Такъ какъ Петръ III скончался не бывъ коронованнымъ, то онъ былъ похороненъ не въ крѣпости, а въ Александро-Невской лаврѣ. Его гробъ былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ императрицы. Зрѣлище необычное, дотолѣ не виданное. Всѣмъ этимъ Павелъ думалъ упрочить свою власть. Графъ Алексѣй Орловъ, одинъ изъ бывшихъ при кончинѣ Петра III, былъ вызванъ въ Петербургъ и долженъ былъ стоять на часахъ при прахѣ того, кто скончался въ его объятіяхъ.

Несомнѣнно, эти мѣры возстановили противъ Павла всѣхъ приверженцевъ его матери и его собственныхъ враговъ. Оба гроба были выставлены въ теченіе шести недѣль, и погребеніе ихъ совершилось съ большою помпою. Послѣ этой церемоніи Орлову разрѣшено было уѣхать изъ Петербурга. Онъ оставилъ Россію, и три года спустя я встрѣтилъ его въ Дрезденѣ, гдѣ онъ жилъ какъ частный человѣкъ.

Внутреннее гражданское и военное управленіе также было преобразовано. Генералъ-губернаторы или «вице короли» были отставлены.

На ихъ мѣсто были назначены правительственные чиновники. Павелъ I по вступленіи на престолъ, ввелъ вновь въ обращеніе государственныя облигаціи, платимыя звонкою монетою. До тѣхъ поръ всѣ золотыя и серебряныя монеты чеканились съ изображеніемъ императора или императрицы. Онъ замѣнилъ это изображеніе своимъ вензелемъ, сдѣланнымъ такимъ образомъ, что четыре начальныя буквы его имени составляли крестъ  посреди котораго стояла цифра 1, относящаяся къ этимъ четыремъ начальнымъ буквамъ, по образцу рублей, выпущенныхъ при Петрѣ I, на которыхъ была изображена та же цифра; на обратной сторонѣ Павелъ велѣлъ выбить стихъ 1-й 115-го псалма: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему». Хотѣлъ ли онъ сказать этимъ, что стоимость монеты зависитъ отъ ея дѣйствительной цѣнности, или же онъ хотѣлъ, чтобы не бросалось въ глаза отсутствіе сходства между нимъ и портретомъ Петра III, изображеннымъ на рублевыхъ монетахъ. Только медали, выбитыя въ память коронаціи, были сдѣланы съ его изображеніемъ. Впрочемъ, зная хорошо священное писаніе и даже богословіе, онъ быть можетъ хотѣлъ выразить вышеприведеннымъ стихомъ, что всякая слава принадлежитъ одному Богу. Такъ какъ всѣ

эти нововведенія создали много недовольныхъ въ высшемъ и въ среднемъ классѣ общества и среди военныхъ, то эту надпись критиковали, намекая на единицу, находившуюся подъ буквою П, что̀ означаетъ по-русски покой. Говорили, что покоенъ только онъ одинъ. Строгость не могла сдержать насмѣшекъ и людскаго злословія.

У наружной стѣны дворца былъ прибитъ ящикъ, куда можно было опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Ихъ было несмѣтное количество.

Павелъ также быстро награждалъ, какъ и наказывалъ. Его щедрость была по истинѣ царская. Екатерининскій генералъ-прокуроръ Самойловъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ прокуроръ сената князь Алексѣй Куракинъ 1-й. Князь Зубовъ былъ сосланъ въ свои помѣстья Владимірской губерніи и отданъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей.

Я не буду описывать въ настоящихъ запискахъ событія изо дня въ день, такъ какъ цѣль моя заключается не въ томъ, чтобы нагромоздить рядъ разсказовъ, представляющихъ только временный интересъ; я остановлюсь лишь на самыхъ характерныхъ явленіяхъ, которыя уясняютъ послѣдующія событія, вызванныя происшедшими перемѣнами, и на которыя должна со временемъ пролить свѣтъ исторія. Одинъ шутникъ сказалъ: наша философія зависитъ отъ хорошаго или дурнаго состоянія нашего здоровья. Какъ часто мы видимъ тому примѣръ въ исторіи, гдѣ самыя ничтожныя причины вызывали перевороты въ государствѣ.

Для народа безразлично, страдаетъ ли онъ вслѣдствіе ударовъ судьбы, по волѣ Провидѣнія или вслѣдствіе каприза или недуга того, кто имъ управляетъ; такъ какъ въ наше время не вѣрятъ болѣе въ судьбу и въ Провидѣніе, то надобно указать причины, которыя могли вызвать крупныя перемѣны въ государствѣ. Людей убиваетъ не пуля и не желѣзо; пуля, спрятанная въ карманѣ, не можетъ причинить смерть; мечъ не разитъ, пока онъ въ ножнахъ! Но пуля, выпущенная изъ ружья, или мечъ, направленный рукою человѣка, производятъ дѣйствіе, причиняющее смерть. Не англійскіе правители отторгли Сѣверо-Американскіе штаты отъ метрополіи, но англійское правительство дало имъ возможность довести озлобленіе американцевъ до крайности. Если Англія хотѣла сохранить эти провинціи, то ей не слѣдовало озлоблять населеніе, тѣмъ болѣе нельзя было вести дѣло такъ, чтобы можно было со дня на день ожидать съ ихъ стороны возстанія.

Въ теченіе 34-хъ лѣтняго царствованія своей матери, Павелъ, достигшій совершеннолѣтія, убѣдился въ томъ, что Екатерина либо забывала о немъ среди своихъ развлеченій и успѣховъ, либо хотѣла устранить его отъ престола въ пользу его сына, къ коему она относилась съ исключительной нѣжностью. Это мнѣніе было всеобщее. Онъ видѣлъ,

какой неограниченной властью пользовались фавориты его матери, тогда какъ онъ не могъ высказать ни малѣйшаго изъ своихъ желаній. При большомъ дворѣ царила роскошь; при его дворѣ не было того, что пріучаетъ народъ видѣть въ наслѣдникѣ престола своего будущаго монарха. Павелъ зналъ, что мать ненавидитъ его, считаетъ его неспособнымъ царствовать, насмѣхается надъ нимъ со своими приближенными; онъ понималъ, что большинство подданныхъ, въ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, должно было вторить этому. Подобное положеніе вещей, продолжавшееся 40 лѣтъ, должно было весьма естественно озлобить его.

До самой кончины Екатерины, Павелъ былъ увѣренъ, что страна ненавидитъ его, что никто не желаетъ его имѣть своимъ монархомъ и что всѣ замышляютъ погубить его. Вотъ почему онъ былъ чрезмѣрно щедръ и въ то же время жестокъ: расточалъ благодѣянія и внушалъ страхъ. Онъ хотѣлъ упрочить свою власть для того, чтобы совершенно измѣнить внѣшній обликъ своей Имперіи. Предубѣжденіе, укоренившееся въ обществѣ противъ Павла, было таково, что даже наше поколѣніе считаетъ его нравственно больнымъ, а все имъ сдѣланное считается сумасбродствомъ, безуміемъ и жестокостью. Что бы ни говорили всѣ тѣ, кои не признаютъ Божественнаго Промысла, но судьба государствъ зависитъ не отъ расточительности какого-нибудь Сарданапала, ни отъ тиранніи Нерона, Людовиковъ IX и XI, ни отъ безумія Георга III или отъ сумасбродствъ сына Филиппа Македонскаго или корсиканца Наполеона.

Павелъ, не будучи увѣренъ, что ему придется когда-либо царствовать, подготовлялъ однако въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ теченіе 20 лѣтъ планъ своего царствованія. Будучи чужимъ своей матери, большому двору и всему государству, онъ не имѣлъ иныхъ приверженцевъ кромѣ людей, служившихъ въ его Гатчинскихъ батальонахъ, и тѣхъ лицъ, которыя его окружали. Его Тристаномъ—отшельникомъ былъ Кутайсовъ, его Сюлли—Плещеевъ, военнымъ министромъ—Аракчеевъ, адмираломъ—Кушелевъ, статсъ-секретаремъ—Обольяниновъ, а любимымъ царедворцемъ—Ростопчинъ. Всѣ эти будущіе сановники, столь близкіе къ великому князю, едва имѣли небольшой чинъ армейскаго маіора. Ростопчинъ, снискавшій любовь великаго князя, былъ камергеръ большаго двора и офицеръ гвардіи. Случайность доставила ему благоволеніе великаго князя. Его, какъ наиболѣе скромнаго изъ камергеровъ, посылали обыкновенно въ Гатчино на дежурство къ великому князю въ тѣ дни, когда прочіе камергеры, болѣе знатнаго происхожденія, сказывались больными, чтобы избѣжать своей очереди. Вслѣдствіе этого Ростопчинъ имѣлъ однажды объясненіе съ однимъ изъ своихъ сотоварищей, княземъ Барятинскимъ; воспослѣдовала дуэль, и Ростопчинъ былъ уволенъ. Павелъ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о немъ, и онъ достигъ

за это кратковременное царствованіе званія генералъ-адъютанта, а впослѣдствіи былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и кавалеромъ всевозможныхъ орденовъ.

Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова была другомъ великой княгини и великаго князя. Клевета сдѣлала ее любовницей великаго князя и впослѣдствіи императора. Только 40 лѣтъ спустя, уже послѣ ея смерти, было доказано вполнѣ достовѣрно, какъ чиста была эта привязанность. Можно ли послѣ этого судить о людяхъ по положенію, которое они занимаютъ въ свѣтѣ, и по наружнымъ признакамъ.

Таковы были лица, окружавшія великаго князя въ Гатчино.

Плещеевъ, человѣкъ свѣтскій, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Обладая самыми высокими качествами ума и сердца и получивъ прекрасное воспитаніе, онъ не могъ, по слабости своего характера, занимать видное мѣсто въ администраціи. При всей своей привязанности и преданности великому князю, онъ былъ только его личнымъ другомъ и впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ. Аракчеевъ, человѣкъ суровый и жестокій, не говорилъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Получивъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ способенъ только къ мелочной исполнительности и являлся поэтому лишь рабскимъ исполнителемъ приказаній своего монарха или своихъ собственныхъ плановъ. Кушелевъ и Обольяниновъ, люди грубые, не воспитанные и не образованные, были точно такъ же пассивными исполнителями приказаній, коими они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ. Кутайсовъ, по происхожденію армянинъ, соединялъ всѣ качества, присущія еврею и греку. Человѣкъ весьма ловкій, онъ съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе великаго князя и такъ хорошо изучилъ его характеръ, что никогда не возбуждалъ его гнѣва. Вступивъ на престолъ, Павелъ держалъ его постоянно при себѣ, какъ человѣка, наиболѣе ему преданнаго.

Всѣ эти лица, за исключеніемъ Плещеева, который, благодаря своему спокойному характеру, или, лучше сказать, всѣмъ извѣстному равнодушію своему къ почестямъ и богатству, не внушалъ никому опасеній, были самыми выдающимися личностями въ теченіе пятилѣтняго царствованія Павла. Всѣ они достигли высшихъ чиновъ. Кутайсовъ и Кушелевъ получили званіе графа, также точно, какъ впослѣдствіи Ростопчинъ, имѣли всѣ русскіе ордена и имъ были пожалованы большія помѣстья съ тысячами душъ крестьянъ, приносившія громадные доходы.

Любимцами императора были князья Куракины, изъ коихъ одинъ былъ назначенъ, при вступленіи его на престолъ, вице-канцлеромъ, а другой генералъ-прокуроромъ. Ярославскій губернаторъ Лопухинъ, впослѣдствіи одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Россіи, получившій всѣ ордена и княжеское званіе съ титуломъ свѣтлости, и князь Гавріилъ Гагаринъ съ нѣсколькими вельможами Екатерининскихъ временъ обра-

*

зовали дворъ Павла I. Онъ повышалъ людей такъ быстро, что одного года было достаточно для того, чтобы тотъ, на кого императоръ обратилъ свой взоръ, возвысился изъ ничтожества, или чтобы человѣкъ вполнѣ достойный утратилъ всякое значеніе.

Чтобы изгладить воспоминаніе о матери, Павелъ уничтожилъ Георгіевскій крестъ, учрежденный Екатериною и даваемый за военные подвиги, и Владимірскій крестъ, коимъ награждались гражданскія заслуги. Всѣ военныя и гражданскія лица, не достигшія генеральскаго чина или принадлежавшія къ 4-му классу, получали при Павлѣ Анненскій крестъ 2-й и 3-й степеней, а впослѣдствіи командорскій или кавалерскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, когда императоръ объявилъ себя магистромъ этого ордена.

Бывали примѣры, что люди, служившіе въ гвардіи капитанами, достигали генеральскаго чина менѣе, нежели въ 5 лѣтъ.

Офицерскій чинъ давалъ потомственное дворянство. Говорятъ, будто въ теченіе 45 лѣтъ, протекшихъ послѣ вступленія на престолъ Павла, въ дворянскую книгу внесено болѣе 20 тысячъ семействъ...

Павелъ, первый изъ русскихъ монарховъ, сталъ давать ордена духовенству; высшимъ чинамъ церковной іерархіи онъ давалъ ленты Андреевскія, Александра Невскаго и Анненскія, прочимъ Анну 2 ст. Онъ же ввелъ обычай давать духовенству въ знакъ отличія наперсные кресты, митры и бархатныя камилавки. Надобно сказать правду, что всѣ отрасли управленія были при немъ значительно упорядочены по сравненію съ прежнимъ. Продажность должностныхъ лицъ не могла быть искоренена сразу; по крайней мѣрѣ правосудіе не продавалось болѣе съ публичнаго торга.

Послѣ того, какъ совершилось погребеніе Екатерины II и ея супруга Петра III, гвардія получила приказаніе выступить въ Москву на коронацію, происходившую 1-го апрѣля 1797 г. Всѣ гвардейскіе полки и армія были уже одѣты по прусскому образцу, съ напудренной головою, косами и буклями. Императоръ присутствовалъ лично при выступленіи каждаго полка.

Зима 1796 г. была суровая. Ежедневный парадъ и церемонія, коей сопровождалось выступленіе войскъ, продолжались около часа, а иной разъ и болѣе. Императоръ, наравнѣ съ послѣднимъ офицеромъ, стоялъ на морозѣ съ обнаженной головою въ то время, какъ полкъ дефилировалъ мимо него. Всѣ эти военныя зрѣлища были большою новинкою для Петербурга, гдѣ въ продолженіе 34 лѣтъ только изрѣдка видѣли взводъ солдатъ и еще рѣже доводилось видѣть ротное или полковое ученіе.

Коронованіе совершилось съ величайшимъ блескомъ и торжественностью. Дворъ сіялъ золотомъ и алмазами. Кавалергардскому полку

былъ данъ мундиръ прежнихъ рыцарей. Латы, каска и все вооруженіе были серебряныя. На это была употреблена вся серебряная посуда «вице-королей» или губернаторовъ, которая полагалась имъ отъ казны.

Павла I помазалъ на царство его бывшій законоучитель, московскій митрополитъ Платонъ. Во время церемоніи коронованія, былъ прочитанъ актъ о престолонаслѣдіи, составленный и торжественно обнародованный Павломъ I.

Этимъ актомъ опредѣлялись правила престолонаслѣдія со всѣми подробностями, для предупрежденія нарушенія этого закона, столь необходимаго для спокойствія Имперіи. По этому акту женщины могли достигнуть престола только въ случаѣ совершеннаго отсутствія прямаго потомства мужскаго рода. Были учреждены удѣлы, для завѣдыванія имуществомъ лицъ императорской фамиліи.

Всѣ эти мѣры были весьма мудрыя и полезныя, какъ для царской фамиліи, такъ и для государства. За коронованіемъ слѣдовалъ рядъ великолѣпныхъ празднествъ, послѣ чего императрица съ дѣтьми и всѣмъ дворомъ возвратилась въ Петербургъ, а императоръ предпринялъ путешествіе во внутреннія губерніи до Казани.

Я долженъ прервать свой разсказъ и передать одинъ эпизодъ, случившійся до отъѣзда императора изъ Петербурга на коронацію.

Павелъ слишкомъ хорошо зналъ исторію своей страны, чтобы не быть дальновиднѣе всѣхъ, такъ называемыхъ государственныхъ людей, полагающихъ, что прошедшее проходитъ бозслѣдно и не вліяетъ на будущее. Тяготѣвшая надъ нимъ мысль, что на его счетъ распространены въ государствѣ самые нелѣпые слухи, заставляла его дѣйствовать гораздо осмотрительнѣе, нежели можно было думать.

Онъ зналъ исторію разрушенія Соловецкаго монастыря въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, зналъ, что всѣ монахи, спасшіеся, при избіеніи противниковъ нововведеній патріарха Никона, и множество старообрядцевъ разбрелись по Россіи и главнымъ образомъ бѣжали за Волгу, и что Уральскіе и Донскіе казаки, и жители земель пограничныхъ съ Сибирью, Чернымъ моремъ и Балканскими горами, упорно придерживались старинныхъ обычаевъ и старой вѣры; онъ зналъ, что ихъ монахи, отшельники, и такъ называемые предсказатели, жившіе въ горахъ и пещерахъ, дѣятельно поддерживали Пугачева. Ему было извѣстно, что богатѣйшіе купцы или фабриканты Москвы, наполненной ихъ единовѣрцами, Саратова, Оренбурга, Екатеринбурга, Архангельска и Петербурга, находились съ ними постоянно въ сношеніяхъ и поддерживали всѣми средствами скиты, возникшіе въ Саратовской губерніи, между Иргизомъ и Узенями, равно и всѣхъ отшельниковъ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ. Вступивъ на престолъ, Павелъ не захотѣлъ отправиться въ Москву прежде, нежели удостовѣриться въ томъ, какой

духъ царствовалъ въ названныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, и узнать, какъ относились къ нему старовѣры, жившіе въ этихъ полудикихъ мѣстахъ, а также Уральскіе и Донскіе казаки. Онъ рѣшилъ послать туда человѣка, вполнѣ преданнаго ему, чтобы вывѣдать почву и сообщить достовѣрныя свѣдѣнія, сообразуясь съ которыми, онъ могъ бы составить извѣстный планъ дѣйствій по отношенію къ этимъ людямъ. Свое намѣреніе Павелъ сообщилъ Плещееву, сказавъ, что онъ возлагаетъ на него это важное порученіе, какъ на самаго преданнаго своего слугу, и приказалъ ему отправиться тотчасъ на мѣсто, чтобы разъяснить одинъ фактъ, по своей важности соотвѣтствующій довѣрію, которое онъ къ нему питаетъ.

Плещеевъ, какъ человѣкъ честный, сказалъ императору откровенно, что онъ не считаетъ себя способнымъ съ пользою выполнить вышеупомянутое приказаніе, и умолялъ его величество возложить это порученіе на другое лицо. Искреннее и чистосердечное признаніе имѣетъ всегда благіе результаты, оно усугубляетъ даже довѣріе.

Павелъ одобрилъ мысль Плещева подъ условіемъ, что онъ найдетъ лицо, способное выполнить его приказаніе.

Плещеевъ въ тотъ же вечеръ посовѣтовался по этому поводу со своими друзьями, которые нашли въ моемъ отцѣ качества и знаніе мѣстности, необходимыя для исполненія подобнаго рода порученія. Они основывались на участіи, которое мой отецъ принималъ въ слѣдствіи, произведенномъ генераломъ графомъ Панинымъ во время Пугачевскаго бунта. На слѣдующій день Плещеевъ сообщилъ императору, что онъ считаетъ возможнымъ возложить это порученіе на моего отца, и выборъ остановился на немъ.

Надобно замѣтить, что состояніе моего отца, жившаго въ Москвѣ 18 лѣтъ въ отставкѣ, было настолько разстроено, что это побудило его за три или за четыре года до кончины Екатерины поступить вновь на службу. Онъ обратился по этому поводу съ просьбою къ самой императрицѣ, которая знала его лично и приказала дать ему первую вакансію вице-губернатора. Къ несчастію, путь между монархомъ и подданнымъ наполненъ низшими властями, которыя не всегда являются отголоскомъ воли монарха. Самойловъ и директоръ его канцеляріи Ермоловъ не исполнили волю государыни, и мой отецъ остался безъ мѣста до ея кончины. Тотчасъ послѣ этого событія, отецъ, который былъ извѣстенъ императору Павлу и пользовался его благоволеніемъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и нѣсколько времени спустя назначенъ гражданскимъ губернаторомъ во Владиміръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ находился въ Петербургѣ въ то время, когда Плещеевъ предложилъ императору возложить на него упомянутое секретное пору-

ченіе. Мой отецъ былъ тотчасъ призванъ къ императору и бесѣдовалъ съ нимъ съ глаза на глазъ.

Осторожность требовала, чтобы это дѣло обсуждалось не оффиціально и даже секретно. Нельзя было затронуть господствующую церковь и признать оффиціально права старообрядцевъ, которые считали свои скиты единственными монастырями православной вѣры ихъ отцовъ, тогда какъ правительство не признавало ни ихъ скитовъ, ни ихъ монаховъ. Они были только терпимы какъ общежитія, принадлежавшія удѣламъ.

Старообрядцевъ не преслѣдовали за ихъ вѣроисповѣданіе, и мѣстная полиція дѣлала видъ, что ей неизвѣстно, что священники, исполнявшіе требы въ этихъ скитахъ, были изъ бѣглыхъ. Надобно замѣтить, что когда первые священники, отдѣлившіеся отъ господствующей церкви при патріархѣ Никонѣ, перемерли, то старообрядцы, не имѣя епископовъ, которые могли посвящать въ священство, подкупали священнослужителей господствующей церкви, предлагая имъ большія деньги и преимущества, и убѣждали ихъ отложиться отъ православной вѣры и бѣжать къ нимъ, какъ кающіеся, коихъ силою удерживали въ новой ереси; право посвященія въ духовный санъ, какъ таинство, не могло быть отнято у нихъ, коли они однажды получили его. Монастырямъ не могло быть сдѣлано никакихъ законныхъ уступокъ.

Павелъ I нашелъ въ своемъ необычайномъ умѣ средство примирить непримиримое. Онъ далъ моему отцу собственноручное письмо, въ которомъ было сказано все и которое ни къ чему его не уполномочивало. Такъ какъ оно было написано на листѣ простой почтовой бумаги, безъ соблюденія какой-либо законной формы, то оно не могло считаться документомъ, а тѣмъ менѣе указомъ или повелѣніемъ, имѣющимъ силу закона. Не проставивъ въ заголовкѣ имени моего отца, императоръ написалъ слѣдующее: «вы отправитесь въ Узени и Иргизъ и окрестныя мѣстности, чтобы увѣрить жителей въ моемъ благоволеніи и желаніи видѣть ихъ всегда спокойными и счастливыми. П а в е л ъ».

Было рѣшено, что это письмо, которое служило для моего отца высочайшимъ повелѣніемъ, не будетъ опубликовано, какъ императорскій указъ и что оно не должно попасть въ копіи въ другія руки. Старообрядцы, жившіе на Иргизѣ, въ земляхъ войска Донскаго и Уральскаго, и всѣ старобрядческіе Несторы въ Москвѣ ничего бы не пожалѣли, чтобы имѣть эту бумагу въ своихъ рукахъ. Одно появленіе въ этихъ мѣстностяхъ высшаго сановника, посѣщеніе имъ скитовъ, вклады, сдѣланные имъ отъ имени государя, должны были убѣдить старообрядцевъ, что новый императоръ не желалъ преслѣдовать ихъ; послѣ этого нечего было опасаться, что ихъ удастся возмутить. Имъ былъ данъ ходатай и защитникъ у престола. Для того, чтобы выразить имъ высочайшую

волю, императоръ пожелалъ, чтобы въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ мой отецъ роздалъ нѣсколько новыхъ рублей.

Два мѣсяца спустя отецъ мой возвратился въ Петербургъ, гдѣ его ожидалъ императоръ. Императоръ былъ весьма доволенъ его поѣздкою; осыпалъ его милостями и, оставивъ по-прежнему въ должности владимірскаго губернатора, объявилъ ему, что впредь всѣ дѣла, относящіяся до старобрядцевъ Дона, Волги и Урала, будутъ возложены на него лично съ правомъ обращаться въ важныхъ случаяхъ непосредственно къ самому государю. Это назначеніе, установившее конфиденціальныя отношенія между императоромъ и моимъ отцомъ, сблизило его съ императорами Павломъ и Александромъ, который оказывалъ ему такое же довѣріе, какъ и его отецъ. Этотъ порядокъ вещей продолжался вплоть до учрежденія министерствъ въ 1802 году.

Императоръ успокоенный уѣхалъ въ Москву на коронацію.

Оставивъ военную службу и вступивъ на дипломатическое поприще, я былъ во время коронаціи прикомандированъ къ канцеляріи вице-канцлера князя Куракина и находился съ нимъ въ Москвѣ, а затѣмъ, будучи назначенъ секретаремъ и переводчикомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, я отправился въ этотъ городъ вскорѣ послѣ отъѣзда двора изъ Петербурга.

IV.

Вѣнское общество.—Баронъ Тугутъ.—Прибытіе въ Вѣну французскаго посла Бернадота.—Манифестація вѣнцевъ противъ трехцвѣтнаго французскаго флага.—Война Австріи съ Франціею.

Я пріѣхалъ въ Вѣну въ то время, когда былъ заключенъ миръ въ Кампо-Форміо.

Вѣна произвела на меня впечатлѣніе веселаго города; нельзя было и подумать, что французы только-что были у ея воротъ. Поголовное ополченіе было распущено, но въ городѣ можно было встрѣтить не мало лицъ изъ высшаго общества, украшенныхъ медалью, которая была выбита и раздавалась по этому случаю. Эта медаль была серебряная съ изображеніемъ императора Франца II, и носилась въ петлицѣ на желтой лентѣ съ черными краями. Добрые вѣнцы считали, что они одержали надъ французами большую побѣду.

Изо всѣхъ столицъ Европы Вѣна была въ то время единственнымъ городомъ, въ которомъ находилось весьма много извѣстныхъ эмиран-

товъ. Высшее и низшее общество было переполнено поляками, французами, италіанцами и брабантцами.

Парижъ, объятый революціоннымъ пламенемъ, не былъ уже центромъ, куда стремились, какъ до революціи, знаменитости изо всѣхъ странъ. Вѣна заступила мѣсто Парижа. Жизнь въ этомъ городѣ представляла всѣ прелести европейской цивилизаціи и полную безопасность, какой не было въ иныхъ мѣстахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась большой дешевизною.

Австрію и ея правительство никогда такъ не поносили, какъ въ наше время. Ее не называютъ открыто страною столь варварскою, какъ Россія, только потому, что рабство уже отмѣнено въ ней закономъ; тѣмъ не менѣе, въ отношеніи цивилизаціи, Австрія считается до сихъ поръ страною отсталою. Современные политическіе дѣятели признаютъ лишь ту цивилизацію, которая считаетъ народъ единственымъ источникомъ верховной власти, отвергаетъ Божественное право и утверждаетъ, что монархъ долженъ царствовать, а не управлять. Это безумное, чудовищное ученіе никогда не признавалось въ Австріи; но политическія права гражданъ никогда не попирались ею, какъ утверждаютъ нѣкоторые; австрійское правительство всегда спокойно и справедливо: собственность въ Австріи уважается, всѣ пользуются одинаково правами, даруемыми закономъ, и несмотря на огромное различіе, существующее между отдѣльными классами общества, отношеніе правительства къ низшему сословію не хуже, чѣмъ въ Англіи. Австрійскій вельможа не требовательнѣе англійскаго лорда. И ежели австрійскій магнатъ относится ко всѣмъ людямъ, стоящимъ ниже его, свысока, то не забудемъ, что англійскій лордъ относится къ нимъ съ пренебреженіемъ. Богатые люди пользуются вездѣ и въ Англіи преимущественно правомъ попирать ногами всѣхъ тѣхъ, кто живетъ въ бѣдности и нуждѣ, въ особенности тамъ, гдѣ существуетъ еще рабство. Французская революція, не признавая родовой аристократіи, признаетъ аристократію финансовую, что̀ еще хуже.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Вѣну въ 1797 году, высшее общество составляли князья Кауницъ, Эстергази, Розенбергъ, Шварценбергъ, графы Коллоредо, Коловратъ и многія другія лица, отличавшіяся знатностью рода и богатствомъ. Къ составу дипломатическаго корпуса принадлежали посланники: русскій графъ Разумовскій, неаполитанскій маркизъ Гвилло, англійскій кавалеръ Иденъ (Eaden), португальскій графъ Лина, испанскій, фамилію коего я не запомню, и посланники прочихъ второстепенныхъ дворовъ Европы, которые увеличивали блескъ столицы бывшей священной Римской имперіи. Впослѣдствіи число дипломатовъ увеличилось съ пріѣздомъ генерала Бернадота, посланника единой и нераздѣльной Французской и Цизальпинской республикъ.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи былъ баронъ Тугутъ. Война прекратилась временно въ открытомъ полѣ, но республиканскіе элементы вели еще войну съ монархическими принципами въ кабинетахъ. Вообще въ то время полагали, что statu quo, существовавшее на континентѣ, не могло быть терпимо и что со временемъ Европѣ придется вернуться къ общественному праву, установленному трактатами.

Наполеонъ получилъ командованіе арміей, посланной въ Италію. Физіономія Европы измѣнилась. Появленіе въ мірѣ великаго генія вліяетъ на всѣхъ подобно тому, какъ солнце вліяетъ на весь земной шаръ.

Я не коснусь войнъ, опустошавшихъ Европу до конца XVIII вѣка, и мирныхъ переговоровъ, коими надѣялись все уладить, и ровно ничего не уладили. Эти военные и политическіе романы были описаны столькими искусными перьями, что я поставилъ себѣ цѣлью только набросать картину событій, на взглядъ менѣе выдающихся, и сохранить для потомства воспоминаніе о нѣкоторыхъ эпизодахъ, которые могутъ убѣдить людей въ томъ, что въ мірѣ не все зависитъ отъ ума и предусмотрительности людей или отъ силы оружія. Всѣ войны приблизительно сходны между собою въ своемъ теченіи, всѣ приносятъ болѣе или менѣе одинакіе плоды, такъ же точно, какъ всѣ трактаты походятъ одинъ на другой. Вся разница въ томъ, кто ими руководитъ, кто ихъ направляетъ. Это напоминаетъ живопись и музыку. Краски и кисти, инструменты и пальцы, одни и тѣ же, вся разница въ игрѣ. Пальцы Рафаэля и Рубенса, Фильда и Роде не одинаковы съ пальцами тѣхъ пачкуновъ, которые малюютъ картины дюжинами, и тѣхъ любителей, которые, играя на роялѣ и на скрипкѣ, считаютъ возможнымъ превзойти артистовъ.

Успѣхи французскаго оружія въ Голландіи, Германіи, Швейцаріи и Италіи, и занятіе французскими войсками владѣній Венеціанской республики заставили встрепенуться европейскіе кабинеты, въ коихъ Парижъ не былъ еще законодателемъ. Втайнѣ выработывались планы коалицій, а Французская республика все дѣлала успѣхи.

Пріѣздъ въ Вѣну посланника этой республики, которую всѣ ненавидѣли и въ то же время боялись, произвелъ впечатлѣніе, аналогичное съ тѣмъ, какое производитъ въ человѣческомъ тѣлѣ рвотное. Дворъ, дипломатія и высшее общество придерживались монархическихъ принциповъ. Аристократія предъявляла свои исконныя права, а генералъ Бернадотъ громко заявлялъ республиканскіе принципы: его свита говорила о правахъ человѣка. Можно себѣ представить, какія это могло породить столкновенія. При дворѣ смотрѣли крайне недоброжелательно на представителя единой и нераздѣльной республики, а между тѣмъ ее надобно было щадить!

Старинному австрійскому и нѣмецкому дворянству не нравились манеры, заимствованныя у санкюлотовъ, а между тѣмъ имъ приходилось скрывать свое неудовольствіе. Представители европейскихъ державъ не признавали Французскую республику, избѣгали встрѣчи съ ея уполномоченнымъ.

Въ исходѣ 1798 года вспыхнула революція. До этого времени французскіе посланники пользовались нѣкоторыми особыми правами, между прочимъ правомъ имѣть на своемъ домѣ французскій гербъ. Посланникъ Французской республики хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ.

На французскомъ гербѣ былъ изображенъ пѣтухъ, дерево, фригійская шапка и трехцвѣтное знамя. Не знаю, пожелалъ ли посланникъ воспользоваться этимъ правомъ по повелѣнію своего правительства или только въ силу данныхъ ему полномочій, но это обстоятельство вызвало обмѣнъ дипломатическихъ нотъ. Вѣнскій кабинетъ со своей обычной осторожностью съумѣлъ затянуть переговоры, но нетерпѣніе республиканскаго правительства или составленный имъ заранѣе планъ дѣйствій ускорили событія.

Однажды вечеромъ, въ тотъ моментъ, когда можно было менѣе всего ожидать этого, надъ балкономъ отеля, занимаемаго посланникомъ нераздѣльной республики, взвился трехцвѣтный флагъ. Эта вѣсть разнеслась по городу въ тотъ же вечеръ.

Около 10-ти часовъ публика разъѣзжалась изъ театровъ; вечеромъ вся Вѣна бываетъ на улицѣ. Излюбленное мѣсто прогулки вѣнцевъ — Грабенъ и бастіоны; этимъ путемъ ѣдутъ съ предмѣстій на Пратеръ. Я возвращался домой по Мясному рынку (Fleish Markt), какъ вдругъ увидѣлъ толпу народа, бѣжавшаго къ Грабену, и узналъ причину, по которой всѣ стремились въ улицу, гдѣ находился отель генерала Бернадота. Я пошелъ за толпою и сталъ напротивъ отеля. Улица, довольно длинная и узкая, какъ всѣ улицы Вѣны, была вскорѣ дотого запружена народомъ, что экипажи не могли двигаться. Крики и гоготаніе толпы свидѣтельствовали, что цѣль ея стремленій была близка: «Долой флагъ», кричали со всѣхъ сторонъ; изрѣдка слышалось: «да будутъ прокляты французы». Такъ какъ полиція не вмѣшивалась, а крики и брань усиливались, то посланникъ появился съ нѣсколькими лицами своей свиты на балконѣ съ ружьемъ въ рукахъ! Ворота уже были заперты. Какъ только онъ показался, въ окна полетѣли камни; никто не слушалъ увѣщаній и угрозъ, неистовые крики продолжались, народъ не переставалъ кидать камни и выламывать ворота. Генералъ прицѣлился и выстрѣлилъ на воздухъ. Только этого и не доставало, чтобы народъ бросился разносить его домъ. Всѣ стекла въ окнахъ были выбиты, народъ вскочилъ на балконъ, выломалъ двери, сорвалъ флагъ и торжественно

понесъ его при громогласныхъ крикахъ въ предмѣстье; позади торжественно тащили двѣ парадныя кареты посланника, которыя были изломаны и сожжены вмѣстѣ со знаменемъ. Въ концѣ улицы показались два кирасира верхами. Улица была очищена отъ народа, и къ отелю приставлена стража. Съ наступленіемъ ночи посланникъ потребовалъ свой паспортъ. Я видѣлъ на другой день, какъ онъ проѣхалъ мимо церкви св. Михаила со всей своей свитою въ дорожныхъ экипажахъ. На всѣхъ углахъ были расклеены воззванія правительства, коими увѣщевали народъ уважать права частныхъ лицъ; народъ смотрѣлъ съ величайшимъ спокойствіемъ на уѣзжавшаго посланника и его свиту, коп всѣ имѣли на шляпѣ національную кокарду. Улицы были переполнены зрителями.

Не берусь судить о томъ, какъ надобно смотрѣть на описанный мною эпизодъ и какъ его можно объяснить, точно такъ же, какъ не берусь объяснить совершенное въ Раштадтѣ чудовищное убійство трехъ французскихъ уполномоченныхъ, возвращавшихся во Францію по окончаніи конгресса. Предоставляю разъяснить всѣ эти факты исторіи, которая должна доискиваться причинъ всѣхъ описываемыхъ ею событій. Что касается меня, то я замѣчу, что республиканское правительство не могло уполномочить своего посланника вызвать войну столь страннымъ способомъ; надобно развѣ допустить, что у нея не нашлось къ тому болѣе благовиднаго предлога и что въ ея интересахъ было вызвать разрывъ. Если же допустить, что посланникъ вызвалъ разрывъ, безъ разрѣшенія своего правительства, то придется сказать, что участь страны зависѣла въ то время отъ пустяшнаго каприза посланника; иное дѣло убійство уполномоченныхъ. Всякое государство имѣетъ право мстить за столь варварское нарушеніе общественнаго и личнаго права, если оно не подготовило это событіе само или если это событіе совершилось не по его приказанію; но начинать войну изъ-за флага или изъ-за выстрѣла изъ ружья холостымъ зарядомъ такъ странно, что здравый смыслъ не можетъ найти этому оправданія; надобно признать, что это слишкомъ легкомысленное отношеніе къ войнѣ.

Въ Вѣнѣ, послѣ отъѣзда генерала Бернадота, водворились такая тишина и спокойствіе, какъ будто они ничѣмъ не нарушались. Населеніе, не видя болѣе въ городѣ трехцвѣтныхъ кокардъ и шарфовъ, чувствовало, какъ будто оно одержало побѣду. Тотъ, кому было суждено превратить римскаго императора въ императора австрійскаго, не возвратился еще изъ Египта.

Война съ Франціей возобновилась при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Весною 1799 г. Суворовъ, назначенный главнокомандующимъ австро-русской арміи, прибылъ въ Вѣну, предшествуемый русскимъ войскомъ подъ командою генералъ-аншефа Розенберга; числен-

ность этого отряда доходила до 22-хъ тысячъ человѣкъ. Принятый въ Вѣнѣ и при дворѣ, какъ освободитель Европы, Суворовъ доказалъ передъ лицомъ всего міра, что русскаго солдата не могутъ остановить ни Альпы, ни самыя непроходимыя дороги. Въ теченіе одного лѣта онъ очистилъ отъ непріятеля Италію, преодолѣлъ всѣ препятствія и тѣмъ не менѣе былъ побѣжденъ происками и кознями бюрократической политики, которая обратила въ ничто всѣ сдѣланныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усилія. Русскимъ войскамъ было приказано возвратиться на родину.

Я уѣхалъ изъ Вѣны тотчасъ по полученіи извѣстія о первой побѣдѣ, одержанной Суворовымъ при Требіи, и находился въ Берлинѣ въ то время, когда было получено извѣстіе объ убійствѣ трехъ французскихъ уполномоченныхъ: Бартельми, Ив. Дебри и Робержо, возвращавшихся изъ Раштадта съ конгресса. Я былъ посланъ русскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ Н. Панинымъ съ депешей къ императору Павлу I, въ которой онъ извѣщалъ государя объ этомъ событіи. Въ Петербургѣ я былъ прикомандированъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и оставался въ столицѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ новаго назначенія за границу, которое заставило меня снова разлучиться съ семьею.

Обстоятельства, обыкновенно не зависящія отъ человѣка, измѣнили мое положеніе или, лучше сказать, произвели въ немъ рѣшительный переворотъ. Я уѣхалъ изъ Петербурга только въ половинѣ 1800 года во внутреннія губерніи Имперіи.

Перев. **Б. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Высочайшее повелѣніе министру финансовъ о невзысканіи съ графа Милорадовича процентовъ и пени.

8-го іюля 1820 г.

По займамъ генерала-отъ-инфантеріи графа Милорадовича въ Государственномъ заемномъ банкѣ, за уплатою причитающихся на должныя имъ суммы за 1819 годъ капитала и процентовъ, слѣдуетъ съ него ко взысканію за тотъ же 1819 годъ за просрочку проценты и пени. Во вниманіе къ отличной службѣ генерала-отъ-инфантеріи графа Милорадовича я повелѣваю вамъ сихъ процентовъ и пени съ него не взыскивать.

М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь.

(1832—1852 г.) [1].

Лѣтомъ 1832 г. профессоръ Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженій. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ разсказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ патріотическомъ институтѣ (женскомъ въ Петербургѣ): изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей.

Новые знакомцы, очевидно, произвели другъ на друга сильное и благопріятное впечатлѣніе. Погодинъ взялъ съ Гоголя слово написать ему изъ Тулы (Гоголь ѣхалъ на югъ), а Гоголь, не отъѣхавъ отъ Москвы и полусотни верстъ, уже изъ Подольска, гдѣ ему пришлось ждать лошадей, пишетъ ему дружеское письмо, въ которомъ называетъ его «безцѣнный Михаилъ Петровичъ, братъ по душѣ».

Съ этихъ поръ начинаются ихъ постоянныя сношенія, начинается ихъ десятилѣтняя дружба; она настолько сплетаетъ судьбу ихъ, что если бы Погодинъ былъ самымъ заурядным профессоромъ, ограничившимъ всю свою производительность лекціями, да двумя тощими диссертаціями, одни сношенія съ Гоголемъ дали бы ему замѣтное мѣсто въ исторіи русской литературы классическаго ея періода. Приведу одинъ мелкій, но, по-моему, очень краснорѣчивый фактъ: черезъ 4 мѣсяца послѣ начала знакомства Гоголь проситъ Погодина передать его поклонъ

---

[1]) Читано въ торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности 12-го ноября 1900 г.

«Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ москвичамъ» [1]). Стало быть, Гоголь въ этс время смотритъ на Погодина, какъ на посредника между нимъ, Гоголемъ, и московской интеллигенціей; да иначе онъ не могъ смотрѣть и впослѣдствіи: послѣ 1842 года Аксаковъ, Шевыревъ, графъ Толстой, Шереметева и многіе другіе были гораздо ближе сердцу Гоголя, чѣмъ Погодинъ; но Гоголь никогда не могъ забыть, что прежде всего черезъ Погодина чуждая ему до тѣхъ поръ Москва стала для него роднымъ городомъ; не забудетъ и исторія, что именно благодаря Погодину Гоголь сталъ москвичемъ; въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ самыхъ горячихъ и искреннихъ друзей и поклонниковъ, и въ московскую землю сложилъ онъ свое преждевременно истощенное тѣло.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ перваго свиданія, Гоголь и Погодинъ уже были на *ты*; немного позднѣе Гоголь пишетъ Погодину: «мы не должны разлучаться на жизненномъ пути» [2]); онъ съ радостію отмѣчаетъ, что вкусы ихъ вполнѣ сходятся [3]) и т. д.

Что же такъ скоро и тѣсно сблизило съ Погодинымъ Гоголя, который, какъ извѣстно, и въ 23 года вовсе не отличался способностью быстро сходиться съ людьми, напротивъ: былъ замкнутъ и недовѣрчивъ ко всѣмъ, за исключеніемъ немногихъ школьныхъ товарищей?

Сближаетъ людей сходство интересовъ и воззрѣній и такое различіе характеровъ и наклонностей, при которомъ одинъ человѣкъ какъ бы дополняетъ другого; и перваго и второго здѣсь было не мало. Погодинъ вышелъ изъ великорусскихъ крѣпостныхъ; Гоголь—изъ малорусскихъ пановъ, и каждый изъ нихъ представлялъ весьма рельефно нѣкоторыя изъ крупнѣйшихъ характерныхъ чертъ своего племени. Погодинъ, при всей широтѣ своего ума и разнообразіи способностей, былъ не богатъ юморомъ и остроуміемъ, которыми Гоголь обладалъ въ высшей степени. За то Погодинъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ, самоувѣренъ и скоръ въ работѣ (часто даже черезчуръ скоръ), тогда какъ Гоголь страдалъ излишкомъ осторожности. Одинъ былъ великій художникъ и иногда пытался быть историкомъ; другой былъ крупнымъ историкомъ и иногда пускался въ творчество; какъ люди способные, они и въ чужихъ областяхъ выходили впередъ изъ толпы. По манерѣ держать себя, по способу отношенія къ людямъ они прямо таки представляли противоположности: Погодинъ былъ шуменъ, повидимому экспансивенъ донельзя, то восторгался, то кипятился, но часто показывалъ больше, чѣмъ у него на сердцѣ; онъ не разсматривалъ людей, а только про-

---

[1]) Кулишъ, Сочин. и письма (СПБ., 1857 г.,) V, 163.

[2]) Изд. Кулиша V, 161.

[3]) V, 246: „твои глаза ближе къ моимъ, чѣмъ у кого другого“.

являлъ передъ ними себя; Гоголь—на столько, какъ говорится, себѣ на умѣ, что на откровеннаго Аксакова его, какъ тотъ выражается, хохлацкая плутоватость производитъ при первомъ знакомствѣ непріятное впечатлѣніе; Гоголь внимательно присматривается къ окружающимъ, видитъ ихъ насквозь и какъ бы играетъ ими. Оба они люди выдающіеся по душевной и умственной силѣ, по огромной энергіи; но у одного энергія открытая, мечущаяся въ глаза, у другого—сдержанная, скрытая.

Поводомъ къ ихъ сближенію послужило то, что они были интересны другъ для друга. Гоголь уже въ «гимназіи высшихъ наукъ» слѣдилъ съ симпатіей за литературной дѣятельностью Погодина, и когда въ первый годъ своей петербургской жизни онъ издалъ подъ псевдонимомъ Алова свою поэму «Гансъ Кюхельгартенъ», въ числѣ немногихъ экземпляровъ, имъ разосланныхъ, одинъ былъ направленъ въ Москву М. П. Погодину. Погодинъ въ первый разъ услыхалъ о Гоголѣ-Яновскомъ по выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ», которые произвели такой фуроръ, что всякому было интересно познакомиться съ ихъ авторомъ.

Но было бы крайне несправедливо думать, что Погодина влекло къ Гоголю только какъ къ новой знаменитости, что онъ восхищался «Вечерами» только потому, что ими восхищался Пушкинъ и его литературная братія. Нѣтъ! Одну и очень важную сторону этой маленькой книжки Погодинъ былъ способенъ понять лучше и глубже, нежели самъ Пушкинъ, нежели даже самъ ея авторъ; я разумѣю ея этнографическое значеніе. Пушкинъ видѣлъ въ «Вечерахъ» истинную поэзію, простодушную, но увлекательную веселость; въ этомъ отношеніи Погодинъ, конечно, могъ и даже долженъ былъ пѣть съ чужого голоса; но въ шумномъ успѣхѣ этой попытки художественнаго возсозданія одной изъ славянскихъ народностей онъ видѣлъ осуществленіе плодотворной идеи, крупный шагъ впередъ къ той великой цѣли, къ которой онъ, Погодинъ, твердо шелъ всю долгую жизнь свою.

Это значеніе «Вечеровъ на хуторѣ» Погодинъ, должно быть, и разъяснилъ Гоголю при первыхъ же свиданіяхъ, и вотъ почему между ними сейчасъ же начался разговоръ о малороссійской исторіи, подавшей Погодину большую надежду.

Вотъ, по моему убѣжденію, одна изъ главныхъ причинъ, почему холодный и недовѣрчивый, но тонко понимающій людей и вещи Гоголь сразу почувствовалъ такую симпатію къ Погодину и призналъ въ немъ брата по душѣ [1]).

[1]) Гоголь и до тѣхъ поръ (начиная съ „гимназіи“) собиралъ историко-этнографическій матеріалъ, но дѣлалъ это полусознательно; съ этихъ поръ онъ начинаетъ мечтать о созданіи малороссійской исторіи. У Погодина по-

Другая важная причина ихъ быстраго сближенія—сходство ихъ положенія въ томъ аристократическомъ обществѣ, которое тогда составляло верхній слой и въ жизни, и въ литературѣ. Гоголь, хотя и дворянинъ по происхожденію, воспитаніе получилъ не дворянское, а разночинское; первое время по окончаніи курса онъ жилъ на счетъ доходовъ съ имѣнія; но это было ему очень тяжело, и онъ твердо рѣшился пробить себѣ дорогу трудомъ, заработывать деньги для себя и помогать семьѣ. Лѣтомъ 1832 года онъ могъ считать себя вполнѣ устроившимся. Погодинъ хотя и не испыталъ большой бѣдности, но съ отроческихъ лѣтъ научился добывать деньги и въ 32 года уже имѣлъ небольшое состояніе. Кто не извѣдалъ на себѣ, что значитъ съ ранней юности заработывать себѣ хлѣбъ, тотъ можетъ думать, что это обстоятельство неважно: не все ли равно, откуда юноша получаетъ деньги: отъ родителей ли или за трудъ, отъ чужихъ людей? Только бы онъ не нуждался въ необходимомъ. Но кто самъ прошелъ эту суровую школу, тотъ знаетъ, какой глубокій слѣдъ оставляетъ преждевременная борьба съ жизнью: она закаляетъ волю, обостряетъ умъ и способности; но она же угнетаетъ духъ, односторонне старитъ, до нѣкоторой степени уродуетъ человѣка. И Погодинъ, и Гоголь прошли эту школу и теперь жили въ средѣ людей, обезпеченныхъ съ дѣтства. Познакомившись, они не могли не признать другъ въ другѣ собратьевъ по судьбѣ и духу, и въ этомъ отношеніи Гоголь долженъ былъ признать надъ собой преимущество Погодина, который выказалъ искреннюю готовность быть полезнымъ молодому другу своей практичностью.

Недворянское воспитаніе сближало ихъ въ самыхъ сокровенныхъ убѣжденіяхъ. Оба они благоговѣли передъ родной словесностью и прежде всего передъ царемъ ея Пушкинымъ (который къ тому же имѣлъ случай облагодѣтельствовать каждаго изъ нихъ, хотя и въ разной степени); широту его литературныхъ стремленій они понимали, навѣрно, лучше, нежели его аристократическіе пріятели, цѣнившіе Пушкина-поэта и чуть не съ брезгливостью относившіеся къ Пушкину-журналисту, критику, историку; но по своей тѣсной связи съ низшимъ слоемъ русскаго общества, который твердо стоялъ за такъ называемый «установленный порядокъ», Гоголь и Погодинъ не могли раздѣлять ни религіозныхъ, ни политическихъ сомнѣній Пушкина и друзей его, и мученичество декабристовъ, повидимому, не возбуждало въ нихъ ни малѣйшаго сочувствія.

учается онъ „славянщинѣ“ и въ 1836 году (Кулишъ, Письма, V, 249. 252 и пр.) и если изъ этихъ позднихъ занятій не вышло ничего важнаго, то съ бесѣдами и мечтами о малороссійской исторіи нельзя не поставить въ связь „Тараса Бульбу“.

Ихъ сближало, наконецъ, и единство занятій: они оба были преподавателями исторіи и географіи, и если Гоголь въ этомъ дѣлѣ бралъ верхъ надъ Погодинымъ глубиною своего ума, силою фантазіи, Погодинъ далеко превосходилъ его основательностью подготовки.

И вотъ они сошлись, подружились и немедленно вступили въ тѣсный союзъ, одинаково пріятный и выгодный для обѣихъ сторонъ. Гоголь даетъ Погодину самыя разнообразныя порученія, которыя тотъ исполняетъ съ готовностью, даже съ радостью. Погодинъ, такъ сказать, угощаетъ Гоголемъ своихъ московскихъ друзей, и Гоголь у него въ домѣ читаетъ въ первый разъ свою первую комедію «Женитьбу» [1]); когда оказывается возможность, Гоголь служитъ посредникомъ между Погодинымъ и петербургскими знаменитостями, а Погодинъ обдѣлываетъ всѣ московскія дѣла Гоголя (между прочимъ въ началѣ 1834 г., по предложенію Погодина, тогдашняго секретаря Общества любителей словесности, Гоголь выбранъ въ его члены) [2]). Переписка между ними самая интимная и оживленная. Гоголь сообщаетъ Погодину планы своихъ научныхъ работъ и, очевидно, очень дорожитъ его мнѣніемъ, хотя и старается казаться независимымъ; даже выговоры отъ Погодина онъ принимаетъ очень благодушно [3]). Погодинъ съ своей стороны отдаетъ на судъ Гоголя свои литературныя произведенія, и тотъ судитъ его очень мягко и снисходительно, поневолѣ подчиняя свой тонкій вкусъ симпатіи къ автору. Когда съ конца 1833 г. Гоголь начинаетъ хлопотать о каѳедрѣ въ университетѣ, переписка съ Погодинымъ пріобрѣтаетъ для него еще бо́льшій интересъ: онъ очень настойчиво проситъ лекцій Погодина (положимъ, обѣщаетъ ему и свои, но сейчасъ же видно, что онъ дѣлаетъ это только, чтобъ не уронить себя), пользуется его книгами и указаніями. Когда Гоголю не удалось занять каѳедру въ Кіевѣ, Погодинъ, очевидно, не безъ нѣкотораго насилія надъ своей ученой совѣстью, предложилъ ему свои хлопоты, чтобъ устроить его адъюнктомъ въ Москвѣ [4]). Когда Гоголь началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, онъ, конечно, очень скоро убѣдился, что взялся не совсѣмъ за свое дѣло, но только одному Погодину признался онъ, что не оказалось столь необходимой связи между нимъ и его, какъ онъ называлъ ихъ, «сонными слушателями», и Погодинъ, повидимому, ничѣмъ не сумѣлъ его утѣшить; но за то онъ преисполнялся все бо́льшимъ восторгомъ къ Гоголю, какъ поэту, и восторгъ этотъ былъ, конечно, вполнѣ искреннимъ и законнымъ (побывавъ въ началѣ 1835 г.

---

[1]) Аксаковъ, С. Т., „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. М. 1890, стр. 9—10.

[2]) См. письмо его отъ 19-го марта (Кулишъ, V, 201).

[3]) См. Кулишъ, V, 202.

[4]) Тамъ же, V, 214.

въ Петербургѣ, Погодинъ черезъ посредство новаго московскаго журнала «Наблюдатель» [1]) довелъ до свѣдѣнія публики, что восходящее «новое свѣтило русской словесности» готовитъ двѣ комедіи). Передъ самымъ выходомъ изъ университета Гоголь одному Погодину сознался въ своемъ «безславіи» [2]) и ему же одному—«другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ», прибавляетъ онъ—о своихъ «высокихъ, исполненныхъ истины и ужасающаго величія» мысляхъ.

Въ маѣ 1836 г. одинаково измученный и восторгомъ и порицаніями, авторъ «Ревизора» рѣшается на время покинуть Россію. Извѣщая объ этомъ своего московскаго друга, Гоголь пишетъ ему: «Все, что̀ ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой» [3]).

Эти слова—одно изъ первыхъ по времени проявленій того мистическаго самомнѣнія, которое въ серединѣ 40-хъ годовъ развилось въ Гоголѣ до патологическихъ размѣровъ; но въ это время только матери да Погодину сообщаетъ Гоголь такія мысли; только передъ этими двумя людьми душа его вполнѣ открыта: настолько онъ увѣренъ въ беззавѣтной любви ихъ къ себѣ. Съ Погодинымъ Гоголь даже откровеннѣе, чѣмъ съ матерью: онъ часто не сообщаетъ ей о своихъ болѣзняхъ и разстройствахъ, не желая пугать ее.

Къ Погодиину же обращается онъ за помощью въ трудныя минуты заграничнаго безденежья, и не лишено значенія, что передъ нѣжинскими друзьями онъ выставляетъ Погодина еще болѣе обязательнымъ и добрымъ къ нему, Гоголю, нежели тотъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, 31-го декабря 1838 г., онъ пишетъ Данилевскому: «Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2.000 фр. отъ добраго моего Погодина, который, не знаю какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ и прислалъ мнѣ ихъ». А пронюхать о нуждѣ Гоголя Погодину было вовсе не трудно, такъ какъ 20-го августа самъ Гоголь написалъ ему объ ней и просилъ у него именно 2.000. Гоголь какъ будто хотѣлъ такой выдумкой мотивировать передъ старыми пріятелями свою привязанность къ москвичу Погодину.

Путешествіе Погодина съ женою въ Римъ (куда Гоголь уже давно звалъ пріятеля) и совмѣстное житье ихъ съ Гоголемъ еще больше закрѣпило эту истинно-братскую дружбу: черезъ Погодина Гоголь сошелся съ Шевыревымъ, съ которымъ до тѣхъ поръ онъ, несмотря на житье

---

[1]) „Моск. Наблюдатель“ 1835 г. I, 442—8.
[2]) Кулишъ, V, 246.
[3]) Тамъ же, V, 261.

въ одномъ городѣ, былъ въ довольно рѣдкихъ сношеніяхъ. Гоголь съ наслажденіемъ показывалъ свой Римъ Погодину, познакомилъ его съ художникомъ Ивановымъ и многими другими, а по вечерамъ пріятели вели долгія бесѣды о русской литературѣ и славянской народности, и Гоголь, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, сталъ интересоваться не только Снегиревымъ и Сахаровымъ, но и Шафарикомъ. Проводивъ Погодиныхъ и Шевыревыхъ въ Парижъ, Гоголь поручилъ ихъ вниманію своего родственника и однокашника Данилевскаго и очень просилъ сдѣлать для нихъ все возможное. Лѣтомъ Гоголь вмѣстѣ съ Погодинымъ жилъ и лѣчился въ Маріенбадѣ, а осенью они вмѣстѣ поѣхали въ Москву; Гоголь поселился у Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ и сюда же, какъ къ себѣ въ домъ, привезъ своихъ сестеръ изъ Петербурга и пригласилъ свою мать.

Какого мнѣнія былъ въ это время Гоголь о Погодинѣ и какъ онъ старался объ его интересахъ, видно изъ письма его къ Жуковскому, которое самъ Погодинъ повезъ съ собою въ январѣ 1840 г. въ Петербургъ, куда онъ поѣхалъ съ отчетомъ о своей заграничной командировкѣ:

«Письмо мое передастъ вамъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда, братъ... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошенничали у него подлѣйшимъ образомъ. И хоть бы что-нибудь похожее на печаль показалось у него! Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, и какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этого человѣка! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ съ именами первыхъ столповъ науки!»

Можно ли горячѣе, преданнѣе отзываться о своемъ другѣ? и можно ли было ожидать, чтобы такая идеальная и долголѣтняя дружба, выдержавшая нелегкое испытаніе неоднократныхъ сожительствъ и заграницей, и въ Россіи, обратится во взаимное раздраженіе и даже злобу?

А между тѣмъ въ то время, какъ Гоголь писалъ это письмо, уже готовился матеріалъ для взаимнаго горькаго разочарованія этихъ двухъ несомнѣнно добрыхъ и хорошихъ людей.

Дѣло въ томъ, что Погодинъ, отъ природы живой и отзывчивый человѣкъ, послѣ долговременнаго пребыванія заграницей и особенно въ славянскихъ земляхъ, преисполнился оригинальныхъ идей не только научныхъ, но и политическихъ и общественныхъ, которыя онъ очень желалъ сообщить согражданамъ, а для этого ему было необходимо имѣть свой органъ. Объ этомъ органѣ, безъ сомнѣнія, происходили частыя бесѣды между друзьями, при чемъ, какъ можно судить по послѣдую-

щему, Погодинъ готовъ былъ удовольствоваться любой формой періодическаго изданія, а Гоголь стоялъ за ежемѣсячный журналъ.

Когда поздней осенью 1839 г. Гоголь изъ дома Погодина поѣхалъ въ Петербургъ за сестрами, у Погодина явился планъ издавать «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» (за особую плату), и онъ сообщилъ его Гоголю; тотъ (4-го ноября) написалъ ему длинное и горячее письмо, въ которомъ разбилъ эту идею въ пухъ и прахъ и съ большимъ знаніемъ дѣла настаивалъ именно на журналѣ книжками. Между прочимъ, онъ писалъ: «Я составлялъ и носилъ въ головѣ идею вѣрно обдуманнаго, непреложнаго журнала, заключателя въ себѣ и сѣятеля истины и добра. Я готовилъ даже и отъ себя написать нѣкоторыя статьи для него, пользуясь временемъ весны и будущаго лѣта, которыя будутъ у меня свободны, я, который далъ клятву никогда не участвовать ни въ какомъ журналѣ и не давать никуда своихъ статей» [1]).

Можно себѣ представить, какія широкія перспективы для будущаго редактора открывало такое положительное обѣщаніе знаменитаго и всѣмъ, кромѣ Булгарина, любезнаго автора «Вечеровъ», «Тараса Бульбы» и «Ревизора», который къ тому же въ «Современникѣ» Пушкина показалъ огромный критическій и вообще журнальный талантъ?

Въ моментъ полученія этого письма совершилось зачатіе «Москвитянина».

Если расположеніе Погодина къ Гоголю могло усиливаться, оно должно было послѣ этого по крайней мѣрѣ утроиться.

Весною 1840 г. Гоголь уѣхалъ заграницу, поручивъ свои денежныя дѣла, конечно, Погодину. Въ Вѣнѣ онъ заболѣлъ тою болѣзнью, которую нынѣче, вѣроятно, назвали бы неврастеніей на почвѣ переутомленія, и только одному Погодину (изъ Рима отъ 17-го октября) онъ подробно описалъ ея припадки и ея тяжелыя послѣдствія, изъ которыхъ тяжеле всего была невозможность напряженно работать, а работать ему было необходимо прежде всего, чтобы исполнить завѣтъ Пушкина—дописать «Мертвыя Души» [2]).

Съ 1841 г. начинаетъ выходить «Москвитянинъ», въ который Погодинъ кладетъ всю душу свою, всю энергію и всѣ свободныя средства.

---

[1]) Тамъ же, V, 391. Въ концѣ этого письма Гоголь благодаритъ Погодина за намѣреніе устроить въ Москвѣ сестеръ вмѣстѣ съ нимъ. „Онѣ будутъ покамѣсть переводить и работать для будущаго журнала и для меня“.

[2]) Прочувствованный, хотя и слишкомъ „восторженный“ отвѣтъ Погодина на письмо Гоголя см. у В. И. Шенрока, III, 328.

«Москвитянинъ», какъ всякій серьезный журналъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ направленіемъ, встрѣчаетъ и поклонниковъ и хулителей. Редакторъ и его ближайшій сотрудникъ Шевыревъ работаютъ усердно и даютъ, что могутъ. Но въ одномъ отношеніи журналъ обманулъ ожиданія публики: всѣмъ были извѣстны дружескія отношенія редактора и Гоголя; экспансивый Погодинъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ разблаговѣстилъ, что Гоголь обѣщалъ помогать «Москвитянину» изъ всѣхъ силъ и, какъ мы знаемъ, онъ имѣлъ основанія для этого. Выходитъ книжка за книжкою, а Гоголя нѣтъ. «Всѣ ждутъ,—пишетъ Даль Погодину, что-то будетъ въ «Москвитянинѣ» Гоголя? Его сотрудничество, непремѣнно, расширитъ кругъ журнала. Гоголя любятъ всѣ; для него между читателями нѣтъ партій» [1]). Погодинъ признаетъ справедливость этого, можно сказать, требованія публики и рѣшается написать Гоголю письмо на тему: раззорюсь, выручай! Но онъ немного побаивается своего капризнаго и болѣзненнаго друга и чувствуетъ, какъ было бы неделикатно ему, одному изъ главныхъ кредиторовъ Гоголя, приставать къ нему, и потому прибѣгаетъ къ помощи добросердечнаго С. Т. Аксакова.

Плохо дѣло, когда одинъ изъ друзей проситъ вмѣшательства третьяго лица; дружба, очевидно, виситъ на волоскѣ.

Кто виноватъ въ этомъ? Конечно, не Гоголь, который по болѣзни не могъ исполнить своего обѣщанія, но и не Погодинъ, который желалъ добра своему журналу, затѣянному въ надеждѣ на это обѣщаніе. Въ оправданіе Погодина слѣдуетъ припомнить и то, что Гоголь, по своей мнительности, слишкомъ долго пугалъ друзей своихъ плохимъ состояніемъ своего здоровья, такъ что они хоть и вѣрили ему, но не вполнѣ, и что Гоголь черезъ него же, Погодина, переслалъ недавно Щепкину одинъ актъ переведенной имъ съ итальянскаго комедіи («Дядька въ затруднительномъ положеніи»); стало быть, работать могъ. Но лучшимъ и полнымъ оправданіемъ Погодину служитъ то, что благоговѣвшій передъ Гоголемъ Аксаковъ въ этомъ случаѣ сталъ на его сторону и взялъ на себя ходатайство.

Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Гоголя прямо-таки ужасное письмо: мало того, что Гоголь считаетъ тяжкимъ грѣхомъ отвлекать его отъ великаго спасительнаго труда, считаетъ, что это дозволительно только тому, кто не вѣритъ словамъ его и кто «недоступенъ высокимъ мыслямъ»; мало того, что онъ намекаетъ на свою задолженность, на кредиторскія права Аксакова и Погодина, онъ кончаетъ свое письмо такими жалкими словами: «Но статья будетъ готова; жаль только,

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Погодинъ, VI, 228—9.

если она успитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю, нѣтъ: Богъ милостивъ».

Можно себѣ представить, какъ подѣйствовало это письмо на впечатлительнаго С. Т.! Онъ оказывается виновнымъ въ грубой неделикатности, въ неуваженіи къ словамъ Гоголя, въ порчѣ «Мертвыхъ Душъ», наконецъ въ болѣзни, угрожающей ихъ творцу!

Вся эта исторія настолько огорчила и разобидѣла его, что онъ сталъ избѣгать дѣловыхъ сношеній и съ Погодинымъ и даже съ Гоголемъ: когда Гоголь хотѣлъ поручить ему 2-ое изданіе «Ревизора», онъ отказался, сославшись на свое семейное горе (смерть сына). Но когда взявшій это на себя Погодинъ задумалъ для блага «Москвитятина» предварительно помѣстить въ немъ нѣсколько добавленныхъ сценъ къ «Ревизору», Аксаковъ счелъ долгомъ вмѣшаться и пытался остановить его угрозой гнѣва Гоголя.

Тогда уже разсердился Погодинъ и, по свойству своего характера, выразилъ свое «сердце» слишкомъ рѣзко. «Да помилуйте, Сергѣй Тимоееевичъ, писалъ онъ Аксакову: что я въ самомъ дѣлѣ за козелъ искупленія! Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай (разумѣется, денегъ), бѣги и дѣлай и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя! Да еслибъ я изрѣзалъ въ куски «Ревизора» и разсовалъ его по своему журналу, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня».

Идея превращенія «Ревизора» въ куски «Москвитянина», разумѣется, Аксакову не понравилась, и онъ отвѣчалъ Погодину, насколько могъ, сухо [1]).

Но Гоголь продолжалъ по-прежнему и дружескія и дѣловыя сношенія съ Погодинымъ и на присланныя имъ деньги выѣхалъ въ 1841 г. изъ Рима въ Россію.

Пріѣхавъ въ Москву, Гоголь поселился, разумѣется, у Погодина, въ домѣ котораго должна была черезъ нѣсколько мѣсяцевъ остановиться (и, дѣйствительно, останавливалась) и мать Гоголя.

Въ началѣ этого совмѣстнаго житья, повидимому, все шло попрежнему: Послѣднія главы 1-го тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь читалъ только двумъ Аксаковымъ и Погодину; Аксаковы были въ такомъ восторгѣ, что отказались отъ всякой критики; Погодинъ критиковалъ планъ поэмы довольно строго и съ раздраженіемъ, вѣроятно, безсознательнымъ. Гоголь слушалъ его внимательно и не возражалъ, но плана своего не измѣнилъ.

---

[1]) Въ оправданіе Погодина необходимо, впрочемъ, прибавить, что, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста письма (см. у Аксакова, Ист. моего знакомства и пр. стр. 117—118), Погодинъ больше заботился объ интересахъ Гоголя, чѣмъ о своихъ собственныхъ.

Въ концѣ 1841 и началѣ 1842 г., какъ разсказываетъ Аксаковъ [1]), начали возникать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ. «Гоголь молчалъ, но казался разстроеннымъ, а Погодинъ началъ сильно жаловаться на Гоголя, на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невниманіе къ хозяевамъ, т. е. къ нему, къ его женѣ, къ матери и къ тещѣ, которыя будто бы ничѣмъ не могли ему угодить...» «Жалобы и обвиненія Погодина, продолжаетъ Аксаковъ, казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева... Послѣ объяснилось, что Погодинъ пилилъ, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, которыя посылалъ ежедневно къ нему снизу вверхъ, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности». Такъ разсказываетъ Аксаковъ и не только обвиняетъ грубую и «топорную» натуру Погодина, но очень рѣзко обвиняетъ и себя самого за то, что онъ не вмѣшался въ ихъ ссору.

Надо замѣтить, что все это писано вскорѣ послѣ смерти Гоголя, когда всѣ горячіе поклонники его таланта, бывшіе съ нимъ въ личныхъ сношеніяхъ, не исключая и Погодина, были очень склонны оправдывать Гоголя во всемъ и обвинять себя и другихъ его пріятелей за непониманіе тонкой духовной организаціи великаго художника. Но и при этихъ условіямъ правдолюбіе заставляетъ Аксакова сознаться, что обращеніе Гоголя, и прежде неровное, теперь значительно измѣнилось къ худшему, и указать на то, что Гоголь приблизительно въ тотъ же періодъ не могъ ужиться и съ кротчайшимъ Языковымъ. Все послѣдующее убѣждаетъ насъ положительно, что если Погодинъ, сильно обезпокоенный положеніемъ своего журнала (которому могъ бы, но не хотѣлъ помочь его такъ-называемый другъ), и грѣшилъ иногда вспыльчивостью и безтактностью, то гораздо болѣе грѣшилъ холодной озлобленностью Гоголь, который и самъ сознается, что онъ нарочно избѣгалъ объясненій: «Пусть молъ его путается!», а Смирновой очень откровенно заявляетъ, что жертвовать своими статьями для журналовъ друзей находилъ для себя невыгоднымъ, такъ какъ готовился напечатать полное собраніе своихъ сочиненій.

Несмотря на то, что Гоголь далъ-таки для 3-й книжки «Москвитянина» (за 1842 г.) свой отрывокъ «Римъ», отношенія его къ Погодину настолько обострялись, что 9-го мая, когда Гоголь давалъ обычный именинный обѣдъ въ саду, хозяинъ и его жилецъ уже не разговаривали другъ съ другомъ [2]). Черезъ двѣ недѣли Гоголь надолго покинулъ Москву, и Погодина, конечно, не было въ числѣ провожавшихъ его.

---

[1]) Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 54.

[2]) Аксаковъ, 62.

Такъ окончилась эта долгая дружба, обнимающая лучшихъ 10 лѣтъ жизни Гоголя, въ продолженіе которыхъ онъ написалъ «Миргородъ», «Ревизора», «Петербургскія повѣсти» и 1-ую часть «Мертвыхъ Душъ». Въ послѣдующее десятилѣтіе—періоды 2-ой части «М. Д.» и «Переписки съ друзьями», главнымъ исполнителемъ практическихъ порученій Гоголя, вмѣсто Погодина, является Шевыревъ, болѣе аккуратный, менѣе «топорный», но зато едва-ли такой искренній и сердечный человѣкъ.

Ссора Погодина съ Гоголемъ не была вульгарной ссорою двухъ пріятелей изъ-за стараго ружья и «гусака»; это было взаимное раздраженіе на почвѣ нѣкотораго взаимнаго разочарованія. Поэтому, во-первыхъ, они не втягивали въ свою ссору близкихъ людей: мать Гоголя и по отъѣздѣ сына дружески относилась къ Погодину, и Гоголь изъ Петербурга поспѣшилъ написать ласковое письмо женѣ Погодина, а во-вторыхъ, когда прошелъ острый періодъ раздраженія (что̀ произошло, конечно, довольно скоро), между ними стали возможныя дружески-дѣловыя отношенія. Уже въ мартѣ 1843 г. Гоголь пишетъ Аксакову и Шевыреву по длинному и задушевному письму и проситъ ихъ, вмѣстѣ съ Погоднымъ, взять на три года на свою отвѣтственность устройство матеріальнаго благосостоянія Гоголя, при чемъ спеціально на Аксакова и Погодина, который, пишетъ Гоголь, часто упрекалъ меня за то, что я мало сдѣлалъ для семьи [1]), возлагалась, въ надеждѣ на прекрасныя души ихъ, забота о матери Гоголя.

Когда три москвича совмѣстно обсуждали эту просьбу Гоголя, Погодинъ, по словамъ Аксакова, «мучилъ насъ обоихъ своимъ ропотомъ, осужденіемъ и негодованіемъ»(стр. 106); но С. Т. долженъ сознаться, что и въ его душѣ не было полной довѣренности къ Гоголю (стр. 107). Однако деньги, затребованныя Гоголемъ, были собраны и ему посланы.

Извѣстно, что учители и профессоры ранней весною бываютъ особенно раздражительны, а къ осени, если имъ удается хорошо отдохнуть лѣтомъ, міровоззрѣніе ихъ, а слѣдовательно и взглядъ на отдѣльныхъ людей, значительно смягчается.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Тотъ же Погодинъ, который въ апрѣлѣ, какъ говорится, «рвалъ и металъ» на своего бывшаго друга, въ сентябрѣ самъ открываетъ съ нимъ сношенія письмомъ, очень характернымъ, но вовсе не дипломатичнымъ:

Москва 1843 г. сентября 12-го.

«Наконецъ, нашелъ я въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобою, написать къ тебѣ письмо. Раны сердца моего зажили, или по крайней мѣрѣ затянулись... Ну, что, каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ опять ма-

[1]) Аксаковъ, стр. 105.

ріенбадскую воду, а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь изъ горла, и голова безпрестанно тяжела. Не случилось ли чего особеннаго въ душѣ у тебя около 3-го (15-го) сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3-го числа я какъ будто примирился съ тобою; а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ треволненія! Когда ты затворилъ дверь, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня съ плечъ; все, что узнавалъ я послѣ, прибавило мнѣ еще больше муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ и высокихъ минутъ своихъ, отвратительнымъ существомъ.

«Посѣтивъ мать твою въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала слишкомъ глубоко. Наконецъ, я сталъ позабывать тебя, успокаивался... и теперь все, какъ рукой снято. Ну, слава Богу! Я готовъ опять и ругать и любить тебя» [1]).

На это, можетъ быть, нѣсколько и «топорное», но во всякомъ случаѣ благодушное и искреннее письмо, Гоголь отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ, которое направилъ предварительно къ Аксакову и Шевыреву: пусть они подумаютъ, отдавать ли его Погодину. И хорошо сдѣлалъ: они рѣшили не отдавать его, такъ какъ пришли къ справедливому заключенію, что оно способно только раздражить и огорчить Погодина, Сообщая объ этомъ Гоголю, даже Аксаковъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, что себя Гоголь обвиняетъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, а Погодина колетъ «въ настоящее больное мѣсто» [2]).

Письмо Гоголя очень интересно и умно, но ужъ задушевнымъ-то его никакъ назвать нельзя; достаточно сказать, что и начинается оно съ мастерского, но жестокаго отождествленія Погодина съ мрачнымъ духомъ отрицанія и смущенія.

Такъ Погодинъ и остался съ напрасно протянутой рукой примиренія; онъ, повидимому, не дѣлалъ новыхъ попытокъ, но продолжалъ прославлять въ своемъ журналѣ Гоголя, какъ художника, и даже украсилъ его портретомъ ноябрьскую книжку «Москвитянина». Гоголь, самолюбіе и мнительность котораго дѣлались все болѣзненнѣе, страшно возмутился этимъ, увѣрялъ (въ письмѣ къ Языкову), что «большаго оскорбленія» ему «нельзя было придумать» и даже доказывалъ съ свойственной ему тонкостью ума, что отъ изображенія его «неряхою» (въ халатѣ) произойдетъ серьезный вредъ для всей русской мододежи.

Наступаетъ роковой для Погодина 1844 г.; теперь уже Гоголь изъ добраго чувства протягиваетъ два раза руку Погодину, а тотъ каждый

---

[1]) Аксаковъ, стр. 116—7.
[2]) Аксаковъ, стр. 124.

разъ хватается, такъ сказать, за нее обѣими руками. 16-го мая 1844 г. Погодинъ сломалъ себѣ ногу. Вся ученая и литературная Москва спѣшила выразить свое сочувствіе больному, и Гоголь прислалъ ему небольшое, но милое письмецо [1]). Погодинъ отвѣтилъ ему, еще лежа въ постелѣ и, желая сдѣлать ему особое удовольствіе, благодарилъ его за елейнаго (безъ ироніи) Ѳому Кемпейскаго, за присылку котораго, надъ Гоголемъ посмѣялся даже благодушный Аксаковъ.

Въ концѣ того же года Погодина поразилъ тяжкій ударъ—смерть жены его, Елизаветы Васильевны, къ которой Гоголь много лѣтъ выражалъ теплую братскую привязанность. Гоголь, въ это время уже явно больной тѣмъ нравоучительнымъ мистицизмомъ, который отравилъ послѣдніе годы его жизни, написалъ старому другу задушевное, но странное и малоутѣшительное письмо.

Онъ доказываетъ вдовцу, что несчастіе, его посѣтившее, есть великій знакъ любви божьей къ нему; въ благодарность за это Погодинъ долженъ съ этихъ поръ всецѣло посвятить себя служенію Россіи, отрѣшившись отъ обычной ему торопливости. «Я знаю, продолжаетъ Гоголь, что покойницу печалили два находящіеся въ тебѣ недостатка: отсутствіе такта во всевозможныхъ родахъ приличій, а другой—гнѣвливость». Какъ лѣкарство противъ этихъ духовныхъ немощей, онъ рекомендуетъ того же Ѳому Кемпейскаго.

Погодинъ благодарилъ Гоголя за это письмо, какъ за благодѣяніе, но въ дневникѣ своемъ (23-го декабря 1844 г.), хоть и называетъ письмо умилительнымъ и увѣщеваетъ самого себя смириться, не признаетъ за собою ни гнѣва въ смыслѣ злобы, ни рѣзкаго незнанія приличій.

И эти слабые отзвуки былой дружбы едва не прикратились навсегда и едва не смѣнились такими отношеніями, при которыхъ людямъ неловко встрѣчаться въ одномъ домѣ. На этотъ разъ всецѣло виноватъ былъ Гоголь.

Въ самомъ началѣ 1847 г. появляется книга Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Къ немалому своему удивленію, интеллигентные читатели въ одной изъ первыхъ главъ ея нашли такой рѣзкій разносъ Погодина, какого отъ Гоголя могъ ожидать развѣ Ѳаддей Булгаринъ. «Пріятель нашъ П., пишетъ Гоголь въ главѣ о томъ, «что такое слово», имѣетъ обыкновеніе, отрывши, какія ни попало, строки извѣстнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестью его» и т. д. А черезъ нѣсколько строкъ Гоголь даетъ общую характеристику писателя и профессора П., который трудится и хлопочетъ тридцать лѣтъ

[1]) Отъ 13-го іюня изъ Франкфурта.

и въ результатѣ только убѣждаетъ всѣхъ въ своемъ нравственномъ неряшествѣ и неопрятности, такъ что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, который сказалъ бы ему спасибо, ни одного юноши, который призналъ бы себя обязаннымъ ему какимъ нибудь новымъ свѣтомъ [1]) и проч. Въ этой бочкѣ дегтя, правда, была ложка меду въ видѣ признанія благородныхъ и прекрасныхъ порывовъ Погодина, но она, конечно, не измѣнила общаго впечатлѣнія.

Когда добрые люди показали это мѣсто Погодину, тотъ огорчился буквально до слезъ, не могъ думать ни о чемъ другомъ и немного успокоился только по прочтеніи всей книги, когда убѣдилъ себя, что Гоголь просто-таки помѣшался отъ гордости. Самъ С. Т. Аксаковъ былъ возмущенъ до глубины души и писалъ сыновьямъ: «Я никогда не прощу Гоголю выходокъ на Погодина: въ нихъ дышетъ дьявольская злоба, а онъ изволитъ утопать въ любви христіанской».

Какъ человѣкъ прямой, онъ довелъ о своемъ впечатлѣніи и до свѣдѣнія автора: онъ называетъ его поступокъ злобнымъ; «вы позорите, безчестите человѣка, котораго вы называли своимъ другомъ», пишетъ онъ Гоголю, съ благороднымъ злорадствомъ сообщаетъ ему, что Погодинъ плакалъ и что онъ спрашиваетъ Гоголя: Христосъ училъ подставлять ударившему другую ланиту, но гдѣ же онъ училъ давать оплеухи?

Недовольны были поступкомъ Гоголя и такіе преданные ему люди, какъ Шевыревъ и даже старушка Шереметева.

Но Гоголь и до полученія выговоровъ почувствовалъ, что имъ сдѣлано дѣло неладное. Онъ послалъ свою книжку Погодину съ надписью грубо ругательной, самая грубость которой должна была свидѣтельствовать о его дружескихъ чувствахъ и въ которой себя самого онъ признаетъ столь же и даже болѣе виновнымъ въ тѣхъ грѣхахъ, въ какихъ онъ обвиняетъ Погодина [2]). А кромѣ того онъ написалъ ему заигрывающее письмо съ заявленіемъ о своихъ дружескихъ чувствахъ, съ обѣщаніемъ и впредь говорить ему правду въ глаза и съ приглашеніемъ ѣхать вмѣстѣ въ св. Землю.

Не безъ горькаго юмора Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

---

[1]) Цензура вычеркнула нѣсколько выраженій относительно патріотизма Погодина и его любви къ царю, еще болѣе сильныхъ. См. изд. Тихонравова, т. IV, стр. 21.

[2]) „Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему, Ѳомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей дарятъ сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его человѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопрятнѣйшій его самого“. (Барсуковъ, VIII, 544).

«Письмо отъ Гоголя, который обѣщаетъ ругать меня и еще въ знакъ дружбы» [1]). А когда Гоголь узналъ, какое впечатлѣніе произвела его выходка на московскихъ друзей и на самого Погодина, онъ, откинувъ ложный стыдъ, призналъ ее рѣзкой и неприличной, и, хотя отстаивалъ справедливость сказаннаго имъ, но выразилъ искреннее раскаяніе въ огорченіи, имъ причиненномъ, и писалъ Погодину, называя его «другомъ или, лучше, братомъ»: «Съ этой минуты у меня поселилась къ тебѣ такая любовь, какой никогда доселѣ не было и, мнѣ кажется, что дружба наша съ этихъ поръ начнется». Приблизительно тогда же онъ пишетъ о Погодинѣ Шереметевой: «Это добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце; великодушіе составляетъ главную черту его характера».

Мало этого, Гоголь хотѣлъ и передъ читающей публикой реабилитировать Погодина и для 2-го изданія «Переписки» написать статью: «О достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ Погодина». Статьи этой Гоголь не написалъ, да, впрочемъ, какъ извѣстно, и 2-е изданіе «Переписки» не потребовалось.

Какъ же отнесся къ раскаянію Гоголя Погодинъ? Очень великодушно и характерно. Онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезное и нѣжное письмо отъ Гоголя. Утѣшился; сердца у меня на него нѣтъ, развѣ когда раздумаешься» [2]). Онъ отвѣтилъ ему немедленно (8-го апр.) очень искренно, вполнѣ по-дружески; онъ выразилъ ему свое мнѣніе обо всей его несчастной книгѣ, мнѣніе, конечно, въ общемъ отрицательное, но сдѣлалъ это со всевозможнымъ снисхожденіемъ и братской любовью.

Но потерявшій почву Гоголь и на это, повидимому, обидѣлся и выражалъ сожалѣніе, что завелъ переписку съ Погодинымъ [3]); однако этой переписки не прекратилъ и въ концѣ года снова писалъ ему, что любитъ его больше прежняго [4]).

Въ концѣ концовъ этотъ печатный «инцидентъ» дѣйствительно скорѣй способствовалъ сближенію, нежели отдаленію бывшихъ друзей. Въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Москву, зимою 1848 г., Гоголь два мѣсяца жилъ у Погодина и переѣхалъ отъ него къ гр. Толстому только потому, что самъ Погодинъ перебрался во флигель, уступивъ домъ свой исключительно подъ рукописи [5]).

---

[1]) Барсуковъ, VIII, 541.

[2]) Барсуковъ VIII, 547.

[3]) Тамъ же, 554.

[4]) Тамъ же, 557.

[5]) Ради пребыванія Гоголя, Погодинъ торжественно отпраздновалъ день своего рожденія 11-го ноября. Гости были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Празднество, впрочемъ, не вполнѣ удалось: „Гоголь испортилъ. Досадно“, записалъ Погодинъ въ дневникѣ своемъ.

Въ послѣдніе три года жизни Гоголя между нимъ и Погодинымъ установились довольно ровныя доброжелательныя отношенія. Они интересовались дѣлами другъ друга, иногда дѣлились мыслями, оказывали взаимно небольшія услуги, видались довольно часто [1]); по старой памяти Гоголь справлялъ въ Погодинскомъ саду свой именинный обѣдъ 9-го мая. Погодинъ продолжалъ прославлять Гоголя въ «Москвитянинѣ», но полной откровенности, прежнихъ задушевныхъ отношеній не было и въ поминѣ. Да впрочемъ въ это время Гоголь былъ такъ болѣзненъ и временами такъ страненъ, что и никто другой не могъ быть съ нимъ въ такой здоровой дружбѣ, которая была когда-то между нимъ и Погодинымъ. Въ это время онъ, дѣйствительно, походилъ, по его же выраженію, на скудельный сосудъ съ драгоцѣнной жидкостью, съ которымъ всѣ обращались необыкновенно бережно и несвободно, изъ страху, какъ бы не толкнуть его.

Нашъ незабвенный учитель Ѳ. И. Буслаевъ разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, какъ профессоръ Погодинъ въ 1837 г. на лекціи, вмѣстѣ съ студентами, оплакивалъ смерть Пушкина. На юнаго Буслаева Погодинъ произвелъ тогда неизгладимое и благотворное впечатлѣніе своимъ добрымъ любящимъ сердцемъ, силою своего чувства, раздѣляемаго съ молодежью, и своей задушевной искренностью.

Когда въ 1852 году скончался Гоголь, Погодинъ самъ былъ почти старикъ, и юной, впечатлительной аудиторіи у него уже не было. Передъ нимъ была только,—увы! немногочисленная публика падающаго «Москвитянина». Но доброе сердце и задушевная искренность остались у него тѣми же.

Вотъ какъ онъ въ 5 № «Москвитянина» оплакивалъ великаго художника и своего бывшаго друга:

«21-го февраля, въ четвергъ, поутру, безъ четверти въ восемь часовъ умеръ Гоголь. Публика требуетъ подробностей о кончинѣ своего любимца; въ городѣ ходятъ разные слухи и толки.

«Скрѣпя сердце, приступаю къ исполненію журнальной обязанности, которая никогда не была для меня такъ тягостна.

«Чѣмъ онъ былъ боленъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только то, что онъ страдалъ, страдалъ много, страдалъ тѣломъ и душою, но въ чемъ именно заключались его страданья, какъ они начались—никто не знаетъ, и никому не сказалъ онъ объ нихъ ничего, даже своему духовнику.

«Съ котораго времени, по крайней мѣрѣ, оказалась въ немъ роковая перемѣна? Кажется, недѣли за три до кончины».

---

[1]) Гоголь въ домѣ Погодина слушалъ 3-го декабря 1848 г. «Банкрота» Островскаго.

За тѣмъ Погодинъ излагаетъ нынѣ всѣмъ извѣстныя подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Гоголя и о сожженіи имъ 2-го тома «Мертвыхъ Душъ».

Онъ отказывается объяснить это странное и страшное дѣло и говоритъ о покойномъ:

«Это была натура особливая, которая по кончинѣ сдѣлалась еще таинственнѣе и еще мудренѣе для уразумѣнія, чѣмъ была при жизни, и которую судить простою мѣркою, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, нельзя и не должно...

«И на что намъ разбирать источники плачевнаго событія? Больше ли мы должны благоговѣть передъ христіаниномъ, чѣмъ сострадать несчастливцу или священно—трепетать о человѣкѣ?

«Друзья и братья! Человѣкъ еще ближе всѣхъ къ намъ.

«Оставимъ же безполезныя изслѣдованія и невѣрныя догадки. Оплачемъ горькими слезами то, что потеряли, и возблагодаримъ сторицею за то, что осталось! Будемъ удивляться великому художнику и молиться, кто можетъ о слабомъ человѣкѣ».

«Въ роковую недѣлю, прибавляетъ Погодинъ въ видѣ Postscriptum'а,—меня не было въ Москвѣ, какъ будто въ наказаніе, что я въ послѣднее время позволялъ себѣ питать разныя подозрѣнья на счетъ Гоголя и не вѣрилъ вполнѣ его искренности. Шевырева также не было: тотъ самъ лежалъ больнымъ въ постелѣ».

Если несогласная съ литературными приличіями откровенность послѣднихъ строкъ свидѣтельствуетъ, до нѣкоторой степени, о славянской распущенности, она же, согласитесь, свидѣтельствуетъ и о томъ гуманномъ благодушіи, о той альтруистической наклонности преувеличивать свои недостатки и свои невольные проступки, которую такъ высоко и такъ справедливо цѣнилъ въ русскомъ народѣ великій ученикъ и продолжатель дѣла Гоголя, Ѳедоръ Достоевскій.

А. Кирпичниковъ.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ.

(Матеріалы для его біографіи).

I.

Стихи князя П. Шаликова императору Николаю по поводу 14-го декабря 1825 года.

Письмо князя Петра Ивановича Шаликова къ Николаю Назаръевичу Муравьеву.

23-го мая 1826 года, Москва.

Имѣвши счастіе пользоваться благорасположеніемъ незабвеннаго дядюшки вашего Михаила Никитича, равно какъ и честію знакомства съ вашимъ превосходительствомъ, принимаю смѣлость безпокоить васъ, милостивый государь, авторскою просьбою, слѣдовательно самою близкою къ сердцу. Между тѣмъ давно поселившееся въ немъ (въ сердцѣ) чувство отличнаго уваженія къ дарованіямъ и особѣ вашего превосходительства придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости на сію смѣлость.

Именно о томъ прошу ваше превосходительство, чѣмъ нѣкогда съ счастливѣйшимъ успѣхомъ утруждалъ вѣчно живущаго въ сердцахъ нашихъ истиннаго мецената нашего—прошу достойнѣйшаго его преемника поднести государю императору прилагаемые стихи, излившіеся изъ души моей по прочтеніи всего того, что было обнародовано объ извѣстныхъ происшествіяхъ.

Ваше предстательство, конечно, обратитъ монаршее вниманіе на патріотическія чувствованія питомца русскихъ музъ, столь любезныхъ вамъ и столь любящихъ васъ.

Его величеству государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссійскому, при восшествіи на прародительскій престолъ.

Россіи императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Карамзинъ.

Благословенія сердецъ
Всегда на тронъ сопровождали
Пріявшихъ скипетръ и вѣнецъ
Въ странѣ, гдѣ благость ихъ познали:
Россіи доблестной они
Знакомы, святы искони!
Россія въ вѣрности ко трону,
Къ владыкамъ, долгу и закону
Тверда, надежна, какъ гранитъ!
Ее ничто не поколеблетъ;
Она сама себя хранитъ;
Самой себѣ лишь только внемлетъ.

* *
*

Но если слухъ и взоръ ея
Всечасно устремленъ къ державѣ;
Монархъ! всесильная твоя
Предъ ней явилась въ новой славѣ!
Ты воскресилъ Петра въ себѣ
И далъ урокъ самой судьбѣ,
Что отъ небесъ стяжавшій царство
Разрушитъ злобу и коварство,
Развѣетъ прахомъ дерзкій ковъ,
Спасетъ отечество, наслѣдье;
И въ чистотѣ души готовъ,
Какъ Богъ, врагамъ на милосердье!

* *
*

Въ огнѣ сладчайшихъ чувствъ своихъ
Поэтъ всѣ вѣки вопрошаетъ:
Еще сравненіе онъ въ нихъ
Съ тобой, монархъ! найти желаетъ—
И Генрихъ, честь, краса людей,
Наставникъ, образецъ царей,
Воображеніе поэта,
Въ лучахъ безсумрачнаго свѣта,
Съ улыбкой благости предсталъ—
И гласъ исторіи раздался:
„Онъ для прощенья побѣждалъ,
И подданныхъ отцомъ остался!“

* *
*

И ты заблудшихся простилъ,
И ты, монархъ, свой санъ высокій
Сіяньемъ новымъ окружилъ,

Крамолъ разсѣявъ мракъ жестокій!
И Равальяки да падутъ
Въ геенну, гдѣ ихъ муки ждутъ
Раскаянья и поношенья!
Вселенной Титы—утѣшенья!
А первый шагъ ко трону твой,
Монархъ! Явилъ вселенной Тита!
Владѣй же россіянъ душой;
Ты ихъ блаженство и защита!

Князь Петръ Шаликовъ.

II.

Князь Шаликовъ и „Московскія Вѣдомости“ въ 1826 г.

Собственноручная записка фонъ-Фока—И. И. Дибичу.

6-го января 1827 г.

„Московскія Вѣдомости“ печатаются при Университетѣ по особенному положенію и по особенной инструкціи. Редакторъ оныхъ есть извѣстный князь Шаликовъ, который съ давняго времени служитъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ занимающихся литературою. Въ 50 лѣтъ, онъ молодится, пишетъ любовные стихи, влюбляется и принимаетъ эпиграммы за похвалы. Мѣсто редактора получилъ онъ по протекціи Ивана Ивановича Дмитріева, которому онъ служитъ пластрономъ (предметомъ насмѣшекъ) подъ веселый часъ. Этотъ князь Шаликовъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній для изданія политической газеты и даже лишенъ природной смѣтливости, необходимой для познанія мѣстностей, приличій и обстоятельствъ, въ которыхъ находимся. Напечатаніе мнѣнія Стангопа о заведеніи повсемѣстныхъ республикъ весьма предосудительно, особенно послѣ наказанія людей, мечтавшихъ о республикѣ. Скажутъ: «не у насъ однихъ думали о республикѣ, когда въ цѣлой Европѣ и даже въ цѣломъ свѣтѣ объ этомъ помышляютъ!»—Такой ужасный промахъ въ газетѣ можетъ только извиниться глупостью и неспособностью князя Шаликова, которому впрочемъ кто-нибудь внушилъ напечатать эту нелѣпость.—Удивительнѣе всего, что этого Шаликова прочатъ въ цензоры въ Москву!—Ему это мѣсто обѣщано, и едва-ли онъ его не получилъ или по крайней мѣрѣ вскорѣ получитъ.—Сей случай можетъ также служить доказательствомъ, сколь нужна порядочная цензура въ Москвѣ, цензура, составленная изъ людей отличныхъ, подъ предсѣдательствомъ извѣст-

*

наго и довѣреннаго человѣка. Злое сѣмя таится въ Москвѣ, и невидимое дѣйствіе и внушеніе нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей можетъ быть уничтожено только противудѣйствіемъ и умными чиновниками. Человѣка подобнаго Шаликову легко обмануть и сдѣлать орудіемъ злаго, такъ что онъ и самъ того знать не будетъ. Къ тому жъ этотъ Шаликовъ чрезвычайно самолюбивъ и раздражителенъ, и такъ, воспламеняя его страсти, можно управлять имъ какъ угодно. Любопытно было бы знать кто выбралъ эту статью для напечатанія?

Выписка изъ № 96 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 1-го декабря 1826 г. стр. 3848.

Нѣкто, называющій себя военнымъ Филеллиномъ, помѣстилъ въ газетѣ «Звѣздѣ» письмо, изъ коего сообщаемъ слѣдующее: «Поелику во время моего пребыванія въ Греціи научился я любить грековъ и удивляться свойству сей истинно геройской націи; то и долженъ признаться, что меня сколько удивляютъ, столько и оскорбляютъ неблагопріятные о грекахъ отзывы филеллиновъ, какъ-то: полковника Фавье, полковника Стангопа, членовъ греческихъ Обществъ Парижскаго и Лондонскаго. Это происходитъ отъ того, что сіи господа, увѣряя европейскую публику, будто бы греки не способны управлять своими собственными дѣлами, желаютъ сами управлять оными и пріобрѣсть силу и богатство. Полковникъ Стангопъ хотѣлъ прослыть филантропомъ посредствомъ заведенія музеевъ и ланкастерскихъ школъ; полковникъ Фавье надѣялся введеніемъ европейскаго военнаго порядка сдѣлаться начальникомъ греческихъ армій; г-нъ Баурингъ хотѣлъ подпискою въ пользу грековъ наполнить свои собственные карманы; лордъ Кокренъ продалъ свою прокламацію противъ паши египетскаго за 160.000 фунтовъ стерл., а греческія Общества, Парижское и Лондонское, совсѣмъ не знаютъ настоящаго положенія дѣлъ Греціи. Честолюбіе филеллиновъ, желающихъ начальствовать надъ греками, есть настоящая причина всѣхъ декламацій противъ сего народа. Я много слышалъ о несогласіяхъ грековъ, о недостаткѣ у нихъ военнаго порядка; естественная причина тому есть та, что они не имѣютъ достаточныхъ средствъ къ своему защищенію и ведутъ войну съ непріятелемъ сильнымъ и страшнымъ. Общества Парижское и Лондонское предполагаютъ дать полковнику Стангопу, для тайной экспедиціи, 8.000 фунт., а я увѣряю напередъ, что сія экспедиція будетъ имѣть весьма нѣсчастный конецъ. Если хотятъ вспомоществовать грекамъ, то должно посылать деньги прямо къ греческому пра-

вительству, дабы оно не оставило безъ помощи Караискаки и Міавли, которые ознаменовали себя храбростію и самыми отважными предпріятіями. Полковникъ Стангопъ обѣщаетъ намъ, что всѣ націи въ свѣтѣ скоро будутъ конституціонными республиками; полковникъ Фавье увѣряетъ, что всѣ греки скоро превратятся въ регулярныя войска, а лордъ Кокренъ твердитъ, что впредь воевать будутъ на морѣ не военными кораблями, а только одними пароходами».

По справкамъ оказалось, что никакого предположенія о назначеніи кн. Шаликова цензоромъ въ Москву не было.

Сообщ. Н. Д.

Журналъ комитета министровъ о гербѣ генералъ-фельдмаршала князя Барклая де-Толли.

16-го января 1817 г.

Въ засѣданіи комитета 6-го сентября прошлаго 1816 года министръ юстиціи, представляя комитету составленный герольдіею, вслѣдствіе высочайшаго указа 30-го августа 1815 года, гербъ для генералъ-фельдмаршала князя Барклая де-Толли, съ приличными княжескому достоинству украшеніями и описаніемъ онаго, присовокуплялъ, что поелику къ гербамъ пожалованныхъ въ знатнѣйшія достоинства особъ по высочайшей волѣ прибавляются девизы, то и въ гербѣ князя Барклая де-Толли оставлено для онаго мѣсто. Комитетъ положилъ: гербъ сей поднести на высочайшее утвержденіе, предавъ соизволенію его императорскаго величества и назначеніе къ оному девиза.

Нынѣ генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ комитету, что избранный самимъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барклаемъ де-Толли девизъ: вѣрность и терпѣніе государь императоръ высочайше утвердить соизволилъ.

Комитетъ опредѣлилъ: сообщить о семъ министру юстиціи выпискою изъ сего журнала къ надлежащему исполненію.

Статсъ-секретарь Марченко.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXVI [1]).

Послѣдствія Бородинскаго сраженія.—Отступленіе къ Москвѣ.—Прибытіе гр. Ростопчина въ главную квартиру.—Военный совѣтъ въ Филяхъ.—Оставленіе первопрестольной столицы.—Пожаръ города.—Вступленіе Наполеона въ Москву.—Фланговое движеніе.—Прибытіе флигель-адъютанта Чернышева съ новыми планами дѣйствій.—Отъѣздъ изъ арміи Барклая-де-Толли.—Его характеристика.—Генералъ Беннигсенъ.

Густой туманъ заставилъ прекратить кровопролитное Бородинское сраженіе; хотя оно не было выиграно нами, но его нельзя было считать и проиграннымъ.

Непріятель воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы отступить на позицію, которую онъ занималъ по утру. Старая гвардія Наполеона не была поколеблена, точно такъ же, какъ и часть нашей гвардіи, нашъ крайній правый флангъ не былъ тронутъ.

Самый кровопролитный бой происходилъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ. Французская армія сражалась съ изумительнымъ мужествомъ и понесла огромныя потери, особенно пострадала ея кавалерія.

До тридцати генераловъ было убито и выбыло изъ строя: поэтому Наполеонъ назвалъ этотъ день la bataille des généraux (битвою генераловъ). Намъ пришлось оплакивать князя Багратіона, командовавшаго второй арміей и напоминавшаго своей доблестью героевъ древняго міра. Онъ скончался отъ полученныхъ имъ ранъ. Одинъ изъ Тучковыхъ былъ убитъ наповалъ, другой былъ смертельно раненъ, а третій братъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ у Валутиной горы.

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1900 г.

Были ранены также генералы: князь Дмитрій Голицынъ, князь Андрей Горчаковъ, принцъ Карлъ Мекленбургскій, графъ Михаилъ Воронцовъ, графъ де-Сенъ - Пріестъ, Ермоловъ, Бахметевъ, Лихачевъ и графъ Остерманъ. Графъ Кутайсовъ былъ убитъ при вторичномъ штурмѣ батареи Раевскаго. Этотъ молодой человѣкъ подавалъ большія надежды, его потеря вызвала всеобщее сожалѣніе. Ему было всего 24 года, а онъ уже занималъ видное мѣсто начальника артиллеріи первой арміи. Онъ былъ моимъ другомъ, и я не перестаю его оплакивать. Его тѣло не было найдено. Георгіевскій крестъ 3-й степени, который былъ найденъ случайно однимъ солдатомъ, послужилъ доказательствомъ его смерти.

Я благодарилъ Провидѣніе за то, что остался цѣлъ и невредимъ во время происходившей въ тотъ день кровопролитной битвы.

Только благодаря безпредѣльной преданности и самоотверженію солдатъ арміи, удалось оказать французамъ и ихъ геніальному предводителю упорное сопротивленіе, причинившее имъ немало вреда. Сомнѣваться въ выдающихся способностяхъ Наполеона было бы равносильно доказательству своего собственнаго ничтожества. Онъ доказалъ, что сама судьба предназначила его быть полководцемъ. Сраженія, выигранныя имъ у опытныхъ и искусныхъ предводителей войскъ, поставили его выше всѣхъ остальныхъ полководцевъ. Онъ довелъ военное искусство до высшей степени совершенства.

Обѣ арміи провели ночь на полѣ сраженія, на позиціи, которую онѣ занимали наканунѣ. На слѣдующій день, благодаря распорядительности генерала Барклая, наше отступленіе совершилось въ величайшемъ порядкѣ.

27-го августа въ шесть часовъ утра всѣ корпуса выступили съ занимаемыхъ ими позицій. Мы прошли черезъ Можайскъ, не бывъ потревожены непріятелемъ, который началъ свое движеніе только въ десять часовъ утра.

Нашимъ аррьергардомъ командовалъ генералъ Коновницынъ; его смѣнили нѣсколько дней спустя генералы Розенъ, Платовъ и Ермоловъ. Нашей легкой кавалеріи пришлось имѣть ежедневно стычки съ непріятелемъ, коего она сдерживала. Мы остановились на сутки въ прекрасномъ имѣніи князя Бориса Голицына.

Переходя съ одной позиціи на другую, мы достигли высотъ, прилегающихъ къ Москвѣ, и остановились близъ Дорогомиловской заставы; правый флангъ расположился близъ деревни Фили, лѣвый опирался на Воробьевы горы, а центръ находился между деревнями Троицкое и Волынское. Позиція была наскоро укрѣплена.

Кутузовъ поручилъ генералу Барклаю осмотрѣть позицію; отдавъ это приказаніе, онъ остановился въ открытомъ полѣ. Генералъ Дохту-

ровъ приказалъ подать завтракъ и собирался угостить всѣхъ насъ. Генералъ Барклай, который не придавалъ никакого значенія хорошему столу и вообще всѣмъ удобствамъ жизни, и не желалъ низкопоклонничать передъ Кутузовымъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, но, замѣтивъ, что генералъ Дохтуровъ не послѣдовалъ за нимъ, онъ послалъ меня обратно, приказавъ мнѣ привезти его во что бы то ни стало, хотя бы даже съ котлетой во рту.

— Всѣ они таковы,—сказалъ Барклай; — они стараются заслужить ласковое слово Кутузова, а не думаютъ о томъ, что ихъ слава зависитъ отъ н е г о,—и Барклай указалъ рукою въ сторону непріятеля.

Увидавъ меня, Кутузовъ освѣдомился, за чѣмъ я вернулся. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ за генераломъ Дохтуровымъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—сказалъ онъ ему,—не заставляйте ожидать генерала Барклая, я позавтракаю и безъ васъ.

Бѣдному Дохтурову, человѣку, впрочемъ, очень храброму, пришлось сѣсть на лошадь и догонять Барклая. Послѣдній не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго упрека: объѣхалъ позицію, нашелъ ее неудовлетворительною и черезъ часъ вернулся къ Кутузову.

Въ этотъ моментъ пріѣхалъ изъ Москвы графъ Ростопчинъ. Онъ прошелъ прямо къ Барклаю и заперся съ нимъ въ занимаемомъ имъ домикѣ.

Въ скоромъ времени состоялся у Кутузова военный совѣтъ, продолжавшійся цѣлый часъ. На совѣтъ были приглашены всѣ важнѣйшіе генералы: Беннигсенъ, Барклай-де-Толли, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Толь и графъ Ростопчинъ.

Мнѣніе генерала Барклая, поддержанное Толемъ и графомъ Остерманомъ, было принято Кутузовымъ. Оно не согласовалось съ взглядомъ графа Ростопчина, который руководствовался не столько военными соображеніями, сколько патріотизмомъ, и думалъ только о спасеніи столицы. Рѣшеніе, принятое на совѣтѣ, было жестокимъ ударомъ для пылкой души генералъ-губернатора. Графъ Ростопчинъ не остался обѣдать у Кутузова, коимъ онъ былъ недоволенъ. Онъ обѣдалъ у Барклая и не скрывалъ своего неудовольствія по поводу принятаго рѣшенія, которое оставалось пока тайною для всѣхъ лицъ, не участвовавшихъ въ совѣтѣ.

Графъ Ростопчинъ давно уже обдумалъ свой планъ дѣйствій и подготовилъ все нужное для его выполненія: въ нѣкоторыхъ домахъ были спрятаны горючія вещества; въ разныхъ частяхъ покинутаго жителями города были разставлены нанятые имъ люди, которымъ было приказано поджечь эти дома; онъ позаботился даже вывезти изъ Москвы пожарныя трубы и прочіе инструменты. Такъ какъ мы находились у самыхъ воротъ Москвы, то я испросилъ позволеніе отправиться

въ городѣ, чтобы навѣстить знакомыхъ, но никого изъ нихъ не нашелъ. Городъ былъ пустъ.

Дисциплина, введенная въ армію генераломъ Барклаемъ, соблюдалась столь строго, что по улицамъ Москвы не бродило ни одного солдата, несмотря на то, что мы находились всего въ двухъ верстахъ отъ города.

На слѣдующій день, 2-го сентября, всѣ узнали о томъ, что было рѣшено оставить Москву.

Генералъ Барклай лично слѣдилъ за всѣмъ. Онъ пробылъ 18 часовъ, не сходя съ лошади и разъѣзжая по улицамъ Москвы и мостамъ, смотря, какъ мимо него проходили баталіоны, артиллерія, парки и экипажи. Для наблюденія за порядкомъ онъ разослалъ своихъ адъютантовъ въ разныя части города. Мнѣ велѣно было находиться въ прекрасномъ домѣ Пашкова. Каждому изъ насъ былъ данъ отрядъ казаковъ для того, чтобы выгонять солдатъ изъ кабаковъ и погребовъ, и не допускать ихъ въ дома. Казаки задерживали всѣхъ тѣхъ, кто несъ бутылки съ водкою и наливками, и разбивали бутылки пиками. Благодаря этимъ мѣрамъ, Барклаю удалось спасти войска отъ неминуемой гибели, и они выступили изъ города въ величайшемъ порядкѣ.

Въ то время, какъ армія проходила черезъ Москву, генералъ Милорадовичъ, командовавшій арріергардомъ, сражался съ королемъ неаполитанскимъ. Онъ дѣйствовалъ смѣло и храбро, и покрылъ себя славою. Особенно замѣчательно присутствіе духа, съ какимъ онъ заключилъ перемиріе съ королемъ неаполитанскимъ. Король, довольный тѣмъ, что ему удалось занять Москву безъ кровопролитія, согласился на всѣ требованія генерала.

Москва представляла любопытное зрѣлище: французы и русскіе толпились вмѣстѣ въ этомъ обширномъ городѣ.

Перемиріе, заключенное обоими генералами на слово, не сходя съ лошади, и вся честь котораго принадлежитъ генералу Милорадовичу, дало возможность вывести изъ столицы послѣднія войска безо всякихъ потерь; въ городѣ остались одни раненые, размѣщенные по госпиталямъ.

Въ 9 часовъ вечера изъ Москвы выступилъ нашъ послѣдній отрядъ. Мюратъ вступилъ въ него въ пять часовъ.

Когда стемнѣло, мы продолжали нашъ зловѣщій маршъ и нагнали Кутузова въ Панкахъ, на Рязанской дорогѣ, гдѣ всѣ уже были погружены въ глубокій сонъ. Барклай и Милорадовичъ бодрствовали; фельдмаршалъ Кутузовъ могъ положиться на нихъ.

Трудно, почти невозможно, описать состояніе нашего духа послѣ выступленія изъ Москвы. Каждаго волновали различные интересы: кто сокрушался о потерѣ дома, кто объ утратѣ родныхъ; большинство горевало о потерѣ столицы. Всѣ еще болѣе прежняго желали сразиться съ непріятелемъ и были готовы на всякія жертвы.

Когда Москва была оставлена, всѣ поняли, что приходилось спасать уже не городъ, а имперію, и говорили: «Война только-что начинается».

Фельдмаршалъ показывался мало, но работалъ много.

Въ это время онъ составилъ планъ и привелъ въ исполненіе то превосходное фланговое движеніе (5-го сентября), которое, приблизивъ насъ къ Калугѣ и южнымъ губерніямъ, дало намъ возможность препятствовать сообщеніямъ непріятеля и не позволило ему растянуть свои силы и получать продовольствіе.

Наполеонъ льстилъ себя надеждою найти въ Москвѣ все необходимое для арміи; его ожиданіе было обмануто безпримѣрнымъ въ исторіи образомъ. Москвы, объятой пламенемъ, болѣе не существовало! Этотъ героическій актъ, внушенный самымъ безкорыстнымъ патріотизмомъ, поднялъ народную честь.

Наполеонъ былъ крайне смущенъ этимъ. Онъ понялъ всю затруднительность своего положенія и предложилъ заключить перемиріе, но ему отказали въ этомъ.

Усиліе, сдѣланное для того, чтобы дойти до Москвы, окончательно истощило его боевыя средства. Москва была конечной цѣлью всѣхъ его стремленій, всѣхъ его надеждъ, и Москва пылала! При видѣ этого грандіознаго и неожиданнаго зрѣлища, его геній былъ смущенъ.

Кутузовъ говорилъ, что «Наполеонъ можетъ нанести ему пораженіе, но что онъ не позволитъ ему обмануть себя». Старая лисица, какъ называли его наши солдаты, сдержала слово.

Съ наступленіемъ ночи Наполеонъ въѣхалъ въ Москву. Онъ остановился въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья, ожидая депутацію, которой ему такъ и не удалось дождаться. Побѣда, ради которой онъ принесъ столько жертвъ, исчезла въ клубахъ пламени и дыма. Говорятъ, что Наполеономъ овладѣло страшное безпокойство и что судорожныя тѣлодвиженія выдавали тревожное состояніе его духа.

Совершивъ нѣсколько переходовъ, мы достигли Красной Пахры. Генералъ Беннигсенъ предложилъ произвести общую атаку на непріятеля, стоявшаго на правомъ берегу Пахры, но этотъ планъ былъ отвергнутъ фельдмаршаломъ.

Въ Красной Пахрѣ къ арміи прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Онъ привезъ высочайшее повелѣніе на имя адмирала Чичагова, коимъ послѣдній назначался командующимъ обѣими Дунайскими арміями и арміей Тормасова, дѣйствіями которой ему повелѣвалось руководить согласно съ новымъ планомъ, составленнымъ государемъ.

Генералъ Тормасовъ былъ отозванъ къ главной арміи и занялъ мѣсто князя Багратіона.

Полковникъ Чернышевъ вскорѣ уѣхалъ, выказавъ при исполненіи

возложеннаго на него порученія впервые свои выдающіяся способности. Онъ проѣхалъ съ удивительной смѣлостью и ловкостью чрезъ операціонную линію непріятеля и доставилъ Чичагову планъ императора, который былъ предварительно сообщенъ Кутузову.

Тотъ, кто составилъ этотъ планъ, не виновенъ въ томъ, что адмиралъ не съумѣлъ его выполнить.

Чернышеву удалось освободить по пути изъ рукъ непріятеля генерала Винцингероде, Льва Нарышкина и генерала Свѣчина, которые были взяты въ плѣнъ и посланы во Францію; это еще болѣе возвысило его въ глазахъ арміи.

Мы шли нѣсколько дней въ разстояніи 20—30 верстъ отъ Москвы, и я помню, что пламя пожара было такъ сильно, что хотя ночи были очень темныя, но я свободно читалъ при его свѣтѣ письма и газеты. Пламя этого достопамятнаго пожара освѣщало нашъ путь въ продолженіе нѣсколькихъ ночей.

Пѣхота была измучена, но шла впередъ; никому и въ голову не приходило уйти изъ рядовъ, хотя я самъ видѣлъ, какъ солдаты падали замертво отъ утомленія.

Во время отступленія Кутузовъ написалъ императору, что Наполеону придется отказаться отъ своей роковой побѣды, и объяснилъ государю причину, заставившую его пожертвовать Москвою для того, чтобы сохранить южныя плодоносныя губерніи и обезпечить свои сообщенія съ Чичаговымъ и Тормасовымъ, присовокупивъ, что «Москва и Россія тамъ—гдѣ русскій народъ». Впрочемъ, Кутузовъ соглашался съ тѣмъ, что потеря Москвы нанесла намъ глубокую рану.

20-го сентября мы заняли сильную позицію при Тарутинѣ. Генералъ Барклай рѣшилъ тутъ уѣхать изъ арміи.

Кутузовъ понялъ со свойственной ему проницательностью и хитростью, что вся честь похода будетъ приписана главнымъ образомъ Барклаю, подобно тому, какъ вся честь Бородинской битвы была приписана ему единогласно всей арміей. Поэтому онъ рѣшилъ удалить его; но такъ какъ армія отнеслась бы къ этому не сочувственно, то онъ старался отравить ему жизнь всевозможными непріятностями, а для того, чтобы лучше замаскировать свою игру, онъ выказывалъ ему всевозможное уваженіе, соединилъ двѣ арміи въ одну и поручилъ ему командованіе этой арміей.

Никто не повѣрилъ этой комедіи, кромѣ самого Барклая, который привыкъ во всемъ поступать чистосердечно. Онъ просилъ у императора позволеніе отказаться отъ должности военнаго министра, чтобы предаться всецѣло выполненію задачи, возложенной на него Кутузовымъ.

Съ этого момента были пущены въ ходъ всевозможныя интриги. Отъ его арміи отдѣлили 30.000 человѣкъ, не предупредивъ его объ

этомъ. Мнѣ было дозволено входить къ Барклаю во всякое время безъ доклада: я засталъ его въ халатѣ валявшагося противъ обыкновенія на кровати.

— Что съ вами, любезный Левенштернъ—спросилъ онъ,—и что это за бумага у васъ въ рукахъ?

— Это оффиціальная реляція о Бородинской битвѣ, полученная принцемъ Александромъ отъ вдовствующей государыни, которую его высочество далъ мнѣ для прочтенія ея вамъ.

Онъ пробѣжалъ ее, улыбаясь при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ. Дойдя до конца, гдѣ говорилось, что наша легкая кавалерія преслѣдовала въ ту же ночь непріятеля болѣе чѣмъ за пять верстъ, онъ вскочилъ съ постели.

— Нѣтъ,—вскричалъ онъ,—недостойно такъ обманывать своего монарха. Видѣли вы Чернышева?

— Видѣлъ, ваше превосходительство, но онъ заперся съ княземъ Кудашевымъ; они писали что-то и были видимо очень заняты, такъ что, не желая быть нескромнымъ, я тотчасъ удалился. Я былъ затѣмъ у генерала Милорадовича, который садился на лошадь, намѣреваясь начать свои дѣйствія.

— Какія дѣйствія?—спросилъ онъ.

— Неужели вашему превосходительству объ этомъ не извѣстно? Милорадовичъ отправляется съ 30.000 человѣкъ, но куда—мнѣ неизвѣстно.

Барклай былъ возмущенъ. Съ этой минуты онъ понялъ, что не могъ уже быть полезенъ арміи; онъ тотчасъ сѣлъ на лошадь и имѣлъ очень горячее объясненіе съ фельдмаршаломъ, который обвинялъ генерала Коновницына въ томъ, что Барклаю позабыли дать знать о назначеніи Милорадовича.

Но Барклай не удовлетворился этими притворными увѣреніями, немедленно сдалъ командованіе арміей и уѣхалъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи полковника Закревскаго, барона Вольцогена и Рейца. Остальныя лица, составлявшія его штабъ, были распредѣлены по другимъ частямъ; все наше показное величіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ.

Передъ отъѣздомъ, Барклай освѣдомился, что намѣрены дѣлать его адъютанты, такъ какъ онъ не можетъ взять ихъ съ собою. Я просилъ назначить меня къ Кутузову, который относился ко мнѣ все время какъ къ родному. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше, и я былъ причисленъ къ его штабу въ качествѣ адъютанта.

Желая объяснить мнѣ причину своего внезапнаго рѣшенія, Барклай сказалъ мнѣ незадолго до своего отъѣзда:

— Я долженъ уѣхать; это необходимо, такъ какъ фельдмаршалъ не даетъ мнѣ возможности дѣлать то, что я считаю полезнымъ. При

томъ главное дѣло сдѣлано, остается пожинать плоды. Я слишкомъ люблю отечество и императора, чтобы не радоваться заранѣе успѣхамъ, коихъ можно ожидать въ будущемъ. Потомство отдастъ мнѣ справедливость! На мою долю выпала неблагодарная часть кампаніи; на долю Кутузова выпадетъ часть болѣе пріятная и болѣе полезная для его славы. Я бы остался, повторяю вамъ, любезный Левентшернъ, если бы я не предвидѣлъ, что это принесетъ арміи больше зла. Фельдмаршалъ не хочетъ ни съ кѣмъ раздѣлить славу изгнанія непріятеля со священной земли нашего отечества. Я считалъ дѣло Наполеона проиграннымъ съ того момента, какъ онъ двинулся отъ Смоленска къ столицѣ. Это убѣжденіе перешло во мнѣ въ увѣренность съ той минуты, какъ онъ вступилъ въ Москву. Моя заслуга состоитъ въ томъ, что я передаю фельдмаршалу армію, хорошо обмундированную, хорошо вооруженную и отнюдь не деморализованную. Это даетъ мнѣ право на признательность народа; быть можетъ, онъ кинетъ въ меня камнемъ въ настоящую минуту, но навѣрно отдастъ мнѣ справедливость впослѣдствіи. Къ тому же императоръ, коему я всегда говорилъ правду, съумѣетъ поддержать меня противъ обвиненій со стороны общественнаго мнѣнія; время сдѣлаетъ остальное, истина подобна солнцу, которое всегда разгоняетъ въ концѣ концовъ тучи. Я сожалѣю единственно о томъ, что я не могу быть полезенъ арміи и лично всѣмъ вамъ, раздѣлявшимъ со мною труды.

Онъ поблагодарилъ меня за мою всегдашнюю къ нему преданность и объявилъ, что я произведенъ по повелѣнію его величества въ подполковники, присовокупивъ, что онъ представилъ меня къ ордену св. Георгія за Бородинское сраженіе. Всѣ генералы явились проститься съ нимъ и провожали его до экипажа. Всѣ были растроганы; въ эту минуту армія считала себя осиротѣвшею.

Генералъ Ермоловъ, подготовившій втайнѣ всю эту интригу, имѣлъ весьма опечаленный видъ; онъ поцѣловалъ Барклая нѣсколько разъ въ плечо.

Наконецъ Барклай уѣхалъ, сожалѣемый арміей. Фельдмаршалъ Кутузовъ былъ радъ отдѣлаться отъ человѣка, который имѣлъ на все вѣрный взглядъ, шелъ прямымъ путемъ, никогда не говорилъ государю неправды и ненавидѣлъ сибаритство, царствовавшее въ главной квартирѣ. Барклай былъ готовъ умереть съ голода, но всегда заботился о солдатахъ; у него не было никакихъ потребностей, никакихъ привычекъ, кромѣ желанія исполнить свой долгъ и слѣдить затѣмъ, чтобы всякій дѣлалъ то, что̀ ему повелѣваетъ этотъ долгъ.

Беннигсенъ не любилъ Барклая, который платилъ ему тѣмъ же. Это единственный изъ генераловъ, коего Барклай искренно ненавидѣлъ и не скрывалъ этого; онъ отдавалъ справедливость его воен-

нымъ качествамъ, но не терпѣлъ его чрезмѣрнаго самолюбія и честолюбія и не находилъ имъ оправданія.

Генералъ Беннигсенъ пожертвовалъ бы всѣмъ: и Кутузовымъ и Барклаемъ для того, чтобы быть назначеннымъ главнокомандующимъ и получить фельдмаршальскій жезлъ.

Изо всѣхъ приближенныхъ Кутузова только одинъ Коновницынъ искренно сожалѣлъ объ отъѣздѣ Барклая. Храбрый до неустрашимости, практичный, онъ походилъ на него своими душевными качествами.

Когда генералъ Барклай проѣзжалъ черезъ Калугу, то онъ увидѣлъ, что народъ столпился возлѣ его экипажа и сталъ бросать въ него камнями. Желая впредь избѣжать подобнаго рода прискорбныхъ сценъ, онъ поѣхалъ далѣе до самаго Петербурга подъ строжайшимъ инкогнито. Но и въ столицѣ ему пришлось испытать немало оскорбленій. Только одинъ императоръ отдавалъ ему справедливость.

Его называли вслухъ измѣнникомъ; ослѣпленіе толпы (я не хочу сказать—народа) было такъ велико, что тотъ, кто своей энергіей, твердостью и разумнымъ образомъ дѣйствій сохранилъ Россіи армію, которая изгнала и уничтожила непріятеля, чего не могли бы сдѣлать, безъ ея помощи, одни морозы и народъ, былъ оклеветанъ, обвиненъ въ государственной измѣнѣ и не смѣлъ показываться на улицѣ.

Барклай-де-Толли, гордясь по справедливости своимъ геройскимъ поведеніемъ, удалился со спокойной совѣстью въ свое Лифляндское помѣстье «Бекгофъ» и появился вновь на сценѣ лишь въ 1813 г., стяжавъ себѣ новую славу.

Онъ окончилъ свою дѣятельную жизнь въ маленькомъ почтовомъ домикѣ по пути за границу, куда ѣхалъ на минеральныя воды, для поправленія своего здоровья, искренно оплакиваемый монархомъ, арміей и своими многочисленными друзьями. Подъ стѣнами Парижа, генералъ Барклай-де-Толли получилъ графское, а затѣмъ княжеское достоинство и званіе фельдмаршала.

Это былъ человѣкъ въ высшей степени храбрый, честный, съ желѣзной волею, хладнокровный и разсудительный; онъ все предвидѣлъ и всѣмъ руководилъ во время самаго жаркаго дѣла; всегда ровный и спокойный въ моментъ величайшей опасности, онъ никогда не терялъ голову, хотя и не обладалъ блестящимъ умомъ. Онъ былъ всегда одинаково добръ и вѣжливъ. Его честность, прямота, терпѣніе, съ какимъ онъ давалъ всякому возможность высказаться, деликатность, съ какою онъ отдавалъ всякому должное за данный ему удачный совѣтъ, снискали ему расположеніе весьма многихъ. Всегда доступный, одинаково со всѣми предупредительный, онъ щадилъ силы другихъ и отличался замѣчательной простотою; онъ никогда не чувствовалъ потребности въ

отдыхѣ и не заботился о своемъ столѣ, вслѣдствіе чего мы, его адъютанты, зачастую голодали.

Не будучи знатнаго происхожденія, не имѣя никакихъ покровителей, онъ сдѣлалъ карьеру только благодаря своимъ способностямъ, и несмотря на свою скромность и желаніе стушевываться, онъ былъ осыпанъ милостями. Но это не повліяло на его отношеніе къ людямъ. Онъ никогда не забывалъ, что былъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ вахмистромъ въ карабинерномъ полку и десять лѣтъ корнетомъ. Званіе фельдмаршала, полученное имъ въ 50 лѣтъ, и бронзовая статуя, воздвигнутая ему по смерти въ Петербургѣ, передъ Казанскимъ соборомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что монархъ и народъ отдали ему должное.

XXVII.

Назначеніе Левенштерна адъютантомъ къ кн. Кутузову.—Стоянка у Тарутина.—Начало партизанскихъ дѣйствій.—Посылка Наполеономъ генерала Лористона въ русскую главную квартиру.—Свиданіе Милорадовича съ королемъ Неаполитанскимъ.—Сходство ихъ характеровъ.

Роль, которую я игралъ при Кутузовѣ, далеко не походила на ту, которую я игралъ при генералѣ Барклаѣ, хотя фельдмаршалъ отнесся ко мнѣ весьма дружелюбно; что касается удобствъ жизни, то мое положеніе значительно улучшилось.

Будучи адъютантомъ Барклая, приходилось ежедневно жертвовать жизнію; состоя при Кутузовѣ, можно было разсчитывать прожить вѣчно; всѣ его адъютанты, по окончаніи похода, были свѣжи и румяны; изъ адъютантовъ же Барклая двое было убито на полѣ сраженія, у двоихъ ампутированы ноги, а четверо или пятеро были опасно ранены.

Кутузовъ не любилъ, чтобы лица, состоявшія при его особѣ, просились въ авангардъ; онъ всегда отвѣчалъ на подобныя просьбы отказомъ, говоря довольно рѣзко, что сопровождать его такъ же лестно, какъ свернуть себѣ шею въ другомъ мѣстѣ.

Бездѣйствіе, на которое я былъ обреченъ, тѣ три или четыре дня, которые генералъ Барклай употребилъ на приготовленіе къ отъѣзду, были мнѣ нестерпимы и такъ какъ я не имѣлъ эти дни прямаго начальника, то, не спросивъ ни у кого дозволенія, отправился къ авангарду, коимъ командовалъ генералъ Милорадовичъ; онъ принялъ меня отлично.

Я пріѣхалъ къ нему въ тотъ моментъ, когда король Неаполитанскій производилъ большую рекогносцировку, окончившуюся сильной канонадой и нѣсколькими блестящими кавалерійскими стычками (22-го сен-

тября). При этомъ дѣлѣ присутствовалъ князь Петръ Волконскій, пріѣхавшій въ армію по повелѣнію императора, для того чтобы узнать, каково истинное положеніе дѣлъ.

По окончаніи сраженія Милорадовичъ предложилъ мнѣ сопровождать князя Волконскаго на лѣвый флангъ, коимъ командовалъ генералъ Васильчиковъ.

По пути надъ нашими головами лопнуло нѣсколько гранатъ, которыя произвели непріятное впечатлѣніе на князя Волконскаго; впрочемъ, князь не пришпорилъ лошади и даже посмѣялся надъ испытаннымъ имъ страхомъ.

Генералъ Коновницынъ, заслышавъ выстрѣлы, прискакалъ изъ главной квартиры, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Желая по обыкновенію все видѣть собственными глазами, онъ проѣхалъ впередъ, пробравшись сквозь кустарникъ, чтобы очутиться ближе къ королю Неаполитанскому, коего отдѣлялъ отъ насъ узкій, но весьма глубокій оврагъ.

Не было человѣка хладнокровнѣе и храбрѣе Коновницына. Одѣтый всегда въ ночномъ колпакѣ съ шляпою поверхъ него и съ трубкою во рту, онъ не имѣлъ внушающаго вида, но снискалъ всеобщую любовь и уваженіе своею честностью и изумительною храбростью, которую онъ выказывалъ при всякомъ случаѣ; онъ любилъ и уважалъ всѣхъ тѣхъ, кто охотно шелъ въ бой, и любилъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Есть ли на свѣтѣ что-либо величественнѣе жаркой канонады и хорошаго ружейнаго огня? Звуки выстрѣловъ возвышаютъ душу даже въ мирное время. Заключительный выстрѣлъ фейерверка всегда приводитъ меня въ восторгъ, но ракеты и транспаранты ничего не говорятъ моему воображенію.

Зять императора, принцъ Ольденбургскій и графъ Армфельдъ уѣхали въ Тверь. Генералъ Пфуль также исчезъ послѣ того, какъ мысль объ его укрѣпленномъ лагерѣ была оставлена; такимъ образомъ въ главной квартирѣ не осталось болѣе тѣхъ пресмыкающихся, которые наполняли ее до пріѣзда Кутузова.

Наслѣдство, оставленное генераломъ Барклаемъ, состояло изъ нѣсколькихъ адъютантовъ и штабныхъ офицеровъ. Въ томъ числѣ были три адъютанта принца Ольденбургскаго: Бартоломей, Тимротъ и Варденбургъ. Кутузовъ соблаговолилъ оставить при своей персонѣ одного меня.

Я поселился вмѣстѣ съ тремя адъютантами принца Ольденбургскаго. Такъ какъ мы имѣли при себѣ экипажи, чего не бывало прежде, то мы устроились отлично и могли нѣжиться сколько угодно.

Армія, опираясь флангомъ на Калугу, получала съѣстные припасы изъ продовольственныхъ магазиновъ этого города, куда они доставля-

лись изъ плодоносныхъ южныхъ губерній Россіи. Въ лагерь наѣхали также купцы изъ главныхъ городовъ Европы и торговали на славу.

Мы получали изъ внутреннихъ губерній въ изобиліи съѣстные припасы, вина, плоды, даже предметы роскоши. Ни одна армія никогда еще не имѣла всего въ такомъ изобиліи, какъ наша; не доставало только дровъ; солдаты разорили на топливо всѣ окрестные дома. Дня черезъ три или четыре, огромнаго прекраснаго Тарутинскаго села болѣе не существовало. Самому фельдмаршалу пришлось выѣхать изъ занимаемаго имъ дома, съ котораго была сорвана крыша въ то время, какъ онъ обѣдалъ. Онъ снискалъ большую популярность тѣмъ, что не препятствовалъ этому, приказавъ только подождать, пока онъ отобѣдаетъ. Покончивъ обѣдъ, онъ вышелъ изъ дома и поселился въ трехъ верстахъ отъ лагеря въ деревнѣ Лихачевкѣ, откуда начали свои блестящія военныя дѣйствія наши партизаны: Кудашевъ, Фигнеръ, Сеславинъ, Давыдовъ и храбрый генералъ Дороховъ съ донскими казаками. Хотя въ началѣ эти партизанскіе отряды были весьма незначительны, но они имѣли огромное вліяніе на судьбу французской арміи.

Партизаны первые научили крестьянъ оказывать непріятелю сопротивленіе и рѣзать его, а не давать рѣзать себя; они же заставили непріятеля употреблять для фуражировки цѣлые отряды, загнали французовъ въ такой районъ, гдѣ они не могли найти достаточно продовольствія. Партизаны перехватывали курьеровъ и задержали въ три недѣли столько французовъ, что самая блестящая побѣда не могла бы доставить намъ столько плѣнныхъ.

Подполковникъ Давыдовъ первый предложилъ прибѣгнуть къ этого рода войнѣ. Рѣшивъ вполнѣ справедливо, что партизанская война должна была имѣть огромное значеніе, онъ представилъ эти соображенія князю Багратіону. Но этотъ генералъ былъ убитъ и не могъ привести его планъ въ исполненіе.

Кутузовъ воспользовался этой мыслью, которая чрезвычайно увлекла его. Подвигами партизановъ интересовалась армія, Петербургъ, вся Россія.

Положеніе французской арміи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ; она терпѣла большія лишенія, и въ ней проявились уже первые признаки дезорганизаціи, которая была причиною ея гибели.

Наполеонъ переживалъ на развалинахъ Москвы тревожныя минуты и возлагалъ всѣ свои надежды на то, что потеря Москвы должна была побудить петербургскій кабинетъ заключить миръ; но прошло 20 дней со времени взятія Москвы, а такого предложенія никто не дѣлалъ. Тогда онъ рѣшилъ взять на себя иниціативу и послалъ съ этой цѣлью въ русскую главную квартиру генерала Лористона.

Кутузовъ, хитрый, какъ лисица, обманулъ Наполеона ложными увѣреніями; Наполеонъ повѣрилъ имъ, продлилъ свое пребываніе въ Москвѣ и былъ дотого спокоенъ, что пренебрегъ самыми необходимыми мѣрами предосторожности, и хотя перемирія заключено не было, но онъ не предполагалъ, чтобы непріязненныя дѣйствія, прекратившіяся на короткое время, какъ это бываетъ обыкновенно, когда двѣ арміи находятся долгое время въ виду одна другой, могли возобновиться.

Король Неаполитанскій, воспользовавшись этимъ яко бы перемиріемъ, посѣщалъ русскіе аванпосты и даже имѣлъ частыя свиданія съ генераломъ Милорадовичемъ, но совѣщанія эти не привели ни къ чему. Генералы обмѣнивались любезностями, болтали иногда всякій вздоръ—тѣмъ дѣло и ограничивалось. Эти два доблестные генерала походили другъ-на-друга по характеру и въ обращеніи. Оба любили представительность, любили производить впечатлѣніе, изображать изъ себя рыцарей, но въ сущности, помимо храбрости и военныхъ способностей, они были не выше посредственности.

Императоръ Александръ, узнавъ о томъ, что происходило на аванпостахъ, сдѣлалъ выговоръ Кутузову и воспретилъ впредь всякое сношеніе съ непріятелемъ.

XXVIII.

Предложеніе перейти въ наступленіе и атаковать непріятеля.—Рекогносцировка кн. Кутузова. — Авангардное дѣло съ отрядомъ короля Неаполитанскаго.—Выступленіе Наполеона изъ Москвы.—Сраженіе подъ Малоярославцемъ.

Произведя рекогносцировку позиціи короля Неаполитанскаго, генералъ Беннигсенъ и полковникъ баронъ Толь предложили Кутузову атаковать его. Не подлежитъ сомнѣнію, что его удалось бы разбить, если бы Кутузовъ приводилъ въ исполненіе свои планы съ тою же энергіей и рѣшительностью, съ какою онъ задумывалъ ихъ; но какъ человѣкъ престарѣлый, онъ составлялъ планы гораздо энергичнѣе, нежели осуществлялъ ихъ.

Атаку предположено было произвести 4-го октября, но въ тотъ моментъ, когда артиллеріи было приказано двинуться, половина ея лошадей оказалась занятою фуражировкою въ 18 верстахъ отъ лагеря.

Генералъ баронъ Левенштернъ, командовавшій артиллеріей, сообщилъ это непріятное извѣстіе Кутузову, который отмѣнилъ предположенное имъ движеніе.

Кутузовъ обвинялъ генерала Ермолова въ томъ, что онъ не предупредилъ генерала Левенштерна относительно предположеннаго движенія:

въ арміи было извѣстно, что генералъ Ермоловъ праздновалъ въ тотъ день у генерала Шепелева день его ангела, что онъ пробылъ у него слишкомъ долго и совершенно забылъ свои обязанности начальника штаба.

Непріятель, провѣдавшій о нашихъ планахъ, простоялъ подъ ружьемъ весь день и всю ночь съ 4-го на 5-е октября; не видя насъ, Наполеонъ предположилъ, что это была фальшивая тревога, приказалъ разсѣдлать лошадей и по-прежнему былъ безпеченъ.

5-го октября вечеромъ Кутузовъ сѣлъ на лошадь и произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи.

Въ этотъ моментъ надъ его головою закружился громадный орелъ, котораго испугала молнія, сверкавшая на небѣ, хотя грома не было слышно; обстоятельство, не мало насъ удивившее; никто изъ насъ не былъ достаточно ученъ, чтобы объяснить причину этого необыкновеннаго явленія. Къ тому же, научное его объясненіе разсѣяло бы, быть можетъ, нашу иллюзію, тогда какъ мы приняли по своему невѣжеству орла и молнію за благопріятный признакъ. Вѣсть объ этомъ случаѣ быстро разнеслась въ арміи, еще болѣе увеличивъ ея довѣріе къ своему предводителю.

Въ ночь съ 5-го на 6-е октября Кутузовъ оставилъ свою главную квартиру, находившуюся въ Лихачевкѣ, и расположился бивуакомъ, окруженный войскомъ.

Погода была великолѣпная; армія начала движеніе.

Генералъ Меллеръ-Закомельскій, графъ Орловъ-Денисовъ, генералъ Багговутъ и графъ Остерманъ, т. е. весь отрядъ, коимъ командовалъ генералъ Беннигсенъ, успѣлъ скрыть свое движеніе отъ короля Неаполитанскаго, появившись неожиданно на его лѣвомъ флангѣ на разсвѣтѣ, когда немедленно была начата атака.

Три орудійныхъ выстрѣла, сдѣланныхъ генераломъ Беннигсеномъ, должны были служить сигналомъ къ общей атакѣ. Кутузовъ съ центромъ долженъ былъ повести атаку на короля Неаполитанскаго съ фронта; Багговутъ и Остерманъ должны были дѣйствовать противъ его лѣваго фланга, Меллеръ-Закомельскій и Орловъ-Денисовъ—противъ его арьергарда.

Планъ былъ превосходно задуманъ; но исполненіе его было не вполнѣ удачно.

Вся честь этого дѣла принадлежала Орлову и Меллеру. Они дѣйствовали энергично, опрокинули непріятеля и даже застигли врасплохъ главную квартиру короля Неаполитанскаго.

Одни французскіе кирасиры успѣли построиться; но наши храбрые донскіе казаки атаковали ихъ, взяли у нихъ 20 орудій, орла перваго кирасирскаго полка и много плѣнныхъ; мы захватили также нѣсколько генеральскихъ экипажей.

Генералъ Багговутъ былъ убитъ ядромъ на батареѣ полковника барона Таубе. Это былъ достойный генералъ; всѣ оплакивали его кончину.

Графъ Остерманъ сбился съ пути и пришелъ на мѣсто слишкомъ поздно. Кутузовъ, съ главными силами арміи, оставался безучастнымъ зрителемъ этихъ блестящихъ подвиговъ: онъ утверждалъ, что трехъ пушечныхъ выстрѣловъ не было сдѣлано; но такъ какъ ихъ было сдѣлано нѣсколько сотъ, то было очевидно, что атака началась.

Генералъ Милорадовичъ прискакалъ къ Кутузову, прося у него разрѣшеніе перейти въ наступленіе и совершить движеніе для поддержки нашего праваго фланга. Фельдмаршалъ съ неудовольствіемъ отвергъ это предложеніе. Генералъ Ермоловъ также настаивалъ на этомъ движеніи, но такъ же безуспѣшно.

Я находился возлѣ фельдмаршала въ тотъ моментъ, когда генералъ Ермоловъ пытался доказать ему необходимость произвести фронтальную атаку. Кутузовъ приблизился къ нему и сказалъ самымъ грубымъ образомъ, махая пальцемъ передъ его глазами:

— Вы то и дѣло повторяете: пойдемъ въ атаку, вы думаете этимъ заслужить популярность, а сами не понимаете, что мы еще не созрѣли для сложныхъ движеній, такъ какъ мы еще не умѣемъ маневрировать. Сегодняшній день доказалъ это, и я сожалѣю, что послушался генерала Беннигсена.

Ермоловъ отошелъ, ничего не отвѣтивъ, и только сказалъ мнѣ, пожимая плечами:

— Дѣлать нечего, любезнѣйшій (онъ называлъ меня такъ со времени нашего примиренія), пойдемте спать.

Отвѣчая отказомъ на предложенія Милорадовича и Ермолова, фельдмаршалъ не зналъ еще о подвигахъ, совершенныхъ Орловымъ и Мелеромъ: онъ считалъ ихъ атаку неудавшейся, тѣмъ болѣе, что, не получая извѣстій отъ Багговута, онъ не могъ знать о дѣйствіяхъ Остермана.

Онъ посылалъ къ генералу Беннигсену адъютанта за адъютантомъ, но они его не отыскали по той простой причинѣ, что они искали его тамъ, гдѣ онъ былъ по утру, но онъ уже ушелъ такъ далеко впередъ, что приходилось подвергнуться нѣкоторому риску, для того, чтобы найти его; такъ какъ адъютанты, посланные съ этимъ порученіемъ, были маменькины сынки и молокососы, то они не имѣли ни малѣйшаго желанія подвергать себя опасности. Они вернулись съ тѣмъ, съ чѣмъ уѣхали, и это еще болѣе увеличило нерѣшительность фельдмаршала.

Когда было наконецъ получено извѣстіе о поспѣшномъ отступленіи короля Неаполитанскаго, то Кутузовъ рѣшился двинуть кавалерію барона Корфа и генерала Васильчикова, но благопріятный моментъ былъ уже упущенъ: это движеніе имѣло единственнымъ результатомъ,

что генералъ Васильчиковъ получилъ возможность поддержать графа Орлова-Денисова и преслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ непріятеля.

Генералъ-адъютантъ Лересъ (Leres) и начальникъ штаба короля Неаполитанскаго генералъ Фишеръ найдены мертвыми на полѣ битвы. Въ русскій лагерь привели 1.500 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находился одинъ генералъ, знамя 1-го кирасирскаго полка и 20 орудій.

День окончился славною побѣдою; поэтому никто не думалъ о томъ, что она могла быть еще блестящѣе. Обаяніе Наполеона было еще такъ велико, что самъ Кутузовъ, способнѣйшій изъ нашихъ генераловъ, былъ имъ какъ бы загипнотизированъ.

Кутузовъ сошелъ съ лошади; подъѣхавшій въ это время атаманъ Платовъ приказалъ разостлать коверъ, на которомъ фельдмаршалъ легъ рядомъ съ нимъ.

Въ этотъ моментъ появился генералъ Беннигсенъ съ трофеями, взятыми имъ въ этотъ день; за нимъ ѣхалъ казачій полковникъ Сысоевъ, взявшій знамя 1-го кирасирскаго полка. Фельдмаршалъ всталъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ:

— Генералъ, вы одержали славную побѣду; я долженъ благодарить васъ, но наградитъ васъ его величество.

Генералъ Беннигсенъ, возмущенный медлительностью и нерѣшительностью фельдмаршала, которая помѣшала успѣху этой блестящей побѣды, холодно поклонился ему и просилъ позволенія удалиться изъ арміи на нѣсколько дней для того, чтобы полѣчиться отъ полученной имъ сильной контузіи. Онъ отъѣхалъ не сойдя съ лошади и не сообщилъ никакихъ подробностей о событіяхъ этого дня. Тогда Кутузовъ, обернувшись къ полковнику Сысоеву, сказалъ ласковымъ голосомъ:

— Послѣ тѣхъ лавръ, какіе вы стяжали сегодня, вамъ вѣроятно еще непріятно быть полковникомъ.

Нѣсколько дней спустя Сысоевъ былъ произведенъ въ генералы: онъ вполнѣ этого заслуживалъ. Это былъ истый типъ казака, и его имя не умретъ на берегахъ Дона.

Позавтракавъ на полѣ битвы, Кутузовъ вернулся въ Лихачевку; армія заняла прежнюю позицію при Тарутинѣ.

Фельдмаршалъ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ оставался безучастнымъ зрителемъ сраженія, результатомъ котораго могло быть уничтоженіе большей части французской арміи и взятіе въ плѣнъ короля Неаполитанскаго, если бы это сраженіе велось энергичнѣе.

На слѣдующій день былъ отслуженъ молебенъ. Кутузовъ послалъ въ Петербургъ курьера съ извѣстіемъ объ одержанной блестящей побѣдѣ. Она была дѣйствительно блестящей, и если ея результаты были не такъ славны, какъ можно было бы ожидать, то она произвела во

всякомъ случаѣ на обѣ арміи глубокое, хотя весьма различное впечатлѣніе; одну изъ нихъ она деморализовала и подняла духъ другой.

Одержавъ эту побѣду, армія простояла нѣсколько дней въ Тарутинскомъ лагерѣ, какъ вдругъ ночью было получено приказаніе оставить укрѣпленный лагерь и идти на Калугу.

Всѣ были поражены этимъ, повидимому, запоздалымъ маневромъ, но вскорѣ мы узнали, что Наполеонъ оставилъ Москву и, измѣнивъ свою операціонную линію, двинулся на Малоярославецъ съ намѣреніемъ пробиться къ Калугѣ и придвинуться къ южнымъ плодоноснымъ губерніямъ.

Адъютантъ генерала Барклая, партизанъ капитанъ Сеславинъ, первый извѣстилъ объ этомъ движеніи непріятеля генерала Дорохова, который находился со своимъ летучимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Боровска. Сеславинъ сообщилъ это извѣстіе Дорохову по утру 11-го октября, а фельдмаршалъ узналъ объ немъ только въ ночь. Онъ понялъ, что Наполеонъ намѣревался выполнить фланговое движеніе съ цѣлью обойти укрѣпленный лагерь при Тарутино слѣва и подойти къ Калугѣ, пройдя мимо Боровска и Малоярославца. Кутузовъ выступилъ изъ Тарутинскаго лагеря, шелъ всю ночь на помощь Дохтурову, посланному имъ, чтобы поддержать Дорохова, который защищалъ городъ близъ Малоярославца.

Дохтуровъ опоздалъ; когда онъ появился передъ Калугою 12-го октября, то городъ былъ уже занятъ непріятелемъ. Онъ немедленно атаковалъ его и прогналъ оттуда.

Фельдмаршалъ выступилъ изъ лагеря съ главными силами арміи 11-го числа вечеромъ и шелъ всю ночь, остановившись въ пяти верстахъ отъ Калуги.

Сраженіе подъ Малоярославцемъ продолжалось до ночи; вице-король удержалъ одну половину города, а мы—другую.

Кутузовъ съ главными силами арміи занялъ позицію въ полутора верстахъ отъ поля сраженія.

Онъ имѣлъ горячій споръ съ полковникомъ Толемъ, исполнявшимъ обязанности генералъ-квартирмейстера арміи. Этотъ молодой офицеръ настаивалъ на томъ, чтобы фельдмаршалъ двинулся со всѣми своими силами противъ арьергарда Наполеона, который отступалъ. Кутузовъ предпочиталъ облегчить ему отступленіе. Толь, который долженъ былъ написать диспозицію въ тотъ же вечеръ, сказалъ со своей обычной грубоватостью, что онъ не знаетъ, что писать, такъ какъ можетъ быть только одна диспозиція—идти впередъ.

Кутузовъ, большой мастеръ на грубости, отвѣчалъ однако спокойно и съ отеческой кротостью:

— Милый ученикъ мой, не будьте такъ упрямы и сдѣлайте на этотъ разъ изъ любви ко мнѣ такъ, какъ я хочу.

Толь, поощряемый благосклоннымъ тономъ фельдмаршала, настаивалъ на своемъ, и Кутузовъ началъ уже раздражаться, но въ это время подъѣхалъ генералъ Беннигсенъ. Онъ пріѣхалъ съ поля сраженія и торжественно сказалъ фельдмаршалу:

— Поздравляю васъ, г. фельдмаршалъ, со вторымъ изданіемъ сраженія при Эйлау, которое Наполеонъ дастъ вамъ сегодня. Французы намѣрены взять съ бою позицію при Малоярославцѣ, чтобы дать вамъ сраженіе.

— Слышите,—сказалъ Кутузовъ барону Толю, глядя съ насмѣшливой улыбкой въ сторону генерала Беннигсена, — слышите, генералъ предсказываетъ мнѣ повтореніе сраженія при Эйлау. Опытный генералъ говоритъ мнѣ, что непріятель атакуетъ меня завтра, а вы хотите, чтобы я дѣйствовалъ по-гусарски. Надобно приготовиться принять его достойнымъ образомъ.

И, ударивъ Толя слегка по плечу, онъ сказалъ:

— Ступайте, ступайте, дѣлайте такъ, какъ я сказалъ.

Но оказалось, что генералъ Беннигсенъ ошибся, и Кутузовъ принялъ, кажется, его мнѣніе только для того, чтобы имѣть аргументъ противъ Толя.

Наполеонъ дѣйствительно намѣревался пробиться къ Малоярославцу. Онъ полагалъ, что ему удалось скрыть отъ насъ свое движеніе; когда же онъ увидѣлъ силы, которыя мы выставили, и упорство, съ какимъ мы защищали Калужскую дорогу, то перемѣнилъ намѣреніе и двинулся въ другомъ направленіи.

Если бы Наполеонъ могъ предвидѣть, какія несчастія ожидали его съ этой стороны, то онъ вѣроятно удвоилъ бы стараніе, чтобы пробиться къ Калугѣ.

Кутузовъ провелъ со своимъ штабомъ ночь въ открытомъ полѣ.

Вечеръ и ночь были великолѣпные. Приписывая всѣ бѣдствія французской арміи исключительно суровому климату, иностранцы жестоко ошибаются, такъ какъ въ Тарутино, точно такъ же, какъ и въ Малоярославцѣ, французы потерпѣли пораженіе въ самую прекрасную погоду. Семидесяти-лѣтній старикъ Кутузовъ могъ свободно спать подъ открытымъ небомъ.

Французская армія была разбита при Тарутино, Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ до наступленія сильныхъ морозовъ, которые начались только послѣ переправы черезъ Березину.

Трудности, которыя французамъ пришлось преодолѣть при переправѣ черезъ эту рѣку, доказываютъ какъ нельзя лучше, что французы были вынуждены соорудить на Березинѣ мостъ, потому что ледъ еще

не окрѣпъ; это была одна изъ неудачъ, постигшихъ Наполеона. Если бы сильные морозы начались нѣсколькими днями раньше, или хотя бы даже въ ночь, предшествовавшую переправѣ черезъ Березину, то ему удалось бы вѣроятно спасти большую часть своей матеріальной части, и французская армія перешла бы рѣку безъ затрудненія. Она погибла именно потому, что не было сильнаго мороза.

Въ то время какъ Кутузовъ обѣдалъ, пріѣхалъ его адъютантъ, полковникъ Кайсаровъ, съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной графомъ Платовымъ съ его казаками надъ правымъ флангомъ французовъ.

Результатомъ этого славнаго дѣла было взятіе 16-ти орудій и нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ. Во время атаки, произведенной казаками, Наполеонъ, по словамъ генерала Раппа, раненаго въ этомъ дѣлѣ, едва не былъ взятъ въ плѣнъ.

XXIX.

Полковникъ Толь и его характеристика.—Отступленіе непріятеля.—Поведеніе главнокомандующаго.—Столкновеніе Левенштерна съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ.—Характеристика его.—Генералъ Вильсонъ.—Беннигсенъ.—А. П. Ермоловъ.—Многочисленная свита князя Кутузова и интриги въ главной квартирѣ.

Баронъ Толь обладалъ выдающимися военными способностями, большими познаніями, мужествомъ и рѣдкой энергіей, которая проявлялась зачастую упрямствомъ и даже нѣкоторою суровостью.

Въ то время да и теперь еще всѣ были увѣрены, что мы въ значительной степени обязаны ему успѣхомъ, одержаннымъ нашимъ оружіемъ; императоръ Александръ высоко цѣнилъ его.

Онъ былъ прекраснымъ другомъ, смотрѣлъ на дружбу какъ на нѣчто священное, но не переносилъ, чтобы имъ пренебрегали. Онъ былъ ревнивъ, какъ женщина, и обидчивъ, какъ ребенокъ.

Фельдмаршалъ получилъ въ ночь извѣстіе, что князь Понятовскій двинулся къ Медыни, поэтому онъ приказалъ отступить къ высотамъ Гончарова, гдѣ и занялъ позицію.

Начальство надъ сильнымъ аррьергардомъ было ввѣрено генералу Милорадовичу, которому было приказано остаться у Малоярославца.

Это отступленіе удивило всѣхъ; оно было большою ошибкою. Совершивъ это плохо обдуманное и неосторожное движеніе, фельдмаршалъ открылъ Наполеону путь отъ Малоярославца къ Медыни и по какому-то странному совпаденію обѣ арміи совершили отступленіе одновременно. Въ ночь съ 14-го на 15-е число, графъ Милорадовичъ придвинулъ къ арміи свой аррьергардъ, между тѣмъ какъ маршалъ Даву очистилъ Малоярославецъ, перешелъ обратно р. Лужу и двинулся на Боровскъ.

Лишь только наши аванпосты примѣтили это движеніе, генералъ Милорадовичъ поспѣшилъ занять Малоярославецъ; это было по утру 15-го числа. Тогда Кутузовъ рѣшилъ прикрыть дорогу изъ Медыни на Калугу. Арміи было приказано двинуться къ Полотняному заводу. 15-го числа вечеромъ армія выступила изъ лагеря при Гончаровѣ и шла всю ночь.

Графъ Милорадовичъ оставилъ слабый отрядъ у Малоярославца и двинулся также на Медынь. Но замѣтивъ, что непріятель отказался отъ своего намѣренія идти туда, фельдмаршалъ двинулся къ Можайску, рѣшивъ подойти къ этому городу.

17-го числа въ полдень онъ выступилъ двумя колоннами. Графъ Орловъ-Денисовъ пошелъ по дорогѣ къ Гжатску, а другой отрядъ подъ командою графа Ожаровскаго двинулся черезъ Юхновъ на Смоленскъ. Кутузовъ продолжалъ движеніе, имѣвшее цѣлью приблизиться къ Можайску.

Тогда еще не было извѣстно, какимъ путемъ Наполеонъ хотѣлъ подойти къ Смоленску; можно было совершенно свободно предположить, что онъ двинется на Волоколамскъ, Бѣлое, Суражъ и Витебскъ. Этотъ путь былъ длиннѣе, но несравненно выгоднѣе въ отношеніи продовольствія, въ коемъ его войска никогда не терпѣли бы недостатка въ мѣстности, еще не бывшей театромъ военныхъ дѣйствій. Поэтому фельдмаршалу нельзя ставить въ вину того, что онъ хотѣлъ приблизиться къ Можайску, чтобы тѣснить непріятеля вмѣсто того, чтобы идти на Вязьму совершить такимъ образомъ болѣе рѣшительное движеніе.

Полученное Кутузовымъ извѣстіе о движеніи Наполеона на Гжатскъ доказало съ совершенной очевидностью, что единственной цѣлью французовъ было достигнуть Смоленска и Днѣпра. Съ этого момента ихъ отступленіе стало походить на бѣгство.

За Боровскомъ, весь путь, пройденный французами, былъ усѣянъ трупами людей и лошадей, умершихъ отъ усталости и истощенія, обломками, повозками и всякаго рода пожитками. Фельдмаршалъ воспользовался бѣдственнымъ положеніемъ Наполеона, чтобы увеличить препятствія, встрѣчавшіяся ему на пути, и преслѣдовать его неутомимо. Онъ двинулся съ арміей къ Вязьмѣ, принудивъ этимъ Наполеона отступать со всевозможной поспѣшностью, что повлекло за собою его гибель.

Графу Милорадовичу было приказано идти къ Вязьмѣ, не удаляясь отъ большой дороги; атаману Платову, коего поддерживалъ генералъ Паскевичъ, было поручено тревожить аррьергардъ непріятеля; кромѣ того многочисленные отряды легкой конницы затрудняли движеніе французскихъ колоннъ спереди и фланговъ и не позволяли имъ отдаляться отъ большой дороги, чтобы фуражировать въ окрестностяхъ.

22-го числа генералъ Милорадовичъ атаковалъ на Вяземской дорогѣ корпусъ маршала Даву. Генералы Васильчиковъ и Корфъ совершили нѣ-

сколько блестящихъ кавалерійскихъ атакъ. Корпусъ Даву былъ бы уничтоженъ, если бы пѣхота Милорадовича могла поддержать движеніе его кавалеріи.

Вице-король италіанскій, узнавъ объ опасности, коей подвергался Даву, повернулъ обратно и поспѣшно пришелъ ему на помощь. Даву успѣлъ уйти полемъ и построиться вновь позади войскъ вице-короля.

Французы, увидавъ, что ихъ операціонная линія перерѣзана, были вынуждены пробиться сквозь наши отряды. Наполеонъ находился въ чрезвычайно опасномъ положеніи. Даву и вице-король дрались храбро подъ Вязьмою, но понесли весьма значительныя потери. Наша кавалерія покрыла себя славою, въ особенности Каргопольскій и Псковскій драгунскіе полки. Они вернулись побѣдителями въ латахъ, взятыхъ ими на полѣ битвы; императоръ Александръ позволилъ имъ сохранить эти латы, преобразовавъ псковскихъ драгунъ въ кирасиръ.

Кутузовъ, вѣрный своему правилу ничего не дѣлать на авось, не тронулся съ мѣста съ главными силами арміи, которыя находились всего въ 5 или 6 верстахъ отъ Вязьмы. Онъ слышалъ канонаду такъ ясно, какъ будто она происходила у него въ передней, но несмотря на настоянія всѣхъ значительныхъ лицъ главной квартиры, онъ остался безучастнымъ зрителемъ этого боя, который могъ бы имѣть послѣдствіемъ уничтоженіе бо́льшей части арміи Наполеона и взятіе нами въ плѣнъ маршала и вице-короля.

Если бы престарѣлый фельдмаршалъ выказалъ въ этотъ день энергію Барклая-де-Толли, то французская армія, уже сильно деморализованная, была бы неминуемо истреблена, и кампанія была бы окончена.

Въ главной квартирѣ всѣ горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ; генералы и офицеры роптали или жгли бивуаки, чтобы доказать, что они болѣе не нужны; всѣ только и ожидали сигнала къ битвѣ. Но сигнала этого не воспослѣдовало. Ничто не могло побудить Кутузова дѣйствовать, онъ разсердился даже на тѣхъ, кто доказывалъ ему, до какой степени непріятельская армія была деморализована: онъ прогналъ меня изъ кабинета за то, что, возвратясь съ поля битвы, я сказалъ ему, что половина французской арміи сгнила, что отъ нея дурно пахло, и что послѣ ея прохода оставался особый запахъ, который наши солдаты прозвали французскимъ запахомъ.

Онъ упорно считалъ всѣ эти донесенія преувеличенными и по-прежнему вѣрилъ въ Наполеона, вѣрилъ въ его обаяніе и въ его хорошо организованную армію.

Кутузовъ упорно держался своей системы дѣйствій и шелъ параллельно съ непріятелемъ. Онъ не хотѣлъ рисковать и предпочелъ подвергнуться порицанію всей арміи.

Онъ не хотѣлъ понять, что французы сражались только для того,

чтобы спастись, и что единственная выгода, какую они могли извлечь изъ самаго упорнаго сраженія, заключалась въ томъ, чтобы получить нѣсколько часовъ отдыха и хотя немного опередить насъ. Люди и лошади давно уже голодали; люди походили на привидѣнія, лошади падали тысячами.

Видя по всему, что происходило на моихъ глазахъ въ главной квартирѣ, что тамъ нечего было дѣлать, какъ только ѣсть, пить и жить въ безопасности отъ выстрѣловъ, я просилъ фельдмаршала позволенія отправиться къ авангарду. Онъ отказалъ мнѣ въ этомъ съ досадою, сказавъ, что всѣ не могутъ служить въ авангардѣ и что онъ хорошо съумѣетъ вознаградить усердіе тѣхъ лицъ, которыя раздѣляютъ его труды.

Несмотря на все мое желаніе уѣхать изъ главной квартиры, гдѣ свили себѣ гнѣздо интриги, гдѣ было столько завистниковъ и люди ничѣмъ не занятые, единственно ради своего развлеченія чернили репутацію тѣхъ, которые подвергали ежедневно свою жизнь опасности, я долженъ былъ покориться необходимости, выслушавъ этотъ сухой отвѣтъ.

Сильная зубная боль, коей я страдалъ три дня, заставила меня позабыть войну, главную квартиру и все на свѣтѣ. Главный докторъ арміи, Гесслингъ навѣстилъ меня и вырвалъ мнѣ два зуба; мое мученіе прекратилось.

Мы имѣли большую стычку съ пятьюдесятью конногвардейцами, которые хотѣли разрушить ригу, въ которой мы пріютились.

Графъ Соллогубъ, жившій съ нами уже нѣсколько дней, Тимротъ и я схватились за сабли и отстаивали шагъ за шагомъ нашъ хрупкій дворецъ.

Ночи были уже очень холодныя, и намъ вовсе не хотѣлось ночевать подъ открытымъ небомъ; мы отчаянно защищались, бранились и намъ удалось наконецъ прогнать молодцовъ кирасиръ, которыхъ къ намъ загнала нужда и которые имѣли такое же право погрѣться, какъ и мы.

Въ общемъ мы находились въ совершенной безопасности; переходы, которые мы совершали, походили на передвиженія, совершаемыя войсками въ мирное время. Иллюзія была бы полная, если бы плѣнные офицеры, генералы и солдаты, коихъ къ намъ приводили, не напоминали намъ, что война продолжалась.

Я бывалъ каждый день у фельдмаршала, обѣдалъ у него, когда хотѣлъ; обѣдъ былъ всегда превосходный, такъ какъ его готовили царскіе повара. Скромный Барклай кушалъ своего поросенка подъ хрѣномъ, который подавался ему ежедневно, не на серебряномъ сервизѣ, какъ фельдмаршалъ, имѣвшій всю посуду отъ двора, а на жестяномъ блюдѣ, купленномъ какъ предметъ роскоши въ англійскомъ магазинѣ.

Принцъ Ольденбургскій и герцогъ Александръ Виртембергскій нерѣдко также приглашали меня къ столу. Я имѣлъ съ принцемъ Вир-

тембергскимъ бурное столкновеніе еще до нашей стоянки въ лагерѣ при Тарутинѣ. Это происходило въ имѣніи Вороновѣ, принадлежавшемъ графу Ростопчину, который собственноручно поджегъ его, чтобы оно не досталось въ руки французовъ.

Генералъ Барклай, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ, находился тогда еще въ арміи и готовился къ отъѣзду. Мы пріѣхали въ Вороново какъ разъ въ день его ангела. Всѣ его адъютанты составили складчину, чтобы дать ему парадный обѣдъ, и купили ящикъ шампанскаго.

Графъ Ростопчинъ отвелъ для него помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ своего дома. Полковникъ Закревскій помѣстился тамъ со своей канцеляріей, чтобы окончить послѣднія дѣла, и мы ожидали генерала Барклая, который зашелъ къ князю Кутузову и приказалъ намъ отправиться впередъ.

Вдругъ неожиданно къ дому подъѣхалъ герцогъ Александръ и, безъ дальнѣйшихъ формальностей заявивъ, что онъ здѣсь поселится, приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ привезти его экипажи. Я поспѣшилъ на встрѣчу его высочеству и вѣжливо замѣтилъ ему, со всѣмъ почтеніемъ, подобавшимъ ему по его чину и происхожденію, что это помѣщеніе уже занято генераломъ Барклаемъ-де-Толли.

— Какое мнѣ дѣло до вашего генерала Барклая,—отвѣчалъ герцогъ.— Я дядя императора и хочу занять это помѣщеніе.

Я отвѣчалъ, что тутъ уже находится канцелярія генерала Барклая, что полковникъ Закревскій оканчиваетъ нѣкоторыя спѣшныя дѣла, что мнѣ самому приказано помѣститься въ этомъ домѣ, что это распоряженіе сдѣлано графомъ Ростопчинымъ, и я могу уступить его помѣщеніе не иначе, какъ по приказанію главнокомандующаго, прибавивъ, что его высочество былъ бы вѣроятно плохаго мнѣнія объ адъютантѣ, который не съумѣлъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ отстоять квартиру своего генерала. Говоря это, я загораживалъ ему дверь.

— Какъ, господинъ адъютантъ,—закричалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, а онъ очень хорошо зналъ мою фамилію,—какъ смѣете вы не пропустить въ квартиру брата вашей императрицы, генерала, старшаго въ чинѣ, нежели вашъ бывшій министръ, вашъ бывшій главнокомандующій! Знайте, что я выгоню васъ со службы, что я изотру васъ въ порошокъ!

На этомъ словѣ онъ задохнулся: одинъ Богъ знаетъ, что бы онъ мнѣ наговорилъ, если бы онъ не задохнулся отъ гнѣва.

Услыхавъ слова: «я васъ изотру въ порошокъ», я потерялъ хладнокровіе, однако я возразилъ ему все еще самымъ почтительнымъ образомъ:

— Ваше высочество, я охотно готовъ пожертвовать собою для службы императора, но еще не сдѣланъ тотъ молотокъ, который изотретъ меня въ порошокъ. Бывшій главнокомандующій Барклай, какъ ваше императорское высочество его называете, пріѣдетъ съ минуты на минуту, и я увѣренъ, съ удовольствіемъ уступитъ вашему импера-

торскому высочеству свое помѣщеніе. Я являюсь только исполнителемъ его воли; я самъ не могу этого сдѣлать. Только силою можно удалить отсюда его канцелярію и его бумаги.

Къ счастью въ это время подъѣхалъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, которому графъ Ростопчинъ поручилъ распредѣлить квартиры, и заявилъ его высочеству, что для него все приготовлено въ большой квартирѣ въ бель-этажѣ этого дома. Герцогъ удалился, угрожая написать императору. Полчаса спустя генералъ Радтъ пригласилъ меня отъ имени герцога отобѣдать съ нимъ. Онъ передалъ мнѣ, что герцогъ сожалѣетъ о происшедшей сценѣ; увѣрялъ, что его высочество очень любитъ меня и желаетъ, чтобы это столкновеніе изгладилось у меня изъ памяти.

Я ничего не имѣлъ противъ этого. Генералъ Радтъ сообщилъ мнѣ по пути о желаніи герцога, чтобы я сохранилъ этотъ случай въ тайнѣ. Очевидно, совѣсть укоряла его высочество за слова «бывшій министръ», «бывшій главнокомандующій». Я никогда не любилъ пересудовъ и увѣрилъ генерала, что герцогъ можетъ быть покоенъ на этотъ счетъ.

Герцогъ вспомнилъ вѣроятно снисходительность, какую выказывалъ ему Барклай въ то время, когда онъ былъ главнокомандующимъ, и какъ часто герцогъ досаждалъ ему. Такъ какъ давать совѣты ничего не стоитъ и это не влечетъ за собою никакой отвѣтственности, то его высочество не скупился на совѣты и дотого надоѣдалъ Барклаю своими длинными разсужденіями, что тотъ убѣгалъ въ свой кабинетъ, завидѣвъ его, и поручалъ мнѣ принимать его и бесѣдовать съ нимъ. Горе мнѣ было въ такомъ случаѣ, если герцогу удавалось загнать меня къ окну или въ уголъ, т. е. блокировать меня своимъ толстымъ животомъ. Не хватало никакого терпѣнія выдержать это осадное положеніе, приходилось либо сдѣлать видъ, что у меня пошла кровь носомъ, либо притвориться, что мнѣ послышалось, будто меня зоветъ главнокомандующій. Я летѣлъ тогда, какъ стрѣла; только такимъ образомъ мнѣ удавалось избѣгнуть необходимости выслушивать мудрыя соображенія герцога, которыя были очень умны въ теоріи, но рѣдко были исполнимы на практикѣ.

Я долженъ однако сознаться, что если бы у меня было свободное время, то я воспользовался бы его бесѣдою, которая была весьма поучительна для молодаго офицера; онъ обладалъ многими познаніями; былъ человѣкъ ученый и говорилъ краснорѣчиво. Ничто не можетъ быть такъ вредно и безполезно, какъ присутствіе въ главной квартирѣ лицъ высокопоставленныхъ по своему происхожденію или облеченныхъ высокими чинами, но не имѣющихъ никакого опредѣленнаго назначенія и никакихъ обязанностей. Ихъ не знаютъ какъ употребить, такъ какъ они считаютъ все недостойнымъ себя. Единственное ихъ занятіе со-

стоитъ въ томъ, что они стараются сплотить вокругъ себя всѣхъ праздношатающихся, коими кишитъ всякая главная квартира и которые составляютъ оппозицію, критикуютъ военныя операціи и успѣваютъ посѣять недовѣріе среди тѣхъ слабоумныхъ, которые не имѣютъ ни способности, ни привычки судить о событіяхъ по своему собственному уразумѣнію.

Такою безполезною личностью въ арміи былъ и герцогъ Ольденбургскій Августъ. Человѣкъ очень молодой, неопытный, онъ не имѣлъ никакого вліянія. Это былъ просто-на-просто титулованный мальчикъ, взявшій себѣ въ голову подражать сэру Роберту Вильсону, который изъ любви къ искусству былъ всегда тамъ, гдѣ велась война. Генералъ Вильсонъ нерѣдко выводилъ фельдмаршала изъ терпѣнія своими совѣтами и упреками.

— Какой взрывъ негодованія будетъ возбужденъ въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Европѣ,—говорилъ Вильсонъ,—когда узнаютъ, съ какою непонятною медлительностью дѣйствуетъ фельдмаршалъ Кутузовъ.

Эти слова усердно передавались всюду.

Центромъ злословій была квартира генерала Беннигсена. Тамъ сходились, чтобы посмѣяться надъ княземъ-главнокомандующимъ даже тѣ люди, коимъ онъ наиболѣе покровительствовалъ. Они видѣли въ генералѣ Беннигсенѣ преемника Кутузова и преклонялись передъ восходящимъ солнцемъ. У Беннигсена собирались всѣ лица, выдающіяся по своему происхожденію и богатству, какъ то: Станиславъ Потоцкій, Николай Демидовъ и неразлучный съ нимъ баронъ Аншетъ, графъ Ожаровскій и безобидный графъ Браницкій.

Въ то время какъ Барклай находился еще въ арміи, въ квартирѣ Беннигсена были сочинены слѣдующіе куплеты:

Du Ministre de la guere
Le règne vient de finir!
S'il évite les affaires,
Comment peut-il les régir?
Nous ne sommes pas si bête!
Et les Français sont à bout.
Nous les coupons la retraite
En abandonnant Moscou [1]).

Князь Кутузовъ отлично понималъ, что въ этихъ стишкахъ было сказано по его адресу. Поэтому, съ присущимъ ему тактомъ, онъ держалъ всю эту камариллью на почтительномъ разстояніи. Эти господа никогда не жили въ той деревнѣ, гдѣ онъ самъ помѣщался. Однажды, за обѣдомъ у Креза-Демидова, князь Сергѣй Голицынъ сказалъ, что онъ не понимаетъ, какъ могутъ люди, столь извѣстные, какъ князь Кудашевъ,

[1]) Окончилось царство военнаго министра. Уклоняясь отъ дѣлъ, можетъ ли онъ руководить ими. Мы не такъ глупы. Французы дошли уже до крайности. Мы отрѣзали имъ отступленіе, покинувъ Москву.

Давыдовъ, Сеславинъ, Орловъ-Денисовъ, Чернышевъ и иные, унижаться до дѣятельности партизановъ, т. е. разбойниковъ. Такъ какъ онъ былъ большой краснобай, то пожалуй его мнѣніе одержало бы верхъ, если бы я не заставилъ его замолчать, сказавъ, что по моему мнѣнію гораздо унизительнѣе носить Георгіевскій крестъ тому, кто по общепризнанному мнѣнію его не заслужилъ. Онъ замолчалъ; всѣ переглянулись, и разговоръ на томъ прекратился. Фельдмаршалъ, умѣвшій разстроивать интриги, зналъ двоедушіе генерала Ермолова и ловко умѣлъ держать его въ должныхъ границахъ. Онъ ни разу не поручалъ ему командованіе отдѣльной частью и весьма рѣдко упоминалъ его имя въ своихъ реляціяхъ. Хитрый старикъ хорошо зналъ духъ арміи, народа и въ особенности настроеніе Петербурга, и понималъ, что если бы онъ далъ генералу Ермолову случай говорить о себѣ, то благополучные и блестящіе результаты, достигнутые во вторую половину кампаніи, навѣрно были бы приписаны Ермолову.

Высокое мнѣніе, которое всѣ имѣли о способностяхъ этого генерала, начинало уже пугать самыхъ вліятельныхъ людей.

Такимъ образомъ, Кутузовъ, не желая раздѣлять своей славы съ кѣмъ бы то ни было, удалилъ Барклая, оттѣснилъ Беннигсена и обрекъ Ермолова на полнѣйшее бездѣйствіе. Генералъ Коновницынъ, полковникъ Толь и зять Кутузова, князь Кудашевъ, были единственными повѣренными его тайнъ. Изъ нихъ первый, человѣкъ вполнѣ порядочный и достойный, былъ слѣпымъ исполнителемъ желаній фельдмаршала; на него возлагались всѣ мелочныя заботы объ арміи. Второй былъ слишкомъ молодъ лѣтами и чиномъ, чтобы внушить ему какое-либо опасеніе, третій былъ его зять и не могъ внушать къ себѣ зависти: напротивъ, Кутузовъ съ удовольствіемъ признавалъ достоинства этого молодаго человѣка, который съумѣлъ снискать уваженіе всей арміи своимъ честнымъ открытымъ поведеніемъ, своей храбростью и неустрашимостью.

Состоя при фельдмаршалѣ, князь Кудашевъ считался адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. Я обратился къ нему съ просьбою убѣдить Кутузова дозволить мнѣ отправиться къ авангарду генерала Милорадовича. Князь Кудашевъ изъ расположенія ко мнѣ замолвилъ фельдмаршалу за меня слово, и ему удалось исполнить мою просьбу. Я получилъ всѣ нужныя бумаги, и часъ спустя меня не было въ главной квартирѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мало извѣстное изданіе на русскомъ языкѣ 1782 г.

(Библіографическая замѣтка).

Въ апрѣлѣ 1782 года, во время пребыванія въ Пармѣ графа и графини Сѣверныхъ, мѣстный типографъ Джованни Баттиста Бодони поднесъ высокимъ путешественникамъ напечатанное имъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ краткое, хвалебное привѣтствіе.

Привѣтствіе это представляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость [1]). Этимъ, вѣроятно, объясняется и то, что оно ускользнуло отъ вниманія нашихъ присяжныхъ книговѣдовъ, обыкновенно столь падкихъ на детальныя описанія всякихъ книжныхъ курьезовъ. Единственное намъ извѣстное упоминаніе объ этой книгѣ находимъ у Чіампи, въ его Bibliografia critica, Firenze, 1834, t. 1, p. 297,—подъ рубрикой печатныхъ Slavica Ватиканской библіотеки.

У Чіампи читаемъ: „Essai de Caractères russes gravés et fondus par Jean Baptiote Bodoni, typographe de S. M. le roi d' Espagne etc., à Parme in fol».

Opuscolo di 22 carte stampato nel solo diritto. Intitolato: Ad magnos Russorum principes quum III Idus Apriles 1782. Parmam appulissent gratulatio Moscovitice et Latine (Opuscolo rarissimo).

Не знаю, видѣлъ ли дѣйствительно самъ Чіампи именно такую книгу и подъ этимъ французскимъ заглавіемъ въ Ватиканской библіотекѣ, или же передавалъ только полученныя изъ вторыхъ рукъ свѣдѣнія. Разыскавъ въ недавнее время экземпляръ этого изданія, могу лишь отмѣтить, что приведенное описаніе ученаго итальянскаго библіографа не вполнѣ точно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ данному, принадлежащему мнѣ экземпляру.

Вотъ главныя различія: 1) французскаго заголовка—Essai de caratères etc. нѣтъ. Да едва-ли онъ былъ бы умѣстенъ въ витіеватомъ привѣтствіи, поднесенномъ русскому цесаревичу; 2) страницъ не 22, а всего 10, ненумерованныхъ; 3) текстъ напечатанъ не на одной, а на обѣихъ сторонахъ листа, чѣмъ конечно и обусловливается разница въ числѣ страницъ.

Очень вѣроятно, впрочемъ, что Бодони оттиснулъ нѣсколько экземпляровъ и въ другомъ, нѣсколько переиначенномъ видѣ, для прославленія уже не наслѣдника русскаго престола, а своей собственной типографіи. У Сопикова, т. V, подъ № 12960 значится молитва Господня на 155 языкахъ, на-

[1]) Въ Россіи изданіе это имѣется только въ Императорской Публичной библіотекѣ. Ред.

печатанная тѣмъ же Бодони въ 1806 году. Вырѣзанный имъ въ 1782 г. русскій шрифтъ могъ пожалуй пригодиться и для возданія хвалы самому Господу Богу.

Находящійся въ моихъ рукахъ экземпляръ, въ простомъ картонажѣ, формата въ большой листъ, такъ назыв. imperial folio (34×50 сант.), отпечатанъ краснымъ, крупнымъ шрифтомъ, сплошь прописными литерами. На оборотной сторонѣ верхней крышки переплета находится чья-то англійская надпись карандашомъ, что-де этого изданія существуетъ всего три экземпляра. Смѣлое утвержденіе это вполнѣ остается, разумѣется, на совѣсти писавшаго: блаженъ, кто вѣруетъ... Заглавіе латинекое—то же, что приведенное у Чіампи. Затѣмъ на четырехъ страницахъ помѣщено русское „проздравленіе“, а на слѣдующихъ четырехъ—латинская gratulatio. И тотъ и другой текстъ оставляютъ желать многаго и въ литературномъ, и въ стилистическомъ и даже просто въ орѳографическомъ отношеніи. Но эти чисто внѣшніе недостатки съ избыткомъ искупаются конечно искренностью и теплотою чувства неизвѣстнаго диѳирамбиста Россіи, какимъ можетъ быть явился самъ Дм. Бат. Бодони.

Само привѣтствіе въ началѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько восторженныхъ словъ о подвигахъ Олега и Святослава, а главнымъ его содержаніемъ служитъ относительно довольно длинные панегирики Петру I и Екатеринѣ II. Авторъ при этомъ перечисляетъ не только труды геніальнаго монарха и великой царицы, имѣвшіе цѣлью возвышеніе военнаго могущества Россіи, но и съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваемъ ихъ заботы о матеріальномъ благосостояніи и духовномъ развитіи ихъ подданныхъ.

Надо полагать, что оригинальная версія—латинская, а русскій текстъ представляетъ только болѣе или менѣе близкій переводъ, мѣстами очень вольно передающій мысль подлинника. Къ числу особенно характерныхъ руссицизмовъ можно отнести, напр., такую фразу: „(Petrus) academias, scholas, bibliothecam munifice dedicavit“,—къ изумленію звучающую по-русски такъ: «вечные тому свидетели будутъ академия наукъ, кадетскіе корпусы...“

Ив. Щукинъ.

Парижъ.
Октябрь 1900 г.

Привѣтствіе въ Пармѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны въ 1782 году.

наблагополучнейши приездъ въ парму
его императорскаго высочества великаго
князя
ПАВЛА ПЕТРОВИЧА
наследника всероссійскаго купно съ
супругою, великою княгинею
МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ
проздравление

великой князь между темъ времянемъ какъ ты оставя северную страну, купносъ супругою путешествуетъ, и видишъ, древние остатка славы, нашеи італіи. мы следуя твоему примеру, немало дивимся, непрестан-

ной славе твоего отечества; девять сотъ летъ тому назадъ, какъ твои предки, приплывъ къ босфору съ морскими силами, оной храброю рукою себе покорили; иные занесказанную ихъ храбрость имели отъ рымлянъ, дары и дестоинства; между етими также упоминаю о томъ которой разбивъ булгарцовъ въ трацию победителемъ вошелъ.

но сколько къ тебе ближе сродствомъ, столько славою протчихъ превозшедшій, твой дедъ імператоръ

ПЕТРЪ ВЕЛИКОЙ

которой нетолько что разспространилъ границы своего владения, даже да каспій скаго моря, покоривъ многие провинцій, и разумные законы своимъ подданнымъ далъ; нособравъ воиска, началниковъ избралъ, и дабы дать примеръ великодушия и храбрости самъ оное навоину водилъ, где нетолько что прибыток нои вечную славу приобрелъ; санктъ петербургъ, и протчие города, крепости, арсеналы создалъ, украсилъ, ивсемъ нужнымъ снабдилъ; науки и художества вроссію въ велъ: однимъ словомъ все что онъ самъ въ англіи, франціи, и голандіи виделъ иразсудилъ быть полезнымъ для изгнания старой грубости своихъ подданныхъ основалъ; вечные тому свидетели будутъ академиа наукъ, кадетские корпусы, и протчие тому подобные установленій.

следуя сего героя стопамъ августеишая твоя мать імператрица

ЕКАТЕРИНА
АЛЕКСѢЕВНА

теперь царствующая, труды презирая, ничего делать неоставляетъ, какъ для славы россіискаго престола такъ и для блаженства своихъ подданныхъ; она нетолько что послав морские силы въ архипелагъ принудивъ дрожать, и просить миру гордую порту; написала человеколюбиемъ преисполненные законы; поустановила купечество, почитая оное занаилутчей способъ къ обогащенію своей імперій для сеи притчины приказала готовить порты, строить корабли, и все что нужно, ксчастливому онаго произведению, и къ нужному онаго защищению. покровительствуетъ науки и художества, и всие время россіа незавидуетъ никакой области ихъ совершенства; имея своихъ искусныхъ художниковъ и совершенныхъ писателей.

богъ покровитель вашего імператорскаго высочества возвратитъ васъ здравы и благополучны въ отечество ваше, где продолжая следовать стопамъ премудрой монархини; мы обитатели сеи знатной провинціи непрестанемъ петь превознося дела твой донебесъ.

Сие Проздравление вырезано нарускомъ языке Печатано и поднесено ихъ Імператорскимъ, Высочествамъ типографщикомъ его Католическаго Величества, и префетомъ Іваномъ Бодони ди Салюццо.*

Наводненіе въ Тобольскѣ въ 1784 г.

Въ г. Тобольскѣ на одной изъ внутреннихъ стѣнъ церкви св. Андрея Первозваннаго, прикрѣплена чугунная доска съ слѣдующею надписью, свидѣтельствующею о необычайномъ весеннемъ разливѣ Иртыша въ 1784 году [1]).

«Въ годъ двадесять вторый
владѣнія царицы
Второй Екатерины и всѣхъ
Императрицы,
Когда изсчезъ снѣгъ и ледъ
Прошелъ весной, тогда слу-
чился здѣсь великъ разливъ
водной. Въ прежніе годы хотя
Вода и разливалась, но церковь
вся сія сухою оставалась, а
сей воды разливъ могилъ весь
низъ и только выше сихъ сти-
ховъ былъ сухъ карнизъ.
Стихи сіи для той написаны
причины, чтобъ сей водный раз-
ливъ всякъ помнилъ до Кончины.
1784 годъ» [2]).

---

[1]) Разстояніе между поломъ и карнизомъ, до котораго поднималась въ 1784 г. вода, равняется 0,37 сажени.

[2]) Напечатано съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника и какъ написано на доскѣ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг.

VII [1]).

А. Е. Измайловъ—редакторъ-издатель.—„Цвѣтникъ“;—„Санктпетербургскій Вѣстникъ“;—„Пантеонъ русской поэзіи“;—„Сынъ Отечества“.

Начало дѣятельности А. Е. Измайлова, какъ редактора-издателя, относится къ 1809 году, когда онъ вмѣстѣ съ А. П. Бенитцкимъ предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Цвѣтникъ». О возникновеніи этого журнала въ дневникѣ А. Х. Востокова находимъ слѣдующія строки: «1808 г. іюня 13-го, въ субботу, было наконецъ засѣданіе Общества (любителей словесности, наукъ и художествъ) послѣ трехъ-мѣсячной праздности... Измайловъ вызывалъ охотниковъ помогать ему въ изданіи ученаго журнала [2])». Спустя нѣсколько времени одинъ изъ членовъ Общества—А. П. Бенитцкій откликнулся на предложеніе Измайлова и сталъ соредакторомъ послѣдняго, остальные же члены изъявили согласіе участвовать въ затѣваемомъ журналѣ своими трудами. Это обстоятельство имѣло важное значеніе для Измайлова: съ одной стороны молодой редакторъ-издатель былъ обезпеченъ матеріалами для своего «Цвѣтника», съ другой—участіе такого талантливаго и энергичнаго человѣка, какъ А. П. Бенитцкій, и многихъ лучшихъ членовъ названнаго Общества не замедлили придать журналу Измайлова свой особый отпечатокъ. Выше мы назвали «Цвѣтникъ» неоффиціальнымъ органомъ Общества

[1]) См. „Русскую Старину“ 1900 г. сентябрь.

[2]) „Сборникъ 2-го отд. Академіи наукъ“, т. V. С.-Пбрг. 1873 г., вып. 2-й, стр. XI, прим.

любителей словесности, наукъ и художествъ; мнѣніе это кажется намъ справедливымъ, какъ потому, что главный, почти исключительный контингентъ сотрудниковъ этого журнала составляли члены Общества, такъ и потому, что «Цвѣтникъ» былъ до нѣкоторой степени выразителемъ тѣхъ литературныхъ взглядовъ и направленій, которыхъ названное Общество держалось.

Въ своей статьѣ о соиздателѣ Измайлова—Бенитцкомъ [1]) мы имѣли уже случай высказаться объ этомъ журналѣ; теперь считаемъ необходимымъ повториться и сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Строго выработанной программы «Цвѣтникъ» въ 1809 году не имѣлъ, но матеріалъ его по содержанію можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: стихотворенія, беллетристика, отдѣлъ ученый, смѣсь, гдѣ помѣщались анекдоты изъ жизни выдающихся дѣятелей (большею частью переводные), «избранныя мысли», эпиграммы и пр.; затѣмъ слѣдовали рецензіи на новыя книги, подъ названіемъ «Россійскія книги», наконецъ, отдѣлъ о театрѣ, отдѣлъ, въ которомъ давались отзывы о новинкахъ, шедшихъ на сценахъ петербургскихъ театровъ. Сотрудниками журнала, кромѣ редакторовъ-издателей, были: К. Н. Батюшковъ, А. Х. Востоковъ, Н. И. Гнѣдичъ, Г. Р. Державинъ, П. А. Катенинъ, И. А. Крыловъ, П. А. Никольскій, Н. Ѳ. Остолоповъ, В. М. Перевощиковъ (проф. Казанскаго университета), Д. И. Языковъ, въ то время еще не погрузившійся въ историческія занятія, но интересовавшійся литературной критикой и ореографіей, наконецъ, цѣлый рядъ авторовъ съ именами въ литературѣ менѣе извѣстными, какъ Д. М. Княжевичъ, Ѳ. И. Ленкевичъ, В. И. Созоновичъ и др.; попало на страницы «Цвѣтника» и одно стихотвореніе гр. Д. И. Хвостова. Всѣ авторы, за нѣкоторыми исключеніями, подписывали свои статьи иниціалами. Стихотворнымъ отдѣломъ журналъ не могъ похвалиться. Правда, въ нѣкоторыхъ книжкахъ «Цвѣтника» мы встрѣтили стихи Батюшкова («Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу», «Отрывокъ изъ X-й книги Освобожденнаго Іерусалима», басня «Кротъ и мышь», эпиграммы), нѣсколько умныхъ и теплыхъ, но слабыхъ въ техническомъ отношеніи стихотвореній А. Х. Востокова, три стихотворенія Гнѣдича, которыя авторъ впослѣдствіи подвергнулъ значительнымъ измѣненіямъ («Скоротечность юности», «Перуанецъ къ испанцу», «Пѣснь при гробѣ матери») [2]), два небольшія стихотворенія Державина («Геба» и «Русскимъ граціямъ»), басни Крылова («Крестьянинъ и Смерть», «Мѣшокъ», «Хозяинъ и Кошки») [3]), Измайлова и др.,

[1]) „Журн. Мин. Нар. Просв." 1900 г. № 3.

[2]) Кромѣ стиховъ Гнѣдичъ помѣстилъ въ 1-й кн. журнала небольшую статью въ прозѣ „Сѣтованіе".

[3]) У Кеневича въ его „Библіографич. и историч. примѣчаніяхъ къ баснямъ Крылова" первоначальное появленіе этихъ басенъ въ „Цвѣтникѣ" не

но по большей части стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» наполнялся посредственными подражаніями и переводами съ французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго и другихъ языковъ (изъ Вольтера, Гесснера, Клопштока, Оссіана, Горація, Гомера и др.).

Тутъ были всѣ виды поэзіи, начиная съ оды, кончая эпиграммами, эпитафіями и т. п.; одного общаго направленія отдѣлъ этотъ не имѣлъ, и на него, а отчасти и на прозаическій (разумѣя беллетристику) иначе и нельзя смотрѣть, какъ на складъ литературныхъ упражненій членовъ Вольнаго Общества, изъ которыхъ каждый несъ въ этотъ органъ, что только могъ. Впрочемъ, этими двумя отдѣлами «Цвѣтникъ» не уступалъ тогдашнимъ русскимъ журналамъ, и—по выраженію Батюшкова «для деревни былъ хорошъ» [1]). Изъ беллетристическихъ статей очень немного оригинальныхъ (изъ 55 лишь 13), да и послѣднія по большей части—подражанія чужимъ образцамъ. Многія изъ переводныхъ статей сентиментальнаго направленія; болѣе заслуживающими вниманія были переводы изъ Шиллера, Юнга и Лафонтена. Изъ оригинальныхъ слѣдуетъ отмѣтить статьи Бенитцкаго (восточныя повѣсти) и Измайлова [2]).

Что касается отдѣла научнаго, который по первоначальному плану Измайлова долженъ былъ составлять базисъ журнала, онъ не былъ настолько богатъ и разнообразенъ, чтобы «Цвѣтникъ» можно было называть журналомъ ученымъ по преимуществу. Отдѣлъ этотъ весь, за ничтожными исключеніями, состоялъ изъ переводныхъ статей (преимущественно съ французскаго) по исторіи, географіи и этнографіи, философіи и филологіи. Любопытно отмѣтить въ немъ лишь то, что онъ являлся до нѣкоторой степени отголоскомъ научной дѣятельности членовъ Вольнаго Общества.

Всего яснѣе это проглядываетъ въ подборѣ статей историческаго содержанія. Извѣстно, что занятія членовъ Вольнаго Общества по исторіи сводились не столько къ изученію собственно исторіи, сколько къ развитію извѣстнаго рода политическихъ убѣжденій на почвѣ историческаго прошлаго; особенно занимали членовъ вопросы о правѣ, законахъ, свободѣ, обязанностяхъ человѣка и т. п.; и для разрѣшенія или выясненія этихъ вопросовъ они обращались къ сочиненіямъ такихъ историковъ и публицистовъ, какъ Мабли, Рейналь, Монтескье, Беккарій, Филанджіери и т. п. Добрая половина научнаго отдѣла «Цвѣтника» именно

означено. Послѣдняя басня „Хозяинъ и Кошки“ позднѣе печаталась съ нѣкоторыми перемѣнами и подъ заглавіемъ „Хозяинъ и Мыши“.

[1]) „Сочиненія“, т. III, стр. 66.

[2]) Перу редакторовъ-издателей и принадлежало большинство оригинальныхъ беллетристичныхъ произведеній, помѣщенныхъ въ этомъ году въ „Цвѣтникѣ“ (изъ 13—9).

и состоитъ изъ переводовъ подобнаго рода сочиненій. Такъ, напримѣръ, укажемъ: «Отрывокъ изъ примѣчаній Мабли на исторію Франціи», изъ X-й книги «О существѣ законовъ» Монтескье, «О Юстиніановомъ законодательствѣ», «Замѣчаніе на англійскіе законы», «Рѣчь государственнаго совѣтника Портализа, произнесенная въ законодательномъ сословіи при представленіи проекта гражданскаго уложенія»; сюда же можно отнести и такія статьи, какъ «Предсказанія упадка Швеціи», «Разговоръ (въ царствѣ мертвыхъ) Христины, королевы Шведской съ Декартомъ», «О супружествѣ въ отношеніи къ общежитію и театру» и такъ далѣе. Всѣ перечисленныя статьи—переводныя. Изъ оригинальныхъ обращаютъ на себя вниманье лишь двѣ: 1) Д. И. Языкова «Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ»—статья, въ которой авторъ, какъ и раньше [1]), ополчался противъ нѣкоторыхъ ненавистныхъ ему буквъ, особливо противъ ъ, и 2) Бенитцкаго «О баснѣ»; послѣдняя,впрочемъ, написана подъ замѣтнымъ вліяніемъ Гердера; въ ней авторъ доказываетъ превосходство стихотворной формы басни надъ прозаической.

Но главное значеніе «Цвѣтника» въ исторіи русской журналистики зиждется не на этихъ отдѣлахъ (которые, впрочемъ, давали читателю матеріалъ, пожалуй, и болѣе занимательный, чѣмъ иныя современныя «Цвѣтнику» періодическія изданія), но на тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ выразилась—какъ замѣтилъ еще Н. И. Гречъ—его «борьба за нововводителей» [2]). Мы имѣемъ въ виду отдѣлъ «Россійскія книги», гдѣ помѣщались отзывы о литературныхъ новинкахъ и гдѣ главное участіе принималъ Бенитцкій, давшій этому отдѣлу строгое направленіе и окраску. За 1809 годъ «Цвѣтникъ» далъ отзывъ о 23 книгахъ; большая половина этихъ отзывовъ (12) принадлежитъ Бенитцкому, остальные были написаны Никольскимъ и хотя были слабѣе отзывовъ перваго, но имѣли тотъ же характеръ, что и рецензіи Бенитцкаго—этого лучшаго нашего критика перваго десятилѣтія текущаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если читатель присмотрится къ отзывамъ, помѣщавшимся на страницахъ «Цвѣтника», и сравнитъ ихъ съ рецензіями, дававшимися другими журналами, то врядъ-ли онъ рѣшится назвать послѣднія критикой: въ лучшемъ смыслѣ, отзывы эти были не что иное, какъ летучія рецензіи, состоящія (и то не всегда) изъ передачи въ самыхъ грубыхъ чертахъ содержанія даннаго произведенія и заключавшіяся нѣсколькими пустыми восклицаніями или объявленіемъ о цѣнѣ книги и адресѣ сочинителя; хорошо, если рецензентъ касался иногда «языка» произведе-

---

[1]) См. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1805, VIII.

[2]) См. „Сынъ Отечества“ 1839 г. VIII, стр. 84; также „Чтенія“... т. II, С.-Пбрг. 1840 г., стр. 391.

нія; чаще же всего онъ говорилъ о томъ, на какой бумагѣ оно напечатано [1]). Не таковы рецензіи Бенитцкаго: о нихъ смѣло можно говорить, какъ о критикѣ, имѣющей извѣстные, опредѣленные принципы. Недаромъ одинъ изъ изслѣдователей назвалъ Бенитцкаго «родоначальникомъ того критическаго направленія, блестящими представителями котораго, съ конца уже двадцатыхъ годовъ, явились Надеждинъ и Бѣлинскій» [2]).

Какъ литературный критикъ, Бенитцкій въ исторіи нашей литературы стоитъ на грани двухъ эпохъ: въ его рецензіяхъ не трудно замѣтить человѣка, въ которомъ еще живы псевдоклассическія тенденціи и вообще замашки старой школы; не говоря уже о томъ, что у него большое вниманіе удѣляется внѣшней сторонѣ изложенія критикуемой книги вообще, нѣтъ-нѣтъ у него промелькнетъ протестъ противъ «смѣшенія штилей», а пристрастіе къ основамъ ложноклассической теоріи о трехъ единствахъ у него выражено прямо, хотя онъ готовъ былъ идти на уступки, лишь бы «благонравіе было соблюдено». Но съ другой стороны, тотъ же Бенитцкій берется и за психологическое объясненіе фактовъ, передаваемыхъ въ томъ или другомъ произведеніи, говоритъ о естественности и неестественности, оцѣниваетъ сочиненія съ эстетической, этической и другихъ точекъ зрѣнія. Чуждый мелкой партійности, онъ, если и выказывалъ себя сторонникомъ какого-нибудь литературнаго лагеря, то, конечно, былъ антишишковистъ, хотя и не отрицалъ извѣстной «силы за словенороссійскимъ языкомъ, иногда превосходящимъ французскій». Въ частности, присматриваясь къ рецензіямъ Бенитцкаго, мы можемъ намѣтить въ ней два основныхъ пункта: 1) разсужденіе критика по поводу слога разсматриваемаго произведенія и 2) разборъ со стороны содержанія.

Что Бенитцкій обращалъ особенное вниманіе на внѣшнюю сторону изложенія—языкъ, слогъ, это легко объясняется и еще неумершими въ немъ привычками старой критики, и характеромъ борьбы между послѣдователями Шишкова и Карамзина, и самымъ предметомъ его рецензій:—ему по большей части приходилось давать отчетъ о переводахъ, и разсужденія о слогѣ были вполнѣ умѣстны и даже необходимы. Прежде всего Бенитцкій требовалъ отъ автора ли, переводчика ли «чистоты, плавности и ясности изложенія»; онъ громилъ дурные переводы, искажающіе смыслъ и заставляющіе читателя отвертываться иногда и отъ хорошей книги, возмущался злоупотребленіемъ галлицизмовъ, не терпѣлъ слога, «обезображеннаго нѣмецкими оборотами»; возмущался наборомъ «высокопарныхъ реченій въ духѣ старообрядцевъ россійской словесности», выраженій, затемняющихъ смыслъ и производящихъ впе-

---

[1]) Конечно, бывали и дѣльныя рецензіи, напр. П. И. Макарова и др.
[2]) Н. Колюпановъ. „Біографія А. И. Кошелева“, т. I, кн. I, стр. 299.

чатлѣніе галиматьи и т. д. и т. д. [1]). Въ критикѣ произведеній со стороны содержанія Бенитцкій требуетъ строгой правды, знанія дѣла, естественности [2]); чтобы книга поучала, чтобы отъ нея вѣяло нравственностью, добропорядочностью и искренностью; съ другой стороны, критикъ нашъ возмущается безнравственнымъ содержаніемъ произведенія, его пустотой, неестественностью [3]). Не лишено интереса въ критикѣ Бенитцкаго и то, что онъ удѣлялъ въ своихъ рецензіяхъ мѣсто и для общихъ разсужденій различнаго характера; такъ въ его отзывахъ нерѣдко можно встрѣтить и взглядъ его на монархію, благоденствіе народа, педагогическіе взгляды, разсужденія объ авторской свободѣ и т. п.

Направленія критики Бенитцкаго держался въ своихъ отзывахъ и П. А. Никольскій, ставшій по смерти Бенитцкаго постояннымъ рецензентомъ «Цвѣтника», и Д. В. Дашковъ, своими рѣзкими приговорами нанесшій шишковистамъ самый жестокій ударъ, когда-либо ими полученный; впрочемъ, дѣятельность того и другого относится главнымъ образомъ къ слѣдующему (1810) году изданія «Цвѣтника», и о нихъ мы скажемъ ниже, пока же заключимъ нашъ обзоръ этого журнала за первый годъ его существованія замѣчаніемъ о театральной критикѣ его. Кромѣ двухъ рецензій, принадлежавшихъ Бенитцкому, отдѣлъ о «театрѣ» не представлялъ ничего выдающагося. Обыкновенно рецензентъ давалъ краткое содержаніе пьесы, слегка касался языка ея и заканчивалъ свой отзывъ нѣсколькими замѣчаніями объ исполненіи пьесы актерами, замѣчаніями поверхностными.

Отмѣтимъ, между прочимъ, что «Цвѣтникъ» не убоялся неодобрительно отозваться о трагедіи Хераскова «Зареида и Ростиславъ», замѣтивъ при этомъ, что авторъ пьесы, хотя и творецъ «Россіады», все же «какой писатель можетъ похвалиться всѣми своими сочиненіями? И самъ великій Аруэтъ написалъ нѣсколько слабыхъ трагедій, несмотря на то, что Мельпомена болѣе всѣхъ увѣнчала его славою и что онъ побѣдилъ Корнелія и Расина...»

Программа журнала на 1810 годъ и распредѣленіе статей были приблизительно тѣ же, что и въ предшествующій годъ изданія «Цвѣтника». Въ 1810 году соиздателемъ Измайлова былъ П. А. Никольскій. Это былъ молодой человѣкъ, воспитанникъ Горнаго корпуса, сумѣвшій весьма солидно пополнить свое образованіе основательнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ и науками словесными вообще. Сынъ А. С. Никольскаго,—члена Россійской академіи и переводчика, П. А. большею

---

[1]) Ср. „Цвѣтникъ“, № 6, стр. 373; № 2, стр. 269; № 1, стр. 137 и т. д.
[2]) Ср. ibidem, ч. 1, стр. 332; ч. II, стр. 364, 378—379.
[3]) Ср. ibidem, ч. I, стр. 374, 157; ч. II, стр. 257.

частью занимался также переводами какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ произведеній; въ «Цвѣтникѣ» онъ принялъ близкое участіе: въ каждой книжкѣ этого журнала можно встрѣтить за разъ нѣсколько его переводовъ и рецензій [1]).

Стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» за этотъ годъ заключаетъ въ себѣ до 80 пьесъ, доставленныхъ приблизительно тридцатью авторами. Главнымъ сотрудникомъ этого отдѣла былъ М. В. Милоновъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, этотъ молодой человѣкъ въ 1809 г. переѣхалъ для пріисканія занятій въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ познакомился, а затѣмъ и подружился съ П. А. Никольскимъ, А. П. Бенитцкимъ и А. Е. Измайловымъ, былъ введенъ ими въ Вольное Общество и принялъ участіе въ «Цвѣтникѣ». Писалъ онъ много, и на него, какъ на поэта, многіе возлагали большія надежды, хотя, напримѣръ, князь П. А. Вяземскій признавалъ въ немъ мало поэтическаго увлеченія [2]).

Въ «Цвѣтникѣ» онъ помѣстилъ свыше 20 стихотворныхъ переводовъ и подражаній, избравъ оригиналами римскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ писателей (Горація, Шекспира, Шиллера и др.), а также и нѣсколько небольшихъ оригинальныхъ стихотвореній. Второе мѣсто по количеству стихотвореній принадлежитъ Измайлову, помѣстившему до 10 своихъ произведеній, изъ коихъ шесть басенъ; кромѣ того, въ «Цвѣтникѣ» было обнародовано три посмертныхъ стихотворенія А. В. Храповицкаго. Изъ остальныхъ сотрудниковъ по части поэзіи назовемъ Н. Ѳ. Грамматина, Д. М. Княжевича, Воейкова, В. М. Перевощикова, П. А. Катенина [3]), А. Раевскаго, В. Л. Пушкина [4]), графа Д. И. Хвостова... Какъ видимъ, въ числѣ сотрудниковъ «Цвѣтника», въ качествѣ поэтовъ, уже отсутствуютъ такія лица, какъ Гнѣдичъ, Державинъ, Крыловъ [5]); произведенія же новыхъ сотрудниковъ и болѣе частое появленіе твореній графа Хвостова, конечно, не могли служить украшеніемъ журнала, и мы должны признать, что стихотворный отдѣлъ «Цвѣтника» въ 1810 году былъ еще слабѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Еще слабѣе былъ отдѣлъ прозы. Весь наличный составъ оригинальныхъ статей беллетристическаго характера состоялъ изъ четырехъ произведеній, въ числѣ которыхъ была длинная и скучная повѣсть В. М. Перевощикова:

---

[1]) Всѣ статьи его безъ подписи. Прочіе сотрудники журнала въ большинствѣ случаевъ помѣщали свои работы или безъ подписи, или скрывались подъ инціалами.

[2]) Князь П. А. Вяземскій, „Сочиненія“, т. VIII, стр. 345.

[3]) Нѣкоторыхъ произведеній П. А. Катенина, помѣщенныхъ въ „Цвѣтникѣ“, нѣтъ въ собраніи его сочиненій, изд. въ 1832 г.

[4]) „Посланіе къ В. А. Жуковскому“.

[5]) Батюшковъ прислалъ лишь одну эпиграмму. (См. письмо его къ Измайлову въ III-мъ томѣ его сочиненія, стр. 74).

«Модестъ и Софья», прекрасная восточная повѣсть Бенитцкаго: «Визирь» и остроумный, живо написанный «разговоръ» Измайлова: «Такъ-такъ, или разговоръ Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антоновичемъ», въ которомъ авторъ довольно ѣдко осмѣиваетъ современное недовольство дворянъ на «выскочекъ» изъ семинаристовъ, которые, благодаря способностямъ и трудолюбію, сумѣли занять высшія государственныя должности [1]). Переводная беллетристика также уступала таковой въ предшествующій годъ изданія «Цвѣтника», хотя въ отдѣлѣ этомъ и помѣщались отрывки изъ Шиллера, Шекспира, Лафонтена, Мейспера и друг. Научныя статьи также не могли привлечь читателя, несмотря на то, что онѣ отличались и нѣкоторымъ разнообразіемъ и серьезностью; такъ мы встрѣчаемъ статьи изъ сочиненій Гельвеція, Монтескьё, Лабрюйера, Шиллера и т. п.; но все это были небольшіе, незаконченные отрывки, при томъ порой въ весьма посредственномъ переводѣ (лучшіе переводы принадлежатъ П. А. Никольскому) [2]). Итакъ, повторяемъ, этими тремя отдѣлами «Цвѣтникъ» въ 1810 году былъ слабѣе и скучнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, и Батюшковъ былъ въ правѣ сказать, что «Цвѣтникъ» безъ Бенитцкаго завялъ» [3]). Но замѣчаніе Батюшкова нужно принимать съ нѣкоторой оговоркой: «Цвѣтникъ» въ 1810 г. сталъ для публики менѣе занимателенъ, но отнюдь не терялъ своего значенія, какъ «борца за нововводителей» и еще смѣлѣе продолжалъ высказывать свои литературные взгляды: тѣ принципы литературной критики, которые проповѣдывалъ въ «Цвѣтникѣ» Бенитцкій, услышали читатели того же журнала и въ 1810 году въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ этомъ году постоянными критиками «Цвѣтника» были П. А. Никольскій и Д. В. Дашковъ. Обходя, дабы не повторяться, рецензіи Никольскаго, который былъ въ своихъ отзывахъ прямымъ продолжателемъ Бенитцкаго и никакихъ новыхъ (въ сравненіи съ послѣднимъ) взглядовъ не высказывалъ, обращаемся къ статьямъ Д. В. Дашкова. Дашковъ помѣстилъ въ «Цвѣтникѣ» первую свою критическую работу, давшую ему литературную извѣстность въ знаменитомъ спорѣ между сторонниками Шишкова и послѣдователями Карамзина, именно—обширную (въ 110 страницъ) статью по поводу «Перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика», перевода, принадлежавшаго перу самого адмирала-литератора... Богатыя познанія Дашкова, его несомнѣнный литературный талантъ и блестящее остроуміе сдѣлали

---

[1]) Н. Колюпановъ склоненъ разумѣть здѣсь намекъ на графа М. М. Сперанскаго. (См. Н. Колюпановъ, цит. соч., т. I, стр. 302).

[2]) Изъ оригинальныхъ статей этого отдѣла можемъ указать двѣ: Спасскаго: „О сибирскихъ древностяхъ“ и Востокова: „Грамматическія замѣчанія на одно мѣсто въ „Пѣснѣ о походѣ Игоря“.

[3]) „Сочиненія“, т. III, стр. 42.

нашего критика однимъ изъ опаснѣйшихъ ратоборцевъ, съ какими только приходилось сражаться сторонникамъ Шишкова. Въ настоящей статьѣ Дашковъ еще спокоенъ, но увѣренъ, и тонъ статьи его не вызывающій, но уже задѣвающій самыя основы филологическихъ принциповъ адмирала, начиная съ названія языка «словенороссійскимъ». Дашковъ доказываетъ всю нелѣпость такого словопроизводства и затѣмъ шагъ за шагомъ, мало касаясь самого перевода, послужившаго ему предметомъ статьи, разбираетъ по частямъ всѣ принципы догмы шишковистовъ, ихъ раздѣленіе мнимаго словенороссійскаго языка на три слога, ученіе о сродствѣ корней языка, ихъ разсужденія о богатствѣ русскаго языка сравнительно съ французскимъ и друг.; наконецъ, доказываетъ неосновательность похода Шишкова противъ отдѣльныхъ словъ, дѣлаетъ колкія замѣчанія о «словоизвитіяхъ» его сторонниковъ, объ «украшеніяхъ» въ краснорѣчіи, ими употребляемыхъ и т. д. Но уже въ слѣдующемъ году Дашковъ обрушивается на нихъ отдѣльной книгой: «О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику», въ которой шишковисты понесли окончательное пораженіе, хотя и не признали себя побѣжденными; но Дашковъ на время прекратилъ съ ними полемику.

Изъ другихъ статей журнала, живописующихъ литературные нравы и направленія того времени, особенное вниманіе обращаютъ на себя: «Мнѣнія и замѣчанія пустынника» [1]) и «Отрывокъ изъ письма къ NN». Первая начинается разсужденіемъ о томъ, какія причины побуждаютъ «сочинять». Разрѣшая этотъ вопросъ и имѣя въ виду русскихъ писателей, авторъ раздѣляетъ всѣхъ сочинителей на четыре категоріи: 1) любители словесности, 2) любители печатать, 3) писатели для славы и 4) писатели для денегъ. Сдѣлавъ характеристику первыхъ и отнесшись къ нимъ одобрительно, авторъ остроумно посмѣялся надъ вторыми и третьими и, пустивъ ядовитыя стрѣлы въ четвертыхъ, заключаетъ: «не должно однако думать, что всѣ авторы неотмѣнно подходятъ подъ сіи правила: есть амфибіи и хамелеоны». Въ этой же статьѣ встрѣчаемъ не мало острыхъ замѣчаній противъ исказителей русской рѣчи иностранными словами и противъ шишковистовъ. Глава 4-я этой статьи содержитъ слѣдующіе вопросы и отвѣты:

— Сколько у насъ было и есть писателей?

— Двое: Фонвизинъ и Карамзинъ.

— А прочіе?

— Стихотворцы, переводчики, подражатели, иногда весьма хорошіе, но они не всѣ подлинны...

Любопытна 7-я глава, гдѣ авторъ жалуется не недостатокъ образо-

---

[1]) Подписана Василіемъ Ефимовымъ; думаемъ, что она принадлежитъ также Дашкову.

ванія нашихъ писателей: «наблюдая образованіе нашихъ писателей— говоритъ авторъ—всякъ долженъ удивляться, что у насъ ихъ такъ много и довольно хорошихъ. Большая часть ихъ, какъ портной Тришка, учились самоучкой. Рѣдкіе получили ученое воспитаніе. Выучившись читать и писать по-русски (иногда и тому весьма плохо), затвердивъ наизусть нѣсколько французскихъ стишковъ, зная, что во Франціи писали трагедіи Расинъ и Корнель, а комедіи Мольеръ [1]), наши молодые люди почитаютъ себя совершенными и начинаютъ переводить, печатать, издавать» и т. д.

Къ этой выпискѣ мы позволимъ себѣ присоединить еще одно въ высшей степени цѣнное и поучительное замѣчаніе автора: «недовольно внимательная къ истиннымъ достоинствамъ публика наша (то-есть многочисленнѣйшая часть) причиною, что многіе люди съ талантомъ и познаніями вскорѣ начинаютъ скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ. Многіе изъ нынѣшнихъ полезныхъ чиновниковъ государства (изъ коихъ большая часть училась въ Московскомъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ университетахъ) въ молодости своей успѣшно занимались словесностью. Хладнокровіе публики, неумѣющей цѣнить ихъ талантовъ, заставило ихъ бросить ученыя занятія. Если бъ я смѣлъ, то назвалъ бы таковыхъ человѣкъ 20 и больше, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ государствѣ. Вообще рѣдкій писатель трудится у насъ болѣе пяти лѣтъ сряду. Одобреніе и награда публики столь слабы, а досады и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобъ заниматься ею долго. Замѣтить должно, что я говорю о прозаическихъ писателяхъ: поэты поютъ всегда и вездѣ безъ усталости». Заключается эта статейка остроумной насмѣшкой подъ полемикой, возникшей тогда между «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Аглаей».

«Отрывокъ изъ письма къ NN.», въ которомъ авторъ извѣщаетъ своего корреспондента о якобы имѣющихъ выйти въ свѣтъ новыхъ книгахъ (нѣкоторыя изъ перечисленныхъ дѣйствительно существовали), имѣетъ цѣлью осмѣять чрезмѣрное увлеченіе сентиментализмомъ, доводившее авторовъ нерѣдко до галиматьи въ содержаніи ихъ твореній и до крайней вычурности слога. Такъ, напримѣръ, вотъ каково заглавіе одной книги: «Прогулка въ иррегулярныхъ садахъ моего воображенія, или весенніе досуги сельскаго любителя природы» Книга сія посвящена майской могилѣ единственнаго друга души, сердца и чувствъ,

---

[1]) „Полнымъ курсомъ словесности и наукъ для многихъ изъ сихъ писателей служатъ „Письма русскаго путешественника“. Нахвативъ оттуда нѣсколько поверхностныхъ мыслей, они судятъ, рядятъ, приговариваютъ“.

съ эпиграфомъ: «Пусть другъ одинъ меня читаетъ, а свѣтъ и публика пускай меня не знаетъ». Кромѣ того «Отрывокъ» изобилуетъ насмѣшками надъ педантствомъ, риѳмоманіей, шишковистами и т. п.

Но не только въ отдѣлѣ «критики» и въ выше цитированныхъ статьяхъ «Цвѣтникъ» выражалъ свои симпатіи или антипатіи къ тѣмъ или инымъ направленіямъ въ нашей литературѣ и въ частности журналистикѣ: онъ отстаивалъ свои смѣлые взгляды, не робѣя передъ авторитетами, вступая нерѣдко въ открытую полемику или пуская въ ходъ колкую эпиграмму [1]). И этимъ литературнымъ ратоборствомъ онъ, по справедливости, долженъ занять въ исторіи нашей журналистики начала нынѣшняго столѣтія почтенное мѣсто.

Какое же участіе принималъ въ «Цвѣтникѣ» самъ издатель Измайловъ и чѣмъ обязанъ ему этотъ любопытный органъ? Изъ обзора журнала уже видно, что главное значеніе «Цвѣтника» покоится отнюдь не на статьяхъ нашего издателя, который въ ряду сотрудниковъ своего органа занималъ далеко не первенствующее мѣсто, какъ по количеству помѣщенныхъ имъ статей, такъ и по качеству и характеру ихъ. Участіе Измайлова въ «Цвѣтникѣ» ограничилось помѣщеніемъ нѣсколькихъ басенъ, двухъ-трехъ небольшихъ статеекъ въ прозѣ и иногда составленіемъ отдѣла «смѣсь», отдѣла компилятивнаго. Въ заслугу Измайлова нужно поставить лишь то, что онъ сумѣлъ привлечь въ свой журналъ талантливыхъ и дѣльныхъ сотрудниковъ (хотя, къ сожалѣнію, не всегда могъ ихъ при своемъ журналѣ удерживать); кромѣ того, должны мы отмѣтить, что статьи Измайлова, если и не могли служить большимъ украшеніемъ журнала, то во всякомъ случаѣ были незаурядны, а главное—соотвѣтствовали направленію журнала; въ этомъ смыслѣ нельзя обходить молчаніемъ и прозу Измайлова, которая была для того времени, какъ справедливо замѣтилъ еще Батюшковъ, «хороша и чиста» [2]).—Но, повторяемъ, «Цвѣтникъ», на страницахъ котораго историкъ литературы въ настоящее время найдетъ много интереснаго для выясненія литературныхъ нравовъ прошлаго, не могъ привлечь къ себѣ публику современную: большинству было мало дѣла до направленія органа и его литературныхъ препирательствъ, большинство искало въ журналѣ з а н и м а т е л ь н а г о ч т е н і я, а его-то «Цвѣтникъ» и не давалъ. Публика охладѣла къ нему, и Измайловъ прекратилъ изданіе «Цвѣтника» на второмъ же году его существованія.

---

[1]) Болѣе частые нападки „Цвѣтникъ“ дѣлалъ на „Сѣверный Меркурій“ А. В. Лукницкаго. Въ этомъ походѣ принялъ участіе и Батюшковъ, пустивъ въ „журналъ Глупницкаго“ ядовитой эпиграммой. Тотъ отстрѣливался (см. „Сѣверн. Меркурій“ 1810 № 16, стр. 46 и 47), но очень не удачно.

[2]) Въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 1-го ноября 1809 г. (См. „Сочиненія“ т. III, стр. 54).

Слѣдуя хронологическому порядку въ обозрѣніи дѣятельности Измайлова какъ редактора-издателя, мы должны теперь дать отчетъ о «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ 1812 году отъ имени Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и редактировавшемся Измайловымъ. Но, несмотря, на большой интересъ, представляемый этимъ журналомъ въ исторіи нашей журналистики, мы уклоняемся отъ разбора его, какъ потому, что «С.-Петербургскій Вѣстникъ» не былъ собственнымъ созданіемъ нашего писателя, такъ и потому, что роль Измайлова, какъ главнаго редактора этого органа, была слишкомъ ограниченна, и не Александръ Ефимовичъ былъ главнымъ сотрудникомъ и душою его. Дѣло въ томъ, что названное Общество, приступивъ (послѣ долгихъ подготовленій) къ изданію своего журнала, избрало для завѣдыванія отдѣлами его нѣсколькихъ редакторовъ, и на долю Измайлова, облеченнаго званіемъ главнаго редактора, выпала весьма скромная обязанность: слѣдить за общимъ ходомъ изданія, распредѣлять выбранныя и представленныя статьи для журнала по отдѣламъ и книжкамъ и т. п., то-есть, въ лучшемъ смыслѣ, его обязанности главнаго редактора сводились къ обязанностямъ такъ называемаго «секретаря редакціи». Измайловъ не дѣлалъ попытокъ расширить предѣлы своей роли, да врядъ-ли и могъ, ибо другіе редакторы, какъ напримѣръ, Дашковъ, Гречъ, Востоковъ были люди болѣе энергичные и являлись сотрудниками журнала болѣе дѣятельными, чѣмъ Измайловъ. Самъ главный редакторъ успѣлъ помѣстить на страницахъ «С.-Петербургскаго Вѣстника» лишь семь басенъ и двѣ-три эпиграммы; въ отдѣлѣ же критики—каковой отдѣлъ и занималъ первенствующее мѣсто въ журналѣ—Измайловъ почти не участвовалъ: онъ ограничился небольшой рецензіей на «Басни и сказки Невѣдомскаго»; главными же сотрудниками журнала были Востоковъ, Гречъ, Милоновъ, Никольскій, В. Л. Пушкинъ и др. Журналъ этотъ просуществовалъ не долго: тревожныя событія 1812 года заставили Общество остановить изданіе «С.-Петербургскаго Вѣстника» на ноябрьской книжкѣ [1]).

Затѣмъ Измайловъ выступаетъ въ качествѣ издателя въ 1817 году. Въ этомъ году онъ издалъ двѣ послѣднія книжки «Пантеона русской поэзіи», предпринятаго покойнымъ его другомъ, уже извѣстнымъ намъ П. А. Никольскимъ. Никольскій заготовилъ матеріалъ для всѣхъ 12 книжекъ своего изданія и на послѣднія книжки получилъ еще въ маѣ 1815 года цензурное разрѣшеніе, но томительная и тяжкая болѣзнь (чахотка) позволила ему выпустить въ свѣтъ лишь семь книжекъ, 8-я

[1]) См. подробности у Н. И. Греча въ его „Чтеніяхъ“... ч. II, С.-Пбргъ, 1840, стр. 391 и въ „Библіографич. Запискахъ“, т. II, стр. 420.

Два пути.

„По лѣтамъ можете мнѣ право быть отцомъ;
На свѣтѣ много вы видали
И опытомъ узнали.
Въ провинціяхъ и при дворѣ живали
Васъ всѣ считаютъ мудрецомъ.
Что дѣлать долженъ я? скажите
И путь мнѣ къ счастью укажите.„ —
Есть разные пути!
Одинъ широкъ, для глазъ прекрасенъ.
Цвѣтами онъ покрытъ; но скользокъ и опасенъ.
Другой же тѣсенъ: нѣтъ на немъ ~~плѣнительныхъ~~ розъ и цвѣтовъ,
Нѣтъ вкусныхъ манящихъ плодовъ;
Для чувствъ совсемъ нѣтъ обольщеній —
Но путь сей не ведетъ, какъ первый къ смертной сѣни.
Тяжелый крестъ велитъ нести
По тѣсному пути распятый нашъ Учитель,
Вселенныя Спаситель,
Что бы придти къ Нему въ небесную обитель. —
„Слыхалъ... да здѣсь бы какъ, полегче?„ — Нутакъ лыти,
Лукавь, забудь честь, правду, ближнихъ, Бога.
Къ богатству, къ почестямъ — въ адъ вѣрная дорога. —

Дозв. цензъ. СПБ., 12 декабря 1900 г.

Тип. тов. „Общ. Польза“, В. Подъяч., д. 39.

же, 9 и 10-я вышли по смерти его, хотя и были уже отпечатаны; хлопоты же по изданію послѣднихъ двухъ взялъ на себя нашъ писатель [1]). Вложить въ это изданіе что-либо свое Измайловъ не могъ, да это было бы и некстати; впрочемъ, онъ помѣстилъ на послѣдней страницѣ 12-й книжки прочувствованную эпитафію покойному, которая нѣсколько раньше была напечатана въ журналѣ Н. И. Греча [2]).

Въ 1817 же году Измайловъ завѣдывалъ журналомъ «Сынъ Отечества», пока редакторъ-издатель послѣдняго—Н. И. Гречъ находился заграницей (въ продолженіе 8 мѣсяцевъ). Особыхъ перемѣнъ въ изданіи этого журнала, перешедшаго на время въ руки Измайлова, не произошло; нѣсколько увеличился лишь въ объемѣ стихотворный отдѣлъ «Сына Отечества»; что же касается попытокъ нашего писателя «сдѣлать журналъ разнообразнѣе, нежели каковъ онъ былъ прежде, и не помѣщать длинныхъ и сухихъ пьесъ»... [3]), то нельзя сказать, чтобы онѣ увѣнчались замѣтнымъ успѣхомъ: «Сынъ Отечества» за время завѣдыванія имъ Измайловымъ сохранялъ въ общемъ ту же физіономію что̀ и раньше.

Въ слѣдующемъ году Измайловъ выступаетъ редакторомъ-издателемъ собственнаго журнала «Благонамѣренный».

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Хотя эти книжки вышли и въ 1817 году, но на обложкѣ выставленъ годъ 1815-й.

[2]) „Сынъ Отечества“ 1816, ч. 33, № 40.

[3]) См. письмо Измайлова къ Н. Ѳ. Грамматину („Библіогр. Записки“ т., II, стр. 624).

Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной.

Въ дополненіе замѣтки, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» [1]), «О жестокомъ обращеніи стат. сов. Паниной со своими дочерьми», я могу сообщить то, что слышала отъ старшей, Варвары и меньшой, Клеопатры изъ этихъ дочерей, которыхъ я знала въ Москвѣ.

Отецъ ихъ былъ родня Панину, воспитателю императора Павла I-го, и, потому, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна приняла участіе въ судьбѣ дѣвицъ Паниныхъ, и высочайшимъ повелѣніемъ онѣ взяты были отъ матери. Вся Москва заинтересовалась необычайностію факта, и нанимали окна, чтобы видѣть, какъ повезутъ ихъ. Такъ какъ дѣвицы Панины выразили желаніе жить при монастырѣ, то императрица назначила имъ Московскій Ивановскій монастырь, на Солянкѣ. Игуменья пріѣхала за ними, а оберъ-полиціймейстеръ предъявилъ матери высочайшее повелѣніе и самъ съ полиціей сопровождалъ ихъ карету. Сестры жили два года въ монастырѣ, пока старшей, Варварѣ (умной и образованной) не исполнилось совершеннолѣтіе. Тогда ее утвердили опекуншей надъ сестрами и выдѣлили имъ ихъ состояніе. Анна тоже скоро стала совершеннолѣтней и уѣхала въ свое Саратовское имѣніе, гдѣ дожила до старости. Третья, Екатерина, была красавица, и императрица желала ее сдѣлать фрейлиной, но она скоропостижно скончалась. Варвара Алексѣевна съ 10-лѣтней сестрой Клеопатрой поселилась въ семьѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, начальника архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Когда же послѣдній скончался, обѣ сестры жили самостоятельно сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ и скончались въ 60-хъ годахъ. Разсказывали онѣ еще, что у нихъ было два брата: Николай, блестящій гвардеецъ, и единственный любимецъ матери. Онъ влюбился въ незнатную дѣвушку; но мать ему не позволила на ней жениться, и онъ сошелъ съ ума. День и ночь онъ не разставался съ розовой лентой, принадлежавшей этой дѣвушкѣ. Другой братъ, Димитрій, былъ крайне слабъ умомъ. Получивъ имѣніе близъ Тулы [2]), онъ жилъ тамъ, и дочь оружейника, неграмотная крестьянка, женила его на себѣ.

Панина-мать, при нашествіи французовъ въ 1812 г., съ сыновьями, компаньенками и приживалками, выѣхала изъ Москвы, оставивъ въ домѣ мужа и при немъ только дворника. Домъ сгорѣлъ, какъ и всѣ дома тогдашней Москвы, и съ домомъ сгорѣлъ Алексѣй Ивановичъ Панинъ!.. Вдова его не выражала горя, но, когда умирала, то пожелала примириться со старшею дочерью, Варварою Алексѣевною.

Сообщила **С. В. Якимова.**

---

[1]) Октябрь 1900 г.

[2]) Уже послѣ смерти матери, которая, какъ урожденная Юсупова, была богата.

Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ

въ 1881—1882 гг.

Изъ путевого дневника

М. Н. Галкина-Враского.

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Переѣздъ въ Тюмень.—Пароходство по рѣкам ъ Западной Сибири.—Рѣка Тура.—Селеніе Артамоново.—Арестантская ба ржа.—Тобольскъ.—Отзывъ мѣстнаго архіерея.—Иртышъ.—Рыболовство.—Обь.—Остяки.—Городъ Сургутъ.—Административные ссыльные.—Томскъ.—Епископъ Петръ.—Сибирская легенда.—Маріинскъ.—Ачинскъ.—Грань Восточной Сибири.—Каинскъ.—Отставшая отъ политической партіи ссыльныхъ.—Ключинскій этапъ.—Дневка двухъ пересыльныхъ партій политическихъ ссыльныхъ —Тулинскій полуэтапъ.—Пѣшеходное препровожденіе каторжныхъ.—Усольскій солеваренный заводъ.—Иркутскъ.—Отзывъ генералъ-губернатора о Сахалинѣ.—Пріютъ арестантскихъ дѣтей.—Державинскій портретъ.—Озеро Байкалъ.—Верхнеудинскъ.—Строющаяся тюрьма.—Пріютъ арестантскихъ дѣтей.—Б. А. Милютинъ.—Яблоновый хребетъ.—Чита.—Губернаторъ Ильяшевичъ.—Старый храмъ бывшаго Читинскаго острога.—Дома семей декабристовъ.

15-го іюля 1881 г. съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Москву, отправляясь въ дальную командировку въ Сибирь и на островъ Сахалинъ [1]). Слѣдуя на Нижній-Новгородъ, Казань, Пермь и Екатеринбургъ, я, 27-го іюля, прибылъ въ Тюмень, откуда собственно, со слѣдующаго дня, начинается мое сибирское путешествіе.

---

[1]) Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта М. Н. Галкинъ-Враской былъ командированъ, по вы-

28-го іюля. На пароходѣ «М. Рейтернъ». Пароходство по рр западной Сибири устроено нѣкіимъ Колчинымъ, и послѣ его смерти завѣдываніе дѣломъ перешло къ нижегородскимъ купцамъ Курбатову и Игнатову. Рѣдко за кѣмъ въ новомъ дѣлѣ устанавливается такая репутація, которой пользуется Игнатовъ, по признаваемымъ за нимъ честности, знанію дѣла и заботѣ не объ одной лишь личной выгодѣ, но также и о пользѣ краю. Извѣстна особенная привязанность сибиряковъ къ своей родинѣ, но Сибирь, повидимому, и не однихъ туземцевъ привлекаетъ къ себѣ и роднитъ съ собою. Извилистая рѣка Тура гостепріимно приняла насъ въ свои сибирскія воды. Первая остановка была на станціи Артамоновой. Это первая сибирская небольшая деревня, съ часовней, съ хорошо обстроенными домами, крытыми тесомъ. При всѣхъ крестьянскихъ домахъ имѣется смежно такой же, какъ и изба, срубъ, гдѣ помѣщаются скотъ и всѣ хозяйственныя принадлежности. Постройки большею частію двухэтажныя. Дворы, за легкой изгородью, содержатся чисто. Въ Артамоновой была осмотрѣна арестантская баржа, слѣдующая на буксирѣ парохода. Впечатлѣніе хорошее. Подобная перевозка не оставляетъ желать лучшаго. Сопровождающіе арестантскую партію офицеръ конвойной стражи и докторъ дружно коротаютъ время, дѣля совмѣстно небольшую на баржѣ каюту и неся заботы, каждый по своей обязанности, далеко не легкой при составѣ арестантскихъ партій въ 700 человѣкъ. И офицеръ и докторъ располагаютъ къ себѣ.

При остановкахъ, нижнимъ чинамъ команды разрѣшается, по очереди, грузить дрова на нашъ пароходъ. Такимъ образомъ они заработываютъ нѣкоторую за это сумму, а необходимый при этомъ моціонъ, при караульной службѣ на баржѣ, обезпечиваетъ ихъ здоровье. Изъ числа арестантовъ было больныхъ всего 4 человѣка.

Я роздалъ дѣтямъ арестантовъ азбуки, а всѣмъ остальнымъ—книжки для чтенія, также евангелія и молитвенники синодскаго изданія.

29-го, въ середу, утромъ пристали къ Тобольску. У подножія высокой горы расположена бо́льшая часть города. На горѣ красиво высится кремль съ архіерейской усадьбой и со старинными церквами. Рядомъ влѣво—небольшой садъ съ обелискомъ въ память Ермака, а вправо зданія присутственныхъ мѣстъ. Далѣе по берегу высокій частоколъ укрываетъ за собою разныя арестантскія помѣщенія...

сочайшему повелѣнію императора Александра III, для изслѣдованія современнаго состоянія сибирской ссылки и каторги, въ виду необходимости принятія мѣръ къ упорядоченію и улучшенію этой части. Путь лежалъ первоначально черезъ всю Сибирь на Сахалинъ и оттуда на Владивостокъ, Китай, Японію и Монголію обратно въ сибирскія губерніи. Оффиціальный отчетъ по командировкѣ былъ, въ свое время, напечатанъ. Здѣсь же сообщается дневникъ болѣе частнаго характера. Ред.

Мѣстный архіерей, бывшій рязанскій викарій, жаловался на неудовлетворительность замѣщенія священническихъ вакансій: «изъ Рязани никто нейдетъ, здѣсь же достойныхъ мало». Къ вечеру пароходъ отчалилъ. За поворотомъ исчезъ изъ вида Тобольскъ, и намъ предстали живописные берега Иртыша. Возвышенныя прибрежья, съ залегающими какъ-бы въ ущельяхъ, луговинами, покрыты сплошь лѣсомъ. Пожаръ коснулся однако и здѣшнихъ пустынныхъ мѣстъ и опалилъ или сжегъ значительныя площади лѣсной тайги. Тамъ и сямъ, по обоимъ берегамъ Иртыша, встрѣчаются рыболовныя ватаги, съ разставленными сѣтями, виднѣются лачуги рабочихъ, а тутъ вотъ и лодка съ нѣсколькими изъ нихъ заводитъ неводъ многосаженной длины. Прекрасная погода вызывала къ работѣ. Обиліе и качество рыбы съ успѣхомъ вознаграждали работу, но самый промыселъ въ первобытномъ видѣ. Расположенныя изрѣдка, на громадныхъ разстояніяхъ, прибрежныя селенія отличаются видимой зажиточностію.

31-го іюля вошли въ Обь. Рѣка-море поглотила воды Иртыша и, не допуская преградъ своему разливу, несетъ свои вешнія воды среди плоскихъ однообразно-пустынныхъ береговъ. Ватаги и небольшія селенія встрѣчаются уже рѣже, да и сами берега уходятъ мѣстами въ такую даль, что ихъ не видно. По берегамъ, по преимуществу, растетъ тальникъ, надъ нимъ изрѣдка высится густою шапкою чернолѣсье, да въ просвѣтахъ чернѣетъ сибирскій кедръ. Такова приобская мѣстность. Въ примѣръ обилія рыбъ, можно привести, что на ватагѣ двухъ крестьянъ Замятиныхъ, изъ деревни Кушниковой, на рѣкѣ Оби, вылавливается до 4.000 осетровъ, вѣсомъ въ 3—4 пуда. Для отвоза рыбъ содержатся табуны лошадей до 300 и болѣе. Табуны эти пасутся лѣтомъ безъ всякаго надзора и лишь осенью ихъ загоняютъ въ селенія. Встрѣчающіеся по берегамъ остяки имѣютъ тутъ только лѣтніе пріюты на время рыболовства. Сооруженные изъ бересты шалаши укрываютъ ихъ отъ непогодъ. Они снимаютъ въ урванахъ съ толстыхъ, едва въ обхватъ, березъ бересту, проваривaютъ ее, сшиваютъ и устраиваютъ такимъ образомъ свои лѣтнія жилища. Добываемую же рыбу они сушатъ на воздухѣ, развѣшивая на протянутыхъ веревкахъ, и такія нити, съ нанизанною на нихъ рыбою, подобно паутинѣ, оплетаютъ занятыя ими прибрежныя мѣста. На зиму они свертываютъ эти берестовыя жилища и оставляютъ ихъ тутъ же, вмѣстѣ съ сѣтями-неводами и всѣми принадлежностями въ особо устроенныхъ деревянныхъ амбарушкахъ на высокихъ подпоркахъ, необходимыхъ на время разлива. На зиму остяки перебираются въ глубь къ берегамъ небольшихъ рѣчекъ-притоковъ, гдѣ и зимуютъ въ землянкахъ. Употребляемыя здѣсь лодки отличаются тою особенностью, что вся средняя часть прикрыта наглухо полукруглымъ низкимъ верхомъ съ

выходною у кормы дверью. Такимъ образомъ получается помѣщеніе, ограждающее отъ непогоды и удобное для сна.

1-го августа на высотѣ города Сургута. Въ разливъ суда подходятъ къ самому городу, теперь же до него верстъ съ 7-мь. Исправникъ выѣхалъ къ встрѣчѣ парохода. Это его единственное, еженедѣльное развлеченіе во время навигаціи. Въ Сургутѣ, съ 1.000 жителей, находится теперь до 8 политическихъ ссыльныхъ, административно высланныхъ по нѣкоторымъ дѣламъ, въ томъ числѣ по исторіи на площади Казанскаго собора. Изъ нихъ Фалинъ женился на дочери одного ссыльнаго, имѣющаго тутъ слесарное заведеніе, гдѣ и Фалинъ сталъ заниматься. Остальные тоже пристроились къ разнымъ мастерствамъ, за исключеніемъ Левина, который, по нахожденіи его отца на службѣ въ Томскѣ, стремится туда, о чемъ и ходатайствуетъ. Кстати о политическихъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ, въ секретной одиночной во дворѣ, при особомъ надзирателѣ, содержится Ѳоминъ, желавшій освободить Кропоткина и стрѣлявшій по жандармамъ. Одиночное заключеніе неблагопріятнаго вліянія на него не производитъ. Онъ здоровъ и никакихъ желаній не высказывалъ. Въ Тымскомъ селеніи и въ городѣ Нарымѣ, выше по Тоболу, находятся тоже политическіе-административные.

Приближаясь къ Томску, окрестныя мѣстности становятся разнообразнѣе, оживленнѣе. Тутъ имѣются значительныя селенія старовѣровъ, занимающихся пчеловодствомъ.

5-го августа, поздно вечеромъ, пароходъ всталъ на якорь у Томской пристани, въ 7—8 верстахъ отъ города. Дурная дорога, отсутствіе освѣщенія, темная ночь, таковы были условія переѣзда въ городъ. Я остановился по приглашенію, въ домѣ 80-лѣтняго старика, богатаго купца-вдовца Я. П. Петрова-Родіонова. Старикъ крайне симпатичный, умный, какъ говорится, бывалый, близко знакомый съ краемъ и населеніемъ. Первое впечатлѣніе при взглядѣ на него, когда онъ вышелъ меня встрѣтить, поддерживаемый лакеемъ,—было поражающее: до того онъ колоссаленъ. Въ немъ не менѣе 15—16 вершковъ. Огромная голова, широкія плечи и большая тучность—придаютъ ему монументальный видъ. Онъ вѣроятно замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и по этому поводу, за ужиномъ, разсказалъ, смѣясь, бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай, когда въ гостиномъ дворѣ, что противъ памятника Минина и Пожарскаго, онъ зашелъ въ лавку готоваго платья и пожелалъ купить для себя пальто. Приказчикъ, взглянувъ на него, побѣжалъ за хозяиномъ, а этотъ послѣдній обиженнымъ тономъ: — «что вы, помилуйте-съ, развѣ мы шьемъ платье на Минина и Пожарскаго». Повеселѣлъ отъ разсказа мой домохозяинъ и спрашиваетъ: не выпить ли «господскаго»? «того, что господа пьютъ»—смѣется старикъ. Такъ называлъ онъ шампанское.

На другой день, 6-го августа, въ день Спаса, въ 8 мъ часу, я былъ у обѣдни тутъ же, по сосѣдству, въ женскомъ монастырѣ, устроенномъ заботами покойной жены того же моего домохозяина. Затѣмъ слѣдовали обычныя посѣщенія, а потомъ въ тотъ же день я приступилъ къ осмотру и ревизіи тюремныхъ учрежденій. По пересыльной тюрьмѣ обратилъ на себя вниманіе старикъ-врачъ О. изъ бывшихъ сосланныхъ поляковъ, который снискалъ общее уваженіе своею исключительною заботливостію объ арестантахъ, ихъ семьяхъ и дѣтяхъ.

Изъ числа провожавшихъ меня при выѣздѣ 9-го августа изъ Томска и завтракавшихъ со мной за городомъ на лугу подъ деревьями, назову давняго, хорошаго знакомаго Н. Ив. Александрова, мѣстнаго жандармскаго губернскаго начальника, бывшаго въ томъ же званіи въ Ревелѣ за время моего губернаторства въ 1868—70 гг., и управляющаго казенной палатой М. А. Гилярова, старожила Сибири и лѣтъ 20-ть, если не болѣе, управляющаго палатой, человѣка почтеннаго, преданнаго интересамъ Сибири, любящаго и знающаго край. Онъ обратился ко мнѣ съ теплымъ словомъ, въ коемъ выражалъ надежду, что, независимо спеціальнаго характера моей командировки, она не останется безъ вліянія и на общіе вопросы Сибири. Въ благодарной памяти припоминались изъ бывшихъ генералъ-губернаторовъ: по восточной Сибири графъ Муравьевъ-Амурскій и по западной: генералы Гасфортъ и Хрущовъ (послѣдній, какъ честный, прямой человѣкъ-воинъ). Въ день отъѣзда, передъ самымъ выѣздомъ посѣтилъ меня на квартирѣ мѣстный епархіальный епископъ Петръ и благословилъ на дальній путь. Въ разговорѣ онъ коснулся извѣстнаго старца, Ѳеодора Кузьмича, умершаго незадолго передъ тѣмъ въ Томскѣ, въ своей кельѣ, во дворѣ дома купца Хромова. Обаяніе этого старца съ его кончиной все возростало. Онъ пользовался всеобщимъ почитаніемъ за его строго-отшельническую жизнь, обладалъ, какъ повѣствуютъ жители Томска, прозорливостію, вѣрно предугадывалъ событія. Бродяжническая жизнь его началась со второй половины 20-хъ годовъ и ей сопутствовала громкая легенда. Судя по его осанкѣ, росту, высотѣ стопы, взгляду и разговору, въ этомъ «непомнящемъ родства» мѣстные жители видѣли человѣка знатнаго и никого другаго, какъ императора Александра 1-го, яко бы, въ свое время, подмѣненнаго другимъ покойникомъ и съ обоюднаго согласія съ императрицей принявшаго на себя подвигъ скитальчества...

На переѣздѣ черезъ Маріинскъ и Ачинскъ въ Красноярскъ—восхищали прелестныя лѣсныя, гористыя мѣста, окаймлявшія дорогу. Тутъ тянется непроходимая сибирская тайга, сплошная до моря чаща лѣса. Въ Ачинскомъ уѣздѣ на границѣ Восточной Сибири, меня встрѣтили: енисейскій губернскій почтмейстеръ Рубецъ, губернскій архитекторъ Лоссовскій, исправникъ Ѳедоровъ (бывшій студентъ Московскаго университета) и

также инспекторъ ссыльнаго тракта, полковникъ Загаринъ. Генералъ-губернаторъ Анучинъ телеграммой мѣстному губернатору любезно поручалъ привѣтствовать меня на границѣ края и просилъ облегчить мой переѣздъ. Архитекторъ былъ необходимъ при осмотрѣ строительныхъ работъ и обсужденіи строительныхъ же предположеній по тюрьмамъ и попутнымъ этапамъ. Неудовлетворительность слѣдственной части и здѣшнихъ судебныхъ порядковъ вообще содѣйствуетъ крайнему переполненію тюремъ. Особенно значительно число судимыхъ за бродяжничество и безпаспортность. Пребываніе многихъ административныхъ въ различныхъ пунктахъ и пересылка политическихъ каторжныхъ особенно озабочиваютъ здѣшнюю администрацію и понятно почему: постоянныя изъятія и распоряженія то въ одномъ, то въ другомъ направленіи кого не собьютъ съ толку.

Выѣхавъ изъ Красноярска, 13-го августа въ 3 часа дня, я на слѣдующій день, къ вечернему чаю, пріѣхалъ на ночлегъ въ село Тинское, сдѣлавъ 300 верстъ. Не доѣзжая верстъ 100 до Тинской станціи, при посѣщеніи тюрьмы въ городѣ Каинскѣ, я нашелъ въ женскомъ отдѣленіи отставшую, за болѣзнью, отъ политической партіи жену административно-ссылаемаго въ Якутскую область Лёгкаго. Она вышла за него, во время его содержанія въ Харьковѣ, пожелавъ съ нимъ слѣдовать въ ссылку. Теперь же, сказавшись больной, осталась здѣсь, чтобы не сопутствовать мужу. Это была женщина очень молодая, миловидная, съ живымъ, умнымъ выраженіемъ и видимо благовоспитанная.—Я не желаю съ нимъ ѣхать,—говорила она мнѣ. Нашъ бракъ фиктивный. Онъ мнѣ выдалъ билетъ на свободное проживаніе. Я вольна ѣхать куда хочу. Я желала бы ѣхать на Кару (въ Забайкальѣ, гдѣ имѣется спеціальная тюрьма для политическихъ арестантовъ).

— Вашему мужу—отвѣчалъ я—назначена мѣстопребываніемъ Якутская область.

— Да, но я, право, не могу и не хочу ему сопутствовать. Развѣ на Карѣ нельзя жить, туда же ѣдетъ Дмоховская (сестра ссыльно-каторжнаго).

— Она получила,—поясняю я,—особое разрѣшеніе замѣнить мать, больную, старую женщину, которая и по правиламъ могла бы тамъ жить при сынѣ. Вы же не имѣете тамъ ни брата, ни сына.

— Я желаю выдти замужъ.

— Для этого предварительно нуженъ разводъ, да имѣетъ ли право на бракъ тотъ, за котораго вы теперь собираетесь выдти замужъ?

— Да, онъ оканчиваетъ каторгу.

— Кто же это?

— Войноральскій.

— Вѣдь онъ женатъ Я помню его молодую жену, разрѣшившуюся

отъ бремени въ Саратовской тюремной больницѣ, при заарестованіи ея съ мужемъ.

— Они развелись.

— Какъ же такъ быстро располагаете вы собой: то выходите замужъ—фиктивно, говорите вы, то сопровождаете мужа, то бросаете его, узнавъ лишь въ дорогѣ Войноральскаго, рѣшаете разводъ и, не начавъ еще дѣла и не получивъ развода, собираетесь уже за другаго, мѣняете въ своихъ предположеніяхъ Якутскъ на Кару, не зная даже, разрѣшается ли тамъ жить. Какъ же это такъ?

Въ отвѣтъ—слезы, а затѣмъ, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ:

— Я лучше уѣду въ Россію, только не съ мужемъ, я его убью, если насъ соединятъ.

— Просите о разрѣшеніи вернуться. Подобныя ходатайства обыкновенно разрѣшаются. Подайте просьбу генералъ-губернатору.

Вотъ одинъ изъ многихъ печальныхъ случаевъ изъ жизни этихъ лицъ.

За Тинской станціей слѣдовала Ключинская, куда я пріѣхалъ, послѣ ночлега, часовъ въ 8 утра. Здѣсь на этапѣ дневали двѣ, соединенныя въ предѣлахъ Восточной Сибири въ одну, высланныя въ послѣднее время, политическія партіи, одна—изъ Мценска съ Дмоховскимъ, Войноральскимъ, Мышкинымъ во главѣ; другая — изъ Петропавловской крѣпости съ Зунделевичемъ, Бухомъ и др. Были и женщины. Нѣкоторые мужчины во дворѣ стирали бѣлье, другіе—чистили картофель. Въ большой камерѣ, гдѣ помѣщались они, Дмоховскій обратился ко мнѣ (я его уже зналъ по Харьковской централкѣ, какъ называются ими Бѣлгородская и Борисоглѣбская тюрьмы), съ просьбой отъ имени всѣхъ. Перечень пожеланій на небольшомъ листкѣ бумаги онъ держалъ въ рукѣ. Первое заявленіе заключалось въ томъ, что, при дороговизнѣ хлѣба, 10 коп. кормовыхъ для непривилегированныхъ не достаточно. Дѣйствительно, 1 фунтъ хлѣба продавался по 4 коп. и даже по 5-ти. Въ Иркутской губерніи, куда имъ предстояло затѣмъ перейти, кормовая плата была уже возвышена до 18 коп. Потомъ интересовались знать—всѣхъ ли каторжныхъ помѣстятъ на Карѣ, или же въ разныхъ мѣстахъ; отбывшихъ каторгу—освободятъ ли тотчасъ и т. под. вопросы, вызывавшіе на объясненія. Наконецъ, отдѣльно отъ другихъ, тотъ же Дмоховскій просилъ за упомянутую Лёгкую, которая, какъ оказалось, была его двоюродною сестрой, чтобы не соединяли ее съ мужемъ и дали ей возможность возвратиться на родину. Между тѣмъ, Лёгкій тоже отсталъ отъ партіи и хотя позднѣе жены, но былъ возвращенъ въ Каинскъ, такъ какъ по правиламъ пересылки не слѣдовало разлучать супруговъ. Противу этого Лёгкаго возстали въ партіи, и,—какъ писалъ Лёгкій къ инспектору пересылки арестантовъ, — его стали

подозрѣвать въ измѣнѣ. Тутъ вообще возникли поводы къ сомнѣніямъ, какъ равно и въ цѣли устраненія Лёгкой отъ ея мужа, въ виду несомнѣннаго ея легкомыслія...

Дальнѣйшій путь лежалъ по Иркутской губерніи.

Сравнивая съ пройденнымъ уже пространствомъ, приходишь къ заключенію, что общее благосостояніе сибирскихъ селеній почти повсемѣстно одинаково, равно дѣловиты волостныя и сельскія власти, одинаково тяжелы повинности по устройству и содержанію дорогъ, та же дороговизна почтовой гоньбы и тѣ же крайне запущенные этапы и полуэтапы и т. п. Такъ, рядомъ съ приглядными сторонами жизни, укладываются немощи управленія, но какъ таковыя ни велики, онѣ не подорвали силъ населенія и не убили вѣры въ предстоящій расцвѣтъ этого забытаго пока края...

Прежде, чѣмъ занести въ дневникъ мой пріѣздъ въ Иркутскъ, упомяну о попутномъ полуэтапѣ Тулинскомъ, который я нашелъ въ такомъ разрушенномъ, буквально, положеніи, что счелъ нужнымъ предупредить телеграммой генералъ-губернатора о необходимости миновать его при предстоявшемъ слѣдованіи политической партіи ссыльныхъ. Кстати о препровождаемыхъ партіяхъ. Я встрѣчалъ и осматривалъ въ пути слѣдовавшія партіи каторжныхъ. Идутъ они терпѣливо, благопріятная погода придаетъ имъ бодрость духа. Конвойные ведутъ ихъ въ порядкѣ. Идутъ же нѣкоторые босыми, дотого дурны коты (обувь арестантская), которыми они были снабжены. Арестанты чинятъ ихъ въ пути, но наконецъ они разваливаются окончательно. Заболѣвающіе въ пути арестанты задерживаются въ городахъ въ тюремныхъ больницахъ и еще при 3-хъ этапахъ, гдѣ имѣются военные лазареты и медицинскій надзоръ. Такимъ образомъ возможно пользоваться медицинскою помощью черезъ каждыя 200 верстъ. Для облегченія слѣдованія имѣются при каждой партіи конныя подводы для женщинъ, дѣтей и немощныхъ.

18-го августа, передъ самымъ прибытіемъ въ Иркутскъ, я свернулъ съ почтовой дороги въ сторону—въ Усольскій солеваренный заводъ, гдѣ работаютъ каторжные, разряда исправляющихся, доставляе-мые туда изъ смежной Александровской каторжной тюрьмы. Усольскія варницы, принадлежа казнѣ, сданы съ торговъ, съ обязательствомъ употребленія каторжныхъ на работы по добыванію соли. Для надзора командированы на заводъ пять казаковъ. По совершенной неожиданности моего непредвидѣннаго въ этотъ разъ пріѣзда, пришлось ознакомиться съ обыденнымъ положеніемъ дѣла. Оказалось, что въ отношеніи содержанія рабочихъ-каторжныхъ не установлено никакихъ указаній. Они лишь сносятся со счетовъ казны, поступая на частное довольствіе; казаки же были очень озадачены вопросомъ—въ чемъ заключаются ихъ обязанности. Во время казеннаго управленія, существовала при заводѣ боль-

шая казарма для помѣщенія рабочихъ изъ каторжныхъ. Ссыльные поляки были тогда (въ 30—40-хъ годахъ) пріурочены къ этому дѣлу. Казарма эта теперь пустуетъ. Арестанты же, называемые коротко—рабочими, живутъ въ селеніи, смежномъ съ варницами, въ своихъ, или наемныхъ домахъ, вмѣстѣ съ своими семьями, носятъ одинаковое съ рабочими платье (очень распространенныя здѣсь блузы), заняты, по преимуществу, перевозкою соли, заготовленіемъ дровъ, сплавомъ ихъ, словомъ, ведутъ жизнь вольныхъ рабочихъ. Если кто изъ нихъ бѣжитъ, и когда замѣтятъ, сообщаютъ мѣстному становому, выждавъ обыкновенно нѣкоторое еще время, въ ожиданіи, не вернется ли самъ. Кормитъ ихъ заводское управленіе хорошо. Для заболѣвающихъ имѣется больница. Заработокъ достигаетъ до 15-ти руб. и болѣе въ мѣсяцъ. Одновременно была осмотрѣна мною, находящаяся въ сосѣдствѣ съ заводомъ, Александровская каторжная тюрьма, перестроенная изъ казеннаго винокуреннаго завода. Подробную ревизію, за недостаткомъ времени, пришлось отложить до зимняго пребыванія въ Иркутскѣ. Здѣсь упомяну только, что при тюрьмѣ имѣется кирпичный заводъ и что арестанты изъ выдѣлываемаго кирпича возводятъ нѣкоторыя постройки. Производятся также и другія различныя работы, по частнымъ заказамъ. Одѣвають же и обуваютъ арестантовъ съ подряда, за дорогую большею частью цѣну, какъ и во вообще всѣхъ сибирскихъ тюрьмахъ, хотя среди директоровъ мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій имѣются желающіе заниматься тюремнымъ хозяйствомъ. Въ числѣ 600 заключенныхъ въ тюрьмѣ оказалось 130 чел. немощныхъ всякаго рода: слѣпыхъ, калѣкъ, одряхлѣвшихъ по старости, коимъ всѣмъ мѣсто въ богадѣльнѣ.

19—21-го августа. Иркутскъ. Вслѣдствіе отхода срочнаго байкальскаго парохода 21-го августа, здѣсь предстояло мнѣ пробыть менѣе 2-хъ сутокъ. День 19-го августа прошелъ въ обычныхъ взаимныхъ посѣщеніяхъ и ознакомленіи съ нѣкоторыми дѣлами. Д. Г. Анучинъ высказалъ мнѣ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, островъ Сахалинъ наиболѣе пригоденъ для поселеній, такъ какъ работъ собственно каторжнаго разряда тамъ не много. 20-го августа—осмотръ тюремъ и пріюта арестантскихъ дѣтей. Послѣдній, благодаря щедротамъ и заботамъ мѣстныхъ дамъ-директрисъ, съ Ю. И. Базановой во главѣ, устроенъ прекрасно и вполнѣ благоденствуетъ. Предполагается завести при немъ особое отдѣленіе для еврейскихъ дѣтей.

Обѣдомъ, въ радушной семьѣ генералъ-губернатора Анучина, закончилось мое пребываніе въ Иркутскѣ. Большой, во весь ростъ, портретъ Державина, въ собольей шубѣ, съ такой же мѣховой шапкой на головѣ, сидящаго у подножія скалы, въ виду Иркутска и блестящихъ водъ Ангары,—занимаетъ одну изъ стѣнъ столовой. Переданная мнѣ исторія

этого портрета та́, что Державинъ, получивъ отъ сибиряковъ въ даръ собольи шубу и шапку (по какому поводу—неизвѣстно)—прислалъ этотъ портретъ, украшающій теперь помѣщеніе генералъ-губернаторскаго дома.

Я выѣхалъ въ ночь на 21-е августа и быстро миновалъ 60-ти-верстное пространство до Листвяничной. Пароходъ былъ подъ парами и ровно въ 6 часовъ отчалилъ отъ берега. Погода казалась въ началѣ благопріятной, но вскорѣ измѣнилась, такъ что изъ предосторожности было рѣшено бросить якорь, не доходя противоположной пристани Боярской, въ дер. Клюевой, такъ какъ станція Боярская, при прибоѣ въ ея сторону, вслѣдствіе каменистаго грунта, не безопасна для причала. Въ Клюевой нашлись, по счастью, необходимыя три тройки, и я могъ безостановочно продолжать путь съ моимъ спутникомъ П. А. Титовымъ[1]) и сопровождающимъ меня помощникомъ управляющаго почтовой частію въ Восточной Сибири, только-что переведеннымъ изъ Бердянска, симпатичнымъ Н. П. Фабриціемъ. При мнѣ находился еще курьеръ Зайцевъ. Путь лежалъ по выбитой мѣстами въ скалахъ дорогѣ. А что сказать про Байкалъ? Огромная котловина, обрамленная высокими горами, съ могучими, всегда бушующими волнами—полна величія. Окрестныя же мѣста, по Круго-Байкальскому пути, то дики и угрюмы съ покрывающими горы хвойными лѣсами, то крайне привлекательны, когда горы, отходя въ сторону, дають мѣсто ровной поверхности, покрытой кустарникомъ и густой цвѣтистой зеленью. Все еще такъ свѣжо, что не вѣрится наступающей осени. Говорятъ—не въ примѣръ благопріятный годъ. Слава Богу! Путь до Сахалина еще долгій.

22-го августа, Верхнеудинскъ. Пріятное впечатлѣніе производитъ новая строющаяся тюрьма. Когда же потомъ я осмотрѣлъ теперешнюю, старую тюрьму, то невольно задался вопросомъ: зачѣмъ строится новая, когда старая настолько еще сносна, что съ помощью построеннаго во дворѣ, на случай переполненія, барака—могла бы смѣло ждать замѣны новою, пока не замѣнятся другія, приходящія уже въ дѣйствительное разрушеніе. Новое доказательство необходимости личной на мѣстахъ провѣрки поступающихъ представленій, по сравненіи съ общимъ положеніемъ дѣла. Здѣсь же я узналъ о существованіи пріюта для арестантскихъ дѣтей, о которомъ у насъ, въ тюремномъ управленіи,—не имѣлось свѣдѣнія. Прекрасное, принадлежащее пріюту, въ отдѣльномъ домѣ, съ надворными постройками, помѣщеніе, хорошая внутренняя обстановка,

[1]) Павелъ Александровичъ Титовъ, дѣлопроизводитель и впослѣдствіи инспекторъ главнаго тюремнаго управленія, состоялъ при мнѣ въ качествѣ секретаря. Нынѣ въ отставкѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, хозяйничаетъ въ своемъ имѣніи, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

здоровый, веселый видъ дѣтей,—все это радуетъ и вмѣстѣ изумляетъ: какъ это здѣсь, въ небольшомъ городкѣ, въ такой дали и, такъ сказать, втихомолку могло возникнуть и упрочиться подобное заведеніе, которыхъ не много, къ сожалѣнію, и въ большихъ центрахъ. Возникло же оно по мысли и при дѣятельномъ содѣйствіи Бориса Алексѣевича Милютина, брата двухъ столь извѣстныхъ нашихъ историческихъ дѣятелей, за время его службы въ Сибири и временнаго управленія Забайкальской областью, при участіи и сердечномъ отношеніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей и въ особенности врача Казанскаго, который и теперь находится тутъ на службѣ.

Здѣшняя мѣстность богата хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Хлѣбъ теперь только-что собрали. Селенія же обстроены бѣднѣе, чѣмъ по главному сибирскому тракту. Тутъ уже встрѣчаются братскія-бурятскія юрты. Картина оживляется съ приближеніемъ къ Яблоновому хребту. Перевалъ главнаго хребта достигаетъ 4.000 футъ. Неподалеку, въ песчаной котловинѣ пріютился областной городъ Чита. 24-го августа, поздно вечеромъ въѣхалъ я въ Читу. Радушно встрѣченный старымъ знакомымъ по астраханской-ветлянской чумѣ (1878—79 гг.) Л. Ив. Ильяшевичемъ [1]), здѣшнимъ губернаторомъ, и его женой, Аделаидой Ивановной, я помѣстился у нихъ въ саду въ прекрасно отдѣланной, убранной коврами и обставленной мебелью юртѣ (по-киргизски кибитка). Былъ 11-й часъ. Чай былъ приготовленъ на террасѣ дома, выходившей въ садъ. Было хорошо, даже тепло. При свѣтлой, лунной ночи, ярко выступали окружающія городъ горы, а вдали, какъ бы изъ-за тумана, выяснялись очертанія Яблоноваго хребта.

25-го августа утромъ, осмотрѣвшись кругомъ, въ своемъ новомъ жильѣ, съ удовольствіемъ убѣдился, что мой заботливый хозяинъ не только служебной исполнительностью, но и примѣромъ по домашнему хозяйству, призванъ, повидимому, оказать услугу далекому краю. Съ ранняго утра, онъ уже съ садовникомъ и рабочими возился въ разводимомъ при домѣ саду - огородѣ. Рядомъ, на площади, слышатся командныя слова, идетъ смотръ новичкамъ-новобранцамъ, казакамъ, передъ роспускомъ ихъ по домамъ, для осеннихъ работъ. Бурятскій мальчикъ лѣтъ 13-ти, въ красной рубашкѣ, толково передаетъ, что генеральша проситъ пить чай. Оказывается, что Аделаида Ивановна взяла

[1]) Ген. шт. ген.-м. Ильяшевичъ состоялъ въ 1879 году въ распоряженіи бывшаго временнаго астраханскаго, саратовскаго и самарскаго генералъ-губернатора, генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, при исполненіи имъ высочайшаго порученія по примѣненію мѣръ къ прекращенію обнаружившейся въ Астраханской губерніи „заразы“ и къ предупрежденію дальнѣйшаго ея распространенія на другія мѣста. Я былъ въ это время Саратовскимъ губернаторомъ и по порученію графа Лорисъ-Меликова предсѣдательствовалъ въ учрежденной при немъ совѣщательно-санитарной коммиссіи, въ числѣ членовъ коей находился и ген. Ильяшевичъ

въ домъ осиротѣлыхъ дѣтей бѣдныхъ бурятъ, двухъ мальчиковъ и ихъ сестру. Мальчики прислуживаютъ за столомъ, а дѣвочка служитъ за горничную. Они уже выучились говорить по-русски. Мальчики ходятъ, по-очереди, въ школу, а дѣвочка учится грамотѣ дома.

День прошелъ въ осмотрѣ мѣстныхъ тюремныхъ помѣщеній.

26-го августа былъ въ старой церкви бывшаго Читинскаго острога, построенной при переводѣ сюда декабристовъ. Престарѣлый священникъ, бывшій въ то время причетникомъ, показывалъ мнѣ эту церковь. Храмъ двухэтажный. Въ нижней церкви, передъ клиросомъ, помѣщенъ большой образъ—«Снятіе со Креста», работы декабриста Андреева. При церкви нѣсколько могилъ. Дома семействъ декабристовъ окаймляли церковную площадь.

II.

Нерчинскъ.—Коммерціи совѣтникъ Бутинъ.—Срѣтенскъ.—Пароходъ „Ингода“.—Рѣка Шилка.—Семь смертныхъ грѣховъ.—Усть-Кара.—Рѣка Амуръ.—Резиденція золотоносныхъ пріисковъ.—Благовѣщенскъ.—Мѣстные дезидераты.—Поселокъ Марьино.—Станица Михайло-Семеновская.—Хабаровка.—Генералъ Барановъ и полковникъ Барабашъ.—Разливъ Амура.—Шквалъ.—Гиляцкій поселокъ.—Николаевскъ.—Иностранные коммерсанты.—Шхуна „Ермакъ“.

28-го августа утромъ послѣдовалъ отъѣздъ изъ Читы, на Нерчинскъ, въ Срѣтенскъ, откуда срочный пароходъ въ Хабаровку [1]) долженъ былъ отойти 1-го сентября.

Остановка въ Нерчинскѣ, въ домѣ коммерціи-совѣтника Бутина, доставила мнѣ случай познакомиться съ этой замѣчательной по предпріимчивости и энергіи личностью. Чѣмъ только не занимается онъ. У него имѣются и золотые пріиски, и желѣзодѣлательный заводъ, и винокуренные заводы; производится торговля краснымъ товаромъ по всей Восточной Сибири; изготовляются сельско-хозяйственныя орудія, строятся пароходы; заведены имъ начальныя школы для обученія дѣтей своихъ служащихъ; имѣется и собственный оркестръ съ музыкальной школой, состоящей въ вѣдѣніи императорскаго музыкальнаго общества. Въ домашней библіотекѣ собрано все касающееся Сибири и сосѣднихъ странъ. Изслѣдованіе пути въ Китай на Далай-Норъ принадлежитъ ему. И все это было предпринято и сдѣлано, благодаря дарованіямъ, силѣ воли и самообразованію, завершенному поѣздками въ Западную Европу и въ Америку (для изученія шахтовой добычи золота).

---

[1]) Нынѣ Хабаровскъ.

1-го сентября, Срѣтенскъ. На пароходѣ «Ингода» Амурскаго товарищества, перевозящаго на баржахъ арестантовъ и войска, отошли мы отъ Срѣтенска днемъ 1-го сентября. Пароходъ напоминаетъ небольшіе Самолетскіе, довольно удобенъ, дѣлаетъ по теченію до 20-ти всего верстъ въ часъ. Шилка быстро катитъ свои воды между горъ, которыя мѣстами, своими отвѣсными голыми утесами, какъ бы силятся сжать ее. Мѣстность между Горбицей и Покровской въ преддверіи Амура—недаромъ прозвана «семью смертными грѣхами». Къ вечеру встали на якорь у Усть-Кары. Отсюда ведетъ дорога къ карійскимъ промысламъ, гдѣ работаютъ каторжные. Тутъ имѣется и спеціальная тюрьма для осужденныхъ за политическія преступленія.

Приближаясь къ Албазину, Амуръ расширяется, становится величественнѣе. Мы пріостановились у такъ-называемой резиденціи Джаландскихъ золотоносныхъ пріисковъ Бенардаки-Каншина и К°. Тутъ на берегу помѣщается собственно управленіе, производятся пріемъ и роспуски рабочихъ, самые же пріиски находятся въ 100 верстахъ. Эти пріиски изъ наиболѣе крупныхъ въ краѣ. Мы выходили на берегъ, осматривали помѣщенія рабочихъ. Казармы хороши, содержатся чисто, люди спятъ на нарахъ. Ежедневно—мясная пища, обильная и хорошая. Указывали на затрудненія въ пріобрѣтеніи рыбы, и это у берега богатой рыбою рѣки.

5-го сентября у Благовѣщенска. Совершенно отлогое побережье. Въ 8 час. вечера пристали къ городской набережной. Тепло. По поводу осмотра здѣшней тюрьмы-этапа не могу не упомянуть и здѣсь, что въ ней не имѣется вовсе запаса казеннаго платья и бѣлья: два или три выслужившихъ сроки кафтана и только. Тутъ оказалось до 80-ти женщинъ, направляемыхъ на Сахалинъ.

Начальникъ телеграфнаго округа указывалъ на необходимость устройства колеснаго почтоваго пути вдоль телеграфной линіи (пока имѣется только тропа). Устройство дороги отъ Софійска къ заливу де-Кастри признается также мѣрою необходимою, въ интересахъ торговли, равно какъ улучшеніе сообщенія отъ Камня-Рыболова къ Владивостоку, пока же этотъ путь, по мѣстному выраженію, фиктивный.

6-го сентября, въ 12-мъ часу дня, пароходъ отчалилъ отъ Благовѣщенска. 7-го сентября мы встали на ночлегъ (здѣшніе пароходы ночью не ходятъ) у новаго поселка «Марьино». Взошли на высокій берегъ и обошли поселокъ, отдѣлившійся отъ прекрасной станицы Раддевки, носящей имя ученаго изслѣдователя здѣшнихъ мѣстъ, Радде. Въ избѣ, въ которой покупали для нашего стола цыплятъ, яйца и картофель, теплился ночникъ, дѣти уже спали на-полу, было чисто, внутри выбѣлено, въ одномъ углу стояла прялка, въ другомъ—былъ установленъ жерновъ для перемола хлѣба. Это еще временное жилище. Пе-

ребрались сюда крестьяне, вслѣдствіе того, что въ Раддевкѣ усадебныя мѣста ихъ въ разливъ потопляло, почему они, въ числѣ нѣсколькихъ домовъ, предпочли переселиться сюда, по сосѣдству же, но на болѣе возвышенный берегъ. Тутъ же предлагали намъ купить лѣсные грецкіе орѣхи и виноградъ мелкій, черный, оказавшійся кислымъ. Вечеръ былъ прелестный, лѣтній, и такъ все время погода благопріятствуетъ путешествію.

9-го сентября. Приближаемся къ Хабаровкѣ, новому центру Приморской области. Вчера ночлегъ былъ у станціи Михайло-Семеновской (такъ прозванной въ честь генералъ-губернатора Михаила Семеновича Корсакова). Деревья въ два ряда, въ видѣ набережной, окаймляютъ селеніе вдоль берега. Скромная церковь, обсаженная внутри изгороди деревьями, привѣтливо выглядываетъ изъ-за нихъ; вся станица въ зелени, на окнахъ цвѣты, тамъ-сямъ виднѣются освѣщенныя лампами жилища. Ночь свѣтлая, теплая, и все пароходное населеніе на берегу.

9-го сентября въ 4-мъ часу пароходъ бросилъ якорь у Хабаровской пристани. Военный губернаторъ О. Г. Барановъ со всѣми чинами оказали мнѣ вниманіе встрѣчею на пристани, и такъ какъ до отхода парохода, въ Николаевскъ оставалось болѣе сутокъ, то, пользуясь любезнымъ приглашеніемъ губернатора, я переѣхалъ, на это время, къ нему въ домъ. Генералъ Барановъ, холостой, съ молодыхъ лѣтъ служащій въ здѣшнихъ мѣстахъ и только во время послѣдней войны находился на Кавказѣ, подъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова, въ званіи помощника начальника штаба. Здѣшній начальникъ штаба, полковникъ Барабашъ, тоже съ давнихъ поръ въ краѣ. Близкое знакомство ихъ обоихъ съ краемъ и сосѣдними мѣстностями, при громадномъ запасѣ собранныхъ ими свѣдѣній, придаютъ бесѣдѣ съ ними большой интересъ. Я. О. Барабашу предстояла еще тогда рекогносцировочная поѣздка въ глубь Манчжуріи. Бесѣда вертѣлась все около одного и того же предмета—Амура, но не того, который служитъ излюбленной темой вкусныхъ трапезъ, а того именно, который далъ и имя, и жизнь, и значеніе здѣшнему краю. Хабаровка, находясь на перекресткѣ водныхъ сообщеній съ Николаевскомъ по Амуру съ одной стороны и съ Владивостокомъ по Уссури съ другой—несомнѣнно призвана играть роль торговую; въ административномъ же отношеніи, по своему положенію, представляетъ большое значеніе. Новый городъ этотъ строится со всѣхъ концовъ, работа кипитъ. Вмѣстѣ съ вольными рабочими-китайцами, работаютъ и каторжные, которыхъ въ будущемъ году предполагается сосредочить здѣсь до 500 человѣкъ.

10-го сентября на пароходѣ «Ононъ» пошли внизъ къ городу Николаевску. Рѣка по теченію постепенно расширяется, доходя примѣрно до 7 верстъ въ ширину. Разливъ этого года, подобный навод-

ненію, простирался до спада водъ мѣстами на 100 верстъ, все сѣно было унесено; пострадали и нѣкоторыя селенія. Погода продолжаетъ благопріятствовать. Сегодня въ тѣни не менѣе 20°.

13-го сентября вечеромъ набѣжалъ шквалъ; старый пароходъ, едва выгребая, долженъ былъ укрыться за горой у одного гиляцкаго поселка. Вой массы собакъ встрѣтилъ насъ, а запахъ вяленой кеты такъ и обдалъ. Сошли на берегъ. Публика и матросы наиболѣе заинтересовались двумя медвѣжатами, откармливаемыми въ 2-хъ отдѣльныхъ запертыхъ помѣщеніяхъ. Ихъ откармливаютъ обыкновенно до января, когда устраиваются мѣстныя празднества: сначала медвѣдей водятъ, потѣшаются съ ними, а затѣмъ изъ лука застрѣливаютъ ихъ и съѣдаютъ. Собаки, въ огромномъ числѣ, привязанныя къ жердямъ, служатъ здѣсь для зимней ѣзды. Ихъ кормятъ рыбой. Мѣстныя жилища низкой постройки. Отопленіе въ нихъ устроено слѣдующимъ образомъ: печь въ углу избы, и труба отъ нея идетъ вдоль стѣнъ подъ низкими нарами кругомъ до противоположнаго угла, гдѣ черезъ стѣну выведена наружу. Въ одной избѣ годовалый ребенокъ качался въ своеобразной люлькѣ. Представьте себѣ спелененнаго ребенка въ стоячемъ положеніи, помѣщеннаго въ продолговатый лубокъ, держащійся двумя концами веревки (отъ верха и низа лубка), прикрѣпленными однимъ концомъ къ потолку, а другимъ къ нарѣ у стѣны. Лубку дано наклонное положеніе. Ребенокъ, ножками подталкивая лубокъ, качается. Въ такомъ положеніи ребенокъ остается подолгу совершенно одинъ.

Съ разсвѣтомъ 14-го сентября, оставили гиляковъ и направились къ Николаевску. Небо прояснилось и обѣщало хорошій день. Рано утромъ пристали къ берегу. Я началъ съ осмотра арестантскаго помѣщенія, потомъ прошелъ въ церковь, гдѣ шла литургія, и лишь послѣ обѣдни въ отведенную мнѣ квартиру у г. Шенка, финляндскаго уроженца. Принялъ приглашеніе на обѣдъ, на который собрались всѣ иностранные коммерсанты: американецъ, пруссакъ и др., ведущіе здѣсь торговыя дѣла. Бесѣда была оживленная. Въ дѣлѣ торговомъ, указывалось на небрежность будто бы добровольнаго флота въ доставкѣ грузовъ, происходящую сколько отъ перегрузки въ Владивостокѣ, столько же и главнымъ образомъ отъ дурной русской укладки вообще. За Николаевскомъ признается торговое значеніе, имѣющее остаться навсегда. Въ этомъ году на его рейдѣ было 17-ть большихъ судовъ. Неудобство, проистекающее отъ перегрузокъ, устраняетъ, будто бы, необходимость проведенія дороги отъ залива де-Кастри къ Софійску, что̀ сократило бы между тѣмъ путь.

15-го сентября. Утромъ на шхунѣ «Ермакъ» вышли въ море по направленію къ острову Сахалину, конечному пункту моей командировки.

III.

Татарскій проливъ, или проливъ Невельского.—Сахалинскій паровой баркасъ.— Прибытіе на Сахалинъ.— Подполковникъ князь Шаховской.—Постъ Дуэ.—Помѣщеніе.—Постройки.—Каменноугольныя копи.—Работы.—Школа.—Дѣти.—Болѣзненность.—Селеніе Александровское.—Сельско-хозяйственная выставка.—М. С. Мицуль.—Жонкьеровскій туннель.—Объѣздъ поселеній.—Обиліе рыбы.—Японскія ватаги.—Дербентскія рыбалки.—Паровая солеварня.—Приходъ клипера „Абрекъ".—Переѣздъ на клиперъ.—Условія передвиженія.—Анивскій заливъ.—Южный Сахалинъ.—Постъ Корсаковъ.—Объѣздъ мѣстъ подъ поселенія.—Персоналъ служащихъ.— Ихъ жены.—Уходъ въ открытое море.—Заливъ св. Ольги.—Казачій постъ.—Манзы.—Манзовскій поселокъ.—Занятія.—Отсутствіе русскихъ рабочихъ.—Владивостокъ.—Рейдъ.—Чествованія.—Посѣщеніе начальника манчжурской области.—Вызывающій образъ дѣйствій.—Сообщеніе по Уссури и Амуру.—Прекращеніе пароходства.—Указаніе министра внутреннихъ дѣлъ.—Возвратный путь на Японію и Китай.

Мы шли Татарскимъ проливомъ, иначе прозваннымъ «проливомъ Невельского» по славному имени того отважнаго моряка-капитана, впослѣдствіи адмирала, который первый изслѣдовалъ теченіе рѣки Амура, поднялся до ея устья и на свой страхъ водрузилъ русское знамя на мѣстѣ, гдѣ теперь гор. Николаевскъ. Таково было начало занятія края...

Мы шли при благопріятной погодѣ, съ малой парусностію, и дѣлали до 11-ти узловъ. 16-го сентября, на разсвѣтѣ, встали у поста Дуэ. Начальникъ Сахалина, подполковникъ князь Шаховской, съ камеръ-юнкеромъ фонъ-Флотовымъ [1]), командированнымъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ заблаговременно на островъ, для подготовленія необходимыхъ по острову свѣдѣній, вышли на встрѣчу на паровомъ сахалинскомъ баркасѣ. Я тотчасъ же перешелъ на баркасъ, и съ небольшимъ черезъ полчаса мы благополучно пристали къ деревянной пристани поста Дуэ, съ рельсовымъ путемъ, ведущимъ къ казеннымъ складамъ и магазинамъ. Кн. Шаховской помѣстилъ насъ въ своемъ домѣ. Небольшое уютное помѣщеніе у моря, прилично обставленное мѣстными средствами, т. е. сдѣланною тутъ же мебелью и пр., сразу располагало къ себѣ. Хорошее помѣщеніе и возможность удовлетворенія наиболѣе настоятельнымъ потребностямъ—имѣютъ громадное значеніе для жизни въ отдаленномъ краѣ, и къ достиженію этихъ условій, въ интересахъ личнаго состава служащихъ, необходимо стремиться. Отъ дома начальника

[1]) Нынѣ баронъ Гершау-Флотовъ, по оставленіи службы въ главномъ тюремномъ управленіи, состоитъ коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Курляндской губерніи и по придворному вѣдомству въ званіи камергера.

острова, вверхъ въ гору, тянется прямая улица, по сторонамъ которой расположены дома чиновниковъ. Въ концѣ улицы деревянная церковь, и отъ нея вправо гауптвахта съ воротами, служащими преддверіемъ арестантскихъ помѣщеній.

Постъ Дуэ лежитъ между мысами Х а д ж и—къ югу и Д у э къ сѣверу. Прибрежье между мысами состоитъ изъ холмовъ въ 200—300 футъ высотою. Къ морю спускаются они круто съ яснымъ обозначеніемъ наслоеній почвы. Наслоенія эти расположены большею частію наклонно къ горизонту и имѣютъ цвѣта желтоватый, сѣроватый и изрѣдка красноватый; между ними чернѣютъ блестящія полосы каменнаго угля. Суда могутъ подходить не ближе 5 саж. глубины—весною и лѣтомъ не позже половины сентября. Рѣчка Дуйка, впадающая за мысомъ Жонкьеръ въ Александровскую бухту, можетъ служить для укрытія судовъ, сидящихъ не глубже 6-ти футъ.

Большинство находящихся здѣсь арестантовъ занято исключительно добычей каменнаго угля. Остальные расходуются на разныя хозяйственныя занятія. При посѣщеніи школы арестантскихъ дѣтей, было весело смотрѣть на нихъ: такой у нихъ здоровый и бодрый видъ. Вообще, по отзыву врачей и по имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ, болѣзненность среди арестантовъ незначительная и порождается главнымъ образомъ тѣснотою помѣщенія и неудовлетворительностью пищи; собственно же климатическія условія скорѣе благопріятны.

18-го с е н т я б р я мы ѣздили верхомъ въ сосѣднее селеніе Александровское, куда будетъ перенесено управленіе островомъ. Здѣшніе Александровскій и Тымовскій раіоны, вмѣстѣ съ южнымъ Сахалиномъ, составляютъ тѣ оазисы, на которые возлагаются надежды по обезпеченію собственнымъ хлѣбомъ и овощами мѣстныхъ жителей. Здѣсь, въ Александровскомъ, въ квартирѣ доктора Супруненко, назначеннаго сюда по рекомендаціи профессора А. П. Доброславина, была устроена сельско - хозяйственная выставка продуктовъ этого года. Агрономическія заботы М. С. Мицуля дали видимо добрые результаты. Вообще состоявшееся недавно расширеніе мѣстныхъ штатовъ управленія, съ назначеніемъ, между прочимъ, спеціалиста-агронома, принесло существенную пользу и подготовило разрѣшеніе вопроса о поселеніяхъ на островѣ, по отбытіи каторги. Назначеніе же агрономомъ М. С. Мицуля было тѣмъ болѣе полезно для дѣла, что онъ уже былъ знакомъ съ Сахалиномъ по прежней командировкѣ сюда, подробно обслѣдовалъ его и описалъ. Здѣсь, въ Александровскомъ селеніи, имѣющаяся казарма для арестантовъ вмѣщаетъ далеко не всѣхъ. Семейнымъ предоставляется жить въ своихъ домахъ. Много такихъ домовъ было мною осмотрѣно, и во всѣхъ замѣчены чистота и опрятность по-

*

мѣщенія. Въ большинствѣ дома не огорожены, имѣются при нихъ погреба, кладовки. Собрано много картофеля и много всякаго рода овощей. Хлѣбъ еще не молоченъ. Преобладаетъ ячмень. Въ Корсаковскомъ выселкѣ, близъ Александровскаго селенія, проживаютъ поселенцы, окончившіе сроки наказанія. Къ одному изъ нихъ, Як. Терентьеву, особенно работящему и имѣющему хозяйство, огородъ и свою пашню, мы зашли въ избу, чтобы закусить взятыми съ собой снадобьями. Въ избѣ оказался самоваръ, который хозяйка тутъ же и поставила; оказались молоко и творогъ. Въ избѣ было чисто, привѣтливо, четверо здоровыхъ ребятишекъ играли въ сѣняхъ. Тутъ же мнѣ передали, что этотъ поселенецъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи поставить на своемъ мѣстѣ, съ выходомъ на улицу, часовеньку. Счастливый настоящимъ своимъ положеніемъ, онъ далъ этотъ обѣтъ. Архитекторъ показывалъ мнѣ составленный имъ проектъ этой часовни. Всѣ постройки въ Александровскомъ селеніи, начиная съ большаго имущественнаго склада,— новыя. Всѣ строительныя работы производятся исключительно арестантами, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію смотрителей тюремъ. Были осмотрѣны школа, околодокъ и больница. Въ школахъ допускаются къ обученію свѣдущіе арестанты, предпочтительно же женщины изъ добровольно прибывшихъ съ мужьями изъ Россіи, или ихъ дочери. Дѣвочекъ обучаютъ преимущественно рукодѣльямъ.

Здѣшнія сообщенія крайне затруднены гористой мѣстностію, съ постоянными подъемами и спусками. Поэтому распредѣленіе провіанта, выгружаемаго въ посту Дуэ, по сосѣднимъ мѣстамъ, при неудобствахъ сообщенія, производится теперь арестантами на себѣ по проложеннымъ тропамъ. Въ видахъ облегченія такого сообщенія, изъ поста Дуэ въ Александровское прокладывается рельсовый путь и прорывается туннель въ мысѣ Жонкьеръ.

Съ 20-го по 24-е сентября мы сдѣлали, то верхомъ, то въ экипажѣ до 200 верстъ, объѣхавъ Верхнее урочище, Ведерниковское, Рыковское и Дербентское, съ ихъ окрестностями. Въ каждомъ изъ нихъ имѣются казармы для арестантовъ и для конвоя и рядомъ отдѣльные дома арестантовъ и вышедшихъ на поселеніе, съ огородами и небольшими пашнями.

Погода до 23-го сентября стояла восхитительная, солнечная, теплая; но въ ночь на 23-е сентября пошелъ дождь, къ утру снѣгъ, обѣлившій вершины горъ. Тѣмъ не менѣе мы сдѣлали свой дневной переходъ и благополучно спустились обратно въ Дуэ. 24-го сентября въ Дуэ продолжалось ненастье, при упорномъ NW, но къ вечеру барометръ поднялся.

25-го сентября. Безоблачное небо, яркое солнце, но не стихаетъ NW, столь здѣсь недолюбливаемый, и дѣйствительно, за неимѣніемъ

порта и возможной стоянки для судовъ, сообщеніе съ Сахалиномъ при NW вѣтрѣ дѣлается невозможнымъ.

Мѣста въ долинахъ между горъ представляются удобными для хлѣбопашества. Лѣсныя мѣста требуютъ раскорчевки, осушенія почвы, проложенія дорогъ и пр. Необыкновенное обиліе рыбы отличаетъ всѣ здѣшнія рѣки. Преобладаетъ такъ называемая кета (родъ лососины). Ея особенно много въ рѣкѣ Тыми, на всемъ протяженіи, до Ныйскаго залива, гдѣ японцы продолжаютъ еще имѣть свои ватаги, также какъ и на югѣ Сахалина. Въ селеніи Дербентскомъ устроены рыбалки, для засола рыбы, чѣмъ занимаются мѣстные поселенцы, по заказамъ управленія. Та же кета водится въ Японіи, гдѣ изъ нея гонятъ жиръ и затѣмъ обращаютъ остатки въ пудретъ, служащій отличнымъ удобреніемъ почвы. Въ видахъ увеличенія запасовъ соли, въ Дуэ устроена паровая солеварня изъ морской воды.

1-го октября. Вчера всенощная и сегодня обѣдня въ здѣшней небольшой деревянной церкви, въ присутствіи 50-ти арестантовъ и хора изъ нихъ же, а также ученицъ мѣстной школы. Служба чинная, стройная. Священникъ очень заботливый и къ себѣ располагающій. Погода теплая, хорошая.

3-го октября. Погода ухудшается.

4-го октября. Съ утра дождь съ градомъ. Море вспухло, взволновалось. Желая выѣхать въ будущую среду 7-го октября, я телеграфировалъ въ де-Кастри командиру клипера «Абрекъ», высланнаго въ мое распоряженіе, о прибытіи къ этому дню. Теперь предстоитъ путь на югъ Сахалина, вдоль берега, и затѣмъ въ Владивостокъ.

6-го октября, вечеромъ въ 9-мъ часу, по предварительной отправкѣ съ курьеромъ Зайцевымъ вещей, мы перебрались: я, Титовъ и Флотовъ на «Абрекъ», пришедшій на рейдъ въ 4 часа. Погода, благопріятная утромъ, настолько засвѣжѣла къ вечеру, что командиръ, капитанъ 2-ранга Энегельмъ, не надѣялся удержаться на рейдѣ до утра слѣдующаго дня. Надлежало спѣшить, или обречь себя на неизвѣстность, когда, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы вернуться «Абрекъ», что̀ поздней осенью весьма гадательно. Какъ ни расходилось море и какъ ни трудно было съ пристани спуститься на паровой баркасъ, и какъ ни захлестывали его волны, и какъ, наконецъ, ни отговаривали дуйцы,—я рѣшился на отъѣздъ. Переходъ предстоялъ не легкій со штормомъ, дождемъ и градомъ. Сверху затянуло черной пеленой, снизу вода неистово бушевала, кипѣла и пѣнилась, и этотъ бѣлый отблескъ пѣны серебристой полосой отмѣчалъ нашъ путь; мы всѣ были окачены водою съ головы до ногъ. Матросы нашего Сахалинскаго пароваго баркаса—всѣ каторжные, служили прежде во флотѣ и, отлично зная дѣло, молодцами доставили насъ до клипера. Тутъ при постянномъ прибоѣ пред-

стояла еще трудность взобраться на клиперъ. Немедленно былъ поднятъ якорь, и клиперъ двинулся въ путь.

8-го октября, второй день плаванія, ознаменовался пальбой изъ пушекъ, противу смерча, съ цѣлью разсѣять его. Бѣда миновала. Продолжаемъ идти то съ полной, то съ малой парусностію. Къ вечеру 8-го октября командиръ клипера разсчитывалъ войти въ Корсаковскую бухту южнаго Сахалина, но ожиданіе не оправдалось. Сильная облачность и темнота лишали возможности всмотрѣться въ берегъ и опредѣлить разстояніе, хотя мы были уже въ глубинѣ Анивскаго залива и весьма вѣроятно въ виду поста. Еще до полныхъ сумерекъ мичманъ Юрьевъ подымался на салингъ съ биноклемъ, съ цѣлью высмотрѣть берегъ, но безуспѣшно: туманъ застилалъ берегъ. Съ сумерками задулъ сильный южный вѣтеръ, и намъ пришлось ретироваться и укрыться у мыса Крильона. Такимъ образомъ только сегодня, 9-го октября, мы пристали благополучно къ посту Корсаковскому. Ревизоръ клипера, мичманъ Арфинъ, поѣхалъ впередъ и затѣмъ на 12-ти весельномъ катерѣ съѣхали на берегъ и мы всѣ, взявъ съ собой изъ вещей лишь крайне необходимое.

Мѣстныя власти не ожидали вовсе моего пріѣзда, по неимѣнію телеграфа, и получая почту лишь случайно при заходѣ судовъ. Такимъ образомъ предназначенная къ устройству тюрьма съ новыми штатами была открыта тому всего лишь мѣсяцъ назадъ и помѣщена временно въ казармахъ бывшаго мѣстнаго батальона. Прежде находившіеся тутъ каторжные, въ числѣ 150 человѣкъ, содержались на положеніи вольной рабочей команды для домашнихъ надобностей поста. Въ виду столь кратковременнаго существованія новой тюрьмы, слѣдуетъ отнести къ чести служебнаго персонала, что общій порядокъ установленъ, хозяйство организовано, заведены внутреннія работы, вымежевано удобное мѣсто подъ огородъ и пр. Наконецъ, приступлено, трудомъ каторжныхъ, къ постройкѣ новаго зданія тюрьмы, къ дѣланію кирпича и къ обжиганію изъ ракуши—извести. Къ будущей веснѣ намѣчена работа по проведенію просѣки къ Тарайкѣ, на встрѣчу пролагаемаго пути съ сѣвера острова.

Дни 9-го и 10-го октября были употреблены на мѣстное ознакомленіе и объѣздъ окрестностей на разстояніи 20 верстъ кругомъ, для осмотра намѣченныхъ подъ поселенія мѣстъ.

11-го октября мы оставили Корсаковскій постъ и 12-го октября были уже въ открытомъ морѣ, на пути къ заливу Ольги. Наканунѣ оставленія поста, 10-го октября, на обѣдѣ у начальника южнаго Сахалина, маіора Янцевича, въ числѣ всѣхъ служащихъ были и ихъ жены: г-жа Мячкова, жена начальника мѣстной команды, жена тюремнаго врача Матвѣева (была сестрой милосердія въ послѣднюю войну), г-жа Шишкова, жена эконома, и г-жа Піотровская, жена субалтернъ-офи-

цера. Я намѣренно упоминаю объ этомъ, какъ о фактѣ весьма утѣшительномъ въ томъ отношеніи, что всѣ эти женщины, вполнѣ благовоспитанныя и симпатичныя, въ столь отдаленной окраинѣ призваны оказать добрую услугу и своей семьѣ, и мѣстному обществу. Здѣсь о кутежѣ и о картахъ не было и помину.

14-го сентября взошли въ заливъ св. Ольги. Здѣсь имѣется казачій постъ и нѣсколько небольшихъ поселковъ въ окрестностяхъ. Мѣстность благопріятная для хлѣбопашества. На яликѣ мы прошли въ Манзовское поселеніе на противоположномъ берегу залива, по выходѣ изъ такъ называемой Тихой гавани. Тутъ нѣсколько китайскихъ жилищъ—трактировъ (чайные дома, безъ женщинъ), и цѣлый лѣсъ мачтовыхъ лодокъ вдоль берега. Здѣсь манзы заготовляютъ морскую капусту, и сегодняшній день совпалъ какъ разъ съ нагрузкой ея на одно коммерческое судно. Куда ни посмотришь,—все чужія руки, если не считать каторжныхъ, да служащихъ, должностныхъ лицъ. Промысловыхъ русскихъ рукъ слишкомъ мало, если гдѣ и имѣются.

16-го октября въ 5 часовъ по полудни бросили якорь у Владивостока. Главный командиръ порта контръ-адмиралъ Фельдгаузенъ предупредилъ мой визитъ, и я затѣмъ вмѣстѣ съ моими спутниками, Титовымъ и Флотовымъ, немедленно же посѣтили его. Подобная Константинопольской, здѣшняя бухта «Золотой Рогъ» замѣчательна по своимъ размѣрамъ, удобствамъ и красотѣ. Городъ расположенъ по самому побережью, длинной нитью небольшихъ построекъ.

17-го октября адмиралъ Фельдгаузенъ чествовалъ меня парднымъ обѣдомъ. На другой день, въ воскресеніе, я просилъ на обѣдъ къ себѣ адмирала Фельдгаузена, начальника штаба, капитана 1-го ранга Наумова (вспоминалъ о моемъ братѣ, котораго, какъ воспитанника еще училища правовѣдѣнія, встрѣчалъ въ домѣ адмирала Купреянова въ Петербургѣ), инженернаго генерала Козловскаго, обѣщавшаго проѣхать на Сахалинъ по вопросу объ устройствѣ бухты, агента добровольнаго флота Акимова, командира морскаго экипажа, капитана 1-го ранга Палеолога и наконецъ командира нашего клипера, почтеннаго Ѳ. П. Энегельма, старшаго офицера клипера, лейтенанта Брандта и моихъ спутниковъ Титова и Флотова.

Сюда прибылъ сосѣдній китайскій областный начальникъ Ли-Дзинъ-Юнъ, посѣтилъ меня, толковалъ о дружбѣ, а между тѣмъ по Китайской нашей границѣ китайцы сильно укрѣпляются. По имѣющимся свѣдѣніямъ, они не только возводятъ вблизи границы города и укрѣпленія, сильно заселяютъ пограничныя мѣста, предоставляя большія къ тому льготы, и проводятъ въ нашу сторону дороги отъ Гирина и другія, но прямо поступаютъ вызывающимъ образомъ, вмѣшиваясь даже въ управленіе пребывающими въ нашихъ предѣлахъ манзами.

Пароходство въ настоящее время по Уссури и Амуру прекратилось, а инаго пути сообщенія не существуетъ. Приходится или ждать зимняго пути, когда встанутъ рѣки и установится ѣзда на собакахъ, или же предпочесть сообщеніе съ Сибирью черезъ Китай—монгольской степью, существующимъ почтовымъ трактомъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), напутствуя меня въ отъѣздъ, не безъ основанія говорилъ, что всѣ путевые расчеты могутъ быть вѣрны лишь до Иркутска, завися затѣмъ исключительно отъ разныхъ случайностей. Такъ и вышло теперь, по невозможности вернуться въ Сибирь иначе, какъ кружнымъ путемъ черезъ Китайскія владѣнія. На этотъ именно путь графъ Николай Павловичъ и указывалъ мнѣ, какъ на лично ему извѣстный. На этомъ основаніи и по соглашеніи съ командиромъ клипера «Абрекъ», былъ установленъ слѣдующій маршрутъ, на Японію, въ китайскія воды —на Хокодате, Іокогаму, Токіо и Нагасаки въ Чифу. Изъ Японіи предполагалось командированіе въ Россію Б. Б. Флотова. Въ Владивостокѣ пассажирскаго парохода, слѣдующаго въ Европу, не было и за позднимъ временемъ прихода его не ожидалось. Возможность сообщенія на Америку была обезпечена только изъ Японіи.

IV.

Отъѣздъ изъ Владивостока.—Трудность перехода.—Хокодатскій рейдъ.—Съѣздъ на берегъ.—Общее впечатлѣніе.—Русское подворье.—О. Димитрій.—Литургія на японскомъ языкѣ.—Осмотръ города.—Іокогама.—Секретарь миссіи баронъ Розенъ.—Посланникъ Струве.—Токіо.—Семья посланника.—Визиты.—Епископъ Николай.—Японскіе министры.—Аудіенція у императора.—Праздникъ въ императорскомъ саду.—Японскія тюрьмы.—Переходъ японскимъ „средиземнымъ“ моремъ.—Японская деревня.—Городъ Нагасаки.—Судовыя недоразумѣнія.—Консулъ Рюминъ.—Завтракъ каютъ-компаніи.—Чифу.—Вице-консулъ Фергюсонъ.—Прощальные обѣдъ и завтракъ.—Съѣздъ на берегъ.—Помѣщеніе въ гостиницѣ.

22-го октября, послѣ обѣдни, мы снялись съ якоря, при вполнѣ благопріятной погодѣ. Между тѣмъ нашъ переходъ въ Хокодате оказался особенно тяжелымъ: на клиперѣ сломило гротъ-брамсрею и держало всѣхъ людей постоянно на верху. Только 26-го октября въ 3 часа дня мы встали на якорь у Хокодате. Масса всякаго рода судовъ и еще бо́льшая японскихъ лодокъ заполняли Хокодатскій рейдъ. Немедленно явились къ намъ на клиперъ агентъ одного англійскаго торговаго дома, съ предложеніемъ угля, и приказчикъ гостиницы, съ предложеніемъ услугъ. Вмѣстѣ съ командиромъ я съѣхалъ на берегъ.

Тутъ встрѣтилъ командира молодой японецъ, одѣтый по-европейски съ порученіемъ отъ губернатора узнать, для чего клиперъ прибылъ и, не представляется ли ему въ чемъ надобность. Онъ говорилъ по-русски совершенно свободно. Оказалось, что онъ учился въ русской школѣ, устроенной въ Токіо нашимъ епископомъ Николаемъ. Японцы и японки, въ національномъ одѣяніи,—пестрили улицы, большею частію съ непокрытыми головами. Японцы, носящіе шляпы (формы такъ-называемыхъ котелковъ), представляютъ уже европейское отличіе, хотя и продолжаютъ носить національные костюмъ и прическу. Христіане-японцы не пробриваютъ части головы. Улицы шоссированы. На гору въ городъ ведетъ удобный съ каменными ступенями подъёмъ. Общее впечатлѣніе превыше всякихъ ожиданій. Среди построекъ выдѣляется русское подворье, красиво расположенное на горѣ. Зашли туда къ нашему юному, прежде мнѣ извѣстному миссіонеру о. Димитрію, отправившемуся въ Японію изъ Одессы въ мартѣ 1880 г. на «Нижнемъ Новгородѣ» съ 1-й партіей семейныхъ каторжныхъ. Я былъ тогда въ Одессѣ и узналъ этого 26-ти лѣтняго студента, теперь іеромонаха. Съ красивымъ, привлекательнымъ лицомъ, онъ будто весь во Богѣ, но какъ-то придется ему нелегкая миссія! Мы застали его съ однимъ японцемъ готовившимися обѣдать. Вся обстановка отличалась порядочностію. Были въ церкви, маленькой, но внушительной по простотѣ и вкусу отдѣлки. Заходили тутъ же и въ церковную школу, гдѣ японскія дѣти (счетомъ до 70-ти) брали уроки пѣнія, хороваго церковнаго пѣнія. Вечеромъ о. Димитрій пріѣхалъ къ намъ на «Абрекъ». Это былъ день его именинъ, и онъ былъ видимо радъ возможности свидѣться съ соотечественниками. Это былъ также день 300-лѣтія присоединенія Сибири, и, по моему предложенію, мы всѣ въ каютъ-компаніи выпили сочувственный тостъ за Сибирь. На слѣдующій день, 27-го октября, въ нашей церкви шла литургія на японскомъ языкѣ. Пѣли ученики упомянутой школы. Послѣ мы всѣ (были и офицеры клипера) завтракали въ подворьѣ и затѣмъ, руководимые о. Димитріемъ, осмотрѣли городской садъ и музей, дающій полное понятіе объ этой части Японіи. Заходили также въ два японскихъ храма. Въ одномъ изъ нихъ шла служба. Входъ безпрепятственный. Къ вечеру вернулись домой и затѣмъ въ 9 час. снялись съ якоря.

Еще два слова о помѣщеніи русскаго подворья въ Хокодате. Кругомъ церкви и 2-хъ этажнаго съ галлереей дома настоятеля, расположены нѣсколько домовъ: школа, интернатъ для учениковъ, нѣсколько помѣщеній для бѣдныхъ православныхъ японскихъ семействъ, и все это среди деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ—въ настоящемъ саду. Обнесено мѣсто бѣлой рѣшеткой, а у подножія горы тянется лентой кипарисная роща.

31-го октября (12-го ноября) въ 1 час. пришли въ Іокогаму. На-

чались салюты японской націи, германской эскадрѣ и пр. Къ намъ на клиперъ немедленно прибыли нашъ консулъ А. А. Пеликанъ, вице-консулъ баронъ Шлиппенбахъ и также секретарь миссіи баронъ Р. Р. Розенъ, мой давнишній хорошій знакомый, котораго зналъ еще въ бытность его студентомъ, когда онъ, по воскресеньямъ, также какъ и я, постоянно обѣдалъ у графа Лог. Лог. Гейдена. Онъ передалъ мнѣ, что нашъ посланникъ К. В. Струве ждетъ на берегу. Собравшись на-скоро и простившись до четверга 5-го (17) ноября, я оставилъ клиперъ и вмѣстѣ съ Розеномъ отплылъ на катерѣ къ пристани, гдѣ ожидали дружескія объятія Струве. Живо припомнилось, какъ въ 1858 году на востокѣ же, въ средней Азіи, мы приблизительно въ то же время возвращались вмѣстѣ, вдвоемъ, изъ Хивы, гдѣ состояли при нашей дипломатической миссіи, снаряженной въ томъ году въ Хиву и Бухару [1]). Тогда мы были оба очень молоды, теперь же оба сильно посѣдѣли...

Пять дней въ Токіо.

Консульская коляска быстро довезла насъ до станціи желѣзной дороги. Баронъ Розенъ ѣхалъ слѣдомъ на джинригчѣ, двухъ-колесномъ одномѣстномъ сидѣньи, въ видѣ кресла, везомомъ босоногимъ японцемъ. Прекрасныя мостовыя, хорошія постройки, непрерывные вдоль улицъ магазины и лавки, большое движеніе и домашняя, тутъ же, на-ряду съ магазинами, жизнь (мастерскія, чистка овощей, стряпня) — придавали много интереса—новизны, а съ тѣмъ вмѣстѣ, бьющіе въ глаза признаки европейской цивилизаціи особенно поражали. Въ какія-нибудь 20—30 лѣтъ шагнуть такъ быстро—фактъ знаменательный.

Въ вагонѣ желѣзной дороги мы встрѣтились съ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ обоими я познакомился. Обращеніе и одѣянія европейскія. Министръ Инуэ спросилъ меня, между прочимъ, разрѣшило ли у насъ тюремное управленіе вопросъ о наиболѣе дешевомъ способѣ постройки тюремъ и болѣе экономномъ содержаніи заключенныхъ. Черезъ $^1/_4$ ч. мы доѣхали до Токіо (столица имперіи). Дорога проложена вдоль сплошной почти деревни, утопавшей среди пышной растительности и рисовыхъ плантацій. Коляска посланника ожидала и быстро съ обычнымъ впереди скороходомъ домчала насъ по макадаму до посланническаго палаццо. Послѣдній и наружно порадовалъ меня, какъ русскаго. Проѣзжая мимо зданій другихъ миссій, я ни одного не могу предпочесть нашему. Постройка зданія русской миссіи всецѣло обязана настойчивости Струве и вкусу его жены, Маріи Николаевны, рожденной Анненковой. Я слышалъ и прежде, что Марія Николаевна Струве умная и образованная

[1]) См. книгу М. Н. Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. Изд. 1868 г. стр. 150—189.

Ред.

женщина, но этого мало; она и хорошая жена и прекрасная мать. Милыя четыре дѣвочки отъ 6-ти до 2-хъ лѣтъ постоянно на глазахъ у матери. Они и за завтракомъ, и за обѣдомъ сидятъ за общимъ столомъ. Съ ними ростетъ еще мальчикъ Сайго, сынъ бывшаго японскаго военнаго министра, очень способный ребенокъ, котораго родители отдали на воспитаніе въ семью Струве. Вообще русская миссія пользуется въ странѣ доброй славой и значеніемъ.

1-го ноября. Послѣ обѣдни въ домовой церкви, мы, т. е. Струве и я, дѣлали визиты нашему епископу Николаю и японскимъ министрамъ. Епископъ былъ боленъ. Онъ помѣщенъ также очень хорошо. Въ его домѣ находится большая школа, въ которой учатся по-русски. 2-е ноября я провелъ бо́льшую часть времени въ разъѣздахъ съ М. Н. Струве по магазинамъ за покупками. 3-го ѣздилъ съ барономъ Розеномъ въ Іокогаму на крейсеръ «Азія» и затѣмъ, къ завтраку, были дома. У Струве завтракали въ этотъ день всѣ японскіе министры. Изъ нихъ министръ внутреннихъ дѣлъ очень интересовался принимаемыми мѣрами противу антиправительственнаго движенія, говоря, что въ Японіи оно начинаетъ уже сильно озабочивать правительство.

3-е ноября. Сегодня была назначена мнѣ аудіенція у императора, состоявшаяся во дворцѣ, передъ самымъ праздникомъ, устроенномъ въ смежномъ съ дворцомъ императорскомъ саду.

Гулянье въ саду, гдѣ была оригинальная выставка все однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ—Chrysanthèmes, сопровождалось пріемомъ дипломатическаго корпуса. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Императоръ съ императрицей стояли передъ палаткой, а иностранные министры проходили (всѣ въ сюртукахъ) и раскланивались. Затѣмъ въ смежномъ съ упомянутой палаткой большомъ шатрѣ былъ предложенъ всѣмъ приглашеннымъ завтракъ, сервированный по-европейски. Министры обходили гостей и чокались бокалами шампанскаго. Императоръ же съ императрицей помѣщались вдвоемъ, сидя за столомъ, въ своей палаткѣ; гдѣ находились японскіе принцы, стоя кругомъ и присутствуя лишь при обѣденномъ столѣ ихъ величествъ. Императрица была въ національномъ костюмѣ. При ней были 4 фрейлины, изъ коихъ три въ національномъ же одѣяніи, а одна — дочь министра иностранныхъ дѣлъ, Инуэ — въ европейскомъ платьѣ и шляпѣ, съ широкими полями. Послѣ завтрака, ихъ величества прошли по аллеямъ сада обратно во дворецъ, предшествуемые церемоніймейстеромъ (сюртукъ, цилиндръ и зеленыя перчатки), слегка кланяясь наклоненіемъ головы, при чемъ, проходя мимо группы дамъ, императрица пріостановилась и бесѣдовала черезъ переводчицу, фрейлину Инуэ, съ американской и англійской посланницами, другія жены посланниковъ, и въ томъ числѣ М. Н. Струве, по болѣзни, отсутствовали. Послѣ этого праздника, меня вновь посѣтилъ министръ Инуэ.

4-е ноября было днемъ отъѣзда. Вмѣстѣ съ Струве и барономъ Розеномъ отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Іокогаму и оттуда на «Абрекъ». Послѣ легкаго завтрака, Струве, баронъ Розенъ и фонъ-Флотовъ, командируемый мною съ бумагами на Америку обратно въ Россію,—съѣхали съ «Абрека». Клиперъ отдалъ якорь и отсалютовалъ Струве.

Въ теченіе проведенныхъ дней въ Токіо и Іокогамѣ я имѣлъ возможность осмотрѣть мѣстныя тюрьмы. Въ Токіо я осмотрѣлъ тюрьмы: 1) слѣдственную при полиціи и 2) для осужденныхъ всякаго рода, не исключая и каторжныхъ. Первая помѣщается въ нѣсколькихъ флигеляхъ, при чемъ въ каждомъ, вдоль корридора, по обѣимъ сторонамъ, расположены камеры на 5, на 6 чел.; нижняя часть стѣны глухая, верхняя обрѣшеченная. Арестанты сидятъ на полу на циновкахъ, всѣ въ своихъ платьяхъ, у каждаго имѣется теплое одѣяло. Мастеровыхъ работъ не производится, но работы по чистотѣ—по уборкѣ тюрьмы—лежатъ на арестантахъ. Камеры всѣ на запорѣ. На прогулку, на особомъ дворѣ, арестанты выводятся по-камерно. Вторая тюрьма расположена на островѣ; сообщеніе на лодкахъ; постройка вѣерообразная. При входѣ—канцелярія и выставка производимыхъ въ тюрьмѣ работъ, самыхъ разнообразныхъ: тутъ и клеятъ и переплетаютъ книги, шьютъ платья, разрисовываютъ фарфоръ; дѣлаютъ разные хозяйственные предметы, какъ-то: ведра, бочки и пр., также хозяйственныя орудія; вьютъ веревки, плетутъ циновки и пр. Мастерскія, кухня и столовая помѣщены въ однихъ флигеляхъ, въ другихъ дортуары. Арестанты всѣ въ казенной одеждѣ и большинство съ тонкой цѣпью на ногахъ. Въ оковахъ же и при томъ попарно выводятся они на внѣшнія работы въ городѣ. Въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщались такъ-называемые политическіе арестанты, преимущественно виновные по печати. Они, подобно нѣмецкимъ Sitz-Redacteur'амъ, имѣли при себѣ книги и бумагу, помѣщаясь за отдѣльными столиками на полу; они были въ своихъ платьяхъ (право привилегированныхъ). Трое изъ заключенныхъ въ тюрьмѣ оказались, во время посѣщенія, наказанными, при чемъ наказаніе состояло въ томъ, что они были поставлены на небольшое возвышеніе скованными по рукамъ и ногамъ, такъ что не могли двигаться. Такому наказанію подвергаются виновные въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Директоръ тюрьмы изъ бывшихъ военныхъ, по вѣроисповѣданію—православный.

Затѣмъ осмотрѣнная тюрьма въ Іокогамѣ имѣетъ спеціальное назначеніе—служить для иностранцевъ, осужденныхъ своими консулами. Зданіе каменное, съ продольнымъ корридоромъ, по сторонамъ коего расположены отдѣльныя камеры; содержится прекрасно и находится въ ближайшемъ вѣдѣніи англійскаго консула.

5-го (17-го) ноября. Оставивъ Іокогаму 5-го, мы только 11-го

добрались до Нагасакскаго рейда, гдѣ и встали на якорь. Сильные порывистые вѣтры заставляли не разъ останавливаться, при чемъ едва не потеряли якорь. Переходъ внутреннимъ Японскимъ моремъ, среди густо заселенныхъ береговъ, крайне интересенъ. Жаль, что погода противилась даже выходу на палубу. Сходили на берегъ въ одной только деревнѣ въ бухтѣ Юра (Iura-bay). Необыкновенная чистота и опрятность, при невообразимой скученности, поразительны. Всѣ хозяйственныя работы производятся исключительно людьми. Рабочаго скота не видно, да его и нѣтъ. Рѣдко встрѣчаемые волъ и мулъ служатъ лишь для перевозки клади на дальнихъ разстояніяхъ. Въ деревнѣ имѣются хорошо содержимая школа и нѣсколько храмовъ. Масса дѣтей бѣжали за нами и не отставали отъ насъ. При остановкѣ на Нагасакскомъ рейдѣ, насъ посѣтили: консулъ П. Ив. Рюминъ, бывшій парижскій вице-консулъ, знакомый мнѣ по его брату Ив. Ив—чу и его сестрѣ кн. Мещерской, которую въ былое время встрѣчалъ у Карамзиныхъ (на Б. Морской) и чаще въ семействѣ Гейденъ (въ Главномъ штабѣ), а также командиры стоящихъ на рейдѣ нашихъ судовъ: Шанцъ, Старкъ и бар. Фитингофъ. Между тѣмъ у насъ на клиперѣ произошелъ разладъ: командиръ осерчалъ на офицеровъ, заподозрилъ ихъ въ желаніи промедлить стоянкой въ Нагасаки, не вѣрилъ въ заявленія механика, настаивавшаго на исправленіи машины, напалъ на старшаго штурмана Петрова, просившагося на берегъ, запретилъ съѣздъ въ городъ и наконецъ упрекалъ консула въ томъ, что съ крѣпости не произвели еще отвѣтнаго салюта. Словомъ, нашъ прекрасный и столь всегда спокойный, Ѳедоръ Петровичъ былъ неузнаваемъ. На штурманѣ же Петровѣ, подавшемъ рапортъ о болѣзни, оборвалось это настроеніе такою сценою, что тотъ съѣхалъ самовольно на берегъ и прислалъ вновь рапортъ о болѣзни, удостовѣренный мѣстнымъ врачемъ, и просилъ освидѣтельствованія черезъ судовыхъ врачей. Тутъ уже послѣдовалъ настоящій взрывъ негодованія, и мнѣ, со стороны, ясно представилось, въ какомъ подъ часъ тяжеломъ положеніи и въ какой зависимости находятся офицеры на судахъ и какъ безвыходно бываетъ ихъ положеніе. Предъявлялось требованіе представить Петрова силой, но консулъ отказалъ. Благодаря моимъ переговорамъ съ командиромъ «Кн. Пожарскаго» Шанцомъ, удалось уговорить Ѳедора Петровича дать дѣлу нормальный ходъ, т. е. назначить просимое освидѣтельствованіе врачей, чему нашъ командиръ, успокоившись, и самъ былъ радъ въ концѣ концовъ.

Время въ Нагасаки я провелъ въ сообществѣ консула, который, сказать кстати, никакъ не могъ свыкнуться со своимъ назначеніемъ въ Нагасаки: «un Rioumine à Nagassaki?!» И дѣйствительно этотъ очень милый и образованный человѣкъ, болѣе свѣтскій, чѣмъ дѣловой, къ тому

же не молодой и одинокій,—болѣе отвѣчалъ европейскимъ, чѣмъ мѣстнымъ условіямъ; въ изученіи же здѣшнихъ мѣстъ, ради любознательности, не находилъ интереса.

14-го ноября, на разсвѣтѣ, снялись съ якоря. Сообщеніе съ Владивостокомъ оказывается прерваннымъ, за неисправностію кабеля. Въ Китаѣ телеграфа не существуетъ. Итакъ—до пріѣзда въ нашу Кяхту.

17-го ноября надѣялись придти въ Чифу—конецъ моего плаванія, но встрѣчная сильная волна заставила встать на якорь. Дѣло въ томъ, что машина клипера плохо, какъ говорится, выгребаетъ, такъ, что о приблизительной точности плаванія не можетъ быть рѣчи. Сегодня при остановкѣ каютъ-компанія угощала меня дружескимъ завтракомъ. Офицеры съ командой поднесли мнѣ на память акварельное изображеніе клипера на Владивостокскомъ рейдѣ.

17-го ноября пришли наконецъ въ Чифу, въ 2 часа дня. Русскій коммерческій вице-консулъ прислалъ мнѣ письмо съ предложеніемъ услугъ и съ предвареніемъ, что засимъ немедленно явится на клиперъ. Я предпочелъ предупредить визитъ его и тотчасъ же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами клипера и Титовымъ, съѣхалъ на берегъ и посѣтилъ вице-консула, очень почтеннаго г. Фергюсона (онъ же бельгійскій консулъ). Оказалось, что пароходъ для слѣдованія изъ Чифу въ Тянь-Дзинъ прибудетъ не ранѣе 2—3-хъ дней. Приходится съѣхать окончательно на берегъ и распроститься съ клипером. Здѣсь европейская часть города имѣетъ соотвѣтственный видъ: каменные дома, хозяйственныя постройки, съ обширными дворами, со всѣмъ видимымъ комфортомъ; китайская же часть менѣе приглядна и менѣе опрятна, но зданія, въ отличіе отъ японскихъ, каменныя. Въ отличіе же отъ Японіи здѣсь не видать никакой растительности, едва замѣтные цвѣтники въ европейскомъ кварталѣ, и только. Не та уже природа, хотя еще тепло и въ тѣни не менѣе 8, 9° Реомюра, только на окрестныхъ голыхъ горахъ виднѣется уже снѣгъ.

По возвращеніи на «Абрекъ», я нашелъ у себя г. Фергюсона, обѣщалъ у него завтра обѣдать. Сегодня я угощалъ обѣдомъ командира и офицеровъ клипера, провозгласилъ ихъ тостъ, благодарилъ за доброе время, проведенное въ ихъ симпатичной средѣ...

19-го ноября я собрался съѣхать на берегъ. Щедро одарилъ судовую прислугу и выдалъ 50 руб. командѣ на праздникъ 6-го декабря, къ каковому дню, по предположенію командира, клиперъ долженъ уже придти обратно въ Владивостокъ. Сегодня командиръ почтилъ меня завтракомъ, и затѣмъ наступили проводы, салютъ и съѣздъ на берегъ. Старшій офицеръ В. Ѳ. Брандтъ проводилъ меня до гостиницы, гдѣ я устроился очень удобно, въ ожиданіи парохода.

V.

Отъѣздъ.—Американскій пароходъ.—Прибытіе въ Тянь-Дзинъ.—Консулъ Веберъ.—Секретарь миссіи Кояндеръ.—Его проводы.—Ли-Хунъ-Джангъ.—Коммерціи совѣтникъ Старцевъ.—Объѣздъ азіятской части города.—Переѣздъ въ Пекинъ.—Путь.—Помѣщеніе русской миссіи.—Посланникъ Бюцовъ.—Составъ миссіи.—Приготовленія къ степному переѣзду.—Осмотръ города.—Встрѣчаемыя процессіи.—Русская духовная миссія.—Архимандритъ Флавіанъ.—Назначеніе миссіи.—Значеніе иностранныхъ духовныхъ миссій.—Обѣдня 6-го декабря.—Именинный завтракъ въ китайской гостинницѣ.—Германскій посланникъ ф.-Брандтъ.—Русское кладбище.—Н. П. Игнатьевъ.—Историческій домъ.—Отъѣздъ.—Калганъ.—Американская миссіонерка-докторша.—Выѣздъ.—О. Алексѣй.—Подорожная.—Конвой.—Переѣздъ Монгольской степью.—Маршрутъ.—Сочельникъ.—Мятель.—Рождественскій праздникъ

21-го ноября, рано утромъ, перебрался на американскій пароходъ «Паута». Капитанъ Петерсонъ любезно предложилъ мнѣ пользоваться днемъ его обширной теплой каютой, богато надѣленной книгами, журналами, газетами. Пароходъ бѣжалъ безпрепятственно, безъ шума и суеты. За завтракомъ и обѣдомъ капитанъ занималъ предсѣдательское мѣсто, разливалъ супъ, разрѣзывалъ ростбифъ.

Пришли въ Тянь-Дзинъ 23-го утромъ. Нашъ консулъ К. И. Веберъ предложилъ остановиться у него. Титовъ, за недостаткомъ помѣщенія, взялъ нумеръ въ гостиницѣ. У Вебера я засталъ старшаго секретаря нашей миссіи въ Пекинѣ Кояндера, который уѣзжалъ въ отпускъ, послѣ продолжительнаго, едва-ли не двухлѣтняго замѣщенія отсутствовавшаго посланника Бютцова. Знакомство съ этими умными и пріятными лицами завязалось быстро. Тутъ же у Вебера, пользуясь радушіемъ его любезной и симпатичной жены (рожд. Маккъ, сестра извѣстнаго сибирскаго путешественника), я познакомился со многими иностранцами Тянъ-Дзинской колоніи. Здѣшній почтенный старожилъ, коммерціи совѣтникъ Старцевъ, и командиръ лодки «Моржъ»—Мальцевъ любезно посѣтили меня.

Европейская часть Тянь-Дзина хорошо обстроена. Всѣ консульства имѣютъ прекрасные дома, также и частныя лица, какъ, напримѣръ, Старцевъ, но что за гадость, грязь и вонь въ азіятской части города!

Того же 23-го ноября вечеромъ А. И. Кояндеръ уѣхалъ, перебравшись на тотъ же пароходъ «Паута», долженствовавшій отойти съ разсвѣтомъ. Все общество, къ которому я присоединился, провожало его изъ дома Старцева, гдѣ былъ обычный «посошекъ». По пути къ пароходу пускали фейерверкъ, словомъ, провожали Кояндера по-дружески. Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ день отъѣзда его, пріѣзжалъ съ нимъ проститься мѣстный генералъ-губернаторъ, или иначе вице-король, какъ

здѣсь величаютъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ областей,—Ли-Хунъ-Джангъ. Ему предшествовали нѣсколько носилокъ съ секретаремъ и драгоманами, затѣмъ конвой, человѣкъ въ 20-ть, наконецъ особо-несомый балдахинъ и въ заключеніе носилки съ самимъ Ли-Хунъ-Джангомъ. Вся эта пестрая толпа едва вмѣстилась въ тѣсномъ дворѣ консульскаго дома. Ли-Хунъ-Джангъ считается однимъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ. Ему приписываютъ преобразовательныя стремленія въ европейскомъ смыслѣ, какъ соединеніе телеграфомъ Шанхая съ Тянь-Дзиномъ, готовность провести желѣзную дорогу и проч.

24-го вмѣстѣ съ Старцевымъ я объѣзжалъ азіятскую часть города. Осмотрѣлъ одинъ ламайскій храмъ, въ которомъ помѣщаются также и биржа и театръ, для развлеченія посѣщающаго биржу купечества. Какъ ни грязна окружающая мѣстность, храмъ этотъ содержится чисто, а биржевая зала съ театромъ даже изящны и богаты убранствомъ. Показывая храмъ, Старцевъ прибавилъ: «вѣдь построенъ-то онъ на русскія деньги», разумѣя торговый барышъ китайскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Кяхтѣ, когда русскихъ купцовъ не допускали еще въ Китай. Улицы и здѣсь представляютъ собой почти сплошные ряды лавокъ.

25-го ноября. Путь въ Пекинъ снаряженъ слѣдующимъ образомъ: наняты двухколесныя арбы, запряженныя мулами, и верховыя лошади на каждаго изъ насъ. Я ѣхалъ все время днемъ верхомъ и только на ночь взлѣзъ въ арбу и былъ не радъ. Въ ней дотого неудобно, что нельзя ни сидѣть, ни лежать. Какъ бы ни было, но мы ѣхали безостановочно, останавливаясь только для корма лошадей, при чемъ кормились и сами и нѣсколько отдыхали. Съ нами были холодныя закуски и конечно чай.

26-го ноября, въ 3 часа дня, послѣ 30-ти часоваго переѣзда, мы въѣхали въ первыя ворота пекинской городской стѣны, миновали затѣмъ и вторыя ворота внутренней стѣны и по грязной, едва проѣздной дорогѣ добрались наконецъ до нашего посланническаго дома, вѣрнѣе усадьбы. Я съ Титовымъ были верхомъ, а наши арбы, счетомъ 5-ть, слѣдовали за нами. Но прежде, чѣмъ переступить порогъ помѣщенія миссіи, обращусь къ пройденному отъ Тянь-Дзина пути. Дорога шла мѣстностью крайне заселенною, деревни и отдѣльные посёлки все время чередовались. Тутъ по пути были и военныя поселенія—казармы съ провіантскими магазинами, пороховыми погребами, съ домами для военноначальниковъ. Въ 2-хъ, 3-хъ мѣстахъ производились ученья солдатъ. Деревни отличаются опрятностію. Нѣтъ той грязи и нечистоты, которая поражаетъ въ Пекинѣ, также какъ и въ китайскомъ кварталѣ Тянь-Дзина. Напротивъ, улицы въ деревняхъ въ порядкѣ, и что я впервые встрѣтилъ въ деревняхъ вообще—это загороди изъ тростника, въ ростъ человѣка, устроенныя на улицахъ для

исполненія извѣстныхъ нуждъ, тогда какъ въ Пекинѣ среди бѣла дня, на улицахъ, вдоль заборовъ, исправляютъ всѣ свои потребности китайцы на виду у всѣхъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Сельскіе дома всѣ съ окнами во дворъ, такъ что извнѣ представляется непрерывно тянущаяся стѣна. Встрѣчавшіяся массами дѣти были опрятно одѣты. То же слѣдуетъ сказать и о встрѣчныхъ по пути пѣшихъ китайцахъ и китаянкахъ. Послѣднія спѣшили будто на праздникъ—разодѣтыя, съ пестрыми украшеніями въ волосахъ, прихотливо по-китайски зачесанныхъ.

Среди улицъ въ деревняхъ и на самомъ пути торгаши выкрикиваютъ о товарахъ и тутъ же раскладываютъ ихъ, созывая публику. Жизнь кипитъ какъ въ пчелиномъ ульѣ. На поляхъ всѣ работы по 2-й снятой жатвѣ закончены; паровыя работы тоже приходятъ къ концу, и въ поляхъ встрѣчается запоздалый лишь пахарь, да нѣкоторые рабочіе съ деревянными граблями, подбирающіе засохшіе пожелтѣвшіе стебли и травы (для топлива). Въ свою очередь дѣти по дорогѣ собираютъ въ корзины навозъ, который нуженъ для удобренія, и его берегутъ тамъ пуще глаза. На набережной Бай Хоу города Тунъ-Чжоу, въ виду поздняго времени и прекратившагося судоходства, суда и лодки всякой величины были подняты на берегъ; много народа работало около нихъ. Постоялые по пути дворы состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ комнатъ и помѣщеній въ двѣ или три комнаты, неотопливаемыя, съ сплошными оконными рамами, забранными, вмѣсто стекла, бумагою. Отопленіемъ служитъ переносная жаровня, наполненная горячими перегорѣвшими углями. Теплая изъ баранины и овощей похлебка пришлась по вкусу, и мы ѣли ее охотно. Вообще путешествіе наше, благодаря тихой солнечной погодѣ, мы совершили прекрасно, безъ усталости и безъ всѣхъ тѣхъ лишеній, на которыя обыкновенно жалуются, и съ громаднымъ при томъ интересомъ. Неприглядно было только въѣзжать въ грязныя, изрытыя, усѣянныя каменьями, разными обломками немощеныя улицы резиденціи «сына неба». Но вотъ мы наконецъ передъ стѣной и воротами нашего русскаго посланническаго помѣщенія и передъ нами предстали среди оголенныхъ уже отъ листвы деревьевъ нѣсколько домовъ миссіи и въ глубинѣ двора помѣщеніе посланника—большой одноэтажный съ крытой галлереей домъ. Едва сошелъ я съ лошади, какъ Е. К. Бютцовъ вышелъ во дворъ навстрѣчу и любезно оказалъ свое гостепріимство. Нѣсколько влѣво отъ дома находится церковь съ колокольней. Все это мѣсто засажено деревьями, переходы между отдѣльными постройками вымощены и содержатся хорошо, и все это мѣсто вообще смотритъ весело. Я уже упомянулъ о посланникѣ. Теперь приведу имена остальныхъ членовъ миссіи: старшій драгоманъ Поповъ, студентъ миссіи Поповъ, докторъ Бретшнейдеръ—ученый ботаникъ, знатокъ мѣстной исторіи и издатель карты Китая; военный агентъ Бодиско, недавно женившійся на молодой, красивой американкѣ, и на-

конецъ почтмейстеръ Гомбоевъ. Мысленно къ этому составу остается присовокупить А. И. Кояндера, какъ секретаря миссіи, съ которымъ я познакомился въ Тянь-Дзинѣ.

Пишу эти строки послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Пекинѣ, готовясь въ дальнѣйшій и труднѣйшій путь, на Монголію, въ Кяхту и далѣе въ Сибирь для продолженія прерванныхъ, на время переѣзда, служебныхъ занятій. Телѣги (двухколесныя арбы, иначе баулы, обитыя внутри, для бо̀льшаго тепла) изготовляются въ Калганѣ. Тамъ заказаны и всѣ продовольственныя принадлежности—замороженые щи, большими кругами, какъ здѣсь дѣлаютъ, замороженные пельмени, яица и пр. Здѣсь же запасаюсь теплой одеждой, необходимой собственно для степнаго переѣзда, и пріо̀брѣтаю также кое-какую китайщину, которая, сказать кстати, дѣлается и здѣсь рѣдкостію: я разумѣю старинный фарфоръ и въ особенности старую бронзу. Но затѣмъ, что же пришлось мнѣ видѣть въ эти дни? Вопросъ, напрашивающійся самъ собою, и что же—кромѣ одного ламайскаго храма, да золоченыхъ кровлей разныхъ зданій дворца Богдыхана, помѣщающихся за нѣсколькими стѣнами въ запретной для европейцевъ части города, также одного моста, базарной сутолоки и лавокъ—ничего больше, и это все, что имѣется для обозрѣнія въ этомъ центрѣ Китайской имперіи. Сѣрая масса зданій, груда камней отъ развалинъ всякаго рода, разбросанныхъ по дорогѣ, непроѣздная вонючая грязь, или, смотря по погодѣ, страшная пыль и среди всего этого въ торговыхъ частяхъ города необыкновенное движеніе—вотъ Пекинъ, какъ онъ есть. Постоянно встрѣчаются разныя процессіи—похоронныя, свадебныя и иныя. Первыя, нескончаемыя, съ голосящими плакальщиками, останавливающимися по временамъ, для принятія, попутно, угощеній. Свадебныя процессіи, обыкновенно днемъ, но тоже съ фонарями, хотя безъ огня, съ закрытымъ паланкиномъ, укрывающимъ невѣсту. При узкихъ улицахъ, движеніе крайне стѣснено, тѣмъ болѣе, что народъ, вслѣдствіе любопытства, при слѣдованіи процессій, обыкновенно пріостанавливается.

Я началъ съ пріятнаго впечатлѣнія, по случаю пріѣзда и ознакомленія съ нашей миссіей.—Закончу съ отраднымъ же чувствомъ по поводу посѣщенія нашего, такъ называемаго сѣвернаго подворья—помѣщенія духовной нашей миссіи и ея уважаемаго архимандрита Флавіана (въ мірѣ Городецкій). Тотъ же за оградой садъ, посреди церковь, вокругъ дома̀ членовъ духовной миссіи и болѣе обширный домъ настоятеля, гдѣ помѣщается библіотека миссіи, извѣстная своимъ богатствомъ. Тутъ же помѣщается школа для православныхъ китайскихъ дѣтей (мальчиковъ), изъ мѣстныхъ албазинцевъ, изстари православныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ довольно успѣшно изучаютъ русскую грамоту, но едва понимаютъ русскую рѣчь, не то̀, что японцы, обучающіеся въ школѣ епископа Николая. Изъ этихъ учениковъ о. Флавіанъ готовитъ теперь одного во

священника. Это будетъ первый примѣръ посвященія китайца. Для дѣвочекъ существуетъ отдѣльная школа на особомъ, за общей оградой, дворѣ. Ею завѣдуютъ китаянка, вдова добродѣтельной жизни, какъ объяснили мнѣ.

Миссіонерская дѣятельность здѣсь очень сложна, требуетъ большой осторожности. Русская духовная миссія, насколько извѣстно, не занимается пропагандой, служа едва-ли не исключительно лишь для бывшихъ прежде православныхъ. Католическія духовныя миссіи процвѣтаютъ наружно, но неизвѣстно, чтобы онѣ служили бо́льшему общенію съ европейцами. Христіанинъ не сживается съ мѣстной средой, и принявшій христіанство какъ бы выбрасывается изъ нея, живя обособленной жизнію. По сю пору ни одинъ европеецъ, изъ оффиціальныхъ даже представителей, не переступалъ порога частнаго жилья должностнаго китайца. Китайцы сами являются на приглашенія, но къ себѣ не зовутъ. Они европейцевъ терпятъ, но съ ними, такъ сказать, не живутъ, и такъ во всемъ. Задатковъ къ взаимности нѣтъ, и это послѣ столькихъ лѣтъ европейскаго представительства въ здѣшней имперіи.

5-го декабря. Всенощная въ церкви сѣвернаго подворья. Пѣли китайцы по-русски, а отче-нашъ пропѣли по-китайски. Теперь вся наша церковная служба, стараніемъ о. Флавіана, переведена на китайскій языкъ. Готовящійся во священника китаецъ сказалъ проповѣдь.

6-го декабря. Обѣдня была въ посольской церкви. Послѣ завтракъ у Попова 2-го, именинника, въ китайской гостиницѣ. Пришлось познакомиться съ китайскими яствами, начиная съ ласточкиныхъ гнѣздъ. Отличительная особенность этой кухни—усиленное развариваніе, особенно овощей, и прѣсный вкусъ, требующій усиленной приправы. Китайское рисовое вино не дурно, сласти вкусны. Вечеромъ у посланника, какъ и всякій день, играли по маленькой въ ералашъ. Докторъ услаждалъ музыкой. Е. К. Бютцовъ, вслѣдствіе простудной лихорадки, не выѣзжаетъ и не принимаетъ. Только германскій посланникъ, фонъ Брандтъ, тоже больной, страдающій грудью, какъ особенно дружный съ Бютцовымъ, навѣщаетъ его, когда солнце свѣтитъ и грѣетъ, т. е. до 4-хъ часовъ, запираясь затѣмъ у себя на остальное время. Я былъ у него. Онъ очень пріятный въ обхожденіи и интересный въ разговорѣ. Помѣщеніе его, недавно отстроенное, переполнено собраніемъ китайской старины.

7-го декабря. Сегодня, за позднимъ обѣдомъ, собралась, по приглашенію Бютцова (совсѣмъ расхворавшагося и страдающаго ревматизмомъ, что̀ тѣмъ прискорбнѣе, что онъ въ настоящее время находится здѣсь безъ семьи, которая проживаетъ въ Россіи) вся русская колонія, были и дамы.

8-го декабря послѣдовалъ мой выѣздъ изъ города, съ пріостановкой на пути у русскаго кладбища, въ отдѣльномъ небольшомъ домѣ у о. архи-

мандрита. Наше тутъ кладбище производитъ отрадное впечатлѣніе своимъ отличнымъ порядкомъ. Все оно обнесено каменной стѣной. Гробовыя плиты и памятники содержатся заботливо, обсажены деревьями. Самое кладбище внутри наружной ограды подраздѣлено еще на отдѣлы, тоже огороженные: въ одномъ—бо́льшемъ, русскія могилы, въ другомъ пока одна лютеранская. На входномъ дворѣ установлена въ стѣнѣ мраморная плита въ память по убитымъ въ 50-хъ годахъ англичанамъ.

У упомянутаго дома, на отдѣльномъ дворѣ, хотя и за общей оградной стѣной, имѣется еще мѣньшихъ размѣровъ домъ, примѣрно въ 4 сажени длиной и въ $2^1/_2$ ширины въ одну комнату съ русской печью. Въ этомъ домикѣ въ 1859—60 г. помѣщался нашъ уполномоченный въ Китаѣ, молодой генералъ Игнатьевъ [1]), только-что передъ тѣмъ отбывшій миссію въ Хиву и Бухару. Раздѣливъ комнату ширмой, имѣлъ онъ здѣсь и кабинетъ свой и спальню, и врядъ ли не тутъ же помѣщался его слуга. Здѣсь, какъ мнѣ передавали, велъ Игнатьевъ переговоры съ китайскими властями и тутъ же видѣлся онъ съ лордомъ Эльгинымъ. Извѣстны успѣшныя его дѣйствія и достигнутые имъ результаты, и потому помѣщеніе это пріобрѣтаетъ для насъ историческое значеніе. Въ этомъ году архимандритъ Флавіанъ его поновилъ, теперь же было предположено утвердить въ наружной стѣнѣ дома доску, въ память пережитой эпохи заключенія пекинскаго договора и замиренія англо-французской съ китайцами распри.

8-го—12-го декабря. Переѣздъ изъ Пекина въ Калганъ длился ровно четверо сутокъ. Ѣхалъ на носилкахъ, къ которымъ въ переднія и заднія оглобли впрягались мулы. 2-й день переѣзда, за вратами Гуанъ-Гоу, великой китайской стѣны, былъ особенно тяжелъ. Пришлось ѣхать сначала тропою по каменистому грунту, то спускаясь, то подымаясь въ гору, а потомъ по неустроенной же дорогѣ, среди полей и деревень. Жизнь и тутъ, какъ въ переѣздъ изъ Тянь-Дзина, въ сильномъ движеніи. Обозовъ и проѣзжающихъ верхомъ и въ носилкахъ столько, что не только по неустройству пути, но по одному такому скопленію проѣзжающихъ, нельзя двигаться иначе, какъ шагомъ. Останавливались для обѣда и ночлега на постоялыхъ дворахъ. Все тѣ же китайскіе дома, съ забранными бумагой рамами и дверьми, и съ однѣми жаровнями для согрѣванія. Мы спали на нарахъ, покрытыхъ цыновками. Съ нами были пледы и шубы, особенно длинныя, неудобныя для ходьбы, но практичныя для укрыванія ногъ во время переѣздовъ. Вообще мы чувствовали себя хорошо и ѣхали весело. Только Титовъ, къ сожалѣнію, поѣхавъ вначалѣ верхомъ, упалъ и ушибъ себѣ руку, такъ что пришлось прибѣгнуть къ нашей аптечкѣ и дѣлать перевязки. При въѣздѣ

---

[1]) Нынѣ графъ (съ 1877 г.); членъ Госуд. Совѣта; былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1881—1882 гг. (по 30-е мая).

въ Калганъ, меня встрѣтилъ здѣшній почтовый нашъ чиновникъ, молодой Аслановъ, воспитывавшійся въ Иркутской гимназіи. Квартира была тепла и уютна, а купецъ-домохозяинъ, другъ тянь-дзинскаго Старцева, ведущій съ нимъ большое чайное дѣло—пріятный и толковый человѣкъ. Въ числѣ его служащихъ, одинъ юноша Карелинъ кончилъ курсъ въ кяхтинскомъ реальномъ училищѣ и здѣсь приготовляется къ торговой дѣятельности. Онъ знаетъ англійскій языкъ, что̀ для сношеній съ здѣшними портами безусловно необходимо. Всѣ эти служащіе въ нашихъ торговыхъ фирмахъ знаютъ китайскій и монгольскій языки. Различныя китайскія нарѣчія крайне затрудняютъ сношенія. Такъ съ моимъ русско-китайскимъ словаремъ, пріобрѣтеннымъ въ Пекинѣ, здѣсь, въ Калганѣ, далеко не уйдешь. Тамъ свое, здѣсь другое нарѣчіе.

Доктора въ Калганѣ, нужнаго Титову, для его больной руки, не оказалось, но нашлась докторша, среди американскихъ миссіонеровъ.

14-го декабря. Послѣ молебна, который былъ отслуженъ проѣзжавшимъ черезъ Калганъ, вновь назначеннымъ членомъ духовной миссіи о. Алексѣемъ (въ мірѣ титулярный совѣтникъ Виноградовъ, кандидатъ Ярославскаго лицея)—мы выѣхали изъ Калгана. Путь до Урги былъ разсчитанъ въ 10, 12 дней, по ниже приводимому маршруту [1]). Я и Ти-

[1]) Почтовая дорога отъ Калгана до Урги:

	вер.		вер.
1. городъ Калганъ	30	26. Хонче	28
2. Станціи: Чаганъ Тологой	25	27. Нарунъ	42
3. Бургасутай	28	28. Гербанъ-найша	28
4. Халютай	24	29. Салату	22
5. Оро-лудукъ	24	30. Дзеберъ	25
6. Куй-сутай	22	31. Бара-обо	36
7. Чжагустай	18	32. Кутулъ	30
8. Мингалъ	26	33. Сайра-жу	30
9. Чечертай	26	34. Сучжи	31
10. Чжинтай	36	35. Салгай	28
11. Улаха	24	36. Баинъ-билкихъ	28
12. Бомбету	22	37. Баннъ-хожигу	24
13. Шарахада	18	38. Баръ-дача	23
14. Болтай	22	39. Тойръ	33
15. Олонъ-лудукъ	24	40. Мотденъ	33
16. Цаганъ-худукъ	25	41. Нарынъ	30
17. Шара-муренъ	27	42. Гала-булыкъ	33
18. Уланъ-лудукъ	29	43. Ондуръ-табу	23
19. Цесы-хонгоръ	20	44. Чжаргаланту (Чергылантъ)	28
20. Коремхаръ	33	45. Дологонъ (Долдо)	20
21. Биланъ	25	46. Бухукъ	27
22. Суджи	20	47. Соносхоланту (Сондынкъ)	19
23. Толи-булакъ	25	48. городъ Ургa	23
24. Турурикъ	28		
25. Гаше	36	Всего	1296

товъ помѣстились въ 2-хъ упомянутыхъ крытыхъ телѣгахъ. Затѣмъ толмачъ и курьеръ Зайцевъ заняли 3-ю такую же крытую телѣгу. Были съ нами и верховыя лошади. Вещи, при одномъ верблюдовожатомъ, были высланы отдѣльно на 5-ти верблюдахъ. Я былъ снабженъ громаднаго размѣра подорожной. Меня сопровождали монгольскіе чиновники и конвой.

Еще два слова объ о. Алексѣѣ, только-что упомянутомъ. Его ждали въ Ургѣ и Калганѣ особенно нетерпѣливо. Предвидѣлись свадьбы, были некрещеныя еще дѣти, да наконецъ заждались церковной службы вообще. Къ тому же русское сердце ждало случая помолиться за покойнаго государя,—о чемъ и была вездѣ первая, обращенная къ о. Алексѣю просьба.

14-го—27-го декабря. Выѣхавъ изъ Калгана 14-го, мы только 27-го пріѣхали въ Ургу, ѣхавъ день и ночь, съ небольшими остановками для обѣда, ужина и кратковременнаго сна. Погода за исключеніемъ одного съ мятелью дня (въ сочельникъ, 24-го декабря), благопріятствовала путешествію. Было относительно тепло и сухо. По всей почти степи снѣга не было, а скованная морозомъ земля сдерживала песокъ песчаныхъ равнинъ, и вѣтеръ не вздымалъ его, на что́ такъ жалуются лѣтніе путешественники. Особенно озабочивали насъ наши телѣги, въ случаѣ полома, такъ какъ въ степи не найти кузнеца и потребнаго матеріала. По счастью, обошлись взятымъ съ собой запаснымъ матеріаломъ и парой запасныхъ колесъ. Останавливались въ монгольскихъ юртахъ, гдѣ посреди разводя огонь, сами стряпали себѣ пищу изъ взятыхъ консервовъ и замороженныхъ щей, пельменей, яицъ и ветчины. Эти юрты служили и для короткаго отдыха по ночамъ. Снѣжныхъ перегоновъ, когда пришлось замѣнить мелкихъ монгольскихъ лошадокъ верблюдами,—было всего 4, по направленію къ Ургѣ. Послѣдующіе же затѣмъ три перегона до Урги и далѣе по направленію къ Кяхтѣ—были опять безснѣжные. Одинъ изъ дней пути, 24 декабря, никогда не изгладится изъ памяти. Раннимъ утромъ, какъ обыкновенно, поднялись мы въ дорогу. День обѣщалъ быть благопріятнымъ. Хотя и было сумрачно, но тихо и тепло. Вскорѣ же, едва замѣтно вначалѣ, стало снизу мести, какъ будто снѣжной пеленой прикрывая и сглаживая дорогу. Постепенно, съ усиленіемъ вѣтра, метель росла, заволокала глаза, и въ этомъ вихрѣ снѣга терялись очертанія окрестныхъ мѣстъ и даже нашего собственнаго каравана. Такъ наступилъ полдень, завечерѣло, стемнѣло потомъ, а мы все еще продолжали двигаться, не видя конца пути. Наконецъ заговорили вожаки-монголы, что надо-де остановиться, распречь верблюдовъ, лечь подъ повозки и ждать, когда стихнетъ. Перспектива была невеселая, къ тому же мы всѣ съ утра ничего не ѣли. И такъ въ сомнѣніи, не зная, что предпринять и на что рѣшиться, прошло еще нѣ-

сколько времени, какъ вдругъ, на наше счастье, въ нѣкоторомъ разстояніи блеснули искры въ воздухѣ: то былъ признакъ жилья. Мы двинулись въ этомъ направленіи и вскорѣ добрели до монгольской зажиточной усадьбы. Молодая монголка, въ ожиданіи запоздавшаго мужа, развела огонь посреди своей юрты, и искры отъ этого огня послужили намъ путеводнымъ знакомъ. Мы обогрѣлись у костра, стали разогрѣвать и готовить пищу, а между тѣмъ метель стихла, небо прояснило, и міріады звѣздъ ярко заблистали надъ необозримой степью... Такъ-то, какъ и подобаетъ въ сочельникъ, намъ не пришлось ѣсть до з в ѣ з д ы...

На другой день, рано утромъ, мы доѣхали до первой, предстоявшей намъ наканунѣ станціи—большаго аула, гдѣ я устроилъ обильное угощеніе, ради нашего рождественскаго праздника, какъ своимъ конвойнымъ, такъ и аульнымъ, при чемъ женщинамъ-монголкамъ роздалъ каждой по два четвертака для серегъ, какъ онѣ носятъ.

Вся мѣстность тутъ довольно волнистая, а потому, хотя и степная, но мало напоминала мнѣ Оренбургскія киргизскія степи. Передъ въѣздомъ въ Ургу, меня встрѣтили испр. долж. консула Успенскій съ драгоманомъ Протасьевымъ, почтмейстеромъ Тарховымъ и купцомъ Воробьевымъ. Вмѣстѣ доѣхали до Урги, гдѣ въ обширномъ домѣ консула я нашелъ радушный пріютъ.

VI.

Ургa.—Прибытіе каравана.— Отъѣздъ.— Характеръ мѣстности.—Признаки осѣдлости.— Троицкосавскъ. — Кяхта. — Бестужевская школа въ Селенгинскѣ. — Декабристскій попугай.—Верхнеудинскъ. — Вторичный пріѣздъ въ Иркутскъ.— Двухмѣсячное пребываніе.— Мѣстное общество.—Письмо архіепископа Веніамина о легендарномъ старцѣ. —Переѣздъ въ Омскъ.—Обратный путь.—Пріостановка въ Томскѣ и въ Красноярскѣ.—Новый вице-губернаторъ. — Триста верстъ въ перекладной.—Вновь Иркутскъ.—Телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ. —Выѣздъ —Байкалъ.—Верхнеудинскъ. —Петровскій заводъ.—Кладбище.—Могилы Лепарскаго и друг.—Прошлое и настоящее завода.—Попутныя селенія раскольниковъ.

У р г а. 27-го — 29-го д е к а б р я. Здѣсь имѣются отдѣльные кварталы—китайскій, монгольскій и русскій. Первые два отличаются тѣмъ, что дворы окружены высокими заборами-тынами. Русскій кварталъ состоитъ изъ небольшихъ домиковъ, имѣетъ городской видъ. Большія златоверхія крыши и купола украшаютъ мѣстныя молельни. Тутъ мнѣ пришлось пробыть двое сутокъ, такъ какъ мой отъѣздъ зависѣлъ отъ прихода каравана съ моими вещами. На третій день 29-го

рано утромъ показались на горизонтѣ тонкой нитью, медленно переступавшіе верблюды—то были мои съ вещами. Прошли они при одномъ вожакѣ безъ всякаго конвоя по безпредѣльному пространству совершенно благополучно и исправно. Вообще здѣсь не запомнятъ случаевъ ограбленія каравановъ. Немедленно собравшись въ путь, 29-го же утромъ выѣхалъ по почтовому тракту въ Троицкосавскъ, куда и прибылъ 31-го въ обѣдъ.

За Ургой мѣстность измѣняетъ свой характеръ—входишь въ раіонъ менѣе степной, мѣстами гористый и лѣсной. Кочевья монголовъ отличаются уже признаками осѣдлости: имѣются загороди, навѣсы, дворы окружены заборами, однѣ только юрты остаются неизмѣнными.

Встрѣтивъ новый 1882 годъ отслуженной у меня вечеромъ на квартирѣ всенощной, я затѣмъ въ троечныхъ саняхъ по прекрасному пути проѣхалъ въ Кяхту, гдѣ обѣщалъ въ почтенной семьѣ Пфаффіуса, нашего пограничнаго коммиссара, завершить встрѣчу новолѣтія. Тутъ познакомился съ многочисленнымъ купеческимъ обществомъ Кяхты. На слѣдующій день послѣдовалъ обмѣнъ визитовъ и безконечныя приглашенія. Русскому радушію и хлѣбосольству не было ни размѣровъ, ни конца. Кяхта прекрасно обстроена, а мѣстный соборъ замѣчателенъ по виду и богатству. Многіе изъ мѣстнаго купечества сохраняютъ еще память о декабристахъ, жившихъ по сосѣдству въ Селенгинскѣ, гдѣ у Бестужевыхъ (Михаила и Николая Александровичей) была школа и гдѣ со многими другими воспитался не разъ упомянутый мной тянь-дзинскій Старцевъ. Тутъ же вращался въ дѣтствѣ проживающій теперь въ Кяхтѣ купецъ Лушниковъ. Благовоспитанность и образованность декабристовъ оставили въ краѣ замѣтный слѣдъ. Кстати о Лушниковѣ. Послѣ декабриста Торсона остался попугай, вывезенный имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія, 1819 и 21 гг., въ подарокъ матери, перевезенный ею въ ссылку къ сыну. Онъ пережилъ и хозяина своего, и его мать и по завѣщанію сестры Торсона перешелъ въ домъ Лушникова, гдѣ дожилъ до прошлаго года и гдѣ теперь, какъ дорогое воспоминаніе, въ той же клѣткѣ, въ видѣ чучелы, заботливо сохраняется.

Верхнеудинскъ. Здѣсь на пути въ Иркутскъ предстояло пріостановиться на нѣсколько дней, живя въ домѣ гостепріимной и богатой семьи Голдобиныхъ. 11-го января, вечеромъ, переѣхавъ по едва замерзшему Байкалу, я прибылъ въ Иркутскъ. Генералъ-губернаторъ Д. Г. Анучинъ, оставшись до весны съ семьей въ Петербургѣ, любезно предоставилъ мнѣ остановиться въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

Что сказать о моемъ частномъ житьѣ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ? Я устроился своимъ хозяйствомъ, при чемъ удобное и обширное помѣщеніе въ генералъ-губернаторскомъ домѣ дало мнѣ

возможность приглашать къ себѣ разныхъ лицъ, служащихъ и посторонних, съ которыми приходилось сходиться. Такимъ образомъ я могъ, съ своей стороны, хотя въ малой степени, отвѣчать на всѣ тѣ любезности, которыя расточались со всѣхъ сторонъ (обѣды Хаминова, изъ почетныхъ гражданъ тайнаго совѣтника, щедраго жертвователя на учебныя заведенія, камергера Сиверса, праздники у Базановыхъ, у городскаго головы Демидова и др.) Умный, просвѣщенный и прекрасной души архіепископъ Веніаминъ снабжалъ меня «Московскими Вѣдомостями» и «Русью», а бесѣда его была особенно дорога и поучительна. Онъ былъ предварительно нерчинскимъ и камчатскимъ епископомъ. Иркутскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Педашенко, въ этотъ мой пріѣздъ, еще болѣе убѣдилъ меня въ заботливомъ отношеніи его къ порученной ему обязанности. За отъѣздомъ генералъ-губернатора, онъ исполнялъ его должность. Н. Н. Муравьевъ, отправляясь начальствовать въ Восточную Сибирь, пригласилъ съ собой на службу нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ, и многіе изъ нихъ посвятили всю свою жизнь этой далекой окраинѣ. Въ числѣ ихъ были два брата Педашенко: одинъ упомянутый и другой, продолжавшій также служить тамъ артиллерійскій генералъ. Члены совѣта главнаго управленія Сибири Шестаковъ (горный), баронъ-Розенъ (строительный) Булатовъ (обще-распорядит.) и Ефимовъ (по суд. ч.), съ которыми мнѣ пришлось имѣть служебныя отношенія—производятъ всѣ безусловно прекрасное впечатлѣніе. Ефимовъ же, какъ самъ сибирякъ, выдается еще особой любовью и преданностью къ родинѣ. Камергеръ Сиверсъ, изъ бывшихъ мѣстныхъ исправниковъ, женившійся на дочери богатаго золотопромышленника Базанова, занималъ, состоя при генералъ-губернаторѣ, такое положеніе въ краѣ, что вновь назначенный генералъ-губернаторъ Анучинъ вызвалъ въ Петербургъ никого другаго, какъ Сиверса, хотя о дѣловитости его не могло быть и рѣчи. Это дало даже поводъ къ слѣдующей впослѣдствіи остротѣ насчетъ Анучина: его ожидали въ Сибири съ большимъ нетерпѣніемъ, но ожидали его, будто-бы, инымъ, и вотъ сочинили мѣстные остряки, что подмѣнилъ-де его Сиверсъ и привезъ не того, кого назначили.

8-го февраля. Сегодня былъ у меня прибывшій въ Иркутскъ изъ Томска купецъ Хромовъ, у котораго жилъ и умеръ старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, о которомъ я уже упоминалъ. Пріѣхалъ онъ сюда для свиданія съ своимъ зятемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ мнѣ свои записки о старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, да посѣтилъ затѣмъ высокопреосвященнаго иркутскаго Веніамина, съ которымъ велъ бесѣду о томъ же старцѣ. По этому поводу архіепископъ Веніаминъ въ тотъ же день написалъ мнѣ:

«По пріѣздѣ отъ васъ, я встрѣтилъ у себя Хромова и изъ двухъ-часоваго разговора съ нимъ только еще болѣе утвердился въ своемъ

мнѣніи о нравственно-религіозномъ состояніи Ѳедора Кузьмича. Но приписываемымъ ему высокимъ саномъ онъ самъ никогда себя не называлъ, а только на вопросъ Хромова, не онъ ли императоръ Александръ Павловичъ, отвѣтилъ: «эта тайна великая», изъ чего Хромовъ и заключилъ о его мнимомъ санѣ. Самъ онъ пришелъ къ этой мысли, вслѣдствіе народной молвы о смерти Александра 1-го и еще вслѣдствіе бывшаго, будто-бы, видѣнія красноярской діаконицы Поповой, родственницы преосвященнаго Павла камчатскаго, а она это видѣніе видѣла по возвращеніи изъ путешествія на богомолье въ Россію, гдѣ, вѣроятно, также слышала о народной молвѣ. Вообще же я замѣтилъ, что Хромовъ непонятныя слова Ѳ. К. любитъ объяснять согласно своимъ предвзятымъ о немъ мнѣніямъ».

Съ своей стороны по отношенію къ Хромову прибавлю, что онъ ничего для себя лично не ищетъ и ни о чемъ не ходатайствуетъ, развѣ только объ охраненіи и поддержаніи могилы Ѳедора Кузьмича въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ—скромнаго деревяннаго креста съ такой же деревянной оградой. На этомъ крестѣ была Хромовымъ сдѣлана надпись: «Великій рабъ Божій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ», но, распоряженіемъ полиціи, надпись эта была, почему-то, уничтожена.

9-го марта я выѣхалъ въ Усолье, (варницы Базановыхъ и Хаминова, рядомъ съ Александровскимъ солевареннымъ заводомъ). Оттуда же, на слѣдующій день, отправился по большому сибирскому тракту, на Томскъ, въ Омскъ. Теперь зимой эти, здѣшнихъ лѣсовъ, пихты, ели, сосны, вѣчно зеленыя, еще величественнѣе. Путешествіе по здѣшнимъ мѣстамъ—«сущій бредъ», по выраженію Сперанскаго.

Зимній путь прервался за двѣ лишь станціи до Красноярска, всегда бѣднаго снѣгами. Но что за дорога оказалась за Ачинскомъ къ Томску! Выбоины и ухабы размѣрами и учащенностію превосходятъ всякое предположеніе. Завертки у оглоблей рвались по нѣсколько разъ въ день, ломались отводы у саней, а каково было ѣдущимъ. Человѣкъ оказывается выносливѣе и все ему сходитъ легче. Такъ и мы благополучно добрались до Томска, гдѣ мнѣ пришлось пробыть 3 дня. Отсюда къ Омску (мѣстопребываніе генерала-губернатора) путь лежалъ на Колывань и Каинскъ, такъ—называемой Барабой. Здѣсь, какъ и на пути къ Ачинску, въ округахъ Ачинскомъ и Каинскомъ много ссыльныхъ, приселенныхъ къ селеніямъ старожиловъ. Недѣля, проведенная мною въ Омскѣ въ домѣ генералъ-губернатора Мещеринова, благодаря Григорію Васильевичу и Вѣрѣ Дмитріевнѣ и ихъ милымъ дѣтямъ—была мнѣ особенно по сердцу. Омскъ выдается массой учебныхъ заведеній, прекрасно обставленныхъ. Тутъ кстати упомянуть, что и мѣстная тюрьма, по прилагаемой заботѣ вице-губернаторомъ Курбановскимъ (студентъ Казанскаго университета), оказалась въ хорошемъ состояніи.

На обратномъ пути, для нѣкоторыхъ служебныхъ справокъ, я долженъ былъ вновь остановиться въ Томскѣ. Тутъ, на этотъ разъ, могъ закончить возложенное на меня министромъ внутреннихъ дѣлъ особое порученіе по телеграфному департаменту. Собираемыя данныя по другому еще порученію, по почтовому департаменту, значительно пополнилъ. Здѣсь, за малымъ уже снѣгомъ, пришлось разстаться съ возкомъ и ѣхать на перекладныхъ саняхъ. Не доѣзжая же до Иркутска за 300 верстъ, пришлось бросить и сани и продолжать путь въ почтовой телѣгѣ. Наконецъ оказалось, что Ангара подъ Иркутскомъ уже прошла, такъ что переѣхать ее возможно было только въ Усольѣ, гдѣ ледъ еще держался. Эти послѣднія свѣдѣнія получены мною въ Красноярскѣ, гдѣ я былъ задержанъ по дѣламъ на три дня. Такимъ образомъ затянулась моя поѣздка до конца марта. Желаніе мое отдѣлить въ здѣшней тюрьмѣ дѣтей отъ взрослыхъ уже осуществлено, другія же по Красноярской тюрьмѣ пожеланія и данныя указанія ожидаютъ еще исполненія.

Переѣздъ къ Иркутску на перекладной сказался на здоровьѣ: меня стало сильно лихорадить, а весеннее солнце дотого обожгло лицо, что совѣстно показаться. Возвратился какъ разъ къ Пасхѣ и благодаря домовой церкви въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, могъ, не выѣзжая, причаститься за пасхальной литургіей.

Перечтя только-что записанное относительно совершеннаго переѣзда, не могу еще разъ не упомянуть о видимомъ довольствѣ сибирскихъ деревень. Теперь зимой окна въ избахъ заставлены самыми яркими цвѣтами. Такая любовь къ цвѣтамъ необычна у насъ. Тесовыя крыши и хорошія постройки, при широкихъ, длиннѣйшихъ улицахъ, придаютъ селеніямъ характеръ пригородныхъ слободъ. Отсутствуютъ только благолѣпные храмы. За рѣдкими исключеніями, всѣ имѣющіяся въ селеніяхъ церковки, какъ ихъ тутъ называютъ, деревянныя, вродѣ избныхъ срубовъ. Но войдя въ нихъ, а мнѣ случалось не разъ въ дорогѣ пріостанавливаться и входить во время службы, даже во время утрень, найдешь церковь переполненной молящимися.

30-го марта. Предположенію моему вернуться морскимъ путемъ, по обозрѣніи Нерчинской каторги и посѣщеніи еще разъ Сахалина, не суждено осуществиться. Мной получена слѣдующая телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ: «желательно, чтобы вы успѣли осмотрѣть Кару и безотлагательно вернулись въ Петербургъ, для вступленія въ управленіе въ виду выхода статсъ-секретаря Грота» [1]).—Я отвѣчалъ, что, выѣзжая немедленно въ Нерчинскъ — Кару, безотлагательно по осмотрѣ, отправлюсь обратно, кратчайшимъ путемъ, на Томскъ.

---

[1]) К. К. Гротъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ и завѣдывалъ въ это время, на правахъ министра, тюремнымъ управленіемъ.

3-го апрѣля. Выѣхалъ ночью въ Верхнеудинскъ. Не безъ затрудненій пришлось перебраться черезъ Байкалъ: зимній путь еле поддерживался и Байкалъ грозилъ со дня на день вскрытіемъ. Экипажъ перевезли шагомъ по льду у самаго берега. Путешественники же, въ томъ числѣ и я, слѣдовали то пѣшкомъ, то съ помощью салазокъ, запряженныхъ въ одну лошадь, ведомую проводникомъ. Путь лежалъ среди громаднаго размѣра льдинъ, вывороченныхъ изъ глубинъ Байкала и покрывшимъ его почти сплошь. Образовавшіяся расщелины во льду были мѣстами настолько широки, что переступить ихъ было невозможно; тутъ помогали салазки. Переходъ былъ совершенъ благополучно. На слѣдующій день изъ Верхнеудинска я проѣхалъ въ Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, гдѣ работаютъ арестанты каторжнаго разряда. Тутъ, въ свое время, работали декабристы. На кладбищѣ сохраняется могила извѣстнаго по доброй памяти С. С. Лепарскаго. На томъ же кладбищѣ имѣются памятники, поставленные надъ прахомъ вѣрныхъ спутницъ своихъ мужей—Муравьевой (рожденной графини Чернышевой) и Анненковой. Могила недавно умершаго декабриста Горбачевскаго осѣняется большимъ крестомъ, замѣтнымъ издалека. Домъ семьи Трубецкого служитъ помѣщеніемъ управленія заводомъ, и тамъ же было мое временное помѣщеніе. Другіе дома—Ивашева, Фонвизина — отошли подъ разныя надобности управленія. Всѣ они вблизи завода, отъ котораго тянутся теперь длинныя улицы жилищъ крестьянъ-рабочихъ. 40 человѣкъ каторжныхъ, изъ разряда исправляющихся, живутъ по квартирамъ, или же въ домахъ, принадлежащихъ ихъ семьямъ. Отбывая урокъ, они въ остальное время дня ходятъ на частныя работы. Въ большинствѣ нуждаются. Жены-матери жаловались мнѣ на невыдачу на дѣтей кормовыхъ, за недостаткомъ ссыльно-поселенческаго капитала. Осмотръ завода и самой добычи руды (въ 20 верстахъ) привелъ къ неутѣшительному выводу о совершенной первобытности обработки и добычи желѣза. Новыхъ развѣдокъ не производится по неотпуску необходимыхъ средствъ. Добываютъ руду на поверхности то тамъ, то сямъ, лишь бы выручить опредѣленный minimum (100 тысячъ пудовъ). Возможность увеличенія добычи и задолжанія на работы несравненно большаго числа каторжныхъ очевидна. Помимо этого, весьма существеннаго обстоятельства, меня заинтересовалъ самый путь къ заводу среди сплошныхъ полей и зажиточныхъ поселеній такъ называемыхъ «семейскихъ». Это раскольники-безпоповцы, выселенные сюда со своими семьями, болѣе 100 лѣтъ назадъ, изъ сѣверо-западнаго края. Обстановка ихъ жилищъ отличается вкусомъ и довольствомъ. Женщины общительны, щеголеваты и красивы. Мужья болѣе сдержаны въ обращеніи, умны и работящи. Старики сильны общимъ къ нимъ уваженіемъ и послушаніемъ. Хлѣбопашество составляетъ исключительное

ихъ занятіе. Обрабатываютъ они одни яровые хлѣба, начиная съ ярицы, кончая пшеницей. Распахиваютъ землю до самыхъ вершинъ горъ, живописующихъ берега Селенги. Меня встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. «Семейцы», какъ ихъ всѣ здѣсь называютъ, вспоминали великаго князя Алексѣя Александровича, его ласковое обращеніе. Старецъ Медвѣдевъ просилъ «поклониться» ему отъ нихъ. Недостатокъ земли побуждаетъ ихъ ходатайствовать о прирѣзкѣ земли. Хорошо было бы отъ каждаго селенія ихъ устроить выселки по Амуру и Уссури. Старики могли бы руководить этими новыми заселеніями; ихъ же устойчивость въ работѣ, единеніе въ поддержаніи другъ друга и трезвый образъ жизни—послужили бы залогомъ упроченія и развитія такихъ выселковъ, въ примѣръ другимъ. Забайкальскій губернаторъ, генералъ Ильяшевичъ, высказывалъ мнѣ по этому поводу свою мысль—направить ихъ въ бурятскія степи, поясняя, что «буряты мало что извлекаютъ изъ земли: будучи народомъ кочевымъ, угнетаемымъ ламами, они только при осѣдлости, къ чему, можетъ быть, побудили бы ихъ, своимъ примѣромъ, русскіе раскольничьи поселенія,—могли бы сдѣлаться и себѣ и правительству полезными».

VII.

Весенняя погода.—Вновь Чита.—Балъ.—Нерчинскъ.—Пребываніе на Усть-Карѣ.—Общія замѣчанія.—Закладка пріютскаго зданія.—Объѣздъ рудниковъ.—Нерчинскій заводъ.—Сосредоточеніе каторжныхъ.—Акатуевскій рудникъ.—Мѣстность.—Побѣгъ государственныхъ преступниковъ.—Опять Кара.—Возвратный путь.—Чита.—Необходимость образованія отдѣльнаго генералъ-губернаторства изъ всего Приамурскаго края съ Забайкальской областью.—Верхнеудинскъ.—Опять Иркутскъ.—Отъѣздъ.—Архіепископъ Веніаминъ.—Томскъ.—Встрѣчные пароходы „Бѣленченко“ и „Косаговскій“.—Свиданіе съ генералъ-губернаторомъ Анучинымъ.

12-го апрѣля. Весна во всемъ блескѣ теплаго, яркаго солнца. Дороги просохли. По пріѣздѣ въ Читу подлежалъ обсужденію вопросъ о политическихъ каторжныхъ—объ устройствѣ ихъ положенія по окончаніи сроковъ заключенія. Желательное устройство поселеній, съ надѣломъ землею, изъ отбывшихъ каторгу, по возможности на мѣстѣ, не выселяя въ Якутскую область и другія мѣстности, составляетъ вообще большую заботу и немало затрудняетъ мѣстное управленіе.

15-го апрѣля, утромъ, выѣхалъ изъ Читы, легши спать на разсвѣтѣ послѣ пира-бала у Ильяшевичъ. Все Читинское общество было на лицо. Красивая Л., дочь урожденной Трубецкой, дочери декабриста

отъ непризнаннаго брака съ мѣстной сибирячкой—привлекала къ себѣ общее вниманіе. Переѣздъ отъ Читы до Нерчинска, въ настоящую, весеннюю пору, былъ очень затруднителенъ: горныя рѣчки перерѣзывали и портили путь, а безконечныя горы затрудняли болѣе обыкновеннаго подъемы и спуски. Особенно ощущалось это между станціями Князь-Береговой и Галкиной (казачья станица). 16-го вечеромъ мы добрались наконецъ до гор. Нерчинска. Огромный домъ Бутиныхъ, гдѣ и на этотъ разъ мнѣ пришлось остановиться, съ большимъ садомъ при домѣ, оранжереями и различными заведеніями составляетъ главную привлекательность города. Гостепріимные хозяева ожидали насъ. 17-го вечеромъ въ здѣшнемъ отдѣленіи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, въ Бутинскомъ помѣщеніи, Бутинскимъ же оркестромъ былъ данъ концертъ по слѣдующей программѣ: I, 1) Увертюра «Jean de Paris»—Boieldieu 2) Гавотъ «Heimliche Liebe»—Resch, 3) «Дочь Фараона», соло для флейты—Ciardi. II, 4) Увертюра «Les diamants de la Couronne»—Auber, 5) Романсъ «Fruhlingsgruss—Resch, 6) Увертюра «L'enlevement du Sérail—Mozart.

Ожидаю пріѣзда Ильяшевича, чтобы одновременно съ нимъ ѣхать отсюда на Кару. Выѣхали 19-го, на Срѣтенскъ, въ Усть-Кару.

Съ 20-го по 25-е апрѣля провелъ на Карѣ. Осмотръ помѣщеній и арестантскихъ работъ по снятію торфа съ золотоносныхъ песковъ и по разнымъ постройкамъ подтвердилъ еще разъ, что всѣ эти работы, какъ и бо́льшая часть производимыхъ на Сахалинѣ, за исключеніемъ работъ въ угольныхъ копяхъ,—если и представляютъ значеніе въ смыслѣ отбытія наказанія, то единственно вслѣдствіе отдаленности и особыхъ условій самаго мѣста ссылки, а отнюдь не по трудности и тяжести работъ. Къ тому же работы производятся безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Достаточно сказать, что подраздѣленія испытуемыхъ и исправляющихся совершенно изгладились изъ практики. Такъ, испытуемыхъ назначаютъ на домашнія, хозяйственныя по тюрьмамъ работы и наоборотъ исправляющихся продолжаютъ занимать болѣе тяжелыми работами. На неправильное исчисленіе сроковъ наказанія предъявлялись постоянныя жалобы...

Общее расположеніе Карійскихъ тюремъ и самая мѣстность признаются вполнѣ удовлетворительными. Только пребываніе тутъ политическихъ, среди массы каторжныхъ, представляется неудобнымъ. Къ тому же устроенныя для нихъ тюрьмы (для мужчинъ и женщинъ отдѣльно), по системѣ общаго содержанія, не удовлетворяютъ требованіямъ порядка, ниже ихъ собственному желанію. Они начинаютъ тяготиться общеніемъ между собою. Цѣлая партія политическихъ въ 12-ть человѣкъ, по настоятельной ихъ просьбѣ, выдѣлена и помѣщена отдѣльно въ такъ-называемомъ карцерномъ домѣ, съ общей по серединѣ комнатой, на

Усть-Карѣ. 4-ро другихъ выдѣлены еще и помѣщены въ особыхъ карцерныхъ камерахъ, въ зданіи военнаго караула, по ихъ же просьбѣ. Всѣ ихъ ходатайства были мною разсмотрѣны и возможныя тогда же удовлетворены.

24-го апрѣля состоялась закладка Пріютскаго зданія для арестантскихъ дѣтей. Теперь они помѣщаются въ отдѣльномъ старомъ зданіи. Благодаря новому, молодому смотрителю Бородину, пріютъ поставленъ хорошо, и дѣти-мальчики производятъ прекрасное впечатлѣніе. Для дѣвочекъ же пока не имѣется помѣщенія.

Выѣхалъ 25-го въ Срѣтенскъ и оттуда проѣхалъ по горной дорогѣ на Александровскій заводъ, Акатуй, Алгачинскій рудникъ, Покровскій Кутомарскій заводы, рудникиКадаинскій, Савинскій и Горно-Зерентуйскій, гдѣ строится каменная тюрьма,—въ Нерчинскій заводъ, куда и прибылъ 1-го мая поздно вечеромъ, употребивъ на осмотръ упомянутыхъ пунктовъ, производящихся въ нихъ работъ и имѣющихся при нихъ помѣщеній для рабочихъ-каторжныхъ, ровно шесть сутокъ. Во всѣхъ упомянутыхъ серебро-свинцовыхъ рудникахъ и заводахъ, имѣющіеся для рабочихъ-каторжныхъ зданія—всѣ деревянныя, временныя (въ виду срочности разработки рудниковъ). Большинство требуетъ замѣны новыми, или же капитальнаго ремонта и пристроекъ. Относительно самыхъ работъ слѣдуетъ сказать, что онѣ здѣсь несравненно внушительнѣе и требуютъ много рукъ. Вообще тутъ горное дѣло—въ запустѣніи, оживленіе же его и расширеніе возможны и были бы необходимы въ цѣляхъ, по крайней мѣрѣ, пенитенціарныхъ.

Опытъ поселенія отбывшихъ каторгу примѣненъ здѣсь въ окрестностяхъ Алгачинскаго рудника и оказался весьма удачнымъ. 6-ть домовъ обстроились и обзавелись скотомъ (отъ 5 до 20 головъ) и всѣмъ необходимымъ для хлѣбопашества. При домахъ имѣются огороды.

Возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли всѣхъ каторжныхъ, закрывъ каторжныя тюрьмы во внутреннихъ губерніяхъ и также въ губерніяхъ западно-сибирскихъ, направлять исключительно на Сахалинъ и на Кару, удаляя съ Кары и частію съ Сахалина необходимыя партіи каторжныхъ, для работъ по благоустройству городовъ Хабаровки, Владивостока и др. по Амуру, а равно по устройству поселеній и столь необходимыхъ въ краѣ дорогъ. Въ этомъ случаѣ вопросъ о каторгѣ облегчился бы въ томъ уже отношеніи, что каторга была бы сосредоточена и къ тому же въ мѣстности, наиболѣе отвѣчающей требуемымъ условіямъ.

Осмотрѣнный мною Акатуевскій рудникъ весьма незначителенъ по размѣрамъ добычи серебра, но по своему уединенному мѣстоположенію обратилъ на себя, въ свое время, вниманіе и служилъ мѣстомъ ссылки нѣкоторыхъ декабристовъ. Отъ того времени сохранились еще небольшія зданія. Мѣстность чрезвычайно живописная, величественная даже,

и должна дѣйствовать успокаивающимъ, умиротворяющимъ образомъ. Замѣчательно, что и вторая здѣсь мѣстность, избранная для работъ декабристовъ—рудникъ Благодатскій, среди селенія того же имени, неподалеку отъ проѣзжей дороги,—необыкновенно живописна. Спускаясь тутъ съ горы, чувствуешь себя дѣйствительно въ горномъ царствѣ: изрытая горами, съ падями, покрытыми теперь въ изобиліи подснѣжниками и пробивающеюся зеленью, съ крестами и часовеньками на вершинахъ ближнихъ къ поселеніямъ горъ—мѣстность эта сильно впечатлѣетъ путника. Видимыя въ разныхъ мѣстахъ штольни призываютъ въ глубины горъ на работу, по добычѣ металловъ, и сколько уже было употреблено тутъ труда и сколько еще предстоитъ!..

На лугахъ Забайкалья насчитывается до 1.700 видовъ различныхъ растеній. Этимъ объясняется чарующее впечатлѣніе особой цвѣтистости здѣшнихъ луговъ.

На Акатуевскомъ кладбищѣ погребенъ декабристъ Лунинъ, умершій въ 1845 году. На плитѣ невысокаго, обнесеннаго желѣзной рѣшеткой, обелиска, осѣненнаго желѣзнымъ же крестомъ, имѣется надпись: «незабвенному брату Михаилу Сергѣевичу Лунину скорбящая сестра З. У». Далѣе число и годъ смерти.

Предпринятый мною переѣздъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ прямо въ Читу былъ прерванъ сообщеніемъ генерала Ильяшевича о побѣгѣ съ Кары 8 государственныхъ преступниковъ, съ обращенной ко мнѣ его просьбой проѣхать вновь въ Усть-Кару. Въ числѣ бѣжавшихъ было два серьезныхъ: Мышканъ и Юрковскій (извѣстный подъ именемъ Сашки). Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось со станціи Бянкиной повернуть опять на Срѣтенскъ и оттуда въ Усть-Кару. Въ Бянкиной, или иначе въ Борщовско-Бутинскомъ заводѣ, я ночевалъ и утромъ 6-го мая осмотрѣлъ собираемый тутъ на Шилкѣ 100-сильный пароходъ, построенный на Бутинскомъ же Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Собираетъ англичанинъ. «Тутъ все съ Николаевскаго завода, нѣтъ ни одного гвоздика чужаго-заграничнаго»—сказалъ мнѣ англичанинъ съ своего рода гордостью, достойной истаго русскаго. Здѣсь имѣется и паровая мельница и зерносушилка и механическое обширное заведеніе. На винокуренномъ заводѣ дѣйствуетъ уже новый очистительный аппаратъ.

Изъ Срѣтенска, за непмѣніемъ парохода, пришлось плыть до Усть-Кары въ обыкновенной лодкѣ, на веслахъ. Лодка текла, приходилось воду вычерпывать. Розыскъ бѣжавшихъ въ полномъ ходу. 4-хъ уже задержали. Остальные плывутъ, будто-бы, внизъ по Амуру.

13-го мая, выѣхалъ изъ Усть-Кары обратно въ Нерчинскъ, откуда проѣхалъ (по пути въ Читу) на Дарасунскій золотой промыселъ, принадлежащій Бутину. Тутъ добываютъ золото, какъ поверхностной разработкой (снятіемъ торфовъ), такъ и въ шахтахъ. Здѣсь работаютъ до 80

каторжныхъ, разряда исправляющихся, подъ надзоромъ казачьяго офицера. Отсюда я направился безостановочно въ Читу.

Здѣсь, на грани Забайкалья, сводя свои впечатлѣнія по ознакомленію съ Амурскимъ краемъ, я не могу не остановиться на необходимости выдѣленія его въ самостоятельное генералъ-губернаторство, со включеніемъ въ него Забайкальской области, Сахалина и Камчатки. Какъ ни спеціальны были мои занятія по порученному мнѣ дѣлу по ссылкѣ и каторгѣ, но они затрогивали столько пружинъ правительственныхъ и частныхъ въ краѣ, что мнѣ довелось, благодаря, какъ самымъ разъѣздамъ, такъ и особо-благопріятно сложившимся обстоятельствамъ, достаточно ознакомиться со страною и съ ея настоятельными надобностями. Къ числу же сихъ послѣднихъ безспорно принадлежитъ безотлагательное осуществленіе давняго, не разъ возникавшаго предположенія объ образованіи тутъ отдѣльнаго отъ Иркутскаго генералъ-губернаторства—особаго административнаго и военнаго центра управленія. Еще графъ Муравьевъ-Амурскій настаивалъ на этомъ. Польза же этой мѣры раздѣляется тутъ всѣми, да врядъ ли возможно отрицать значеніе ея, какъ въ административномъ отношеніи, сокращая разстоянія и приближая центръ управленія, такъ и въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ по ближайшей смежности съ китайской границей [1]).

---

[1]) Соображенія эти, болѣе подробно изложенныя, нашли себѣ мѣсто въ моемъ отчетѣ по обозрѣнію тюремной части въ Сибири. Отчетъ этотъ былъ напечатанъ и разсмотрѣнъ, при моемъ участіи, въ Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ, въ засѣданіяхъ 23-го октября, 1-го и 8-го ноября 1882 года, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ, члена Госуд. Сов. М. Н. Любощинскаго и членовъ Совѣта по тюремнымъ дѣламъ: членовъ Госуд. Сов. К. П. Побѣдоносцева и М. Е. Ковалевскаго и сенаторовъ: Э. В. Фриша, А. Д. Шумахера и С. А. Мордвинова и ст. сов. Н. В. Муравьева.

Приступая къ разсмотрѣнію отчета и въ виду возбужденныхъ въ немъ нѣкоторыхъ вопросовъ, не касающихся прямо и непосредственно тюремной части, Совѣтъ подвергъ предварительно обсужденію—могутъ ли таковые вопросы подлежать разсмотрѣнію Совѣта по тюремнымъ дѣламъ. „Принявъ „во вниманіе, что развитіе тюремнаго дѣла вообще, и особенно въ такомъ „краѣ, какъ въ Сибири, гдѣ тюремная часть искони составляла одну изъ са„мыхъ важныхъ задачъ управленія, находится въ тѣсной связи и непосред„ственной зависимости отъ разнаго рода административныхъ мѣропріятій по „самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ,—Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что „ему необходимо уяснить себѣ по каждому отдѣльному вопросу эту связь и „зависимость; для этой же цѣли Совѣтъ долженъ войти въ разсмотрѣніе всѣхъ „вообще предположеній, такъ или иначе касающихся тюремной части, хотя „бы они относились къ компетенціи другихъ вѣдомствъ“. Согласно сему Совѣтъ коснулся и возбужденнаго вопроса объ учрежденіи отдѣльнаго генералъ-губернаторства на Амурѣ. „Не входя въ обсужденіе этого вопроса въ виду его „обширности и совершенно-исключительной важности по значенію сколько въ „административномъ вообще, столько же и въ политическомъ и военномъ

Простившись съ Читой, а потомъ и съ Верхнеудинскомъ, я заѣзжалъ по пути въ Троицкій монастырь и затѣмъ съ первымъ пароходомъ переправившись черезъ Байкалъ,—26-го мая прибылъ въ Иркутскъ. Это былъ мой четвертый и на этотъ разъ послѣдній пріѣздъ сюда.

За годъ почти времени я успѣлъ полюбить Сибирь. О пережитомъ же тамъ времени сохраню навсегда лучшія воспоминанія.

„отношеніяхъ, Совѣтъ—какъ было выражено въ его журнальномъ постано-„вленіи—счелъ, однако, нужнымъ заявить, что для прочнаго устройства соб-„ственно тюремной части въ Восточной Сибири, разрѣшеніе настоящаго во-„проса въ объясненномъ выше смыслѣ по тѣмъ основаніямъ, которые были „высказаны тайн. сов. Галкинымъ-Враскимъ, нельзя не признать же-„лательными“. Присоединяясь къ сему, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, далъ дальнѣйшее движеніе настоящему предпо-ложенію. Сообщая таковое на заключеніе военнаго министра и также министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Толстой пояснилъ, что „едва-ли вообще „полезность сосредоточенія въ болѣе сильныхъ рукахъ завѣдыванія столь „новымъ еще Амурскимъ краемъ можетъ подлежать сомнѣнію и что въ этомъ „случаѣ вопросъ сводится лишь къ практическому разрѣшенію“.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій, въ своемъ отзывѣ, отъ 23-го мая 1883 года, сообщилъ свои, въ томъ же направленіи, соображенія относительно необходимости объясненной мѣры, при чемъ присовокупилъ, что „въ виду по-„лученнаго имъ высочайшаго указанія объ образованіи особаго совѣщанія для „всесторонняго обсужденія нашего военнаго и политическаго положенія на „прибрежьѣ Великаго океана и Приамурскомъ краѣ, при измѣнившейся „политикѣ Китая, онъ полагаетъ испросить высочайшее повелѣніе на то, „чтобы этому совѣщанію поручено было обсудить, въ главныхъ основаніяхъ, „вопросъ о переустройствѣ управленія Восточною Сибирью, съ учрежденіемъ „отдѣльнаго самостоятельнаго центра для Приамурскаго края“.

Съ своей стороны, статсъ-секретарь Гирсъ сообщилъ, „что громадное „протяженіе пограничной черты, находящейся въ вѣдѣніи генералъ-губерна-„тора Восточной Сибири, и значительное разстояніе, отдѣляющее многіе изъ „ея пунктовъ отъ Иркутска, составляютъ существенныя неудобства, постоянно „выражающіяся въ осложненіяхъ на нашей границѣ съ Китаемъ, въ особен-„ности въ нижней части Уссурійскаго края, почему учрежденіе генералъ-„губернаторства на Амурѣ не преминетъ, въ значительной степени, облегчить „обязанности властей нашихъ по устройству положенія дѣлъ, какъ въ озна-„ченномъ краѣ, такъ и на его границѣ“.

Упомянутое въ отзывѣ военнаго министра совѣщаніе, согласно послѣдовавшему высочайшему повелѣнію, было вслѣдъ затѣмъ образовано, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента экономіи Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанта графа Баранова, въ составѣ министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, военнаго, финансовъ и путей сообщенія, управляющаго морскимъ министерствомъ, членовъ Государственнаго Совѣта: генералъ-адъютантовъ графа Игнатьева и Лесовскаго, начальника главнаго штаба, главнаго интенданта, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, начальника Азіатскаго департамента и начальника главнаго тюремнаго управленія.

Высокопреосвященный Веніаминъ, дѣлая свой объѣздъ по епархіи, поджидалъ меня на станціи за Иркутскомъ и благословилъ образомъ.

Переѣздъ изъ Иркутска предстоялъ безостановочный, такъ какъ всѣ служебныя занятія были мною закончены. Тѣмъ не менѣе пришлось ѣхать крайне медленно, вслѣдствіе убійственной дороги, размытой дождями и еще неисправленной. Такимъ образомъ, выѣхавъ изъ Иркутска 1-го іюня, я только 9-го добрался до Томска, гдѣ поджидавшій пароходъ разводилъ уже пары.

Потомъ дополнительно въ составъ совѣщанія поступили: министръ юстиціи, управляющій министерствомъ Государственныхъ имуществъ, Государственный контролеръ и нашъ посланникъ въ Японіи. Сверхъ того, по распоряженію предсѣдателя, были приглашаемы въ засѣданія и нѣкоторыя другія лица.

Дѣлопроизводителемъ-докладчикомъ состоялъ генералъ-маіоръ Петровъ, нынѣ начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

Въ результатѣ занятій этого совѣщанія, независимо обсужденія различныхъ мѣропріятій по военному вѣдомству, послѣдовало опредѣленіе объ учрежденіи Приамурскаго генералъ-губернаторства, каковое затѣмъ, согласно внесенному, въ декабрѣ 1883 года, представленію министра внутреннихъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ, и было высочайше утверждено.

Въ дѣлѣ мѣстныхъ пограничныхъ сношеній—для коихъ учрежденіе самостоятельнаго административнаго и военнаго центра въ Приамурскомъ краѣ получало особое значеніе,—не лишне будетъ привести здѣсь имѣвшіяся въ виду означеннаго совѣщанія, весьма вѣскія, для того времени, обстоятельства, а именно: фактически было обнаружено стремленіе манчжурскихъ властей подчинить не только своему вліянію китайское населеніе Южно-Уссурійскаго края, но и ввести среди его свое управленіе, чинить судъ и расправу. Оказалась такого рода тайная организація, что одинъ изъ проживавшихъ на рѣкѣ Сучанѣ манзъ, Лигуй, назначенный, по богдыханскому указу, начальникомъ своихъ единоплеменниковъ, составилъ изъ нихъ вооруженную шайку и распорядился укрѣпленіемъ нѣсколькихъ пунктовъ. Потребовалась посылка на рѣку Сучанъ нашего военнаго отряда, для возстановленія порядка. Въ распространяемыхъ среди манзовскаго населенія объявленіяхъ внушается, что и самый Южно-Уссурійскій край находится лишь во временномъ владѣніи Россіи. Въ пограничномъ селеніи Савеловкѣ, прибывшимъ въ августѣ 1882 года начальникомъ Гиринской области, выше мною, въ бытность во Владивостокѣ, упомянутымъ,—Ли-Цзинъ-Юномъ, было потребовано отъ постоваго начальника—очистить военный постъ съ мѣсячный срокъ, съ угрозой при неисполненіи употребить силу. Въ объясненіе приводилось, что эта мѣстность принадлежитъ Китаю, при чемъ оказался скрытно перемѣщеннымъ граничный столбъ на рѣкѣ Туменъ-Ула. Съ нашей стороны былъ высланъ военный отрядъ для занятія имъ Савеловки и было предъявлено требованіе китайскимъ властямъ объ удовлетвореніи за совершенныя еще при томъ разныя безчинства. Указаніе на неправильность границы, невѣрность, будто бы, карты было еще заявляемо по отношенію къ заливу „Посьетъ“, въ цѣляхъ его возвращенія, такъ какъ, по откровенному объясненію манчжурскаго даотая У, главноначальствующаго гражданскою частію въ Манчжуріи, для развитія этой провинціи необходимо владѣніе заливомъ Посьетъ.

*

На 3-й день хода, 11-го іюня, пароходъ, на которомъ я шелъ, носящій имя генерала «Бѣленченко», повстрѣчался съ пароходомъ «Косаговскій», такъ прозваннымъ по имени бывшаго директора департамента полиціи исполнительной. Случайная встрѣча. Оба эти лица извѣстны, какъ бывшіе друзья и сослуживцы—начальные устроители водной и конной перевозки арестантовъ. На пароходѣ «Косаговскій» слѣдовалъ возвращавшійся изъ Петербурга генералъ-губернаторъ Анучинъ. По предварительномъ сношеніи, пароходы пріостановились, и благодаря этому, я могъ посѣтить Дмитрія Гавриловича, обмѣняться съ нимъ мыслями и хотя нѣсколько переговорить о взаимно интересовавшихъ насъ дѣлахъ...

М. Галкинъ-Враской.

Изъ смутнаго времени.

(Мало или вовсе неизвѣстные источники).

Разработка исторіи названнаго Димитрія началась сравнительно давно, когда еще далеко не весь матеріалъ былъ отысканъ и обслѣдованъ. Таковъ часто ходъ исторической науки, и было бы неразумно ставить это въ укоръ изслѣдователямъ. Иначе и быть не можетъ: только постепенно появляются на свѣтъ Божій зарытые въ архивахъ документы и нерѣдко нужны вѣковыя усилія, чтобы дойти до полнаго освѣщенія какой-либо эпохи.

Въ виду умноженія такого матеріала, я укажу на нѣкоторые памятники, которые или оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, или извѣстны только въ тѣсномъ кругу немногихъ ученыхъ.

Настоящая статья не имѣетъ критическаго характера. Не слѣдуетъ также искать въ ней полноты—мелкіе документы, какъ, напримѣръ, письма Петра Аркудія или Сигизмунда Мышковскаго, вовсе въ ней не уломянуты. Побывавъ въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи, Самборѣ, Москвѣ и Петербургѣ, заглянувъ повсюду въ архивы, я отмѣчу только то, что меня всего болѣе поразило; это—бѣглыя путевыя замѣтки.

I. Три записки Льва Сапѣги.

Записки литовскаго канцлера были извѣстны князю Оболенскому и по достоинству оцѣнены имъ; но, вопреки своей обычной дѣятельности, онъ не успѣлъ ихъ напечатать. Впослѣдствіи онѣ какъ-то сошли съ горизонта; даже знающіе объ ихъ существованіи не могли ихъ отыскать. Только благодаря просвѣщенному содѣйствію С. А. Бѣлокурова

и его отличному знакомству съ московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ мнѣ удалось добраться до нихъ и воспользоваться ими [1]). Безъ всякаго колебанія записки Льва Сапѣги должны быть отнесены къ источникамъ первостепенной важности.

Насъ интересуютъ особенно двѣ первыя записки. Онѣ писаны, какъ, впрочемъ, и третья, собственною рукою канцлера, безъ обозначенія времени, но, очевидно, въ разгаръ войны между Россіею и Польшею, послѣ появленія втораго самозванца. Сапѣга стремится доказать, что Сигизмундъ III вовсе не желалъ прибѣгать къ оружію и, попутно, разсказываетъ всю исторію Димитрія, очень сходно съ русскими источниками, хоть на нихъ и не ссылается, и, повидимому, излагаетъ свое собственное убѣжденіе. О Димитріѣ утверждается положительно, что онъ не былъ царскаго происхожденія, а просто Гришка Отрепьевъ, сынъ Богдана.

Если даже допустить, что Сапѣга придерживался постороннихъ свидѣтельствъ, то, все-таки, его заявленіе отмѣнно важно. Положеніе его было такое, что онъ могъ и долженъ былъ провѣрить свои показанія. Подъ его руководствомъ и при его главномъ участіи, велись переговоры съ Смирнымъ Отрепьевымъ и съ Огаревымъ; на немъ лежала нѣкоторая доля отвѣтственности. Дѣйствительно, слѣды этой провѣрки осязательны и въ громовой рѣчи на сеймѣ 1605 года, и въ запискахъ. Сапѣга говоритъ вполнѣ сознательно, требуетъ рѣшительныхъ мѣръ и не опасается быть опровергнутымъ.

Вообще литовскій канцлеръ такъ явно и сильно выступалъ противъ Димитрія, что его панегиристъ іезуитъ Рывоцкій ставитъ ему это въ большую заслугу, и жалѣетъ, что поляки не послѣдовали его мудрымъ совѣтамъ [2]). Несомнѣнно и то, что Сапѣга иногда кривилъ душою, и рѣчь его при бракѣ Марины вовсе не похожа на сеймовыя рѣчи; но истинное свое убѣжденіе онъ высказывалъ, конечно, въ сенатѣ, предъ народомъ и передъ королемъ. Съ этимъ убѣжденіемъ приходится считаться.

II. Письма польскихъ сенаторовъ.

При появленіи Димитрія въ Польшѣ, Сигизмундъ III потребовалъ подробный докладъ о немъ отъ князя Адама Вишневецкаго. Получивъ

---

[1]) Гл. арх. мин. ин. дѣлъ, метрика В. К. Литовскаго, сношенія Польши съ Россіею, 1554—1615.

[2]) Публичная Библіотека, Лат. O, IV, 16, Idea magni Herois seu illustrissimus Dominus D. Leo Sapieha.—Этотъ панегирикъ былъ напечатанъ въ Антверпенѣ въ 1645 году; изданіе рѣдчайшее.

докладъ, король сообщилъ его сенаторамъ съ просьбою изложить ихъ мнѣніе о Димитріѣ. Сенаторы откликнулись.

Такимъ образомъ, возникла переписка, часть которой находится въ краковскомъ музеѣ князя Чарторыжскаго и уже вошла въ историческое обращеніе. Другая часть, самая интересная, лежитъ подъ спудомъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и, если не ошибаюсь, никто еще ею не занимался. Всѣхъ сенаторскихъ писемъ, помѣченныхъ февралемъ и мартомъ 1604 года, насчитывается десять [1]). Изъ нихъ становится очевидно, что королевское извѣстіе было для польскихъ пановъ совершенною неожиданностію. О Димитріѣ никто ничего не вѣдалъ и не слышалъ. Даже князь Константинъ Острожскій писалъ 3-го марта, что былъ ли «князикъ» когда-либо въ его монастыряхъ, этого онъ не знаетъ. Но самое замѣчательное письмо принадлежитъ перу Барановскаго, епископа плоцкаго. Онъ скептически отнесся къ Димитрію, подробно разобралъ докладъ Вишневецкаго, разбилъ его въ пухъ и прахъ, и предупредилъ короля, что въ этомъ отношеніи необходима крайняя осторожность. Мнительный совѣтникъ прислалъ даже цѣлый рядъ вопросовъ, которые слѣдовало предложить Димитрію, чтобы добиться истины. Къ несчастію, написанные на особомъ листѣ вопросы эти не дошли до насъ. Вообще, для оцѣнки общественнаго мнѣнія въ высшихъ польскихъ кругахъ сенаторскія письма представляютъ ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ. Большая часть пановъ склонялась къ тому мнѣнію, что дѣло Димитрія надо предоставить сейму и безъ его рѣшенія ничего не предпринимать.

Въ тѣхъ же книгахъ Литовской Метрики есть шесть подлинныхъ писемъ Юрія Мнишка къ Сигизмунду III, отъ 1601—1604 годовъ [2]). Первыя пять чисто денежнаго и хозяйственнаго содержанія. Сендомирскій воевода не выплачивалъ во-время слѣдующихъ королю суммъ и постоянно ходатайствовалъ, чтобы его милостиво пощадили. Въ шестомъ письмѣ, отъ 14-го іюня 1604 года, изъ Самбора, онъ откровенно сообщаетъ Сигизмунду, что тайкомъ готовитъ походъ противъ Бориса Годунова и гордится своею осторожностью.

Къ дѣлу Димитрія относятся еще нѣкоторыя письма Константина Острожскаго, его сына Януша и старосты Михаила Ратомскаго. Особенно загадочно письмо князя Константина, отъ 12-го іюня 1604 г. [3]). Онъ испрашивалъ у короля аудіенцію для пана Гойскаго съ товарищемъ, по поводу государственнаго дѣла. У Гойскаго, какъ извѣстно, пребывалъ нѣкоторое время Димитрій, когда онъ еще себя не выдавалъ

[1]) Литовская метрика, новыя книги, №№ 53, 54, 55.
[2]) Новыя книги, № 53, л. 56, 321; № 54, л. 14; № 55, л. 135, 238, 270.
[3]) Новыя книги, № 53, л. 235.

за царевича. Ужъ не о немъ ли доставлялись свѣдѣнія королю Сигизмунду?

III. Самборскія рукописи.

Уже давно меня тянуло въ Самборъ, по слѣдамъ Димитрія и Марины; но только въ 1898 году мнѣ удалось осуществить это желаніе.

Львовъ лежалъ на моемъ пути. У бернардиновъ этого города нашлись двѣ орденскія хроники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, составленная Кипріаномъ Дамирскимъ, уже появилась въ печати и ничего не содержитъ о самозванцахъ; другая, неизданная, относится къ 1647 г. Авторъ ея, бернардинъ Калискій, лишь мимоходомъ упоминаетъ о Димитріѣ, за то подробно описываетъ городъ Самборъ и его монастыри. Въ смежномъ съ монастыремъ костелѣ св. Андрея, недалеко отъ придѣла св. Іоанна изъ Дуки, красуется мраморная доска темно краснаго цвѣта съ латинскою надписью, которая свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе Сигизмунда III прежняя деревянная церковь была замѣнена каменною иждивеніемъ Димитрія Соликовскаго, архіепископа львовскаго, Юрія Мнишка, воеводы сендомирскаго, и Станислава Жолкѣвскаго. Въ ризницѣ той же церкви показываютъ портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстною гравюрою Кимàна, но осанка воеводы благороднѣе, черты лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова я отправился въ Самборъ. Въ 1891 году городъ праздновалъ 500 лѣтнюю годовщину своего основанія. При этомъ случаѣ былъ напечатанъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ, подъ заглавіемъ «Kronika miasta Samb̀ora». Въ старину Самборъ часто подвергался татарскимъ набѣгамъ и потому былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ, на берегу Днѣстра, возвышался королевскій зàмокъ, гдѣ обыкновенно жилъ Мнишекъ съ своимъ семействомъ. Въ настоящее время на томъ же мѣстѣ построена пивоварня.

Между образованными жителями Самбора держится мнѣніе, что Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ неотдаленномъ зàмкѣ, Laszki murowane, принадлежащемъ семейству его жены Тарло. Зàмокъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ 8-ю башнями и широкимъ рвомъ. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь только очень скромное зданіе, собственность графа Михаила Красицкаго. Въ львовскомъ архивѣ есть планъ стариннаго зàмка съ обозначеніемъ покоевъ, которые нѣкогда занималъ Димитрій. Замѣчательно, что въ простона-

родіи о немъ и о Маринѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, ни пѣсенъ, ни преданій.

Письменные памятники я надѣялся найти въ бернардинскомъ монастырѣ Божіей Матери, съ которымъ Мнишекъ былъ въ постоянныхъ и дружескихъ сношеніяхъ. Дѣйствительно, сохранилась рукопись подъ заглавіемъ: «Acta seu Monumenta diversa». Къ сожалѣнію, листы, относящіеся къ смутной эпохѣ, вырваны, и никакого намека на ихъ содержаніе нѣтъ. Уцѣлѣли только нѣкоторыя замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: въ 1605 году, вернувшись побѣдителемъ изъ похода [1]), Юрій Мнишекъ поднесъ монастырю московскую, золотомъ обшитую, хоругвь; въ 1609 году «московская царица Марина» прислала серебряныя паникадила изящной работы; наконецъ, подъ 16-мъ мая 1613 года, въ день смерти Юрія Мнишка, незабвенному благодѣтелю монастыря посвящается нѣсколько прочувственныхъ строкъ.

Есть еще другіе архивы въ Самборѣ: магистратскій, мѣщанскій, цеховой, приходскій. Въ нихъ встрѣчается имя Юрія Мнишка и рисуется его дѣятельность. Кропотливую работу извлеченія этихъ свѣдѣній взялъ на себя г. Маркелъ Туркавскій, но, сколько мнѣ извѣстно, всего найденнаго не опубликовалъ, ограничиваясь нѣкоторыми статьями въ польскихъ журналахъ.

IV. Дѣло Димитрія въ римскомъ архивѣ Инквизиціи.

Сношенія Димитрія съ Римомъ были не только политическія, но и личныя, по дѣламъ совѣсти. Обычная практика требуетъ, чтобы втораго рода дѣла направлялись въ Инквизицію. Отъ 1604 до 1606 года это учрежденіе трижды занималось Димитріемъ, вслѣдствіе чего образовалась цѣлая связка бумагъ, которая до послѣдняго времени оставалась въ забвеніи [2]). Между тѣмъ для полнаго изученія вопроса она необходима.

Впервые имя Димитрія было произнесено въ Инквизиціи по случаю его обращенія въ католичество. Тамъ обсуждалось его собственноручное письмо отъ 24-го апрѣля 1604 года къ папѣ Клименту VIII. Никакихъ слѣдовъ преній не осталось; но изъ отвѣтнаго «бреве» видно, что Инквизиція отнеслась серьезно къ заявленію Димитрія. Съ тѣхъ поръ на него смотрѣли, какъ на истиннаго католика, и всѣ послѣдующія мѣропріятія исходили изъ этого взгляда.

Въ 1605 году, отецъ Савицкій обратился къ краковскому нунцію Рангони съ запросами на счетъ Димитрія; нунцій препроводилъ эти запросы въ Инквизицію. Положеніе было щекотливое и затруднительное.

---

[1]) Gdy z Moskwy victor przyjachał.

[2]) Archivio del Santo Uffizio, № IV, Dubia aliqua... super quibus dispensari petunt Demetrius Moschorum Dux, Marina ejus sponsa et Wladislaus Sigismundus, Poloniae Princeps, electus Moschorum Dux. 1604 ad 1619.

Димитрій не хотѣлъ выдавать себя всенародно за католика; въ Москвѣ за нимъ зорко слѣдили, ему приходилось участвовать въ церковныхъ торжествахъ и рѣшать религіозныя дѣла. Къ тому же онъ надавалъ въ Польшѣ много неисполнимыхъ обѣщаній. Какъ тутъ выпутаться? Савицкій недоумѣвалъ. Полагая, что отъ него потребуютъ рѣшенія этихъ вопросовъ, онъ желалъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, объясниться съ духовнымъ своимъ начальствомъ и получить отъ него наставленія и указанія. Желаніе его не было исполнено. Разсмотрѣвъ его просьбу, Инквизиція дала уклончивый отвѣтъ: пусть самъ сообразитъ всѣ обстоятельства и дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію.

Въ слѣдующемъ, 1606 году, обстоятельства сложились такъ, что Инквизиція была вынуждена постановить положительное рѣшеніе. Предстояла коронація Марины въ Кремлѣ. Димитрій настаивалъ, чтобы Марина пріобщалась изъ рукъ патріарха, соблюдала русскіе посты и посѣщала русскія церкви. Свою просьбу онъ представилъ нунцію Рангони. Мнишекъ сдѣлался его усерднымъ ходатаемъ; онъ собралъ двухъ, трехъ богослововъ въ Краковѣ, изложилъ затрудненія и просилъ помощи. Польскіе богословы дали двоякій практическій совѣтъ: склонять Димитрія къ тому, чтобы онъ отступился отъ своихъ требованій, и тѣмъ не менѣе просить папу, чтобы онъ оказалъ возможную снисходительность.

Для обсужденія этого дѣла инквизиторы собрались въ Римъ въ полномъ составѣ, подъ предсѣдательствомъ папы Павла V. Здѣсь были и кардиналы и простые совѣтники. Рѣшеніе послѣдовало отрицательное, безъ оговорокъ и безъ ограниченій. Надо, однако, замѣтить, что, по римскому обычаю, такой отвѣтъ относится только къ одной изъ статей предложеннаго сложнаго вопроса. Въ нашемъ случаѣ, инквизиторы имѣли, конечно, въ виду причащеніе отъ руки патріарха. Но пока они отвергали просьбу Димитрія, онъ самъ, какъ послѣ выяснилось, отказался отъ нея.

Въ этихъ трехъ пунктахъ заключается сущность сношеній Димитрія съ Римской Инквизиціей. Для ознакомленія Инквизиціи съ московскимъ царемъ ей сообщили между прочимъ обширную депешу Рангони, отъ 2-го іюля 1605 года, содержащую всю исторію Димитрія съ самаго его дѣтства. Этотъ документъ вскорѣ будетъ напечатанъ.

V. Бумаги Антонія Поссевина.

Всѣмъ извѣстно напечатанное у Чіампи письмо Поссевина къ герцогу тосканскому Фердинанду I. Не менѣе интересны тѣ бумаги итальянскаго іезуита, которыми до сихъ поръ изслѣдователи еще не

занимались. Онѣ находятся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ Флорентійскомъ государственномъ архивѣ и, наконецъ, въ нашемъ собраніи.

Новымъ московскимъ царемъ Поссевинъ очень увлекался. Вся эта исторія была ему хорошо знакома, такъ какъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ польскими іезуитами. До насъ дошли нѣкоторыя письма Савицкаго, Дедія Стривери и одно письмо Босгревена.

Поссевинъ былъ убѣжденъ, что Димитрій истинный потомокъ Ивана Грознаго и что онъ ревностный католикъ. Это непреложно свидѣтельствуютъ его письма, особенно же его письмо къ Димитрію, отъ 10-го іюля 1605 года, сохранившееся въ черновикѣ, записка, представленная имъ папѣ, его письма къ герцогу Урбинскому.

Объ этихъ бумагахъ мы уже говорили [1]). Здѣсь кстати упомянуть о письмѣ Босгревена къ Поссевину. Тѣсная дружба соединяла обоихъ іезуитовъ съ тѣхъ поръ, какъ, при помощи Стефана Баторія, Поссевинъ освободилъ Босгревена изъ лондонской тюрьмы, гдѣ онъ томился во время елисаветинскихъ гоненій. Спасенный узникъ сообщилъ своему благодѣтелю, въ письмѣ отъ 19-го августа 1606 года, длинный разсказъ о смерти Димитрія, по слухамъ, которые носились въ Польшѣ. Уже тогда предполагали, что убитъ не Димитрій, а другое лицо, принятое за Димитрія. Босгревенъ подробно передаетъ все, что вокругъ него говорилось, и заключаетъ письмо такимъ извѣстіемъ: только-что прибыли два іезуита изъ Вильны; по ихъ словамъ, никакого сомнѣнія нѣтъ, что убитъ тотъ самый Димитрій, который проживалъ въ Самборѣ, ходилъ войною на Москву и вѣнчался въ Кремлѣ [2]).

VI. Письма Чижовскаго и Лавицкаго.

По случаю похода противъ Бориса Годунова, два іезуита, Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій, были назначены полковыми священниками для польскаго отряда войска Димитрія. Въ первой половинѣ августа мѣсяца 1604 года они явились въ Самборъ.

Съ этихъ поръ начинается ихъ переписка. Всего чаще они писали къ Дедію Стривери, своему ближайшему начальнику; иногда къ орденскому генералу Клавдію Аквавивѣ и къ другимъ. Письма ихъ ходили по рукамъ и сообщались краковскому нунцію Рангони, который, въ свою очередь, пересылалъ ихъ въ Римъ. Этимъ путемъ нѣкоторыя изъ писемъ попали въ Ватиканскій архивъ. Кардиналъ Боргезе, племян-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1900, г. стр. 196.

[2]) Письмо Босгревена писано изъ Калиша и находится въ нашемъ собраніи.

никъ Павла V-го, завѣдывалъ иностранною политикою и сдавалъ на храненіе получаемыя бумаги.

Письма обоихъ іезуитовъ частью уже напечатаны, частью еще не изданы. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они исходятъ отъ очевидцевъ, писавшихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій и имѣвшихъ доступъ къ самому Димитрію. Личныя наблюденія двухъ образованныхъ поляковъ заслуживаютъ, во всякомъ случаѣ, вниманія. Они могли оцѣнить способности Димитрія, подмѣтить черты его характера, сообщить предметы ихъ бесѣдъ. Можно также положиться на ихъ хронологію и на фактическія указанія, насколько они выдерживаютъ критику, какъ-то: военныя дѣйствія, осада городовъ во время похода, московскія торжества при встрѣчѣ Димитрія съ матерью, при его вѣнчаніи на царство, при въѣздѣ Марины въ столицу.

Односторонность замѣтна въ томъ смыслѣ, что Чижовскій и Лавицкій вращались постоянно между поляками, къ тому же доброхотами Димитрія, довѣряли ихъ извѣстіямъ и не думали обращаться къ русскимъ для провѣрки. Этотъ недостатокъ менѣе чувствителенъ, когда они разсказываютъ то, что самолично видѣли и слышали, хотя повсюду вѣетъ оптимизмомъ. Оба іезуита вѣрили въ царское происхожденіе Димитрія и невольно толковали всѣ событія въ его пользу [1]).

VII. Письма кармелитовъ.

Во время краткаго царствованія Димитрія, три монаха кармелитскаго ордена были въ Москвѣ, проѣздомъ въ Персію. Всѣ трое занимали впослѣдствіи видныя должности: Павелъ Риварола, родомъ изъ Генуи, неоднократно выбирался начальникомъ всего ордена; испанецъ, отецъ Иванъ, умеръ испаганскимъ архіереемъ; другой испанецъ, отецъ Викентій, съ успѣхомъ выполнялъ на Востокѣ важныя порученія.

Переписка ихъ съ Римомъ разбросана по разнымъ архивамъ. Она находится частью въ Ватиканѣ, частью у князя Доріа Памфили, частью въ римскомъ Кармелитскомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, тѣ изъ ихъ писемъ, которыя дошли до насъ, малосодержательны и не относятся къ пребыванію ихъ въ Москвѣ.

Что самыя интересныя письма затеряны, это видно изъ исторіи ордена, гдѣ путешествіе въ Персію и проѣздъ чрезъ Московію описаны по этимъ именно даннымъ [2]). Оказывается, что кармелиты были въ

---

[1]) Тождественныя замѣчанія уже были сдѣланы на счетъ Дневника Лавицкаго. См. „Русскую Старину“, декабрь 1900 г., стр. 689—706.

[2]) Historia generalis Fratrum Discalceatorum Ordinis B. Virginis Mariae de Monte Carmelo, Romae, 1671, т. II, стр. 139—141.

восхищеніи отъ пріема Димитрія. Онъ ихъ обласкалъ, одарилъ, даже просилъ остаться въ Москвѣ при самыхъ льготныхъ условіяхъ; но такъ какъ они не могли самовольно перемѣнить свое назначеніе, то царь позаботился снабдить ихъ письмами къ персидскому шаху и облегчить ихъ поѣздку.

Замѣчательно ихъ сужденіе о непрочности положенія Димитрія. Онъ имъ давалъ на выборъ или немедленно отправиться въ Персію,—а это было въ февралѣ 1606 года,—или обождать московское посольство и вмѣстѣ съ нимъ, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пуститься въ дальній путь. Кармелиты предпочли уѣхать неотлагательно, и причиною ихъ поспѣшности было опасеніе переворота. Люди опытные и свѣдущіе предвѣщали имъ, что Димитрію царствовать не долго, не устоять противъ заговоровъ и не удержаться на престолѣ. Раннее и цѣнное свидѣтельство.

VIII. Венеціанскія депеши.

Вѣсти о Димитріи доходили до Венеціи преимущественно изъ Праги и Кракова. Изустно сообщилъ кое-что французскій посолъ.

Въ Прагѣ представителемъ Венеціи былъ тогда Франческо Соранцо. Передаваемыя имъ извѣстія были смутны и сбивчивы, записаны съ чужихъ словъ. Только двѣ, три депеши совершенно самостоятельны.

Въ депешѣ отъ 29-го августа 1605 года, онъ сообщаетъ, что Габсбурги не прочь выдать за Димитрія австрійскую эрцгерцогиню. Въ Грацѣ ихъ было достаточно, на выборъ; только увлеченіе царя Мариною не подавало надежды на успѣхъ. Неизвѣстно, зналъ ли объ этомъ Димитрій; во всякомъ случаѣ настроеніе австрійскаго двора ясно доказываетъ, какое высокое положеніе успѣлъ онъ завоевать въ Европѣ.

Когда Димитрій былъ убитъ, въ Прагѣ, по словамъ Соранцо, о немъ очень жалѣли, какъ о безвременно погибшемъ покровителѣ римской церкви. Первое извѣстіе о московскомъ переворотѣ встрѣчается у Соранцо въ депешѣ отъ 24-го іюля 1606 года, но только 21-го августа исчезли его колебанія, и онъ сдѣлалъ свое окончательное донесеніе съ баснословною приправкою, сваливая всю вину на іезуитовъ, которые будто бы увѣрили Димитрія объявиться католикомъ и вѣнчаться по римскому обряду въ главномъ столичномъ соборѣ [1]). Нечего и говорить, что все это чистая выдумка.

Несравненно большее значеніе имѣетъ обширная депеша отъ 1-го

---

[1]) Венеція, Archivio di Stato, Germania, Dispaeci. № 36. Cappelletti I gesuiti e la Repubblica di Venezia, Venezia, 1873, стр. 145, № 85.

іюля 1606 года другаго венеціанскаго представителя Альвизе Фоскарини. Еще въ сентябрѣ предъидущаго года онъ былъ назначенъ посломъ въ Краковъ, чтобы присутствовать на бракосочетаніи Сигизмунда III съ эрцгерцогинею Констанціею [1]). Исполнивъ свои порученія, на прощальной аудіенціи, онъ заговорилъ о Димитріѣ, убіеніе котораго было тогда злобою дня. Съ тонкимъ дипломатическимъ тактомъ онъ поставилъ королю цѣлый рядъ искусно разсчитанныхъ вопросовъ. Сигизмундъ отвѣтилъ—а это главное—положительнымъ заявленіемъ, что Димитрій не былъ сыномъ Ивана Грознаго. Далѣе онъ не пошелъ: кто именно былъ самозванецъ, осталось недосказаннымъ. При томъ, умалчивая о собственномъ содѣйствіи, король сложилъ всю отвѣтственность на Юрія Мнишка, на своекорыстныхъ шляхтичей, которые хотѣли обогатиться въ Москвѣ. Вообще, касательно Димитрія разочарованіе было полное: его дружба считалась ненадежною, его требованія—чрезмѣрными. Такими признаніями Сигизмундъ самъ освѣщаетъ польскую политику: его посланники пребывали въ Москвѣ до самаго погрома и величали правителемъ и княземъ того, который въ Краковѣ выдавался за самозванца. Донесеніе Фоскарини, если не ошибаюсь, оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ [2]).

Высшіе чины республики св. Марка только издали слѣдили за московскими происшествіями; прямаго интереса они въ нихъ не имѣли, и, пожалуй, участіе іезуитовъ болѣе всего привлекало ихъ вниманіе. Въ то время всѣ члены ордена были изгнаны изъ Венеціи, по случаю римскаго интердикта, которому они повиновались, несмотря на угрозы свѣтской власти. Изгнанниковъ, однако, не упускали изъ виду, и охотно порицали ихъ дѣятельность гдѣ бы то ни было. Дѣло Димитрія давало къ тому поводъ. 20-го іюля 1606 года, престарѣлый дожъ Леонардо Донати сдѣлалъ первое краткое сообщеніе въ совѣтѣ Десяти со словъ французскаго посла Филиппа Кане-де-Френъ. 16-го августа, слѣдуя внушеніямъ того же дипломата, онъ внесъ нѣкоторыя поправки, а потомъ распространился объ іезуитахъ. Они были главными виновниками несчастія; завладѣвъ московскими соборами, они стали вводить мятежъ. Здѣсь сказалось нѣкоторое двуличіе со стороны Кане. Онъ дружески обходился съ Поссевинымъ, желалъ для него кардинальскую шапку, хорошо отзывался о іезуитахъ въ своихъ парижскихъ депешахъ, а передъ венеціанцами осуждалъ ихъ пріемы въ Польшѣ и Трансильваніи. Проницательному дожу показалось даже, что изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи было бы Кане по сердцу.

---

[1]) Cornet, Paolo V e la Repubblica Veneta, Vienna, 1859, стр. 114. Устарѣлая форма Альвизе соотвѣтствуетъ латинской Aloysius (Luigi).

[2]) Венеція, Archivio di Stato, Polonia, Dispacci, filza II.

Сообщенія Леонарда Донати тѣмъ и закончились. Дошло до него письмо изъ Рима, отъ 19-го августа 1606 года, о Димитріѣ, дошла вышеупомянутая депеша Соранцо отъ 21-го августа 1606 года, но въ совѣтѣ Десяти о московскихъ дѣлахъ уже не упоминалось [1]).

IX. Дневникъ Неизвѣстнаго.

Въ Неаполитанской національной библіотекѣ хранится дневникъ спутника Александра Рангони, племянника краковскаго нунція, посланнаго въ Москву къ Димитрію съ поздравленіями [2]). Черезчуръ скромный авторъ не завѣщалъ потомству своего имени; оно такъ и осталось неразгаданнымъ. Былъ онъ образованія средняго и, не задаваясь политикой, писалъ безъ партійной страсти и безъ предвзятой мысли.

Ближайшею цѣлью автора было облегчить для иностранцевъ поѣздку въ Московію. Поэтому онъ подробно излагаетъ, чѣмъ надо заранѣе запастись, чего дорогой не найти, какъ ѣхать чрезъ Оршу и Смоленскъ, гдѣ останавливаться для ночлега и каково разстояніе между городами. Всѣ эти подробности имѣютъ свое значеніе; но насъ болѣе привлекаетъ то, что̀ Неизвѣстный говоритъ о своемъ пребываніи въ столицѣ.

Отъѣздъ изъ Кракова состоялся 2-го октября 1605 года. Это подтверждается письмомъ папскаго нунція къ Димитрію и показаніемъ Велевицкаго [3]). Что задержало Александра Рангони въ Смоленскѣ, почему онъ лишь очень поздно пріѣхалъ въ Москву, объ этомъ ничего не говорится. Даже день пріѣзда въ Москву не обозначенъ. Въ Кремлѣ пріемъ былъ сдѣланъ съ надлежащею пышностью; только къ столу Рангони не былъ приглашенъ—за то ему прислали въ изобиліи на домъ и блюда и напитки.

Объясняется это тѣмъ, что Рангони, не будучи духовнымъ лицомъ, носилъ, однако, рясу и былъ представителемъ папы. Оказывая ему почести, Димитрій боялся прослыть за католика.

Прежній обычай затворничества иностранныхъ посланцевъ уже не соблюдался; но вступать въ прямыя сношенія съ жителями имъ было еще возбранено. Потому-то, наблюденія Неизвѣстнаго касаются только внѣшностей.

Болѣе всего поразила Неизвѣстнаго личность Димитрія. Когда онъ выходилъ, ему предшествовали до тридцати служителей и подме-

---

[1]) Cappelletti, l. c., стр. 130, 138, 143, 145, № 70, 80, 83, 85.

[2]) Biblioteca Nazionale, X, G, 12, Relationi di Pollonia et Moscovia, л. 47.

[3]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 165, № 6, Wielewicki, Historici diarii domus... Cracoviensis, Cracoviae, 1886, стр. 98.

тали дорогу передъ нимъ. О томъ, что Димитрій одинъ прогуливался по городу, какъ пишутъ нѣкоторые иностранцы, Неизвѣстный ничего не знаетъ. Замѣтилъ онъ особенную склонность царя къ военному дѣлу. Недалеко отъ Кремля, но за кремлевской стѣной, было что-то въ родѣ арсенала и оружейнаго завода. Раза два, три въ недѣлю, Димитрій отправлялся туда, увлекался пушечною пальбою и усердно хлопоталъ объ умноженіи пушекъ. На счетъ русскаго духовенства Неизвѣстный прямо утверждаетъ, будто бы царь назначаетъ патріарха и владыкъ по своему собственному усмотрѣнію.

2-го мая 1606 года Александръ Рангони и его спутникъ возвратились въ Краковъ.

П. Пирлингъ.

Поправка.

Въ статьѣ: „Изъ смутнаго времени“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ, вкралась опечатка:

На стран. 690 строка 22 сверху напечатано: онъ (Чижовскій) не былъ ревностный католикъ. Слѣдуетъ читать: онъ же былъ усердный католикъ.

Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

(Переписка его съ Ѳедоромъ Петровичемъ и Александромъ Алексѣевичемъ Корниловыми).

Письма къ Ѳедору Петровичу Корнилову.

1.

1836 г. мая 29-го Керчь. Бригъ „Ѳемистоклъ".

Поздравляю друга Ѳедю съ важнымъ шагомъ на пути жизни—съ признаніемъ въ себѣ чувства самостоятельности—характеръ самобытный всегда независимъ. Изъ рода двуногихъ по-моему только тѣ могутъ гордиться названіемъ человѣка, которые обладаютъ самобытнымъ характеромъ; остальные не должны отдѣляться отъ сброда животныхъ, назначенныхъ на службу человѣка; они только отличаются отъ послѣднихъ разнообразностью способностей и могутъ быть употребляемы или какъ лошадь, или какъ волъ, или какъ павлинъ домовой, а больше какъ обезьяна. Но что о пустякахъ—пора къ дѣлу. Мой совѣтъ не перемѣнять службы, не осмотрѣвшись со всѣхъ сторонъ; служить надо—неблагородно не служить чѣмъ-нибудь обществу. Служба по собственному выбору, безъ видовъ возмездія не есть невольничество, а есть занятіе почтенное. Благодарность есть высокое чувство въ человѣкѣ—благодарность къ Создателю, къ обществу, къ отцу, къ матери и пр. есть начало всякаго добра и бичъ мелочныхъ страстей. Мнѣ кажется, можно быть артистомъ во всякой профессіи—нужны только разныя способности. Вотъ съ людьми, съ двуногими, четвероногими, крылатыми, словомъ со всякими животными да съ природой неодушевленной, вездѣ и во всемъ встрѣчаемся. Третьяго дня мои люди выкинули маневръ не хуже картины Брюллова—человѣкъ съ удобовоспріемлемостью не могъ бы удержаться отъ восторга; чтобъ восхищаться разрушеніемъ Помпеи, необходима также удобовоспріемлемость. Пора кончить. Ты видишь по

заглавію, что я въ Керчи, а по письму, что гробница Митридата и другія чудеса, отрываемыя въ безчисленныхъ окрестныхъ курганахъ—предъ глазами моими. Завтра мы, т. е. мой бригъ и корветъ Путятина, идемъ вдоль Абхазскаго берега, къ 20-му іюня возвратимся въ Севастополь, откуда я присоединюсь къ флоту; далѣе не знаю что и не хочу знать—не люблю знать будущаго. Изъ писемъ моихъ къ матушкѣ тебѣ извѣстно назначеніе похода моего—образованіе гардемаринъ. Вообрази мои занятія: вчера я читалъ имъ исторію о Владимірѣ, какъ онъ завоевалъ вѣру въ Херсонесѣ, т. е. Севастополѣ. Желая узнать—знаютъ ли они гдѣ родился Христосъ, пустился разспрашивать—вышло: Христосъ родился въ Іерусалимѣ, Іерусалимъ тогда населенъ былъ римлянами и находился въ Персіи,—а парни съ бритыми усами; меня это такъ обрадовало, что я каждый день съ большимъ нетерпѣніемъ жду часа занятій моихъ воспитанниковъ—очень весело слышать что-нибудь новое—книги, мнѣ кажется, одно и то же несутъ, надоѣли онѣ мнѣ. Прощай, будь здоровъ; важная, другъ мой, статья жизнь, не пренебрегай ею—говорю съ опыта. Благодарю тебя, что не оставляешь мою старушку, прочти ей это письмо—ей не пишу, а прошу поцѣловать ручку—что писать ей, право нечего.

Приписки на поляхъ: на 1-й стр. Диксону, если матушка будетъ платить, то взять росписку и переслать ко мнѣ, а не то и я могу заплатить.

На 4-й стр.: Скажи матушкѣ, что подушка ея, благодаря М. Ивановнѣ, украшаетъ мою каюту на славу—всѣ спрашиваютъ, кто шилъ.

2.

Николаевъ 1836 г., 25-го августа.

Письмо твое сдѣлало мнѣ большое удовольствіе—оно принесло мнѣ первое извѣстіе о возвращеніи брата въ Питеръ; это меня особенно занимало, какъ конецъ тягостнаго одиночества матушки; одиночество ея было у меня на совѣсти! Благодарю тебя, что такъ кстати вспомнилъ обо мнѣ. Напрасно оправдываешься въ долгомъ молчаніи—я почти состарѣлся подъ игомъ всемогущихъ обстоятельствъ, чтобы не понимать невозможности противоборствовать ихъ желѣзной волѣ. Я совершенно увѣренъ, что ты меня не забылъ и не разлюбилъ. На Кавказъ не попалъ—не горюй: все къ лучшему—благое намѣреніе столь же цѣнно, какъ и самое дѣло. Намѣреніе всегда порожденіе чувствъ, а дѣло можетъ еще быть порожденіемъ слѣпаго случая. Твои способности, при твоихъ правилахъ, всегда принесутъ пользу—правда, нигдѣ Россія столько не нуждается въ людяхъ благомыслящихъ и образованныхъ,

какъ въ основѣ благосостоянія государства по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія. Но время все сдѣлаетъ; его не остановишь и не придашь ему рыси. Да и есть на что сѣтовать, что мы моложе другихъ—успѣемъ состариться. Благодарю тебя и братьевъ твоихъ, Петра и Нордековъ [1]), что не оставляете мою старушку. Жаль, что Наваринское сраженіе не удалось—а хорошо ли былъ нарисованъ Азовъ? и можно ли было различить офицеровъ? Съ прошлой почтой писалъ или лучше приписывалъ тебѣ, чтобы взялъ для меня Рейфа. Маменька напрасно ждетъ оказій—книги лучше посылать по почтѣ; навязывая посылочку, недурно вспомнить о моемъ отправленіи—какъ мнѣ было тяжело возиться съ ними. Ѳедю Флита поцѣловать за тебя не могу—онъ далеко теперь отъ Николаева. Они оставили насъ болѣе недѣли; грустненько было разставаться—привычка удивительная вещь на бѣломъ свѣтѣ, да есть на нее вѣдь и отвычка. Мнѣ одиночество не новость; только теперь сижу больше въ вольтерѣ своемъ и прилежнѣе лѣчусь. Флитъ разскажетъ все подробнѣе о моихъ недугахъ. У васъ появилось какое-то мое письмо, въ которомъ «рѣзко выказывается мое веселое расположеніе»—немудрено, я нынче сдѣлался великимъ болтуномъ и весельчакомъ—скоро пущусь плясать попурп. Я думаю, что все это потому, что я никогда не былъ столько убѣжденъ, что все на свѣтѣ фантасмагорія!!! Не напугай матушку моею болѣзнью, болѣзнь пустая и меня обнадеживаютъ скоро съ нею разлучиться; ревматизмы мои совершенно затихли. Да! весьма бы не дурно было, еслибы Александръ [2]) потолковалъ о моемъ горѣ съ кѣмъ изъ вашихъ столичныхъ эскулаповъ, хотя я и полное довѣріе имѣю къ познаніямъ моего; отъ Ѳеди можно узнать о болѣзни и средствахъ употребляемыхъ. Несмотря на всю мою философію, мнѣ бы не хотѣлось совершенно разстроить организмъ; боюсь я, чтобы разслабленіе мною чувствуемое не увеличилось и не лишило меня средствъ служить. Еслибы не эта мысль, я бы мало заботился о лѣченіи; оно нисколько не тягостно, я такъ къ нему привыкъ. Какой любезный человѣкъ докторъ Делагато. Я счелъ лучшимъ средствомъ описаніе болѣзни положить въ твоемъ письмѣ, ты передай Александру—прямо на его имя адресовать боялся, чтобы не попало въ чьи руки. Прощай, кланяйся братьямъ, Диксону деньги отправлены съ Флитомъ. Пиши, если удосужишься, о Брюловѣ увѣдомляй, я его очень люблю за чистый его характеръ. Когда же Петръ Петровичъ позоветъ меня на свадьбу?

Приписки на поляхъ 1-й стран. «Энциклопедическій журналъ» слѣдуетъ мнѣ.

---

[1]) Прозваніе, данное В. А. Корниловымъ Ивану Петровичу и Аркадію Петровичу Корниловымъ.

[2]) Братъ автора писемъ, Александръ Алексѣевичъ Корниловъ.

*

3.

Николаевъ 1836 г., 18-го сентября.

Отвѣчалъ бы тебѣ съ прошедшей почтой на твое милое письмо отъ 1-го сентября, но докторъ поставилъ меня или лучше посадилъ меня въ положеніе, мѣшавшее писать. Душевно благодаренъ тебѣ. Не переставай дарить меня клочками изъ вашего быта! все, что окружаетъ меня здѣсь—или по службѣ, или на службѣ. Книгамъ я кланяюсь только передъ сномъ. Печальныя самолюбія, краснорѣчивые вздоры не надуютъ меня! Къ точнымъ наукамъ не лежитъ сердце—ни соображенія, ни памяти; одна отрада—письма людей, въ безотчетной привязанности которыхъ я увѣренъ. Строки ихъ освѣжаютъ мою вялую, сухую жизнь; пиши пожалуйста, пиши по временамъ; не обѣщаю тебѣ всегда отвѣтъ, но очень часто. Весьма доволенъ Брюлловымъ: онъ оправдалъ мое доброе мнѣніе о его добромъ, чистомъ характерѣ. Потѣшилъ мою старушку—конечно ему не много свободныхъ часовъ, чтобъ тратить ихъ съ новыми знакомыми. Сходи къ нему, пожми ему руку отъ меня за посѣщеніе матушки. Благодари еще вдвое Нестора Васильевича [1]); его дружба у меня зарублена на палочкѣ долговъ, и да будетъ мнѣ стыдно, если забуду его одолженіе. Собираюсь писать ему—поздравь его съ выходомъ Художественной газеты или лучше поздравь русскихъ человѣковъ съ появленіемъ ея. Благонамѣренность и образованный умъ, такъ отчетисто высказанный статьями первыхъ нумеровъ, обѣщаютъ занимательный журналъ! Прошу подписаться для меня и для капитана 2-го ранга Павла Степановича Нахимова, командира 41-го флотскаго экипажа и корабля Силистрія. Послѣднему адресовать въ Севастополь, а мнѣ въ Николаевъ. Еще прошу тебя похлопотать о пересылкѣ мнѣ лосинной фуфайки съ таковою же принадлежностью по моимъ хворымъ обстоятельствамъ,—она мнѣ необходима. Также подписаться на «Современникъ» и заказать Диксону выписку для меня книги: The Naval Service or Officer's manual by Capt. W. N. Glascock R. № 1836, in 2 Volumes. Всѣ сіи порученія, кромѣ заказа Диксону, выполнить не прежде полученія на нихъ денегъ отъ моихъ старичковъ или прямо отъ меня, о чемъ я забочусь. Подписку на «Современникъ», а равно какъ и на «Художественную Газету» дѣлать, разумѣется, такъ, чтобы первые номера также высылали. Очень радъ, что ты больше не думаешь о Кавказѣ. Большая часть нашихъ заморскихъ затѣй—колоброды, намъ слишкомъ много дѣла дома! Чтобы пускаться въ Океанъ-море, надо выстроить крѣпкое

[1]) Кукольника.

судно и дать ему надежное вооруженіе, а то первый шквалъ, и всѣ планы рушатся—что въ шелкѣ безъ рубахи? Не знаю, получилъ ли ты мои письма? получилъ ли послѣднее? Въ послѣднемъ я описываю на особенномъ лоскуткѣ болѣзнь мою и нынѣ употребляемый способъ лѣченія. Если Александръ оставилъ Питеръ не потолковавъ о недугахъ моихъ, то посовѣтуйся съ Ф. Флитомъ, онъ знаетъ мое горе и потомъ поговори съ кѣмъ (либо) изъ достойныхъ живодеровъ, т. е. врачей и напиши мнѣ: одобряютъ они или нѣтъ средства употребляемыя. Меня таки порядочно тиранитъ мой благопріятель. Съ моимъ равнодушнымъ, спокойнымъ апатическимъ темпераментомъ это не бѣда—сидѣть я мастеръ въ вольтерѣ! Но боюсь попасть въ инвалиды—тогда что буду дѣлать на бѣломъ свѣтѣ?

Приписки на поляхъ: на 1-й стран. Не выйдетъ ли гравюра съ портретомъ Кукольника? прошу прислать.

На 6-й стр. Прощай. Поклонъ Петру, Нордекамъ—когда-то П. П. женится.

4.

1836. Николаевъ. 20-го октября.

Благодарю любезнаго Ѳедора Петровича за письмецо и книгу—да заодно и за присылку сюртука. Я завалилъ тебя порученіями—совѣстно, но кому же на бѣломъ свѣтѣ и отдуваться, какъ не добрымъ людямъ. Основываясь на выше писанномъ, съ симъ посылаю новую коммиссію, именно: выслать мнѣ книжечку о имѣемыхъ въ россійскомъ царствѣ заводахъ разныхъ и фабрикахъ разныхъ, также съ описаніями. Таковая книжечка, слышалъ я, продается за дешевую цѣну при какомъ-то изъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, или финансовъ. О высылкѣ тебѣ суммы на предшествовавшія сему коммиссіи отъ меня писано въ сельцо Ивановское. По письмамъ Ѳеди Брюлловъ возвращается въ Италію, но, вѣтренникъ, не пишетъ: на время или совсѣмъ и пр. Кукольнику желаю успѣха; не пишу ему, потому что пустяки молоть—и его, и себя жалко. Брату твоему Петру и книги въ руки. Женитьба—дѣло доброе.

Мое здоровье плохо; того и смотри, что не миновать Питера, а крѣпко не хочется подняться съ моего краснаго вольтера. Нордекамъ по поцѣлую въ лобъ. Что-то Аркадій—отводитъ облако? Что-то ваши литературные вечера? Кто въ чести? Что драматургъ Батуринъ? А горныя выси спускаются въ вашъ земной кругъ; надѣюсь, гдѣ мы сиживали съ капитаномъ Колзаковымъ, тамъ твердая матера-земля, несмотря на присутствіе самого Аполлона [1]).

[1]) Баумгартена.

Прощай—будь здоровъ. Пиши почаще, да если Брюлловъ не уѣхалъ попроси его намарать карандашемъ грудной бюстъ съ бока Ореста—бѣснующагося, терзаемаго фуріями; мнѣ бы это весьма было кстати для корвета «Ореста», поступающаго въ мое командованіе. Другимъ не показывай—назовутъ святотатствомъ. Кукольнику можно, онъ долженъ содѣйствовать распространенію изящнаго вкуса во всемъ и во вся. Душою твой В. Корниловъ.

Приписки на поляхъ:

На 1 стр.: Профиль Ореста достаточно въ величину головы моего портрета, если помнишь.

На 3 стр.: Фе. Флиту мой поклонъ, ожидаю и отъ него грамотку.

5.

Николаевъ. 19-го января 1853.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ! Адъютантъ князя Меншикова Шестаковъ проѣздомъ черезъ Москву представлялся Алексѣю Петровичу Ермолову, который изъявилъ желаніе имѣть хорошій портретъ адмирала Лазарева—вслѣдствіе чего Шестаковъ написалъ мнѣ письмо. Желая удовлетворить таковую лестную для насъ, почитателей покойнаго Лазарева, просьбу Алексѣя Петровича, спѣшу переслать тебѣ экземпляръ изъ числа имѣемыхъ при нашемъ гидрографическомъ депо и прошу поднести его отъ меня, напомнивъ при томъ душевно тебѣ преданнаго В. Корнилова вашему московскому патріарху. При чемъ изъясни и мое душевное сожалѣніе, что въ послѣдній проѣздъ, по извѣстнымъ тебѣ причинамъ, не могъ посѣтить Алексѣя Петровича.

Мой возвратный путь былъ тяжелъ, но благополученъ: до Харькова, какъ по катку—зимній путь; отъ Харькова на колесахъ по замерзлой грязи. Въ Николаевъ прибылъ 14-го, выѣхавъ отъ васъ 8-го. Холера не появлялась, и нужды не было въ рецептахъ Овера—все-таки благодарю тебя и его за нихъ. Дома нашелъ благополучно, однако дѣти въ скарлатинѣ. Прощай, будь здоровъ; всѣхъ васъ цѣлую, а кто не хочетъ моего поцѣлуя, тому кланяюсь.

6.

Письмо Владиміра Алексѣевича Корнилова къ брату Александру Алексѣевичу.

Севастополь. 1-го сентября 1854 г.

Письмо мое къ Ф. Флиту скажетъ тебѣ, любезный другъ, о началѣ великой войны. Тебѣ пишу нѣсколько строчекъ о семьѣ. Ежели мнѣ не

суждено увидѣть васъ, то поручаю тебѣ жену и всю мою мелочь. Сашу я только-что послалъ въ пансіонъ, чтобъ не терять времени; возьми его въ Петербургъ и пусти куда пожелаетъ. Онъ довольно благоразуменъ, и конечно изберетъ службу, къ которой почувствуетъ себя болѣе способнымъ. Алеша на дорогѣ—можетъ быть въ такомъ же положеніи, какъ отецъ—отстаиваетъ честь отечества. Остальная мелочь требуетъ матери. На счетъ дѣлъ денежныхъ тебѣ извѣстно: имъ оставляю—тоже Ивановское, три акціи на филатуру [1]) и билетъ въ 10 тыс. серебромъ отъ продажи Краснополья. Онъ лежитъ въ черноморскомъ штабѣ. Не много, но царь не оставитъ семьи вѣрнаго слуги своего.

За тѣмъ прощай, усталъ до смерти, глаза слипаются.—Да! на-дняхъ должно рѣшиться: быть или не быть, надѣюсь, черноморскому флоту, а не Россіи. Для матушки (Россіи) временная потеря и Крыма и флота ничто. Она не въ такихъ казусахъ была и выходила славнѣе и сильнѣе, а будущее не кончилось, она слишкомъ молода и крѣпка.

Богъ да хранитъ всѣхъ васъ. В. Корниловъ.

7.

Письмо Ѳедора Петровича Корнилова къ Владиміру Алексѣевичу.

4-го октября 1854 г. Москва.

Любезный другъ Владиміръ Алексѣевичъ, пишу съ однимъ изъ курьеровъ, которые теперь безпрестанно проѣзжаютъ чрезъ Москву. Въ успѣхѣ нашего оружія никто не сомнѣвается. Изъ достовѣрнаго источника отъ 27-го сентября я знаю, что князь Меншиковъ заперъ непріятеля между Черной рѣчкой, Севастополемъ и Балаклавой. Непріятельскій флотъ не будетъ теперь препятствовать нашему натиску и союзной арміи придется или положить оружіе, или садиться на корабли подъ нашими выстрѣлами. Къ этому времени Богъ дастъ бурную погоду и поможетъ вамъ проводить незванныхъ гостей по-русски.

Какъ въ 1812-мъ году старостиха Василиса забирала плѣнныхъ французовъ, такъ и теперь вашихъ двухъ плѣнныхъ, французскихъ офицеровъ, мы отправили въ Петербургъ съ мирнымъ коллежскимъ регистраторомъ. Я убѣжденъ, что Богъ сохранитъ тебя среди тысячи смертей! Но меня сильно тревожитъ положеніе твоей семьи и особенно Лизаветы Васильевны. Успѣлъ ли ты отправить ее въ Николаевъ и благополучно ли она разрѣшилась. Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ брату моему Евгенію и племяннику Николаю Корниловымъ. Уже почти мѣсяцъ, какъ они были съ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ въ дѣлѣ 8-го сентября на Альмѣ, но я не могу получить свѣдѣнія, живы ли

[1]) Такъ называлъ онъ Товарищество Нарскихъ мануфактуръ подъ Москвой, директоромъ котораго былъ Д. П. Скуратовъ.

они. Ради Бога утѣшь меня нѣсколькими словами на счетъ ихъ и семьи своей; а если можешь, то скажи что-нибудь и о дѣлахъ въ Крыму. Оффиціальныя реляціи слишкомъ неясны. О дѣлѣ на Альмѣ почти ничего не сказано, а въ иностранныхъ газетахъ одна ложь. Между тѣмъ всѣ съ жадностью читаютъ извѣстія съ Чернаго моря, и только и рѣчи что о васъ. Ты обяжешь не одного меня, но и графа Закревскаго, котораго я болѣе и болѣе люблю какъ истиннаго патріота.

Англійскихъ мичмановъ, въ которыхъ ты принимаешь участіе, перевезли недавно по высочайшему повелѣнію въ Петербургъ на попеченіе тамошняго англійскаго пастора.

Алеша присоединился уже къ эскадрѣ Путятина. Съ Александромъ Алексѣевичемъ и Софьей Дмитріевной я видѣлся здѣсь въ концѣ августа, на обратномъ проѣздѣ ихъ изъ Ярославля.

Всѣ мои кланяются тебѣ усердно и вмѣстѣ со мною поручаютъ тебя Божескому заступленію. Братъ Петръ въ разъѣздахъ по формированію резервной артиллеріи, а Иванъ командированъ въ Астраханскую губернію съ ученою экспедиціею для развѣдки сѣры въ горѣ Богдо.

Мысленно обнимаю тебя, любезный другъ. Всею душою преданный тебѣ Ѳ. Корниловъ.

Сообщ. **Ив. Пет. Корниловъ.**

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

XI [1]).

Франко-русскія отношенія принимали все болѣе напряженный характеръ. 20-го сентября 1810 г. Меттернихъ, при свиданіи въ Сенъ-Клу съ Наполеономъ, имѣлъ случай до нѣкоторой степени уяснить себѣ замыслы послѣдняго относительно Россіи. По поводу избранія Бернадота въ наслѣдники шведскаго престола, Наполеонъ сказалъ, что это событіе можетъ послужить лишь отдаленною причиною войны съ Россіей, но что разрывъ съ этою державой, во всякомъ случаѣ, неизбѣженъ. При этомъ онъ спросилъ, какое положеніе намѣрена занять въ такомъ случаѣ Австрія, прибавивъ, что всего хуже для нея было бы, если бы она осталась нейтральною. Вслѣдъ затѣмъ онъ перешелъ къ другимъ вопросамъ, заговоривъ о томъ, какъ важно для Австріи обладаніе иллирійскими провинціями, причемъ сказалъ, что понимаетъ, какою тяжелою и унизительною должна казаться австрійской монархіи ихъ утрата. Въ виду этого, онъ предложилъ графу Меттерниху обмѣняться землями, изъявляя готовность возвратить императору Францу иллирійскія провинціи взамѣнъ соотвѣтственной территоріи въ Галиціи.

— Въ тотъ день,—замѣтилъ Наполеонъ,—когда я буду вынужденъ двинуться на Россію, я найду могущественнаго союзника въ польскомъ королѣ. Въ помощи Австріи я тогда нуждаться не буду, но, тѣмъ не менѣе, она получитъ немалую для себя пользу.

Меттернихъ, по своему обыкновенію, уклонился отъ прямого отвѣта, ограничившись замѣчаніемъ, что возстановленіе Польши имѣетъ выдающееся политическое значеніе. По его мнѣнію, возстановить это королевство значитъ дать герцогству Варшавскому другое наименованіе и

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1900.

опредѣлить ему тѣ границы, къ которымъ оно непремѣнно станетъ стремиться съ самаго дня своего переименованія.

— Интересъ Австріи,—говорилъ Меттернихъ,—къ новому королевству будетъ зависѣть отъ того, насколько велика будетъ дальнѣйшая урѣзка австрійской Галиціи, а такой вопросъ, измѣняющій картину существующихъ въ Европѣ политическихъ отношеній, не можетъ быть выдвигаемъ на очередь безъ предварительнаго обсужденія.

Не отрицая огромнаго значенія иллирійскихъ провинцій для Австріи, графъ Меттернихъ указывалъ, однако, на то, что и Галиція представляетъ для нея трудно возмѣстимыя выгоды. Иллирія не богата ни средствами, ни людьми, тогда какъ въ Галиціи и тѣхъ, и другихъ много, и, сверхъ того, она чрезвычайно важна для монархіи своими пограничными пунктами; поэтому, въ случаѣ размѣна земель, ихъ относительная оцѣнка должна оказаться дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ мѣриломъ никакъ не могли бы служить ихъ «топографическіе размѣры». Словомъ, руководитель австрійской политики хотѣлъ поторговаться; но Наполеонъ все твердилъ о выгодности земельнаго обмѣна, намекая на то, что Австрія можетъ особенно дорожить Галиціею только въ томъ случаѣ, если она намѣрена держать сторону Россіи, такъ какъ тогда Галиція служила бы ей соединительнымъ звеномъ съ этою державой.

Черезъ четыре дня послѣ этой бесѣды съ Наполеономъ, Меттернихъ поѣхалъ обратно въ Вѣну. Въ прощальной аудіенціи Наполеонъ напутствовалъ его въ самыхъ теплыхъ словахъ увѣреніями въ своемъ расположеніи къ Австріи.

— Пусть императоръ Францъ, — сказалъ онъ, — оставитъ всякую мысль о томъ, будто я замышляю нападеніе на Австрію. Напротивъ, я хочу, чтобы ея союзъ со мною все болѣе упрочивался. Увѣрьте его, что всякіе противоположные толки — неправда. Если-бы я завтра посадилъ на австрійскій престолъ одного изъ моихъ братьевъ, то онъ былъ бы мнѣ менѣе пріятенъ на этомъ престолѣ, чѣмъ нынѣшній его обладатель. Я не вижу ничего такого, что могло бы насъ разъединить, и мы докажемъ міру, что бракъ установилъ между нами узы, которыхъ нельзя замѣнить никакими другими разсчетами. Съ настоящаго времени Австрія должна процвѣтать. Повѣрьте, я не дѣлаю иллюзій относительно будущаго. Я знаю, чѣмъ я обязанъ моей собственной силѣ, и мало разсчитываю на силы моего преемника; но этотъ преемникъ будетъ внукомъ австрійскаго императора и въ немъ найдетъ когда-нибудь охрану, подобно тому, какъ наслѣдникъ австрійскаго престола найдетъ охрану въ моемъ преемникѣ. Главное, передайте императору, что ничто не будетъ въ состояніи поколебать моей привязанности къ его дочери, вполнѣ ее заслуживающей. Изъ всѣхъ подар-

ковъ императоръ сдѣлалъ мнѣ самый дорогой, и я вѣчно буду благодаренъ ему за это.

Съ такимъ напутствіемъ графъ Меттернихъ прибылъ, 10-го октября 1810 года, въ Вѣну и 26-го числа того же мѣсяца вступилъ въ управленіе дѣлами.

Дипломатическій корпусъ въ Вѣнѣ считалъ несомнѣннымъ, что Меттернихъ заключилъ въ Парижѣ союзъ на случай войны между Франціею и Россіей; никто не могъ только рѣшить, какой это союзъ—наступательный или лишь оборонительный. Въ публикѣ же Меттернихъ засталъ прежнее недовольство Франціею, которая, несмотря на брачныя узы съ Австріею, нисколько не думала объ облегченіи для послѣдней многихъ тягостныхъ послѣдствій недавней войны. Противники Меттерниха, повидимому, успѣли воспользоваться его отсутствіемъ для того, чтобы поколебать его положеніе; по крайней мѣрѣ, въ Вѣнѣ всѣ ожидали министерскаго кризиса. Но графъ Меттернихъ удержался на своемъ посту, благодаря тому, что императоръ Францъ продолжалъ относиться къ нему съ довѣріемъ и признавалъ его систему, въ общемъ, правильною, хотя, быть можетъ, и не соглашался съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Всего болѣе затруднительнымъ было положеніе Меттерниха по отношенію къ графу Шувалову, котораго онъ засталъ въ Вѣнѣ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа. Изъ происходившихъ между обоими этими государственными людьми собесѣдованій оказывается, что предложенное Россіею заключеніе предварительнаго австро-русскаго договора было отклонено Австріею, но, съ другой стороны, графу Шувалову дано было увѣреніе, что вѣнскій кабинетъ не связанъ съ Франціею никакими соглашеніями. Отъ французскаго правительства Меттернихъ старался утаить миссію гр. Шувалова; о ней было сообщено только послу Шварценбергу, да и то со строжайшимъ предписаніемъ не компрометтировать Россіи, чтобы не вызвать осложненій, которыя въ интересахъ Австріи слѣдовало отдалить на возможно болѣе долгое время. Руководитель австрійской политики опасался, чтобы о миссіи гр. Шувалова—хотя утайка ея соотвѣтствовала интересамъ также и русскаго правительства—не проникли какъ-нибудь свѣдѣнія въ петербургскую публику и такимъ образомъ не дошли до Коленкура, причемъ у Наполеона могли бы возникнуть новыя подозрѣнія относительно Австріи. Но начисто отрицать существованіе русско-австрійскихъ переговоровъ было все же невозможно, такъ какъ такому отрицанію въ Парижѣ не повѣрили бы, еслибы туда проникли какіе-либо слухи о происходящемъ, и это только усилило бы подозрительность Наполеона. Поэтому Меттерниху надо было придумать такое средство, которое не угрожало бы недоразумѣніями; о правдивости своихъ сообщеній онъ не безпокоился и думалъ только изложить дѣло такъ, чтобы изложеніе казалось правдоподобнымъ. Выходъ изъ затруднительнаго положенія

найденъ былъ въ слѣдующей комбинаціи. На случай, еслибы при тюильрійскомъ дворѣ стало извѣстно о миссіи гр. Шувалова, Шварценбергу предписано было заявить строго конфиденціальнымъ образомъ французскому правительству, что петербургскій кабинетъ, въ заботѣ о будущемъ, желалъ бы скорѣйшаго окончанія войны съ Турціею; въ этихъ видахъ Шуваловъ и присланъ-де въ Вѣну съ порученіемъ добиться посредничества Австріи у Дивана. Шварценбергу поручалось сообщить, что вѣнскій кабинетъ не считаетъ возможнымъ согласиться на это желаніе, такъ какъ, при упорномъ стремленіи обѣихъ воюющихъ сторонъ владѣть княжествами, успѣхъ подобнаго посредничества представляется сомнительнымъ. Быть можетъ, Меттернихъ желалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какъ отнесся бы Наполеонъ къ такому посредничеству Австріи. Если же означенное конфиденціальное сообщеніе не разсѣяло бы вполнѣ подозрѣній французскаго правительства, то Шварценбергу давалось полномочіе заявить еще, что въ случаѣ рѣшенія Наполеона сдержать данное имъ императору Александру въ Эрфуртѣ обѣщаніе на счетъ предоставленія ему княжествъ, Австрія окажется вынужденною войти съ Россіей въ переговоры, въ видахъ обезпеченія за австрійскими подданными въ дунайскихъ княжествахъ правъ и привилегій, предоставленныхъ имъ договорнымъ путемъ.

Итакъ, несмотря на обоюдныя увѣренія въ наилучшихъ взаимныхъ чувствахъ, отношенія между Франціею и Австріей далеко не могли быть названы прочными и надъ всею политическою системой тяготѣла взаимная подозрительность. При всѣхъ чувствительныхъ увѣреніяхъ Наполеона въ родственномъ расположеніи къ императору Францу, каждый шагъ австрійскаго двора былъ зорко выслѣживаемъ имъ, а графъ Меттернихъ, съ своей стороны, съ боязливымъ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ ходомъ извилистой французской политики. Когда ему удалось отразить нападки своихъ противниковъ и упрочить свое положеніе, онъ занялся разъясненіемъ императору Францу основныхъ началъ политики, которой намѣренъ былъ слѣдовать. Мысли свои онъ изложилъ въ докладѣ о своей парижской миссіи, въ которомъ, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ, отнесся къ дѣлу съ точки зрѣнія общей политики. Излагая настроеніе отдѣльныхъ государствъ Европы, графъ Меттернихъ доказывалъ, что о какомъ-либо движеніи во Франціи или въ союзныхъ съ нею государствахъ нѣчего и думать. По его мнѣнію, французскій гражданинъ, при всемъ испытываемомъ имъ гнетѣ, слишкомъ хорошо сознаетъ преимущества своего положенія передъ положеніемъ подданныхъ другихъ государствъ, которыя одно за другимъ клонятся къ распаденію. О Германіи, гдѣ государи преслѣдуютъ лишь свои частные интересы, а общественное мнѣніе никакого значенія не имѣетъ, Меттернихъ отзывался въ своемъ докладѣ съ презрѣніемъ, указывая на невозмож-

ность разсчитывать на германскую помощь противъ Франціи. Положеніе Англіи онъ признавалъ очень критическимъ и находилъ, что въ будущую войну разсчитывать на значительную денежную поддержку съ ея стороны было бы нельзя, тѣмъ болѣе, что пересылка денегъ на континентъ оказалась бы почти невозможною. Относительно Россіи онъ писалъ въ своемъ докладѣ: «Злосчастная русская политика послѣдняго времени дѣлаетъ Россію опасною только для ея сосѣдей, а по отношенію къ Франціи дѣлаетъ ее безсильною. Не имѣя ни денегъ, ни внутренней связи между своими составными частями, она находится въ такомъ положеніи, что должна искать помощи, не будучи въ состояніи оказать взамѣнъ того достаточную помощь съ своей стороны». Пруссію Меттернихъ вовсе не считаетъ въ ряду державъ и затѣмъ ставитъ два слѣдующіе вопроса: 1) въ чемъ заключаются ближайшіе планы Наполеона и какими средствами располагаетъ онъ для ихъ выполненія? 2) какова должна быть роль Австріи? На первый изъ этихъ вопросовъ онъ отвѣчаетъ, что цѣлью Наполеона всегда было достиженіе единовластія надъ континентомъ и что нѣтъ такой человѣческой силы, которая могла бы положить предѣлъ господству могущественнаго императора. По поводу второго вопроса Меттернихъ говоритъ, что, въ случаѣ континентальной войны, Австріи оставались бы три выхода: либо принять сторону Россіи, либо дѣйствовать за-одно съ Франціей, либо объявить себя нейтральною. Изъ всѣхъ этихъ выходовъ онъ признаетъ единственно возможнымъ для Австріи союзъ съ Наполеономъ. Программа, предложенная Меттернихомъ, была такова: употребить всѣ усилія, чтобы сохранить миръ; показать Франціи, что Австрія не домогается расширенія своихъ границъ; относительно Россіи поступать такъ же, какъ было донынѣ, избѣгая всего, что̀ могло бы внушить ей страхъ передъ австро-французскими отношеніями или возбудить въ ней надежду на сближеніе съ Австріею. Если избѣгнуть войны окажется невозможнымъ, то, по мнѣнію Меттерниха, слѣдуетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы завести переговоры объ уступкѣ части Галиціи за соотвѣтственное территоріальное вознагражденіе.

Императоръ Францъ, одобривъ доводы своего министра, особенно настойчиво приказалъ ему всѣми возможными средствами предотвращать всякія осложненія. Однако приказаніе это легче было дать, чѣмъ исполнить. Какъ разъ около этого времени въ Англіи послѣдовало учрежденіе регенства, что̀ вызвало толки о возможномъ поворотѣ въ англійской политикѣ. Кромѣ того, возникли въ 1811 г. и другія осложненія; между прочимъ, значительно обострился церковный вопросъ, вслѣдствіе изданія папскаго бреве, которымъ всѣ вновь назначенные епископы, не получившіе буллы отъ папскаго престола, объявлялись неспособными отправлять какія бы то ни было церковныя обязанности. Мѣра эта, сильно раздраживъ французскаго императора, вызвала въ духо-

венствѣ опасенія на счетъ репрессалій по отношенію къ папѣ, которыя могли бы гибельно отразиться на положеніи католической церкви. Прелаты, чрезъ посла Шварценберга, обратились къ императору Францу съ ходатайствомъ о томъ, чтобы онъ склонилъ папу къ большей уступчивости передъ Наполеономъ, и, такимъ образомъ, вѣнскій дворъ оказался вовлеченнымъ въ это столкновеніе. Отъ активнаго вмѣшательства въ это дѣло Меттернихъ, однако, уклонился и только потомъ, когда созванное собраніе высшихъ сановниковъ церкви постановило рѣшенія, благопріятныя для галиканской церкви и обѣщавшія, повидимому, привести къ благополучному разрѣшенію вопроса, онъ поздравилъ французское правительство по этому поводу. При этомъ онъ предписалъ, однако, Шварценбергу дать понять Наполеону, какъ сильно желалъ бы вѣнскій дворъ, чтобы папа былъ поставленъ въ возможность свободно пользоваться своею духовною властью, такъ какъ папа, связанный съ французскою націей, не можетъ-де быть верховнымъ главою католической церкви. Надо думать, что, дѣлая этотъ шагъ, Меттернихъ и самъ не ожидалъ отъ него никакихъ практическихъ послѣдствій.

Меттерниху приходилось слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ также и за развитіемъ франко-русскихъ отношеній, которыя все болѣе обострялись. Мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ для огражденія торговли, вызвали во Франціи сильное неудовольствіе. Новый тарифъ былъ введенъ въ Петербургѣ безъ предварительнаго сообщенія о томъ французскому послу, а послѣдующія старанія тюильрійскаго кабинета добиться нѣкоторыхъ льготъ для французскихъ товаровъ остались безуспѣшными, что крайне раздражило Наполеона. Но онъ пока еще сдерживался и соблюдалъ по отношенію къ Россіи полную вѣжливость. Чернышеву, прибывшему въ началѣ года въ Парижъ, оказанъ былъ отличный пріемъ, хотя пріѣздомъ его вовсе не были довольны и подъ рукою старались возстановить противъ него общественное мнѣніе, распуская слухи, будто онъ прибылъ въ качествѣ шпіона, съ большими деньгами для подкупа французскихъ должностныхъ лицъ. О немъ говорили также, будто онъ похвалялся, что черезъ женщинъ вывѣдаетъ всѣ тайны французскаго правительства. Повидимому, въ бесѣдахъ Наполеона съ русскимъ посланнымъ затрогиваемы были также и вопросы о войнѣ, и о русско-австрійскихъ отношеніяхъ. Передавали, будто Наполеонъ говорилъ Чернышеву, что еслибы Россіи даже и удалось вступить въ союзъ съ Австріей, то это нисколько не повредило бы Франціи, такъ какъ вѣнскій миръ лишилъ Австрію всякихъ средствъ. Въ данной потомъ Чернышеву прощальной аудіенціи Наполеонъ заявилъ раздраженнымъ тономъ, что новый русскій тарифъ выгоденъ только для одной Англіи, что введеніе его разстроило всѣ его попытки заключить миръ съ лондонскимъ кабинетомъ и разрушило всѣ благопріятные виды на будущее.

Онъ прибавилъ, что его глубоко оскорбило опубликованіе этого тарифа безъ всякаго предварительнаго сообщенія о немъ французскому правительству. По поводу же распространившихся ранѣе толковъ о вооруженіяхъ Франціи, Наполеонъ сказалъ Чернышеву, что онъ держитъ въ Германіи лишь необходимое число войскъ, а саксонскому королю послалъ не 40.000, какъ говорили, а всего 20.000 ружей, да и то только потому, что не могъ отказать въ его просьбѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, войны, повидимому, желаетъ Россія; она стремится заключить съ Турціею миръ, вступить въ союзъ съ Англіей и вооружается противъ Франціи, что̀ вынудитъ и Францію сдѣлать то же самое, а куда это все поведетъ—не извѣстно. Затѣмъ, онъ началъ увѣрять Чернышева, что и не помышляетъ о нападеніи на Россію, пока длится турецкая война. Онъ-де по-прежнему питаетъ дружбу къ императору Александру и ничего такъ не желаетъ, какъ возстановленія прежняго взаимнаго довѣрія. По его мнѣнію, все то, что̀ есть въ русскомъ тарифѣ невыгоднаго для Франціи, можетъ быть устранено путемъ заключенія торговаго договора.

— Я вѣдь знаю,—продолжалъ Наполеонъ,—что вы доносите въ Петербургъ, и въ доказательство этого могъ бы представить вамъ ваши собственныя донесенія.

Затѣмъ разговоръ коснулся Австріи, причемъ Наполеонъ сказалъ:

— Вѣнскій кабинетъ старается воспрепятствовать заключенію мира съ Турціею, потому что не хочетъ, чтобы дунайскія княжества отошли къ Россіи; я знаю, Австрія меня не любитъ, но васъ она любитъ еще меньше. Между мною и Австріей не заключено пока никакой сдѣлки, но отъ меня одного зависитъ вступить съ нею въ союзъ. Мнѣ стоитъ только возвратить ей Иллирію, и она будетъ за меня. Россія ошибается, разсчитывая на Австрію; самое благопріятное, чего она можетъ ожидать отъ этой державы, былъ бы ея нейтралитетъ.

Прощаясь съ Чернышевымъ, Наполеонъ поручилъ ему успокоить умы въ Петербургѣ и постараться о томъ, чтобы пріостановлены были сосредоточенія войскъ на границѣ герцогства Варшавскаго и постройка крѣпостей на Двинѣ.

Наполеонъ, очевидно, старался поселить въ Россіи недовѣріе къ Австріи; министръ же Шампаньи, въ бесѣдахъ своихъ съ Шварценбергомъ, прямо натравливалъ австрійскую монархію на войну съ Россіей, указывая на ущербъ, который проистечетъ для Австріи изъ занятія Россіею Сербіи. Этотъ умыселъ Наполеона былъ понятъ какъ Шварценбергомъ, такъ и Меттернихомъ, который съ тревогою силился предугадать, что̀ выйдетъ изъ всей этой игры. А событія тѣмъ временемъ все болѣе осложнялись. На письмо Наполеона, въ которомъ онъ требовалъ отъ Россіи болѣе прочнаго присоединенія въ французской

торговой системѣ, усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ Англіи и принятія французскихъ тарифовъ, императоръ Александръ еще въ октябрѣ предшествовавшаго года отвѣтилъ письмомъ же съ отказомъ. Въ Парижѣ отнеслись къ этому съ наружнымъ равнодушіемъ, но съ той же минуты усиленно занялись втайнѣ военными приготовленіями. Сдѣлано было распоряженіе о производствѣ набора въ небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ банкирскихъ домовъ въ Амстердамѣ, пользовавшійся донынѣ поддержкою Наполеона, былъ доведенъ до банкротства, какъ только въ Парижѣ стало извѣстно, что главнѣйшія свои операціи онъ совершаетъ для Россіи. Отвѣтомъ петербургскаго кабинета на эти и другія, подобныя имъ, мѣры было опубликованіе указа о торговлѣ и введеніи новаго тарифа, въ которомъ не было сдѣлано никакихъ изъятій для французскихъ товаровъ. Какъ ни глубоко былъ оскорбленъ этимъ Наполеонъ, однако, онъ все еще продолжалъ разъигрывать въ сношеніяхъ съ Россіей роль ея друга, тогда какъ уже ходили толки объ устройствѣ большого лагеря подъ Эрфуртомъ, во французскомъ военномъ министерствѣ кипѣла работа и предполагалось сформировать въ Иллиріи корпусъ съ цѣлью, въ случаѣ войны, оказать помощь туркамъ. Шварценбергъ слышалъ также, что имѣется въ виду командировать французскаго генерала Фуа, долгое время жившаго въ Турціи, въ главную квартиру великаго визиря для помощи ему въ руководствѣ военными дѣйствіями. Наиболѣе тревожными признаками надвигавшейся грозы были усиленіе данцигскаго гарнизона на 15.000 человѣкъ и заготовка въ этомъ городѣ запасовъ провіанта на два года. Этой мѣры ужь, конечно, невозможно было надолго скрыть отъ Россіи, а потому французскій кабинетъ призналъ нужнымъ успокоить русскаго посла сообщеніемъ, что на усиленіе названнаго гарнизона Франція рѣшилась вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о замышляемомъ, будто бы, англичанами внезапномъ нападеніи на Данцигъ.

XII.

Видя неизбѣжность франко-русской войны, графъ Меттернихъ полагалъ, однако, что 1811-й годъ пройдетъ въ вооруженіяхъ и столкновеніе послѣдуетъ лишь въ 1812 году. Между тѣмъ, вѣнскій кабинетъ все еще оставался въ неизвѣстности относительно роли, которую Наполеонъ отведетъ Австріи въ будущей войнѣ: объ этомъ ничего не упоминали ни самъ Наполеонъ, ни Шампаньи, и Шварценбергъ просилъ изъ Вѣны инструкцій на тотъ случай, когда, рано или поздно, во-

просъ этотъ будетъ наконецъ поставленъ тюильрійскимъ кабинетомъ. Тѣмъ временемъ, въ Петербургѣ все возростало неудовольствіе противъ Франціи. Императоръ Александръ подозрѣвалъ, что между французскимъ и австрійскимъ кабинетами существуетъ тайное соглашеніе. Но главною причиной розни между Россіею и Франціей служила Польша. Россія не довѣряла устнымъ увѣреніямъ Наполеона въ томъ, что онъ не хочетъ возстановлять Польшу, и настаивала на заключеніи письменнаго соглашенія на этотъ счетъ. Въ первой статьѣ приготовленнаго петербургскимъ кабинетомъ проекта говорилось: «На будущее время Польши существовать не будетъ». Наполеонъ рѣшительно отвергъ этотъ пунктъ, заявляя, что отъ него могутъ требовать, чтобы онъ ни прямо, ни косвенно не содѣйствовалъ возстановленію Польши, но никогда не могутъ обязать его вести въ Польшѣ войну, если ей собственными ли силами или благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ удастся достигнуть независимости. Вторымъ пунктомъ проекта соглашенія предполагалось упразднить всѣ польскіе знаки отличія. Наполеонъ предложилъ, взамѣнъ этого, написать, что впредь не должны быть жалуемы ни русскіе, ни саксонскіе ордена, но лица, уже имѣющія ихъ, могутъ ихъ сохранить. Это ограниченіе было отклонено петербургскимъ кабинетомъ.

Подобно тому, какъ императоръ Александръ отдалился отъ Наполеона изъ-за Польши, Наполеонъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ невнимательностью Россіи къ нему въ вопросѣ о введеніи торговаго тарифа. Этого онъ не скрывалъ и передъ Шварценбергомъ, которому доказывалъ, что принятыя имъ мѣры нисколько не оправдывали подобнаго поступка со стороны русскаго правительства. Настойчиво увѣряя Шварценберга въ своемъ нежеланіи начинать войну съ Россіей, политика которой можетъ, однако, вынудить его къ тому, Наполеонъ затронулъ наконецъ и вопросъ о томъ, какъ слѣдовало бы поступить Австріи въ случаѣ франко-русской войны. При этомъ, указывая на невыгоды, которыя послѣдовали бы для Австріи въ томъ случаѣ, еслибы она приняла сторону Россіи или же осталась бы нейтральною; онъ старался доказать, что единственно выгодною для монархіи политикой было бы ея активное присоединеніе къ Франціи. Однако, чтобы это не показалось похожимъ на искательство, французскій императоръ счелъ нужнымъ сослаться на громадность силъ, которыми онъ располагаетъ, причемъ сказалъ Шварценбергу:

— Вы видите, что я достаточно силенъ и не нуждаюсь въ вашей помощи; если же я все-таки желаю вашего содѣйствія, то только съ цѣлью связать васъ съ моими интересами настолько, чтобы во мнѣ уже не могло возникнуть никакихъ сомнѣній на вашъ счетъ. Кромѣ того, я

надѣюсь, что совмѣстное дѣйствіе австрійскаго корпуса съ моими войсками произведетъ самое благотворное вліяніе на всѣ народы монархіи.

Изъ этихъ заявленій вѣнскому двору нетрудно уже было заключить, что ему нельзя было бы ожидать отъ Наполеона ничего хорошаго въ томъ случаѣ, еслибы Австрія не подчинилась его волѣ. Это побудило наконецъ Меттерниха занять по отношенію къ Франціи опредѣленное положеніе, чему способствовала еще и состоявшаяся незадолго передъ тѣмъ перемѣна французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. На мѣсто Шампаньи назначенъ былъ Маре, герцогъ Бассано, который былъ горячимъ сторонникомъ союза съ Австріей и принималъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ брака Наполеона съ австрійскою принцессой. Меттернихъ издавна находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Маре и разсчитывалъ, что будетъ имѣть возможность держать его до нѣкоторой степени въ своихъ рукахъ. При всемъ томъ, онъ все еще держался мнѣнія, что рѣшеніе вопроса о войнѣ зависитъ отъ Россіи, и потому хотѣлъ выждать полученія опредѣленныхъ вѣстей изъ Петербурга, прежде чѣмъ посылать Шварценбергу окончательныя инструкціи. Тѣмъ временемъ, франко-русскія отношенія все еще не принимали вполнѣ опредѣленнаго характера, подвергаясь безпрерывнымъ колебаніямъ то въ мирную, то въ воинственную сторону. Пользуясь этимъ, Меттернихъ старался выяснить чрезъ Шварценберга, на какое вознагражденіе могла бы разсчитывать Австрія за ея содѣйствіе Наполеону въ войнѣ, которая, несмотря на всѣ проволочки, признавалась неминуемою. Попытки эти обезпечить за монархіею возможно бо́льшія выгоды прикрывались постоянными увѣреніями въ томъ, что Австрія прежде всего желаетъ сохраненія мира и даже готова взять на себя миролюбивое посредничество въ Петербургѣ: дѣлалось это, конечно, съ тою цѣлью, чтобы дать понять Наполеону, что содѣйствіе Австріи въ войнѣ не можетъ быть куплено слишкомъ дешевою цѣною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Меттернихъ старался добиться отъ тюильрійскаго кабинета точныхъ свѣдѣній о томъ, какое число войскъ потребуется отъ Австріи, печальное состояніе финансовъ которой не позволяло ей выставить особенно значительныхъ вооруженныхъ силъ; до выясненія же этого вопроса, въ Австріи тайно отъ всѣхъ, но съ вѣдома Наполеона, происходило вооруженіе разбросанныхъ въ разныхъ пунктахъ частей войскъ. Впредь до полнаго разъясненія дѣлъ, Шварценбергу было предписано внимательно выслушивать всѣ дѣланныя ему сообщенія и принимать къ свѣдѣнію всякія предложенія, по самому не высказываться. Словомъ, графъ Меттернихъ надѣялся добиться отъ Наполеона такихъ заявленій, которыя онъ могъ-бы употребить какъ оружіе противъ французскаго императора въ томъ невѣроятномъ, однако все же возможномъ случаѣ, еслибы Наполеону вздумалось войти въ соглашеніе съ Россіей. О возможности же такого случая вѣнскій

дворъ могъ заключить изъ неоднократныхъ заявленій герцога Бассано, что отъ посла Коленкура (герцога Висанскаго) получены изъ Петербурга самыя успокоительныя донесенія, указывающія на то, что императоръ Александръ рѣшительно желаетъ мира, а Наполеонъ тоже не хочетъ войны. При такомъ взаимномъ настроеніи—прибавлялъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ—соглашенія достигнуть будетъ нетрудно. Приноровляясь къ условіямъ минуты, вѣнскій кабинетъ, въ свою очередь, усилилъ свои миролюбивыя заявленія и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, отнюдь не показывая, однако, насколько желательнымъ является для него измѣнившееся положеніе дѣлъ. Онъ вѣдь и прежде стоялъ за сохраненіе мира и если участвовалъ въ Парижѣ въ переговорахъ относительно войны, то единственно на тотъ случай, когда столкновенія между Франціею и Россіей уже никакъ невозможно было бы предотвратить. Разсыпаясь въ горячихъ увѣреніяхъ относительно миролюбія Австріи, Меттернихъ, въ сущности, имѣлъ въ виду выяснить истинныя намѣренія Наполеона; онъ разсчитывалъ, что если Наполеонъ съ готовностью согласится на мирное посредничество Австріи, то это будетъ свидѣтельствовать о его искреннемъ желаніи сохранить миръ; если же онъ обойдетъ этотъ вопросъ молчаніемъ, то будетъ ясно, что онъ питаетъ заднія мысли. Самъ Меттернихъ былъ въ эту пору вполнѣ увѣренъ въ неизбѣжности франко-русской войны, но постоянная измѣнчивость настроеній Наполеона видимо смущала его и заставляла порою сомнѣваться въ правильности собственнаго мнѣнія. Вообще, нельзя сказать, чтобы онъ всегда безошибочно оцѣнивалъ положеніе дѣлъ. Такъ, въ описываемое время онъ полагалъ, будто начатіе войны зависитъ отъ Австріи и будто лишь благодаря ея осторожной политикѣ война если не устранена, то, по крайней мѣрѣ, отдалена. Испанія—разсуждалъ онъ—потеряна для Наполеона, и онъ находится въ крайне затруднительномъ положеніи; задача же вѣнскаго кабинета въ томъ, чтобы извлечь изъ этого возможно бо́льшія выгоды для себя. Императоръ Францъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія своего министра и повелѣлъ ему продолжать дѣйствовать въ избранномъ имъ направленіи.

Неопредѣленность положенія длилась все лѣто; мирные и воинственные признаки чередовались безпрерывно, и среди этой неясности неудержимо надвигалась катастрофа. 15-го августа 1811 г. отношенія Франціи къ Россіи внезапно приняли мрачное освѣщеніе: князю Куракину пришлось испытать на себѣ гнѣвную вспышку Наполеона. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ излилъ онъ свое неудовольствіе противъ русскаго правительства, въ дѣйствіяхъ котораго онъ усматривалъ признаки того, что оно питаетъ скрытые замыслы противъ Франціи.

— Я не понимаю русскаго правительства!—воскликнулъ онъ:—либо у него есть заднія мысли, либо оно потеряло голову. Чувствуетъ ли оно

себя оскорбленнымъ? Но когда два джентльмена поссорятся и одинъ дастъ другому пощечину, то они либо вступаютъ въ бой, либо мирятся. Я готовъ и на тотъ, и на другой выходъ. Но куда поведетъ нынѣшнее неопредѣленное положеніе?

На увѣренія Куракина въ дружественныхъ чувствахъ петербургскаго кабинета, Наполеонъ возразилъ:

— Э, полноте, мой милый! Это фразы; надо дѣйствовать! Отведите ваши войска назадъ, тогда я отзову мои.

По поводу Польши онъ сказалъ:

— У васъ упрекаютъ меня въ томъ, будто я имѣю поползновенія на эту страну и угрожаю русскимъ провинціямъ. Я же думаю, что овладѣть Польшею хочетъ Россія и что, по ея мнѣнію, она обезопаситъ себя отъ герцогства Варшавскаго только тогда, когда нападетъ на него. Но если это случится, мы должны будемъ драться.

Куракинъ старался убѣдить своего собесѣдника, что императоръ Александръ совершенно чуждъ подобнымъ замысламъ, но Наполеонъ возразилъ на это, что онъ знаетъ императора, что императоръ — человѣкъ умный, хорошо предусматривающій послѣдствія всякаго дѣла, но что именно поэтому и надо предположить, что у него есть задняя мысль. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, раздраженіе его утихало, и аудіенція кончилась тѣмъ, что Наполеонъ, упомянувъ о своемъ желаніи сохранить миръ, пожалъ князю Куракину руку. Въ Россіи аудіенція эта была истолкована въ смыслѣ миролюбивой манифестаціи со стороны Наполеона, хотя заявленія послѣдняго сводились, въ общемъ, къ тому, что всю вину въ существующихъ разногласіяхъ онъ сваливалъ на Россію, какъ бы желая заранѣе обѣлить себя передъ Европой на случай возникновенія войны. Въ миролюбивомъ же духѣ старались истолковать заявленія Наполеона также въ Парижѣ и Вѣнѣ, хотя никто уже не сомнѣвался теперь, что война вспыхнетъ вскорѣ. Самъ Наполеонъ, а за нимъ и герцогъ Бассано, говорили открыто, что она неизбѣжна. Бассано заявлялъ Шварценбергу, что Россія давно уже нарушаетъ тильзитское соглашеніе и стягиваетъ войска подъ Варшавой единственно для замаскированія тайно производимой ею торговли съ Англіей, такъ какъ со времени передвиженія туда русскихъ войскъ въ русскихъ портахъ стали появляться американскія суда съ англійскими товарами. По словамъ Бассано, однихъ уже сношеній съ Англіею достаточно для того, чтобы вызвать войну.

Соотвѣтственно такому настроенію, тюильрійскій кабинетъ началъ обнаруживать стремленіе выяснить, въ состояніи ли будетъ Австрія, въ случаѣ войны, оказать желательную военную помощь Наполеону. Изъ намековъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ и самого императора, австрійскій посолъ вывелъ заключеніе, что въ Парижѣ

разсчитываютъ на выставленіе со стороны Австріи двухъ армейскихъ корпусовъ, численностью по 40.000 человѣкъ каждый, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ былъ выставленъ на турецкой границѣ для поддержки операцій турокъ, а другой—стянутъ подъ Львовомъ, съ цѣлью содѣйствовать въ продолженіи похода французскимъ войскамъ. Что̀ касается денежныхъ жертвъ Австріи, то, по увѣреніямъ Наполеона и герцога Бассано, онѣ не были бы чрезмѣрными, такъ какъ австрійскимъ войскамъ пришлось бы дѣйствовать въ непріятельской странѣ и содержаться на средства непріятеля.

Наполеонъ торопливо готовился къ войнѣ и говорилъ Шварценбергу, что будетъ ждать никакъ не болѣе полугода, чтобы увидѣть, въ чемъ будутъ заключаться окончательныя заявленія Россіи.

— Не знаю,—прибавилъ онъ,—чего собственно хочетъ отъ меня это царство, повидимому, всего менѣе способное вести войну, такъ какъ у него нѣтъ ни денегъ, ни людей, ни генераловъ.

Шварценбергъ, видя, что дѣло близится къ рѣшительному исходу, еще разъ попытался добиться отъ Наполеона опредѣленныхъ указаній относительно тѣхъ выгодъ, на которыя могла бы съ увѣренностью разсчитывать Австрія; но императоръ, повторяя, что выгоду можетъ доставить монархіи только слѣдованіе за Франціей, ограничился общимъ изъявленіемъ готовности оградить интересы Австріи и сохранить цѣлость Пруссіи и Турціи. Вѣнскій кабинетъ, хотя и очень желалъ сохраненія обоихъ этихъ государствъ, однако за свое участіе въ войнѣ хотѣлъ получить и надежныя выгоды непосредственно для монархіи. Но на всѣ дальнѣйшія представленія Шварценберга по этому предмету Наполеонъ отвѣчалъ, что опредѣлять что-нибудь заранѣе трудно, такъ какъ все зависитъ отъ случайностей войны. Вскорѣ послѣ того Шварценбергъ былъ вызванъ въ Вѣну для устнаго доклада о положеніи дѣлъ, но, уѣзжая, онъ все еще оставался безъ опредѣленныхъ данныхъ относительно ожидаемыхъ Австріею выгодъ. Въ прощальной аудіенціи герцогъ Бассано сказалъ ему только, что теперь ему предоставляется случай выработать совмѣстно съ австрійскимъ правительствомъ основы содѣйствія Австріи въ войнѣ и пожелалъ ему возвратиться поскорѣе съ надлежащими полномочіями для окончательнаго разрѣшенія вопроса. Франція видимо не хотѣла связывать себя опредѣленными обѣщаніями, пока Австрія не выразитъ формально готовности къ переговорамъ. Но, высказываясь въ такомъ смыслѣ передъ австрійскимъ посломъ, герцогъ Бассано увѣрялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уѣзжавшаго въ то время по семейнымъ обстоятельствамъ изъ Парижа Нессельроде, что Наполеонъ нисколько не разсчитываетъ на разоренную въ финансовомъ отношеніи Австрію.

Одною, изъ главныхъ причинъ вызова Шварценберга въ Вѣну было

шаткое положеніе дѣлъ въ самой австрійской столицѣ: помимо надобности лично переговорить съ посломъ въ такую рѣшительную минуту, Меттернихъ нуждался также и въ его помощи въ борьбѣ съ противниками его системы, находившими сильнѣйшую поддержку со стороны пребывавшей тогда въ Вѣнѣ многолюдной русской колоніи. Для него было въ высшей степени важно убѣдиться, не успѣли ли противники поколебать прежнее довѣріе императора Франца къ его политической системѣ, а въ такую минуту было не безполезно имѣть подъ рукою Шварценберга, какъ непосредственнаго наблюдателя всѣхъ ходовъ французской политики. Чтобы узнать мысли императора, Меттернихъ представилъ ему въ ноябрѣ докладъ объ общемъ положеніи дѣлъ, въ которомъ сильно осуждалъ политику Россіи, возлагая на нее всю вину въ бѣдствіи Европы и Австріи. Онъ вмѣнялъ русскому двору прямо въ преступленіе то, что со временъ Петра Великаго онъ только и думалъ о расширеніи западныхъ границъ Имперіи. Всякое завоеваніе,—писалъ онъ,—сдѣлано было Россіею на счетъ друзей и союзниковъ Австріи. Когда Пруссія угрожала австрійской монархіи, Россія оказывала ей могущественную поддержу и при содѣйствіи Россіи же исчезло потомъ прусское государство, существованіе котораго было въ интересахъ Австріи. Съ уничтоженіемъ Польши рухнули всѣ понятія истинно-европейской политики и положено основаніе современной политикѣ грабежей. Еслибы не настойчивость Австріи, Порта давно пала бы подъ натискомъ Россіи. Россія содѣйствовала разрушенію бывшей германской имперіи и подрыву императорскаго достоинства. Въ настоящее время Россія оказывается предоставленною однѣмъ собственнымъ силамъ и не имѣетъ охранительницъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи, которыя всегда были покидаемы ею на произволъ судьбы, когда ея собственнымъ границамъ угрожала опасность.

Вообще, въ аттестаціи своей Меттернихъ не поскупился на черныя краски по адресу Россіи. По его отзыву, Россія являетъ собою смѣсь трусости и безсмысленной страсти къ завоеваніямъ, причемъ она никогда не руководствовалась, да и теперь не руководствуется, никакимъ принципомъ. По всему видно, что противники меттерниховской системы были дѣйствительно очень сильны въ ту пору, если министръ иностранныхъ дѣлъ призналъ нужнымъ преподнести своему императору такую злобную филиппику противъ Россіи, съ цѣлью оправдать свое заискиваніе передъ Наполеономъ. Далѣе Меттернихъ выступаетъ въ своемъ докладѣ въ роли предвѣщателя. По его словамъ, война, начало которой онъ предусматриваетъ въ 1812 году, въ случаѣ побѣды Наполеона, будетъ непродолжительна, и первымъ послѣдствіемъ ея будетъ, вѣроятно, отпаденіе отъ Россіи польскихъ провинцій и упраздненіе прусской власти. Тогда Австрія, окруженная врагами, очутится посреди громаднаго союза и не будетъ имѣть ни одной спокойной границы, кромѣ турецкой. Какое же

направленіе должно быть дано австрійской политикѣ? Выжидать и дѣлать попытки посредничества уже поздно, нейтралитетъ былъ бы для монархіи гибеленъ, а потому остается единственный выходъ—дѣйствовать сообща съ Франціей. Въ случаѣ, если императоръ одобритъ это рѣшеніе, Меттернихъ предлагаетъ дать послу Шварценбергу, для руководства, инструкцію слѣдующаго содержанія: Австрійскій императоръ готовъ мобилизовать армейскій корпусъ, если Наполеонъ представитъ доказательство, что въ случаѣ его побѣды Австрія можетъ разсчитывать не только на полное возмѣщеніе ея военныхъ издержекъ, но и на существенное улучшеніе ея географическаго, торговаго и административнаго положенія, и если, кромѣ того, Наполеонъ обѣщаетъ монархіи пріобрѣтеніе Силезіи, иллирійскихъ провинцій и границы по Вѣну, со включеніемъ Зальцбурга. Въ этомъ случаѣ австрійскій дворъ готовъ уступить возстановляемой Польшѣ соотвѣтственную часть Галиціи, съ тѣмъ, однако, чтобы въ уступленную часть не входили ни Величка (которая должна быть оставлена, по-прежнему, въ общемъ владѣніи), ни другая граница, подлежащая отводу въ пользу Австріи по военнымъ соображеніямъ. Во время войны, въ Галиціи должно быть оставлено австрійское управленіе. Австрійскій корпусъ, предводимый собственными генералами, будетъ дѣйствовать отдѣльно, вступая въ совмѣстныя съ французскою арміей операціи лишь по общимъ военнымъ соображеніямъ. Наконецъ, пропускъ иноземныхъ войскъ чрезъ австрійскія владѣнія долженъ быть воспрещенъ.

Если условія эти будутъ одобрены императоромъ Францемъ, то Меттернихъ намѣренъ предложить ихъ со всею осторожностью въ Парижѣ, а переговоры повести такимъ образомъ, чтобы починъ могъ быть приписанъ Наполеону. Онъ опасался, однако, что Наполеонъ, зная слабосиліе Австріи, можетъ и уклониться отъ подобныхъ условій. На этотъ случай Меттернихъ предлагалъ внушить Шварценбергу, чтобы онъ сперва вполнѣ удостовѣрился въ томъ, какъ отнесется Наполеонъ къ этому дѣлу. Въ случаѣ отказа, Меттернихъ предоставлялъ себѣ обсудить дальнѣйшіе шаги впослѣдствіи, а о принятомъ рѣшеніи доложить императору.

Императоръ Францъ одобрилъ предложенія своего министра, повелѣвъ только озаботиться тѣмъ, чтобы затраты государства были ограничены лишь безусловно необходимымъ. Такимъ образомъ, Меттернихъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ противниками, найдя твердую опору въ своемъ государѣ. Онъ могъ-бы теперь дѣятельно приступить къ осуществленію своей системы, еслибы на каждомъ шагу не встрѣчались серьезныя препятствія. Уже одна предстоявшая война грозила разрушить всѣ планы Меттерниха относительно подъема подорванныхъ силъ монархіи подъ покровомъ продолжительнаго мира, котораго онъ

надѣялся достигнуть при помощи искусной дипломатической игры при европейскихъ дворахъ. Кромѣ того, серьезныя затрудненія возникали изъ-за крайне плохого состоянія финансовъ.

Вѣнскій кабинетъ надѣялся нѣсколько упорядочить ихъ при содѣйствіи Наполеона, но Наполеонъ никакой помощи въ этомъ отношеніи не оказывалъ. Это, въ свою очередь, еще болѣе усиливало ропотъ противниковъ Меттерниха и его программы, основанной на сближеніи съ Франціею. Недовольство Наполеономъ быстро разросталось въ Австріи при видѣ того, что онъ не только не желалъ помочь подъему австрійской торговли, но еще и принималъ мѣры, служившія прямо въ ущербъ ей. Ко всему этому, послѣ блестящей побѣды русскихъ войскъ на Дунаѣ, вынудившей армію великаго визиря (въ ноябрѣ) положить оружіе, возникли опасенія, чтобы, въ виду такого оборота дѣлъ на турецкомъ театрѣ, Наполеонъ не измѣнилъ своихъ намѣреній и, вмѣсто войны съ Россіей, не поставилъ на очередь столь страшнаго для Австріи восточнаго вопроса. Опасенія эти хотя и не оправдались, однако произвели сильный переполохъ въ австрійской государственной канцеляріи.

Такъ, среди страха и сомнѣній, заключился въ Австріи 1811 годъ, въ концѣ котораго посолъ Шварценбергъ отправился обратно къ своему посту въ Парижъ, гдѣ его поджидали съ нетерпѣніемъ, желая узнать условія, которыми Австрія хочетъ обставить свое участіе въ франко-русской войнѣ.

XIII.

Въ началѣ 1811 г. недовольство господствовавшею системой достигло въ Россіи наивысшей степени. Политическія причины и безотрадное состояніе сельскаго хозяйства обратили высшее русское общество въ противниковъ французской системы, а упадокъ торговли и общее оскудѣніе породили ненависть къ Франціи также въ среднемъ и низшемъ классахъ населенія. Дѣйствительно, вслѣдствіе континентальной системы прекратился вывозъ изъ Россіи сырья, что̀ тяжело отзывалось на общемъ благосостояніи. Звонкая монета исчезла изъ обращенія, что̀ повлекло за собою вздорожаніе всякихъ продуктовъ. Требованіе французскаго правительства, чтобы накопившіеся въ Россіи англійскіе товары были сожжены, вызвало всеобщее негодованіе. Естественно, что при такихъ условіяхъ правительство было вынуждено принять какія-нибудь мѣры къ огражденію интересовъ русской торговли. Послѣдовало введеніе новаго тарифа, высокія пошлины котораго затруднили

ввозъ иностранныхъ, особенно французскихъ товаровъ, а англійскіе продукты были избавлены отъ сожженія, несмотря на всѣ протесты Коленкура. Отношеніе между императорами Александромъ I и Наполеономъ все ухудшались подъ вліяніемъ крайне безцеремонныхъ поступковъ послѣдняго по отношенію къ Россіи. Присоединеніе Голландіи и захваты въ сѣверной Германіи угрожали интересамъ Россіи, а захватъ герцогства Ольденбургскаго, которое русскій императоръ считалъ почти своимъ фамильнымъ владѣніемъ, оскорбилъ Александра лично. Чрезвычайно недовольны были въ Петербургѣ также и требованіемъ французскаго кабинета, чтобы Россія пригрозила Швеціи нападеніемъ, въ случаѣ, если шведское правительство не объявитъ войны Англіи. Требованіе это было для Россіи тѣмъ менѣе исполнимо въ такую минуту, когда разрывъ ея съ Франціею становился все болѣе вѣроятнымъ, не говоря уже о томъ, что и вообще едва-ли было возможно навязывать Швеціи рѣшеніе, которое она могла бы принять лишь по соображеніямъ собственнаго интереса. Притомъ, для Россіи было весьма важно—особенно въ то смутное время—поддерживать добрыя отношенія къ сосѣдямъ. Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что войны съ Франціею не миновать, и хотя самъ онъ не хотѣлъ вызывать столкновенія, однако готовъ былъ принять его, если оно будетъ ему навязано, и дать нападающему энергическій отпоръ. Въ виду этой возможности, главною задачей русской политики было окончить, по возможности, скорѣе войну съ Турціей и установить дружественныя отношенія съ Австріей. При всемъ томъ, императоръ Александръ не желалъ, однако, уменьшать своихъ требованій отъ Порты; онъ не хотѣлъ отказаться отъ дунайской границы, обладаніе которою признавалъ единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы удержать Порту отъ союза съ Франціей. Австрію онъ надѣялся склонить къ возстановленію прежняго союза обѣщаніемъ предоставить ей Сербію, «если это будетъ ей пріятно», прибавилъ онъ въ одной изъ бесѣдъ съ Сенъ-Жюльеномъ, причемъ слова эти произнесъ съ улыбкой, какъ-бы желая сказать, что онъ знаетъ, какъ въ былое время Австрія стремилась къ обладанію этою страной. Онъ готовъ былъ уступить Австріи также Валахію до Серета и городъ Браиловъ. Но въ Вѣнѣ вовсе не помышляли въ то время о завоеваніяхъ и думали только о томъ, какъ бы предотвратить всякія новыя осложненія. Впрочемъ, и помимо этого, даже въ томъ случаѣ, еслибы Россія проявила склонность сдѣлать уступки Портѣ, вѣнскій кабинетъ, трепетавшій передъ Наполеономъ, поостерегся бы сближаться съ Россіей, къ политикѣ которой, независимо отъ всѣхъ другихъ соображеній, питалъ сильнѣйшее недовѣріе. Графъ Меттернихъ, завѣдомый ненавистникъ петербургскаго кабинета, съ злорадствомъ смотрѣлъ на то, какъ Россія, столь значительно способствовавшая ослабленію Австріи и отторгнувшая у нея

часть территоріи, вынуждена теперь искать союза или, по крайней мѣрѣ, хоть нейтралитета монархіи. Онъ считалъ неизбѣжнымъ скорое паденіе усвоенной петербургскимъ кабинетомъ системы, но, не ожидая даже и отъ этого улучшенія условій политическаго существованія Россіи, не имѣлъ никакой охоты связывать съ нею судьбу австрійской монархіи. Императоръ Александръ и его совѣтники, очевидно, не знали о такомъ взглядѣ вѣнскаго кабинета на дѣло, что̀ объясняется, повидимому, оптимистическими донесеніями, поступавшими изъ Вѣны отъ графа Шувало́ва, а отчасти и заявленіями графа Сенъ-Жюльена въ Петербургѣ, никогда не умѣвшаго проникнуть мыслей графа Меттерниха и полагавшаго, что, съ перемѣною системы въ Россіи, Австрія всегда будетъ готова возобновить союзъ съ нею. Не понимая указаній, даваемыхъ ему Меттернихомъ, онъ дошелъ до того, что даже прямо сулилъ императору Александру нейтралитетъ Австріи въ случаѣ франко-русской войны. О положеніи дѣлъ Александръ бесѣдовалъ съ австрійскимъ посланникомъ большею частью лично, или же сносился съ нимъ по важнѣйшимъ вопросамъ чрезъ Кошелева; онъ зналъ, что его министра иностранныхъ дѣлъ австрійскіе государственные люди терпѣть не могутъ, и потому велъ сношенія съ Сенъ-Жюльеномъ помимо него, чтобы и въ этомъ отношеніи удобнѣе подготовить почву для соглашенія съ Австріей. Одновременно съ попытками разсѣять нерасположеніе вѣнскаго правительства къ Россіи, петербургскій кабинетъ стремился возстановить его противъ Франціи. Съ этою цѣлью Румянцовъ передалъ, между прочимъ, графу Сенъ-Жюльену, что, по донесеніямъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Неаполѣ, въ Италіи совершаются передвиженія войскъ и что ихъ предполагается двинуть въ Иллирію.

— Передвиженія эти—говорилъ Румянцовъ—должны находиться въ связи съ замыслами Наполеона относительно Турціи, раздѣла которой желаетъ французскій императоръ. И по этому поводу онъ увѣрялъ Сенъ-Жюльена, что петербургскій кабинетъ противъ раздѣла Оттоманской имперіи, но не могъ бы устраниться отъ участія въ немъ, если-бы раздѣлъ сталъ неизбѣжнымъ.

— Австрія—прибавлялъ Румянцовъ,—тоже должна участвовать въ въ раздѣлѣ, причемъ петербургскій кабинетъ постарается устроить такъ, чтобы пріобрѣтенія монархіи пришлись между землями, которыя отойдутъ къ Россіи и Франціи.

Въ концѣ февраля 1811 года Коленкуръ былъ отозванъ изъ Петербурга и вмѣсто него назначенъ французскимъ посломъ Лористонъ. Значеніе этой перемѣны истолковывалось въ Петербургѣ двояко: одни приписывали удаленіе Коленкура неудовольствію Наполеона тѣмъ, что онъ не достаточно стойко противился введенію въ Россіи новаго тарифа; другіе полагали, что отношенія Коленкура къ императору Александру

признавались въ Парижѣ слишкомъ близкими для того, чтобы можно было возложить на него подготовку предстоявшаго разрыва. Меттернихъ, недовольный неумѣлою дѣятельностью Сенъ-Жюльена, который, какъ извѣстно, былъ назначенъ въ Петербургъ противъ желанія руководителя австрійской политики, тоже подумывалъ о замѣнѣ этого дипломата болѣе способнымъ человѣкомъ; однако, опасаясь, чтобы назначеніе другого лица, съ болѣе опредѣленными политическими взглядами, не возбудило въ Россіи новыхъ неудовольствій, онъ рѣшилъ оставить Сенъ-Жюльена на его посту, но прикомандировать къ нему, въ качествѣ совѣтника посольства, Лебцельтерна, дипломатическія способности котораго Меттернихъ высоко цѣнилъ. Лебцельтернъ уже имѣлъ случай проявить свои дарованія при исполненіи нѣсколькихъ трудныхъ порученій и, главное, былъ хорошо знакомъ, въ общихъ чертахъ, съ ходомъ мыслей Меттерниха, хотя, повидимому, и не былъ еще посвященъ въ его конечныя цѣли. Задачею его являлось наблюденіе за его непосредственнымъ начальникомъ, Сенъ-Жюльеномъ, и разъясненіе ему присылаемыхъ изъ Вѣны инструкцій, съ цѣлью предохранить его отъ неосторожныхъ шаговъ. Ему поручено было вывѣдывать у графа Сенъ-Жюльена, что̀ именно говорилъ онъ императору Александру, Румянцову, или Кошелеву, и онъ же, подчиненный, долженъ былъ давать посланнику указанія для переговоровъ съ этими лицами. Понятно, что такое щекотливое положеніе, какъ нельзя лучше характеризующее общую склонность Меттерниха дѣйствовать путемъ всякаго рода ухищреній, не могло нравиться Лебцельтерну. И дѣйствительно, всѣ его донесенія были полны жалобъ на трудности, которыя ему приходилось преодолѣвать. Въ одномъ изъ своихъ донесеній онъ даже выразилъ сожалѣніе о томъ, что въ такую важную минуту Австрія имѣетъ въ Петербургѣ столь мало проницательнаго дипломата, какъ Сенъ-Жюльенъ, который дошелъ до того, что едва не предложилъ петербургскому кабинету добрыя услуги своего правительства относительно достиженія согласія Порты на уступку княжествъ, съ границею до Прута. Лебцельтерну насилу удалось удержать его отъ такого шага, который совершенно противорѣчилъ бы намѣреніямъ Австріи, не желавшей возбуждать въ Россіи никакихъ надеждъ на австрійскую помощь, такъ какъ, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, подобныя надежды могли бы побудить императора Александра и его совѣтниковъ къ необдуманнымъ поступкамъ, что̀ ускорило бы начатіе войны. Задачею Сенъ-Жюльена было, скорѣе, стараться о томъ, чтобы обстоятельно узнать истинныя намѣренія русскаго двора и убѣдить его въ дружественномъ настроеніи Австріи, не прибѣгая, однако, къ лести, не давая совѣтовъ и не связывая себя обѣщаніями. Отъ посланника требовалось, чтобы онъ успокоилъ петербургскій кабинетъ заявленіемъ, что между Франціей и Австріей никакого союза не суще-

ствуетъ и что Меттернихъ домогался въ Парижѣ лишь сохраненія мира. Въ виду жалобъ Лебцельтерна на графа Сенъ-Жюльена, въ Вѣнѣ, рѣшили наконецъ вести нужные переговоры не въ Петербургѣ, а въ австрійской столицѣ. Но переговоры эти никакъ не налаживались вслѣдствіе величайшаго взаимнаго недовѣрія обоихъ кабинетовъ. Императоръ Александръ былъ убѣжденъ въ существованіи австро-французскаго союза, и только этимъ объяснялъ Лебцельтернъ тотъ миролюбивый тонъ, въ которомъ императоръ говорилъ съ Сенъ-Жюльеномъ. Впрочемъ, дипломатъ этотъ, подобно всѣмъ австрійскимъ государственнымъ людямъ того времени, считалъ Александра человѣкомъ въ высшей степени не искреннимъ, безхарактернымъ и склоннымъ къ постояннымъ колебаніямъ. Поэтому и предложеніе его относительно предоставленія Сербіи австрійцамъ понято было въ Вѣнѣ въ томъ смыслѣ, что русскій императоръ хотѣлъ только вывѣдать у Австріи, не состоялось ли уже между нею и Франціей какой-нибудь сдѣлки относительно этой страны. Кромѣ того, Меттернихъ былъ увѣренъ, что всякое заявленіе Австріи Румянцовъ тотчасъ же сообщитъ Портѣ, чтобы та скорѣе согласилась на уступку княжествъ.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судьба Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго [1]).

Въ одинъ весенній день 1725 года, императрица Екатерина первая, успокоившись отъ волненій, соединенныхъ съ неожиданной кончиною ея вѣнценоснаго супруга Петра 1-го и съ еще большей неожиданностью возведенія ея на императорскій тронъ, несмотря на свое иноземное происхожденіе, почивала, по русскому обычаю, послѣобѣденнымъ сномъ. Для охраненія ненарушимости покоя императрицы, по мосту черезъ каналъ запрещенъ былъ для всѣхъ лицъ и персонъ знатныхъ проѣздъ во время опочиванія государыни, при чемъ мостъ охранялся часовымъ.

Несмотря на этотъ, извѣстный всѣмъ петербургскимъ жителямъ запретъ, бойко и смѣло неслась къ каналу карета (по тогдашнему названію «колымага»), запряженная цугомъ шестеркой сытыхъ лошадей, украшенныхъ серебряной сбруей, съ форейторомъ въ расшитомъ позументомъ кафтанѣ и четырехъугольной вишневаго бархата шапкѣ. Часовой остановилъ смѣлаго возницу. Но сѣдокъ, находившійся въ каретѣ, потребовалъ къ себѣ караульнаго офицера, объявивъ ему, что онъ ѣдетъ къ императрицѣ. Однако караульный капитанъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить проѣздъ чрезъ мостъ въ запрещенный часъ, ссылаясь на высочайшее по этому предмету повелѣніе. Эта твердость въ исполненіи караульнымъ начальникомъ своего долга такъ раздражила ѣхавшаго, что онъ не только не стѣснился обругать часоваго и офицера «шелудивыми овцами»;

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ на основаніи подлинныхъ документовъ и секретныхъ дѣлъ, находящихся въ архивѣ св. Синода, помѣщенныхъ въ „Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Правительствующаго Синода". Томъ V. Изд. 1897 г.

но, несмотря на настойчивое запрещеніе караула, проѣхалъ мостомъ прямо ко дворцу императрицы. Это настойчивое до непростительной дерзости лицо, не принятое во дворцѣ, хотя и освѣдомлено было о томъ, что государыня опочиваетъ, вознегодовало, озлобилось, и, въ состояніи раздраженія, высказало угрозу, что «въ домъ императрицы никогда не пойдетъ, развѣ неволею привлеченъ будетъ».

Это былъ когда-то другъ и любимецъ Петра, но затѣмъ лишившійся расположенія государя, Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій, первый вице-президентъ Св. Синода, неимѣющій никакихъ особыхъ церковноисторическихъ заслугъ и замѣчательный трагическимъ концомъ своей судьбы, близко граничившей съ судьбою патріарха Никона.

Однажды Петръ Великій посѣтилъ Хутынскій монастырь, гдѣ въ санѣ архимандрита настоятельствовалъ Ѳеодосій. Это былъ юго-западный выходецъ и скорѣе проходимецъ, нежели ученый монахъ, каковыми безспорно могли называться іерархи: Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и болѣе всѣхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—кіевскіе ученые, вызванные изъ Малороссіи въ Великороссію и оказавшіе отечественной церкви значительныя заслуги, въ особенности въ борьбѣ съ расколомъ, а пожалуй и съ ханжествомъ, наружнымъ благочестіемъ и суевѣріемъ русскихъ людей.

Въ хутынскомъ архимандритѣ, Ѳеодосіи Яновскомъ, Петру нравилось собственно свободомысліе въ вопросахъ религіозныхъ, его развязность и живой, веселый, несмотря на санъ монашескій, характеръ. Московское монашество и духовенство своими воздыханіями и ханжествомъ, своими хуленіями «дѣлъ Петровыхъ», своимъ расположеніемъ къ царевичу Алексѣю и царицѣ Евдокіи, не нравилось царю, и онъ радъ былъ, что встрѣтилъ духовное лицо, живое, энергичное, развязное, лично не стѣснявшееся въ своей частной жизни и не стѣснявшее другихъ. Такимъ лицомъ показался Петру Ѳеодосій. Въ 1712 году, т. е. еще до перенесенія столицы въ Петербургъ, Петръ назначилъ его настоятелемъ Александро-Невскаго Петербургскаго монастыря, приблизилъ его къ себѣ, и этотъ юго-западный выходецъ сдѣлался самымъ довѣреннымъ лицомъ у государя, естественно, къ великой досадѣ великорусскаго духовенства.

Пользуясь расположеніемъ государя, Ѳеодосій никого не боялся, жилъ на свѣтскую ногу, велъ явно разгульную жизнь. Но Петръ не обращалъ вниманія на личную жизнь монаха-архимандрита, ни на шаткость его религіозныхъ убѣжденій, и въ 1716 году, послѣ смерти Іова, архіепископа новгородскаго, назначилъ Ѳеодосія на Новгородскую епископскую каѳедру, а затѣмъ вице-президентомъ Св. Синода. Такая близость къ Петру, неограниченное довѣріе царя развили въ Ѳеодосіи тщеславіе до крайнихъ предѣловъ, вызывавшее ропотъ и ненависть къ

нему не только всего великорусскаго духовенства, но и земляковъ его, малороссовъ.

Своимъ недуховнымъ поведеніемъ Ѳеодосій усиливалъ негодованіе духовенства. Мало того, что онъ самъ жилъ какъ свѣтскій вельможа, Ѳеодосій, въ подраженіе Петру, устраивалъ ассамблеи, на которыя должны были собираться другъ у друга всѣ духовные сановники поочередно, не смѣя выражать явнаго протеста этому новаторству. Открытая свѣтская жизнь Ѳеодосія, его выѣзды, обѣды, балы и пріемы, конечно, требовали немалыхъ расходовъ, между тѣмъ Петръ установилъ штаты духовенства и обрѣзалъ до крайности монастырскіе доходы, обративъ ихъ въ казну на покрытіе расходовъ государственныхъ. Это распоряженіе царя вызвало всеобщій ропотъ монашествующаго духовенства. Въ числѣ ропщущихъ и хулителей царя оказался и Ѳеодосій, который, для возмездія сокращенныхъ доходовъ и покрытія личныхъ потребностей, не постѣснился отбирать въ церквахъ и монастыряхъ оклады съ св. иконъ, древнюю церковную серебряную посуду, колокола, жемчугъ и каменья съ старинныхъ архіерейскихъ шапокъ (митръ) и омофоровъ, серебро съ древнихъ облаченій и проч. Все это продавалъ, проживалъ и на эти деньги выписалъ, къ удивленію вельможъ и знати, изъ-за моря серебряный сервизъ.

Помимо обращенія церковныхъ цѣнностей въ свою пользу, Ѳеодосій дозволялъ себѣ не только образъ мыслей, но и дѣйствій явно противныхъ православному вѣроученію и преступныхъ даже для простаго мірянина. Такъ, раздѣляя протестантское вѣроученіе въ отношеніи почитанія св. иконъ, Ѳеодосій называлъ весь русскій народъ, всѣхъ православныхъ своихъ пасомыхъ идолопоклонниками, при чемъ приводилъ въ примѣръ Іерусалимъ и другія святыя мѣста, которыя, по словамъ архипастыря, Богъ отдалъ варварамъ туркамъ, отнявъ у христіанъ, за то, что они поклонялись гробу Господню «и тѣмъ идолослуженіемъ творили Богу безчестіе», «такожде надѣяться надобно и Россійскому государству», пророчествовалъ феноменальный архіерей.

Въ своемъ отрицаніи православнаго догмата о почитаніи св. иконъ Ѳеодосій дошелъ до издѣвательства надъ вѣковѣчными русскими, дорогими для вѣрующихъ душъ, святынями. Такъ, проѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, Ѳеодосій заѣхалъ въ Никольскій, что на Столпѣ, монастырь, и здѣсь въ доказательство того, что вѣрованіе въ чудеса, являемыя иконами, есть суевѣріе, въ присутствіи братіи и къ ужасу ея, «распиловалъ образъ чудотворца Николая».

Зналъ ли объ этихъ дѣяніяхъ своего недостойнаго любимца Петръ, утверждать трудно. Полагать нужно, что не зналъ, ибо можно положительно утверждать, что, несмотря на свое свободомысліе въ дѣлахъ вѣры, Петръ не простилъ бы такое выдающееся кощунство высшему

духовному лицу. Ѳеодосій, хотя и сильно сердился на Петра за отнятіе доходовъ, но явно и публично изливалъ злобу на своего благодѣтеля царя только послѣ его смерти.

Такъ объявляя высочайшій указъ о томъ, чтобы всѣ синодальные члены въ память по государѣ были въ служеніи, строптивый и зазнавшійся Ѳеодосій говорилъ: «чего церковь Божія дождалась, что мірская власть повелѣваетъ духовной молиться, и хотя онъ служить будетъ, токмо услышитъ ли Богъ такую молитву? А не служить онъ боится, чтобы въ ссылку его не сослали».

Нехотя и какъ бы по принужденію, совершивъ службу въ означенный день о упокоеніи души того, кто вызвалъ Ѳеодосія изъ ничтожества на высоту, неблагодарный іерархъ, къ огорченію императрицы и къ смущенію всѣхъ придворныхъ, на приглашеніе во дворецъ къ поминальному столу дерзко и грубо отказался и не поѣхалъ. Ѳеодосій злобствовалъ противъ своего благодѣтеля царя за то, что Петръ, разочаровавшись въ Ѳеодосіи, удалился отъ него, приблизивъ къ себѣ умнаго, талантливаго, Ѳеофана Прокоповича.

Окружавшіе Петра, видя его охлажденіе къ ненавистному для всѣхъ Ѳеодосію, возбудили противъ него преслѣдованіе о расхищеніи церковнаго имущества, хорошо зная ту строгость, какую проявлялъ Петръ въ отношеніи хищниковъ. Но смерть Петра лишила его возможности раздѣлаться съ бывшимъ любимцемъ своимъ. Эта раздѣлка съ Ѳеодосіемъ произведена и участь его рѣшена пріемницей Петра Екатериной.

Слѣдственное о Ѳеодосіи дѣло производилось въ верховномъ судѣ. Судомъ добыты были улики противъ обвиняемаго въ томъ, что онъ: 1) роптalъ на указъ царскій о духовныхъ штатахъ и распредѣленіи доходовъ, 2) что присвоялъ себѣ церковное имущество, 3) распиловалъ образъ Николая Чудотворца, 4) произносилъ непристойныя слова, касавшіяся чести императорскихъ величествъ, 5) въ собраніи Святѣйшаго Синода произносилъ слова по поводу смерти императора Петра: «видите ли, отцы святіи, когда началъ духовныхъ штатовъ опредѣлять и власть ихъ умалять, то и умре вскорѣ, и мы живы, а его нѣтъ!» 6) весь россійскій народъ называлъ идолопоклонниками и 7) часоваго и караульнаго капитана называлъ «шелудивыми овцами».

За всѣ перечисленные поступки, архіепископъ Ѳеодосій былъ удаленъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и сосланъ въ Корельскій, при устьяхъ Двины, монастырь на неисходное жительство, о проступкахъ же его приказано было распубликовать всенародно. Объ этомъ Правительствующій Сенатъ сообщилъ вѣдѣніемъ Святѣйшему Синоду 22-го ноября 1725 года. При величіи власти, какую имѣлъ архіепископъ Ѳеодосій въ дни своего фавора, удаленіе его отъ дѣлъ и ссылка въ отдаленную уединенную обитель, конечно, являлись карою нелегкою для за-

знавшагося малоросса, достигшаго высшаго положенія въ православной іерархіи. Но судьба Ѳеодосія ссылкой не кончилась. По удаленіи его изъ Петербурга, противъ него началось еще болѣе важное дѣло характера политическаго.

Въ 1724 году, Петръ обязалъ всѣхъ своихъ подданныхъ присягою въ вѣрно-подданствѣ своей особѣ. Архіепископъ Ѳеодосій въ текстѣ этой присяги, на-ряду съ именемъ его величества, внесъ собственное свое имя, обязывая, такимъ образомъ, присягать не только царю Петру; но и ему, архіепископу Ѳеодосію, какъ-бы равному верховной императорской власти. Въ присягу, изданную Петромъ, Ѳеодосій произвольно внесъ слѣдующее: «также и собственной моей власти, великому господину Святѣйшаго Правительствующаго Синода вице-президенту, преосвященному Ѳеодосію, архіепископу велико-новгородскому и великолуцкому и архимандриту александро-невскому, обязуюсь во всемъ, по должности моей, вѣренъ и весьма покоренъ быть и все до его архіерейской чести принадлежащее по послѣдней моей силѣ умножить и охранять, и всякіе его архіерейства собственные и домовые интересы соблюдать и остерегать и защищать, и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить и всякіе вреды отвращать всеприлежно потщуся, и повѣренной и приложенной на мнѣ чинъ, въ которой я указомъ его преосвященства опредѣленъ, какъ по приличномъ званію моему указомъ императорскаго величества и регламентомъ и прочимъ правамъ, такъ и по его, преосвященнаго архіепископа, опредѣленіямъ и инструкціямъ, каковы мнѣ вручены, или впредь даны будутъ, отъ которыхъ, что до моего званія и порученнаго мнѣ правленія надлежитъ, долженствую исправлять по совѣсти моей вѣрно и справедливо».

Эта излишняя и неумѣстная вставка въ текстѣ присяги, по ссылкѣ Ѳеодосія, сдѣлалась извѣстна Святѣйшему Синоду, и началось по этому поводу слѣдующее дѣло.

1726 года іюня 22-го дня, по словесному приказанію Святѣйшаго Синода, секретарь Михаилъ Дудинъ былъ посланъ въ Александро-Невскую лавру за подлиннымъ дѣломъ о вѣрноподданнической присягѣ намѣстника и братіи лавры по присланной архіепископомъ Ѳеодосіемъ формѣ; такъ какъ Синоду сдѣлалось извѣстнымъ, что Ѳеодосій въ текстъ этой присяги внесъ и свое собственное имя съ тою цѣлію, чтобы и ему присягали наравнѣ съ царемъ.

Представленное секретаремъ Дудинымъ дѣло, отобранное въ лаврѣ, вполнѣ подтвердило свѣдѣнія Святѣйшаго Синода о включеніи Ѳеодосіемъ своего имени въ текстъ присяги. По своей важности, дѣло это разсматривалось совмѣстно Святѣйшимъ Синодомъ съ Правительствующимъ Сенатомъ и на конференціи этихъ высшихъ государственныхъ

учрежденій было рѣшено: форму присяги, составленную Ѳеодосіемъ, представить ея величеству «понеже въ ней, по достодолжномъ императорскаго величества возношеніи, явились противные сверхъ указу, аки бы въ равной силѣ, о храненіи тайностей и онаго бывшаго архіерея Ѳеодосія прилагательства».

Дѣло считалось важнымъ и спѣшнымъ, и потому государыня, по докладѣ ей дѣла, 25-го іюня, указала: «Правительствующему Сенату обще съ Святѣйшимъ Синодомъ согласія, оныя присяги опровергнуть указами и публикаціями, и собравъ присяжные листы, сжечь ихъ публично».

25-го октября Святѣйшимъ Синодомъ распубликовано было объявленіе для всенароднаго извѣстія, въ которомъ говорилось, что «плутъ Ѳедосъ, отъ злоковарнаго своего воровства, учинилъ, для нѣкотораго своего злаго умысла, тяжкое преступленіе. А именно: въ бытность свою въ Москвѣ, въ прошломъ 1724 году, приказалъ сообщнику своему вору, бывшему въ келейной его конторѣ и при Святѣйшемъ Синодѣ секретарю Герасиму Семенову (который за злодѣйственныя свои вины, не въ давнемъ времени казненъ смертію), чтобъ оный написалъ форму присяги, какова по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества всенародно чинена. И къ тому бъ еще къ той же формѣ прибавилъ, чтобы и ему, плуту Ѳедосу, чинили присягу... И за такія вышеобъявленныя, онымъ злодѣемъ и воромъ Ѳедосомъ учиненныя, святымъ правиламъ и ея императорскому величеству и всѣмъ государственнымъ правамъ, зѣло важныя и малослыханныя противности, по указу ея императорскаго величества, и по правиламъ святымъ и по гражданскимъ законамъ, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода посланъ указъ къ холмогорскому епископу, и велѣно съ него, Ѳедоса, санъ архіерейства и чинъ іерейства снять, и быть ему простымъ старцемъ и никтобъ его отнынѣ за архіерея и іерея не признавалъ: а что въ вышеобъявленной формѣ и присягѣ къ лицу его, Ѳедоса, было написано, то выписавъ изъ той формы, предъ народомъ на публичномъ мѣстѣ сжечь».

Сторонники Екатерины, вѣроятно, еще побаивались опальнаго владыки и въ своихъ видахъ нашли болѣе цѣлесообразнымъ лишить его архіерейскаго сана, обезоружить духовно; «а дабы то было дѣйствительно исполнено, въ тотъ монастырь, гдѣ онъ нынѣ содержится, ѣхать преосвященному Варнавѣ, архіепископу холмогорскому и волжскому, со опредѣленною изъ оной тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланной на Холмогоры персоною обще, и чинить все съ общаго согласія. А по лишеніи онаго Ѳедоса архіерейскаго и іерейскаго сана, сказать того монастыря настоятелю и братіи указъ съ запискою и рукоприложеніемъ, дабы они отъ того времени признавали его, Ѳедоса, за простаго черница, и что при немъ архіерейскихъ одѣяній и прочаго обрѣтается

описавъ, а именно: мантіи архіерейскія, панагіи, посохи, и забравъ то все, съ оною описью прислать въ С.-Петербургъ въ Святѣйшій Синодъ».

Насколько великъ былъ страхъ къ Ѳеодосію въ его Новгородской епархіи, видно, между прочимъ, изъ того, что первый указъ о ссылкѣ Ѳеодосія нѣкоторыя должностныя лица не рѣшались объявлять; таковымъ былъ намѣстникъ Валдайскаго Иверскаго монастыря Филаретъ, коммиссаръ г. Валдая Буторинъ и выборные Василій Ивановъ и Никифоръ Федотовъ, они отговаривали жителей отъ слушанія царскаго указа о Ѳеодосіи; а попъ того же села Иванъ Ивановъ запретилъ своимъ прихожанамъ идти въ церковь въ то воскресенье, когда объявлялся указъ о Ѳеодосіи. Разумѣется, это уклоненіе отъ исполненія правительственной воли повлекло за собою доносы и разслѣдованія.

Приведемъ здѣсь, въ заключеніе, распоряженіе Святѣйшаго Синода о погребеніи Ѳеодосія, находящееся въ указѣ, посланномъ изъ Синода съ курьеромъ тайной канцеляріи, отъ 2-го марта 1726 года, Александро-Свирскаго и Кирилловскаго монастырей архимандритамъ, а по отлучности ихъ, настоятелямъ.

«По полученіи сего указа, какъ къ вамъ явится посланный изъ тайной канцеляріи курьеръ, которому повелѣно указомъ ея императорскаго величества исполнить, тогда тотчасъ же по оному указу во всемъ и учинить и поступить непремѣнно; а именно: гдѣ застанетъ привезенное тѣло Ѳедоса, бывшаго новгородскаго, то тотчасъ погребсти въ томъ монастырѣ, гдѣ выше упомянуто. И о томъ въ Синодъ отвѣтствовать немедленно съ симъ же посланнымъ курьеромъ, никого не отчужая».

Н. И. Соловьевъ.

*

Къ біографіи В. Н. Каразина.

Собственноручное прошеніе статскаго совѣтника Василія Каразина въ С.-Петербургскую цензуру.

29-го октября 1819 г.

Въ журналѣ, издаваемомъ въ Харьковѣ подъ названіемъ «Украинскій Вѣстникъ», именно въ 5 книжкѣ онаго 1818 г. на стр. 231—242 подъ заглавіемъ «Смѣсь», напечатанъ былъ присланный отъ меня временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями. Находясь нынѣ въ здѣшней столицѣ, желаю я издать сіе неважное сочиненіе особою книжечкою подъ заглавіемъ, съ предисловіемъ и съ примѣчаніями, которыя у сего здѣсь имѣю честь представить цензурѣ, вмѣстѣ съ экземпляромъ вышеупомянутой книжки «Украинскаго Вѣстника» и покорнѣйше испрашиваю на то разрѣшеніе.

Брошюра была напечатана подъ заглавіемъ «Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ» и вызвала замѣчаніе цензурному комитету.

Изъ писемъ И. И. Теребенева къ А. Х. Востокову.

Иванъ Ивановичъ Теребеневъ—извѣстный въ свое время скульпторъ и рисовальщикъ-каррикатуристъ (род. 1780 г. ум. 1815 г.). Окончивъ курсъ Академіи художествъ въ 1800 году, онъ былъ оставленъ при ней въ качествѣ пенсіонера. Такое оставленіе обыкновенно обѣщало въ будущемъ заграничное путешествіе на казенный счетъ для усовершенствованія въ искусствѣ и далѣе профессорское мѣсто въ Академіи. Но Теребеневъ—человѣкъ пылкій и легкомысленный, съ характеромъ „не терпящимъ принужденія"—не смогъ подчиниться правиламъ пенсіонерской жизни: онъ бросилъ Академію и рѣшилъ „идти своимъ путемъ неопытнаго, безпечнаго юноши", какъ говорится въ его некрологѣ [1]), „путемъ, который натурально не велъ ни къ храму славы, ни къ храму богатства". До 1805 года онъ прожилъ въ Петербургѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Тверь на мѣсто учителя рисовальнаго искусства въ гимназіи. Въ Твери онъ пробылъ около двухъ лѣтъ; эти годы были для него крайне тяжелы и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ; непосильный трудъ, дававшій ничтожный заработокъ, невозможность заниматься искусствомъ для самого себя, тоска въ разлукѣ съ близкими, вдали отъ центра русской интеллигентной жизни, въ глуши провинціи, среди людей, съ которымъ у него не было никакихъ общихъ интересовъ,—все это скоро заставило Теребенева всѣми силами души желать возвращенія въ Петербургъ; съ трудомъ добившись отставки, въ февралѣ 1807 года, онъ наконецъ вырвался въ Петербургъ. Здѣсь, при поддержкѣ въ работахъ со стороны товарищей, онъ снова предался любимымъ занятіямъ искусствомъ. Но и въ желанной столицѣ жизнь Теребенева, не обезпеченная казеннымъ жалованіемъ, была не легка; онъ рано, на 36-мъ году отъ рожденія, сошелъ въ могилу.

Теребеневъ былъ съ 1803 года членомъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ „по части художествъ". По порученію общества во время своей жизни въ Твери онъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, правда, съ малымъ успѣхомъ, какъ читатель увидитъ изъ его писемъ. Онъ вышелъ изъ общества въ 1811 году послѣ темной исторіи исклю-

[1]) „Сынъ Отечества". 1815. № 4.

ченія изъ числа членовъ В. В. Попугаева [1]), молодого, талантливаго поэта и, какъ говорятъ современники, честнѣйшаго человѣка.

Имя себѣ Теребеневъ составилъ почти исключительно, какъ рисовальщикъ-каррикатуристъ. „Избранная имъ часть—скульптура", гласитъ его некрологъ,—„была не та, къ которой онъ наибольшую чувствовалъ охоту и способность; онъ болѣе расположенъ былъ къ живописи"; „по нѣкоторымъ уваженіямъ приневоливъ себя идти въ скульптурный классъ" и сдѣлавшись „почти безъ всякаго прилежанія скульпторомъ превосходнымъ", онъ тѣмъ не менѣе занимался скульптурой безъ увлеченія (важнѣйшія его работы – барельефы на фронтонахъ зданія петербургскаго адмиралтейства и статуи на тріумфальныхъ воротахъ, поставленныхъ въ честь россійской гвардіи въ 1814 году). Но особенную славу доставили ему его каррикатуры на французовъ, рисованныя имъ въ теченіе отечественной войны. Обычай сближать русскія знаменитыя имена съ именами, прославленными на томъ же поприщѣ въ западной Европѣ, еще при жизни Теребенева, далъ ему въ честь знаменитаго англійскаго каррикатуриста XVIII вѣка имя „русскаго Гогарта". Теребеневскія каррикатуры, по словамъ А. Е. Измайлова [2]), были произведенія „остроумныя и единственныя у насъ въ своемъ родѣ", обѣщавшія, какъ казалось этому писателю въ 1815 году, дойти до будущихъ поколѣній „вмѣстѣ съ незабвенными происшествіями послѣдней войны съ Наполеономъ". И дѣйствительно, интересъ къ нимъ, сколько можно судить изъ одной газетной статьи Г. П. Данилевскаго [3]), не пропалъ и черезъ сорокъ лѣтъ; мало того, въ 1855 году появилось ихъ новое изданіе. Теперь, когда работы Теребенева отошли въ область исторіи и не имѣютъ отношенія къ текущей жизни, какъ это было и въ крымскую войну, выдающіяся достоинства ихъ оцѣнены изслѣдователями съ полнымъ безпристрастіемъ. Д. А. Ровинскій называетъ ихъ истинно-художественными, оригинальными; только въ немногихъ изъ нихъ, говоритъ онъ, „проглядываетъ нѣкоторое подражаніе французскимъ каррикатурамъ конца прошедшаго столѣтія", но за всѣмъ тѣмъ онѣ „и замысловатѣе и несравненно художественнѣе французскихъ" [4]).

---

[1]) О Василіи Васильевичѣ Попугаевѣ см. въ „Вѣсти" 1864 г. № 15—статью Греча „А. Х. Востоковъ"; см. также въ „Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ" (1804)—статью „Исторія общества" и въ „Журналѣ мин. нар. просвѣщенія" 1890. № 3 статью Е. В. Пѣтухова „Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности Востокова".

[2]) „Сынъ Отечества". 1815. № 5.

[3]) „С.-Петербургскія Вѣдомости". 1855. № 284. Здѣсь Данилевскій, между прочимъ, называетъ Теребенева „русскимъ самостоятельнымъ каррикатуристомъ", „не имѣвшимъ себѣ у насъ предшественниковъ и очень мало преемниковъ". Статья озаглавлена „Теребеневскія каррикатуры".

[4]) „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ" (Спб. 1889). с. 546. „Русскія народныя картинки" (Спб. 1881), кн. 4. с. 419—421. Въ послѣднемъ сочиненіи сообщается, что каррикатуры Теребенева выходили двумя изданіями—дорогимъ, которое продавалось по $1^1/_2$ и по 2 рубля за листъ (оно находило большой сбытъ среди высшаго общества), и болѣе простымъ, но тоже, сравнительно съ народными картинками, не дешевымъ. Въ томѣ 2-мъ того же труда Ровинскаго находится перечень каррикатуръ Теребенева (№№ 376–418), въ томѣ 4-мъ дополненіе къ нему. Въ изданіи сним-

Печатаемыя здѣсь письма [1]) Теребенева относятся къ тяжелому времени его жизни въ Твери въ 1806 году. Они адресованы А. Х. Востокову, знаменитому впослѣдствіи русскому филологу, академику Россійской академіи и потомъ Втораго отдѣленія Академіи наукъ, въ тѣ годы юному поэту, по службѣ—переводчику въ коммиссіи составленія законовъ. Дружба Теребенева съ Востоковымъ, начавшись на ученической скамьѣ Академіи художествъ, въ которой оба они получили образованіе, продолжалась до самой смерти Теребенева. Въ литературѣ свидѣтельствомъ этой дружбы является цитированный выше въ отрывкахъ прочувствованный, полный искренней скорби некрологъ пера Востокова; съ другой стороны дружеское расположеніе Востокова къ Теребеневу сказалось въ заботахъ о матеріальной поддержкѣ его осиротѣвшей семьи, сильно нуждавшейся въ помощи [2]). Востоковъ сочинилъ и эпитафію на могилу Теребенева, сохранившуюся на клочкѣ бумаги въ его рукописяхъ; въ ней онъ такъ характеризуетъ своего рано угасшаго друга:

На сей землѣ стезей печали, заблужденья
Всегда за истиной, всегда за благомъ текъ,
Теперь нашелъ ли ты ихъ радостны селенья,
Отецъ семейства, другъ и честный человѣкъ?

Эпитафія, вѣроятно, предназначалась къ помѣщенію на памятникѣ Теребенева; это видно изъ словъ, стоящихъ надъ стихотвореніемъ въ черновикѣ: „Здѣсь лежитъ тѣло художника Ивана Ивановича Теребенева, скончавшагося въ 1815-мъ году генваря 16 дня, 36-ти лѣтъ“.

Вс. Срезневскій.

ковъ съ народныхъ картинокъ помѣщено 16 каррикатуръ Теребенева болѣе простой раскраски.—Еще о каррикатурахъ Теребенева см. статью П. Н. Петрова „Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, отецъ русской бытовой живописи“ („Русская Старина“, 1878. т. 23); Петровъ отмѣчаетъ, что Теребеневскія каррикатуры превосходили каррикатуры Венеціанова, съ которымъ онъ вмѣстѣ работалъ, и „остротой вымысла“, и „характерностью рисунка“ (с. 276). Въ дополненіе къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ о Теребеневѣ см. замѣтку г. Божерянова („Русская Старина“, 1884, № 3) „И. И. Теребеневъ“; здѣсь перепечатанъ некрологъ Теребенева изъ „Сына Отечества“ и нѣсколько другихъ статей изъ старыхъ журналовъ.

[1]) Нѣкоторые отрывки изъ нихъ были помѣщены И. И. Срезневскимъ въ вводныхъ листахъ къ Перепискѣ А. Х. Востокова (Спб. 1873), с. XIII—XVI.

[2]) См. черновикъ письма Востокова къ неизвѣстному лицу съ просьбою ходатайствовать о помощи семьѣ Теребенева у графини Софьи Владиміровны Строгановой („Переписка Востокова“, стр. XVI). Дочь Теребенева, по словамъ Греча („Сынъ Отечества“ 1820. ч. 64. с. 334), была помѣщена на счетъ графини въ учебное заведеніе; благодаря тому же лицу, получила мѣсто и вдова его Марья Григорьевна Теребенева.

1.

Іюня 4-го дня 1806 г.

Милостивый государь мой Александръ Христофоровичъ! Не знаю, простишь ли ты меня или нѣтъ, что я, пребывая болѣе года въ Твери, не могъ подать о себѣ никакого извѣстія, равно не освѣдомиться о твоемъ здоровьи и не засвидѣтельствовать должнаго почтенія? — Суди и думай, какъ хочешь, но я такъ много занятъ, что совсѣмъ не имѣю способнаго времени. Словомъ, какъ нищій, который, вставъ вмѣстѣ съ солнцемъ, является подъ окномъ какого-нибудь дому и жалостнымъ тономъ выманиваетъ себѣ подаяніе, такъ и я преподаваемыми уроками ищу пропитанія. Вотъ причина моего молчанія. И такъ, избравши удобное время, сѣлъ и пишу къ тебѣ, но съ тѣмъ, чтобъ и ты не забылъ меня также, потому что я тебя очень, очень люблю; часто вспоминаю, какъ съ тобою и съ милымъ Ивановымъ [1]), къ которому я также чувствую какую-то привязанность, проводили время въ удовольствіи,— а теперь! правда, я имѣю друга, но только одного, желалось бы мнѣ имѣть болѣе, хотѣлось бы мнѣ быть между вами: тогда я уже совершенно щастливъ.—Дай Богъ, дай Богъ, чтобы скорѣе притекли тѣ блаженныя минуты, кои питаю себя надеждою провести съ вами,—давно уже есть мое намѣреніе быть въ Петербургѣ; въ Твери жить такъ скучно, что я ни въ чемъ не нахожу ни пользы, ни удовольствія; кстати вспомнивъ, прошу у тебя совѣта, какъ отвѣчать обществу [2]), которое возложило на меня объ отысканіяхъ рѣдкостей, къ отечественной исторіи относящихся, но, Богъ свидѣтель, что здѣсь—никакихъ не находится; думаю, тебѣ покажется это странно, судя по древности и достопямятнымъ приключеніямъ сего города, и сочтешь невозможнымъ; но крайней мѣрѣ я думалъ такъ же, но по всемъ моемъ изслѣдованіи, сколько я ни старался освѣдомляться, какъ въ казенныхъ, такъ и партикулярныхъ библіотекахъ, архивахъ и проч. и проч., но тщетно; желалъ узнать причину и вездѣ слышалъ, что частые набѣги и раззоренія отъ татаръ и поляковъ на сей городъ, такъ же и сильные пожары, а особливо послѣдній, отъ котораго вся Тверь превращена была въ пепелъ, служатъ тому вѣрнѣйшимъ доказательствомъ. Желалъ бы я тебя хотя увѣдомить о древнихъ князей тверскихъ надгробіяхъ, но къ сожалѣнію нашему время не со-

---

[1]) Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ, архитекторъ, перспективный живописецъ, рисовальщикъ и граверъ (р. 1779 † 1848); см. о немъ въ „Словарѣ русскихъ художниковъ“ Н. Собко, т. 2, в. 1. Ивановъ—товарищъ Востокова и Теребенева по Академіи художествъ, гдѣ онъ воспитывался съ 1789 по 1798 годъ.

[2]) Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.

хранило для насъ ни малѣйшаго слѣда; статься можетъ, что они и существуютъ, но кто знаетъ имъ мѣсто?

2.

Іюля 9-го дня 1806 г.

Любезный другъ Александръ Христофоровичъ! Къ сожалѣнію могу сказать, что письмо твое получилъ я не отъ Дмитрія Ивановича [1]); онъ, проѣзжая Тверь уже ночью, передалъ его мимоходомъ черезъ человѣка одного нѣмецкаго трактира, который мнѣ и вручилъ въ слѣдующій 1-го іюля день по утру. Признаюся, я читавши его, плакалъ отъ радости, что ты меня такъ любишь, и чувствительно благодарю тебя за твой подарокъ [2]), равно и за полезные твои совѣты; философія, въ теперешнемъ моемъ состояніи, очень нужна: Идиллія твоя Клеантъ и Делія [3]) мнѣ очень понравилась, также лирическія и другія твои сочиненія, кои въ свободные часы служатъ мнѣ величайшимъ удовольствіемъ; я пробѣгаю ихъ каждое утро и вечеръ—но, когда встрѣчается мнѣ твоя пьеса Тлѣнность [4]), тогда я сильно чувствую потерю моего батюшки; такъ, онъ любилъ меня, любилъ и воспиталъ при всей своей бѣдности, не жалѣя, словомъ сказать, ничего, дѣлился послѣднимъ со мною. Ахъ! и когда я воображу, что его не стало, тогда я предаюсь невольно слезамъ моимъ, плачу неутѣшно. Сія рана глубоко врѣзалась въ мое сердце и не изгладится во вѣки. Вѣсть о смерти его дошла до меня нѣсколько прежде, еще до твоего увѣдомленія и нанесла мнѣ ударъ; признаюсь, я не могъ пролить ни одной капли слезъ, ибо былъ въ совершенномъ изступленіи, но по истеченіи сего времени, слезы полились рѣкою изъ очей моихъ и облегчили нѣсколько стѣсненное сердце мое; философія на сей случай была совершенно мною отринута, и я, сокрушаясь, плакалъ, какъ дитя; впрочемъ, сердечно благодарю тебя о участіи въ горести моей; да наградитъ тебя Богъ всѣмъ тѣмъ, что ты себѣ полезнаго желаешь. Что же принадлежитъ о разнесшемся слухѣ, тайной моей женитьбѣ, совсѣмъ несправедливъ; въ доказательство могу тебѣ примолвить, что моя матушка и покойный мой батюшка насъ благосло-

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Языковъ, впослѣдствіи членъ Россійской академіи и Второго отдѣленія Академіи наукъ (р. 1773 г., ум. 1845); въ 1806 г. занималъ должность экспедитора при главномъ управленіи училищъ.

[2]) Сборникъ стихотвореній Востокова. „Опыты лирическіе“. спб. 1805—1806.

[3]) „Эпиталамъ Клеанту и Деліи“, стихотвореніе Востокова; оно еще не было тогда напечатано и, можно думать, только что передъ тѣмъ было сочинено по случаю свадьбы Иванова (въ апрѣлѣ 1806 г.).

[4]) Стихотвореніе „Тлѣнность“ оплакиваетъ кончину безвременно умершаго А. Д. Фуфаева, юнаго товарища Востокова и Теребенева († 1800 г.). Напечатано въ „Опытахъ лирическихъ“, т. I. 16—25.

вили и были на нашей свадьбѣ. Но полно, отремъ слезы, я и такъ много крушился; что дѣлать! Когда оно уже совершилось и не возвратно, то должно вооружиться терпѣніемъ, въ противномъ случаѣ принеспособлю (sic) себя къ необходимости дѣла: такъ долгъ гласитъ природы, долгъ общежитія, долгъ хозяйственной жизни.

Я писалъ къ тебѣ, что занятъ много уроками, но забылъ тебя увѣдомить, что плата за нихъ очень умѣренная. За каждый приходъ мой едва-ли могу достать по 1 руб., т. е. за часъ 50 коп.; здѣсь жители вообще, не исключая и господъ, живутъ очень скудно, а особливо въ сравненіи съ Петербургомъ, и къ несчастію могу сказать, что таланты здѣсь совсѣмъ не въ уваженіи; великіе геніи шатаются по міру, большая часть людей капиталъ свой погребаютъ въ сундукахъ; люди же поторопатѣе стараются убить скорѣе деньги на картахъ, нежели употребить ихъ на пользу просвѣщенія дѣтей своихъ. Ты еще спрашиваешь меня, что упражняюсь ли я въ стихотворствѣ; признаться должно, съ начала моего пріѣзда я упражнялся и находилъ въ немъ несказанное утѣшеніе, но что жъ? Ни одной пьесы не въ силахъ былъ порядкомъ окончить, и ни одною не могъ быть доволенъ, все мнѣ казалось неловко, все не такъ, какъ должно; просто, мнѣ очень нужно было твоего совѣта, но ты далеко былъ отъ меня, развѣ письмами, но какъ я могъ на то пуститься, когда неизвѣстно было мнѣ твоего мѣсто пребыванія; и такъ, къ стыду скажу моему, будучи занятъ, разсѣянъ, развлеченъ, совсѣмъ было бросилъ; однако не печалься, другъ мой, я теперь жарко принялся за поэзію. О упражненіи моемъ въ скульптурѣ меня ежечасно безпокоитъ, и я боюсь ее забыть совершенно, что и очень не мудрено отъ неупражненія случиться можетъ. Посуди самъ: во-первыхъ извѣстно, что къ принадлежащему мнѣ художеству нужны орудія и пособія, но гдѣ я найду ихъ? Глины здѣсь совсѣмъ нѣтъ; правда, Москва за 100 съ небольшимъ верстъ отсюда, но привозъ станетъ дороже матеріала, къ тому же надобенъ и случай; во-вторыхъ: модель моя безъ формы, какъ скрипка безъ струнъ, совсѣмъ не дѣйствительна, ибо засохнувъ развалится, формовать же я не мастеръ, а формовщиковъ въ Твери и не заживалось. Вотъ что меня весьма трогаетъ и даже понуждаетъ просить отставку, и что единая причина жалобы моей на скуку, меня снѣдающую, въ чемъ ни жена и ни философія пособить мнѣ не въ состояніи, на что и остается мнѣ послѣдняя отрада, просить твоего совѣта.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ полученіемъ государской милости [1]); желаю тебѣ отъ чистаго моего сердца получать болѣе и

---

[1]) Востоковъ получилъ отъ государя брилліантовый перстень за поднесенный экземпляръ „Опытовъ лирическихъ“.

болѣе, а, что еще важнѣе, знакомство съ Державинымъ и Дмитріевымъ употребить въ пользу, равно и выручениемъ экземпляровъ твоего сочиненія и нажить себѣ ими, по крайней мѣрѣ, умѣренный капиталецъ (теперь разсмѣйся на минуту); ежели бъ я имѣлъ большія деньги, то я бы забралъ всѣ себѣ экземпляры твоей книги, дабы была причина деньгами подѣлиться съ тобою.

Ты отгадалъ, что я прочелъ въ газетахъ о квартирѣ твоей, угадалъ и то, что я подразумѣвалъ въ письмѣ моемъ друга, жену мою; правда, я нѣсколько оплошалъ, что не писалъ ничего объ ней; но будь увѣренъ, это не отъ чего другаго произошло, что развѣ забылъ. А что же принадлежитъ до нея, безпристрастно сказать могу, я ею совершенно счастливъ! Она собою изрядна, хотя ростъ ея нѣсколько малъ (какая жъ нужда до того), добра, короче сказать, очень любезна, и, что еще при всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ души, имѣетъ неоцѣненный и божественный даръ— чувствительность, безъ чего всякая женщина мертва; мы оба взаимно любимы, у насъ однѣ мысли, одни намѣренія. Когда я печаленъ, она меня утѣшаетъ; но, ахъ! при всемъ томъ я все еще бѣденъ, потому что при себѣ имѣю только одного друга. Женитьба моя едва-ли не сходна была съ И. А. Ивановымъ; развѣ нѣсколько еще моя побѣднѣе, а тѣмъ для меня пріятнѣе и милѣе (не осуди, право, не думавши и по скорости пришлось въ риему), ибо я также выбиралъ не деньги, а жену, не тѣлесныя, а душевныя качества; приданное ея состояло, по совѣсти, въ одномъ баулѣ, нѣсколькихъ паръ платья и бѣлья, да и все тутъ; чего жъ больше? Я, благодаря Бога, очень доволенъ и считаю выборъ мой удачнѣе многихъ женатыхъ...

Я было и позабылъ; ради Бога прости мнѣ, что я не удовлетворилъ твою просьбу, т. е. не послалъ по первой почтѣ къ вамъ письма; Богъ свидѣтель, что мнѣ не было на то удобнаго времени; у насъ шли разныя пріуготовленія къ экзамену; и лишь только что на сихъ (дняхъ) окончено. Слава Богу, одна, дворянскаго училища гора, съ моего плеча свалилась, а другая, гимназическая, все еще лежитъ на другомъ плечѣ; авось съ Божіею помощію и та свалится благополучно...

3.

[конецъ сентября или начало октября 1806 года].

Любезный другъ мой Александръ Христофоровичъ! Я передъ тобою очень виноватъ, что заставилъ тебя такъ долго дожидать отъ меня письма; не сочти причиною лѣнь мою или подобнымъ тому; по истинѣ недосуги, какъ по должности моей, равно и по домашнимъ обстоятельствамъ. На-дняхъ посѣтилъ гимназію ревизоръ

нашего Московскаго университета профессоръ г. Панкевичъ [1]); прожившн у насъ безъ малаго двѣ недѣли, дѣлалъ экзаменъ самый подробный, при коемъ всѣ учители нашей гимназіи должны были присутствовать съ утра до вечера; это разъ; другое же, такъ какъ время становится часъ отъ часу холоднѣе, то хозяйство и понудило насъ запастись для продовольствованія себя на зиму зеленью и разными потребностями... Признаться тебѣ должно, что это у меня времена очень много отняло; теперь уже научился я, что значитъ бережливость или хозяйство и какъ должно онымъ владѣть...

Я тебѣ еще не писалъ, что я сдѣлалъ 10 эскизовъ, а именно Муція Сцеволу, влюбленнаго Пигмаліона въ свою статую, три пейзажа и изъ сочиненій г. Карамзина въ національномъ костюмѣ Наталью боярскую дочь и Бѣдную Лизу, и свинцовымъ карандашемъ на пергаментѣ для здѣшняго вице-губернатора А. И. Арсеньева Добродѣтельную римлянку, и для оригиналовъ гимназистамъ изъ сочиненій г. Вольтера изъ Сельскихъ ночей взятую «Начало происхожденія художествъ», т. е. пастухъ при дневномъ свѣтѣ очерчиваетъ профиль своей любезной пастушки на корѣ дерева, и несчастную Сафо, бросающуюся со скалы въ море, одною тушью; прочія же вышесказанныя соковыми красками; правда, я не совсѣмъ за свое дѣло взялся, что жъ дѣлать? мнѣ тошно безъ упражненія.

Благодарю тебя чувствительно за твое совѣтываніе оставить Тверь; сія мысль такъ вкоренилась во мнѣ, что я развѣ по самой необходимости оную нарушу; жаль только, что теперь отставку просить нельзя, ибо у насъ по уставу положено подавать просьбы не ранѣе какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; не смотря на это, попробую, попытаю вырваться пораньше. Я еще задумалъ нѣчто: мнѣ въ голову пришло нарисовать карандашемъ на пергаментѣ какой-нибудь сюжетъ изъ россійской исторіи и поднести, ежели можно будетъ, чрезъ наше общество или черезъ М. Н. Муравьева [2]) государю. Хотя пѣсня эта и долгонька, однако съ Божіею помощью авось либо сдѣлаемъ; дѣло только въ томъ состоитъ, что, какъ у насъ въ Твери нѣтъ пергаментщиковъ, то я и увѣренъ, что ты и возьмешься купить въ вашей столицѣ, въ чемъ и прошу тебя сперва освѣдомиться о цѣнѣ величиною въ 1 аршинъ или болѣе квадрату, только лишь не менѣе; тебѣ извѣстенъ, думаю, родъ этой небѣ-

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, профессоръ прикладной математики († 1812 г.); осматривалъ Тверскую гимназію, какъ членъ училищнаго комитета и визитаторъ.

[2]) Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (р. 1757 † 1807)—товарищъ министра народнаго просвѣщенія, попечитель Московскаго университета, сенаторъ, извѣстный въ свое время писатель.

ленной и лакированной кожи; лучшій оныхъ сортъ бываетъ такъ бѣлъ и гладокъ, что не видать на немъ ни единой цапинки; и такъ, по взятіи на себя онаго труда, увѣдомь меня, если можно въ будущемъ письмѣ, на что я и пошлю деньги. Я сердечно буду радъ, ежели ты, другъ мой, взялъ бы на себя коммиссію задать мнѣ программу, или просить отъ меня наше общество, но дабы подойти ближе подъ мой характеръ, то прошу задать оныхъ два или три, чтобы мнѣ изъ нихъ выбрать удобнѣе было. Впрочемъ, ты мнѣ посовѣтуешь, я увѣренъ, лучше.

Я читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» стихи твоего сочиненія, помѣщенные въ означеніи о выпускѣ учениковъ Академіи художествъ [1]). Продолжай, любезный другъ мой, обогащать нашу литературу и честь дѣлать нашей академіи; я всегда восхищаюсь отъ радости, читая встрѣчающееся мнѣ твое сочиненіе...

4.

[Октябрь 1806 г.[2]]

Любезный другъ Александръ Христофоровичъ!.. По старанію здѣшняго учителя Сухарева видѣлъ я печать у купца Романова, которая какъ по работѣ, такъ и по изображенію стоитъ нѣкотораго вниманія. Мое объ ней мнѣніе, что она должна быть не частнаго человѣка, а общественная, по «Великій Новгородъ»; предъ сидящимъ представленные два человѣчка не означаютъ ли приношеніе дани или покорности мощному въ свое время Новугороду? Самая рѣзьба ручается за ея древность; впрочемъ, по неозначенію года нельзя подробнаго и смѣлаго сдѣлать о ней изъясненія. Я надѣюсь чрезъ Сухарева ее выпросить, могъ бы отослать въ общество, но предварительно прошу твоего совѣта, стоитъ ли она вниманія онаго. При томъ, ежели ты потрудишься сличить съ подобными, можешь, конечно, надежнѣе изъяснить ея означеніе; лучше бы было, кабы общество до своего времени объ этомъ не знало; ибо я, соображась съ твоимъ отвѣтомъ, въ случаѣ надобности, могу представить оную ему чрезъ секретаря, какъ требуетъ сего порядокъ, дабы чрезъ нарушеніе его не было со стороны Д. И. Языкова хотя маленькаго неудовольствія. На все сіе прилагая при семъ слѣпокъ, ожидаю мнѣнія твоего и отвѣта.

Теперь еще новость: я писалъ уже письмо къ М. Н. Муравьеву объ увольненіи меня отъ должности; думаю, скоропостижное мое намѣреніе

---

[1]) Гимнъ „Озари святая радость“. Напечатанъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, 1806, № 76 (22-го сентября); въ собраніяхъ сочиненій Востокова не помѣщался.

[2]) Письмо получено Востоковымъ 22-го октября.

не покажется ли тебѣ нѣсколько страннымъ; причины, которыя меня побудили на оное рѣшиться, и о которыхъ намѣренъ я увѣдомить тебя не ранѣе, какъ уже съ тобою свидѣвшись, весьма не маловажныя. И такъ, уважитъ ли онъ мою просьбу или нѣтъ, но я уже здѣсь не останусь; при чемъ еще я писалъ къ Николаю Назарьевичу Муравьеву [1]) весьма подробное письмо обо всѣхъ невыгодахъ моихъ, какъ-то: о неупражненіи въ скульптурѣ, объ овдовѣвшей недавно моей матушкѣ, которая осталась безъ всякаго почти пропитанія, о коей я по нравственному закону имѣть долженъ попеченіе; также и о болѣзни моей ногами; но ежели при всемъ этомъ меня здѣсь морить будутъ отложеніемъ мнѣ увольненія, то я надѣюсь на тебя, друга моего, постараться обо мнѣ просить Д. И. Языкова, дабы онъ исходатайствовалъ у Николая Назарьевича Муравьева мнѣ скорой отставки, ибо я уже вышелъ изъ терпѣнія. При семъ рекомендую тебѣ тверскаго уѣзднаго училища учителя Михаила Григорьевича Сухарева; онъ мнѣ отмѣнный пріятель, человѣкъ съ хорошими познаніями и, что еще лучше, имѣетъ добрую душу. Цѣль моя помѣстить его (на мое мѣсто) рисовальнымъ учителемъ гимназіи; до моего еще опредѣленія онъ исправлялъ сію должность около года, представленъ былъ директоромъ и одобренъ комитетомъ Московскаго университета; въ скорости онъ занемогъ горячкою; пріѣзжаетъ къ нему его мать, занемогаетъ и—умираетъ; онъ еще не совсѣмъ поправился въ здоровьѣ, семейныя обстоятельства понуждаютъ его ѣхать въ отдаленную губернію для поправленія хоть нѣсколько дѣлъ его и, наконецъ, возвращаясь, онъ получаетъ извѣстіе, что уже мѣсто его занято мною: новая рана для его сердца. И такъ онъ несчастливъ, при томъ черезъ меня; но если бы зналъ я исторію его до пріѣзда моего сюда, то я бы согласился лучше потерять мѣсто, нежели сдѣлать человѣка несчастнымъ. И такъ, надѣясь на тебя, увѣренъ я, что будешь имѣть совокупное со мною стараніе о помѣщеніи его на мое мѣсто...

5.

[Ноябрь 1806 года].

Любезный другъ Александръ Христофоровичъ! Письмо твое получено мною; благодарю тебя, другъ мой, искренно, что не умедлилъ сообщить мнѣ свое мнѣніе о стародѣльной печати. Я, усердствуя показать мою услугу обществу, по полученіи твоего письма, тотчасъ бросился къ Михайлѣ Григ. Сухареву; а имѣя въ немъ коротко и безъ затѣй распо-

[1]) Н. Н. Муравьевъ—писатель-археологъ (р. 1775 † 1845); въ годы, обнимаемые письмами, служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія экспедиторомъ.

ложеннаго ко мнѣ человѣка, не много надобилось реторики его убѣдить; оставалась сила и весь толкъ въ купцѣ Романовѣ, а какъ тотъ давно съ симъ знакомъ, то я и могъ ожидать успѣха въ нашемъ посольствѣ;— былъ тамъ, наконецъ, пришелъ и принесъ, говоря, что предлагалъ сперва попросту вопросъ о цѣнѣ, но Романовъ, усмѣхнувшись, сказалъ, что ежели-де обществу нужна сія печать, такъ возьмите, а торговать такимъ товаромъ мнѣ не выгодно, котораго нельзя безъ нечаянной случайности купить; частному же человѣку я никогда бы не согласился ни подарить, ни продать. Разсказывая такимъ образомъ, Михайло Григорьевичъ просилъ меня исходатайствовать черезъ тебя у общества какихъ-нибудь въ двухъ, трехъ строкахъ отъ имени общества благодарность тверскому купцу Степану Ѳедоровичу Романову за безкорыстный подарокъ; сіе обяжетъ его и на будущее время оказывать обществу свои при случаѣ услуги и будетъ плата за его пожертвованіе. Это и кончено. Печать же и письмо посылаю чрезъ секретаря нашего общества В. В. Попугаева и прилагаю при семъ для врученія ему, такъ какъ я не знаю мѣстопребываніе его.

Теперь увѣдомляю тебя, что Михайло Никитичъ прислалъ къ директору нашей гимназіи письмо, что онъ на увольненіе мое согласенъ, только надобно подать просьбу надлежащимъ чередомъ, что мною прошлаго 28-го октября и сдѣлано. Я надѣюсь, что получу мною давно желаемое, однако же прошу тебя, любезный другъ, исходатайствовать у Мих. Никит. Муравьева черезъ В. В. Попугаева увольненія поскорѣе, ибо университетъ навѣрное будетъ тянуть оное долго; но болѣе прошу тебя, нельзя ли сдѣлать будетъ большаго одолженія исходатайствованіемъ моей должности прежде исправлявшему оную около года предо мною Мих. Григ. Сухареву...

6.

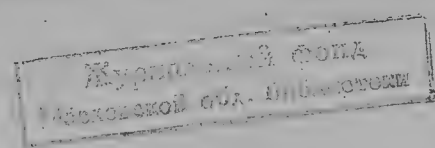
1806 г. декабря 6-го дня.

Любезный другъ мой Александръ Христофоровичъ! Весьма долгое твое молчаніе заставляетъ меня опасаться о твоемъ здоровьѣ; и такъ, изъ любви ко мнѣ, выведи меня изъ сомнѣнія, напиши хоть двѣ или три строки, соображаясь силамъ твоимъ, чѣмъ несказанно меня обрадуешь; увѣдомь, получили ли вы старинную Новогородскую печать, давно уже мною къ вамъ посланную? Что сказало объ ней наше общество и довольно ли оно?

А я тебѣ съ моей стороны скажу кое-что новенькое: я получилъ полную отставку, и только дожидаюсь изъ университета себѣ аттестата.

На мое уже мѣсто опредѣленъ какой-то Ѳедоровъ [1]), выпущенный изъ нашей Академіи, но я его не помню. Ты вообразить себѣ не можешь, другъ мой, какъ я радъ! Когда представлю себѣ живо, что скоро буду я въ вашихъ неоцѣненныхъ, друзья мои, объятіяхъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ ты меня уже увидишь. Я догадываюсь, кого мнѣ должно будетъ благодарить за скорое снабженіе меня отставкою.

Еще, ежели тебѣ можно, увѣдомляй насъ о нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ; въ газетахъ мало пишутъ правды, а у насъ въ Твери толкуютъ разныя враки, что уши пухнутъ, слушая. Черезъ нашъ городъ провезли недавно бывшаго коллежскаго ассессора Степанова въ цѣпяхъ заклепаннаго и сосланнаго на каторгу въ Нерчинскъ [2]). Какой стыдъ! Онъ питомецъ и ученикъ нашего дворянскаго училища, гдѣ я имѣю должность воспитателя. Сколько милостивъ государь нашъ!!! Тебѣ, думаю, извѣстно, сколь онъ любилъ и щедръ былъ для варвара сего и продавца отечества; и такъ онъ отогрѣвалъ змѣю лютѣйшую... но забудемъ о немъ, онъ недостоинъ сожалѣнія.


Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

[1]) Сергѣй Ѳедоровъ, окончившій академію художествъ въ 1803 г.; художникъ портретной живописи.

[2]) Степановъ подвергся ссылкѣ на каторгу за передачу еврею Мейровичу важныхъ документовъ для снятія съ нихъ копій. См. С. В. Максимовъ: „Сибирь и каторга“ (1900), с. 379.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

различныхъ изданіяхъ и въ настоящее время очень кстати появились отдѣльною книгою.

Н. К-ш-ъ.

Общедоступная Богословская Библіотека. Выпускъ пятый. Православная Богословская Энциклопедія или Богословскій Энциклопедическій словарь. Изданіе подъ редакціей профессора А. П. Лопухина. Томъ I. А—Архелая. Съ иллюстраціями и картами. Петроградъ. Приложеніе къ духовному журналу „Странникъ" за 1900 г.

Въ то время какъ у духовенства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ давно уже имѣется подъ руками много всевозможныхъ пособій и руководствъ, дающихъ возможность быстро освоиваться со всякимъ богословскимъ и философскимъ вопросомъ, у насъ доселѣ еще не появлялось ни одного „Богословскаго словаря"—не только такого, который заслуживалъ бы этого названія, но даже и вообще никакого. Были лишь попытки изданія Библейскаго словаря, но этого рода словари, какъ обнимающіе лишь одну спеціально библейскую область знанія, по этому самому не составляютъ Богословской Энциклопедіи, долженствующей обнять всю область богословскаго знанія, въ которую библейскіе предметы входятъ лишь какъ часть, и потому потребность собственно въ Энциклопедическомъ Богословскомъ словарѣ не только доселѣ не удовлетворена, но не дѣлалось даже и попытокъ къ ея удовлетворенію.

Желая по возможности пополнить этотъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей богословской литературѣ, проф. А. П. Лопухинъ и предпринялъ изданіе подъ упомянутымъ выше заглавіемъ, заручившись согласіемъ на участіе въ немъ болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ-богослововъ.

Изданіе это имѣетъ въ виду не только однихъ ученыхъ спеціалистовъ, а широкій кругъ читателей, преимущественно наше духовенство и его потребность въ обстоятельной справочной книгѣ по всѣмъ богословскимъ вопросамъ.

Судя по разсматриваемому нами I тому „Православной Богословской Энциклопедіи", редакція не щадила ни труда, ни расходовъ на то, чтобы сдѣлать изданіе вполнѣ соотвѣтствующимъ умственнымъ и практическимъ потребностямъ общества, особенно же нашего православнорусскаго духовенства. Особенное вниманіе обращено на разработку вопросовъ по христіанской апологетикѣ и обличенію раскола (очень обстоятельно написана статья П. С. Смирновымъ: Аввакумъ, протопопъ гор. Юрьевца-Поволжскаго) и ересей, чтобы дать въ руки пастырей готовый матеріалъ къ защитѣ истинъ религіи и православія противъ нападенія на нихъ со стороны невѣрія и лжеученія всякаго рода; въ церковно-практическомъ интересѣ весьма обстоятельно излагаются вопросы литургическіе, а также дается полный словарь всѣхъ святыхъ православной церкви съ необходимыми свѣдѣніями изъ ихъ жизни и дѣятельности; для удовлетворенія ближайшихъ практическихъ потребностей духовенства особенно подробно излагается исторія епархій, иллюстрируемая при томъ большими подробными картами (напр. карта Архангельской губ., Абессиніи) и изображеніемъ главнѣйшихъ учрежденій, какъ каѳедральные соборы, духовныя семинаріи и пр., съ портретами епархіальныхъ архипастырей.

Симпатичную особенность языка, въ общемъ сжатаго и яснаго,—въ разсматриваемой нами книгѣ составляетъ отсутствіе иностранныхъ словъ и терминовъ и замѣна ихъ чисто-русскими словами, когда представляется возможность безъ ущерба къ точному пониманію даннаго термина или слова.

Безъ сомнѣнія, эта Энциклопедія сдѣлается настольною книгою у нашего духовенства, и нельзя не пожелать, чтобы редакціи удалось довести это полезное и интересное изданіе до конца.

Н. К-ш-ъ.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900 г.

Въ этой небольшой по объему книгѣ г. Фаресовъ живымъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ описываетъ пребываніе свое въ одиночномъ заключеніи. Не безъ интереса и пользы прочтутъ ее и спеціалисты по тюрьмовѣдѣнію. Нѣкоторыя статьи были предварительно напечатаны въ „Русской Старинѣ".

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостпный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.